

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ журнал

NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL № 1 (33) 2019

ISSN 2079-6617 (print) ISSN 2309-9828 (online)

Знание языков способствует развитию гибкости мышления, внимания и более четкому пониманию разницы диалога культур

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№1 (33) 2019
NAIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL
2019, no. 1

УЧРЕДИТЕЛЬ / ИЗДАТЕЛЬ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
Факультет психологии
www.psy.msu.ru
Издается при поддержке
Общероссийской общественной организации
«Российское психологическое общество» (<http://рпо.рф>)

Главный редактор

Ю.П. Зинченко

Заместитель главного редактора

О.А. Карбанова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели

Ю.П. Зинченко, Л.А. Цветкова

Члены совета

М. Абалакина-Паап (США), В.М. Аллахвердов, А. Ардила (США), А.Г. Асмолов, Н.А. Батулин, Д.Б. Богоявленская, Б.М. Величковский (Германия), В.Ф. Воскобоев, Э.В. Галажинский, Е.Ф. Гутырчик (Германия), И.В. Дубровина, С.Н. Ениколопов, П.Н. Ермаков, А.Л. Журавлев, А.Г. Караяни, А.В. Карлов, Б. Котик-Фридгут (Израиль), Е.Е. Кравцова, А.С. Курский, А.Б. Леонова, С.Ю. Малков, С.А. Маничев, М.И. Марьян, А.И. Овсяник, В.Ф. Петренко, П.И. Падерно, О.В. Раевская, М. Роселли (США), В.В. Рубцов, В.С. Собкин, А.А. Стрельцов, Е.В. Субботский (Великобритания), А.Г. Тоневицкий, Я. Хаутамяки (Финляндия), А.В. Шаболтас, Ю.С. Шойгу, А.В. Юревич

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Т.В. Ахутина, Н.К. Бакланова, Н.Б. Березанская, Б.С. Братусь, И.А. Володарская, А.Н. Гусев, М.С. Егорова, В.А. Иванников, В.И. Ильченко, О.А. Карбанова, М.Ш. Магомед-Эминов, О.Г. Носкова, А.И. Подольский, В.М. Полонский, Н.С. Пряжников, И.А. Самоненко, С.Д. Смирнов, Т.Г. Стефаненко, Н.Ф. Талызина, О.А. Тихомадрицкая, А.Ш. Тхостов, А.М. Черноризов

РЕДАКЦИЯ

Выпускающий редактор номера

О.А. Карбанова

Ответственный редактор

О.В. Решетникова

Над номером работали

Л.Г. Бардонова, М.С. Белоховская, И.В. Еремина,
Е.В. Зайцева, М.Ю. Цветков

Перевод

Е.В. Темнова

Интернет-версия

С.А. Козловский

Дизайн обложки

М.А. Коршунов, Л.Ю. Галушкина

Фото на обложке:

Мастер-класс по книге профессора Н.К. Гарбовского в Центре русского языка и культуры «Антошка» для детей-билингвов на юбилее международного литературно-творческого проекта Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова «Дети-переводчики».
(Испания. Каталония, город Лерида, 19.02.2019)

В номере использованы фотоматериалы

О.В. Решетниковой и др.

Медиа-менеджер проекта

М.С. Белоховская

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-29062.

Свидетельства о перерегистрации СМИ: ПИ № ФС77-54510;

Эл ПИ №ФС77-54583; Эл №ФС77-54510 .

ISSN 2079-6617 (Print)

ISSN 2309-9828 (Online)

Год основания: 2006

Президент Российской академии образования Ю.П. Зинченко принял участие в заседании оргкомитета XVI Всероссийского конкурса молодежных проектов в сфере образования на платформе «Россия – страна возможностей».

Источник: <http://www.moyastrana.ru/greetings/>.

... Шестнадцать лет проект «Моя страна – Моя Россия» вовлекает в свою орбиту ярких, неординарных, талантливых и неравнодушных молодых людей, нацеленных на развитие и совершенствование нашей жизни.

Конкурс проводится с целью: привлечения молодежи к участию в социально-экономическом продвижении регионов, поддержки проектов и инициатив, направленных на совершенствование системы управления реального сектора экономики, социальной и научно-педагогической сфер; содействия развитию социальных лифтов, создающих возможности для личностной и профессиональной самореализации молодых граждан в различных сферах деятельности.

Перед российским образованием стоят серьезные вызовы – начиная от внедрения цифровых технологий в обучение и развитие, заканчивая изменением форм и задач образования. Без участия молодого поколения мы невозможно осуществить прорывное развитие российского образования и вывести его в число ведущих в мире.

Российская академия образования присоединилась к новому старту проекта и курирует несколько образовательных номинаций. Впереди много работы, интересных проектов и важных открытий. Без сомнения, участники и финалисты Всероссийского конкурса молодежных авторских проектов и проектов в сфере образования, направленных на социально-экономическое развитие российских территорий «Моя страна – моя Россия» окажутся в числе тех, кто поможет пройти российскому образованию этот сложный, но интересный путь! (Москва. Министерство образования. 19.03.2019г.)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

125009 Москва, ул. Моховая, д. 11 строение 9
Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

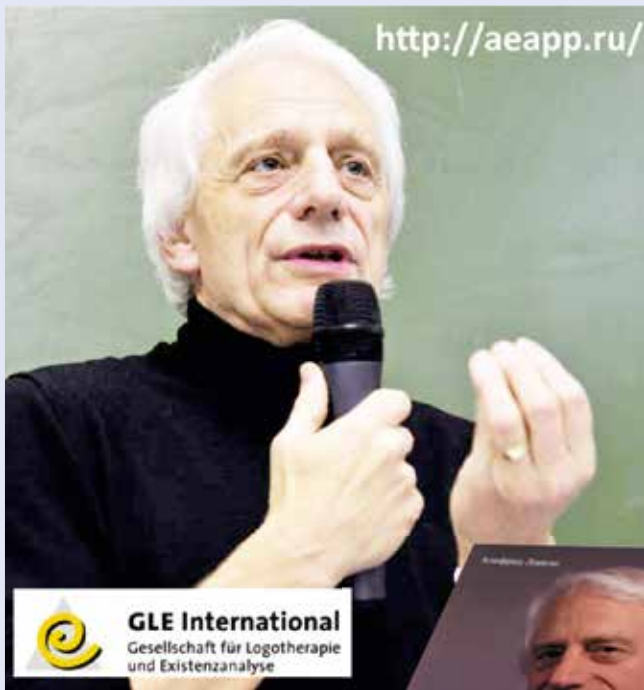
Тел.: +7 (495) 629-3723, +7 (910) 407-8378

E-mail: NPGournal@mail.ru

Электронный адрес: www.psy.msu.ru/science/npj/

www.npsyj.ru/en

Журнал доступен в мобильном приложении «PsyMSU» в App Store

An open lecture by Alfried Längle, MD, PhD, President of GLE International, a famous Austrian psychologist, psychotherapist, founder of existential analysis "Me and My Person: how to build myself, come to authenticity". (Moscow. Moscow State University. Faculty of Psychology (03/19/2019).

On-line presentation <http://aeapp.ru/>

Альфريد Ленгле

«Воплощенная экзистенция. Развитие, применение и концепты экзистенциального анализа». – Серия: Психология. Организация. Персонал. – "Гуманитарный центр" Харьков. – 2019. – с. 462.

Alfried Längle

Erfüllte Existenz. Entwicklung, Anwendung und Konzepte der Existenzanalyse

Cover photo:

Master class on the book by Professor N.K. at the Antoshka Center for Russian Language and Culture for bilingual children, the anniversary of the International Literary and Creative Project of the Higher School of Translation, Lomonosov Moscow State University "Children-translators." (Spain. Catalonia, Lleida, February 19, 2019)

NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL

2019, no. 1

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№1 (33) 2019

FOUNDER/ PUBLISHER

Lomonosov Moscow State University
Department of Psychology
www.psy.msu.ru

Published in collaboration with **the Russian Public Organization "Russian Psychological Society"** (<http://psyrus.ru/en/>)

Editor-in-Chief

Yu.P. Zinchenko

Deputy Editor

O.A. Karabanova

EDITORIAL COUNCIL

Co-Chairs

Yu.P. Zinchenko, L.A. Tsvetkova

Council Members

M. Abalakina-Paap (USA), V.M. Allakhverdiv, A.E. Ardila (USA), A.G. Asmolov, N.A. Baturin, D.B. Bogoyavlenskaya, E.V. Cubbotsky, I.V. Dubrovina, S.N. Enikolopov, P.N. Ermakov, E.V. Galazhinsky, E.F. Gutyrchik (Germany), A.G. Karayani, A.V. Karpov, Ya. Khautamyaki (Finland), B. Kotik-Friedgut (Israel), E.E. Kravtsova, A.S. Kursky, A.B. Leonova, Ju.S. Malkov, S.A. Manichev, M.I. Maryin, A.Iv. Ovsyanik, V.F. Petrenko, P.Ios. Paderno, O.V. Raevskaya, M. Rosselli (USA), V.V. Rubtsov, A.V. Shabolts, Yu.S. Shoygu, V.S. Sobkin, A.A. Streltsov, E.V. Subbotsky (Great Britain), A.G. Tonevitsky, B.M. Velichkovsky (Germany), V.F. Vockoboev, A.V. Yurevich, A.L. Zhuravlev

EDITORIAL BOARD

T.V. Akhutina, N.K. Baklanova, N.B. Berezanskaya, B.S. Bratus, M.S. Egorova, A.N. Gusev, V.Iv. Ilchenko, V.A. Ivannikov, O.A. Karabanova, M.Sh. Magomed-Eminov, O.G. Noskova, A.II. Podolskij, V.M. Polonsky, N.S. Pryajnikov, Ju.A. Samonenko, S.D. Smirnov, T.G. Stephanenko, N.Ph. Talyzina, O.A. Tihomandritskaya, A.Sh. Tkhostov, A.M. Chernorizov, I.A. Volodarskaya

EDITORIAL

Production Editor

O.A. Karabanova

Executive Editor

O.V. Reshetnikova

Production Unit

L.G. Bardonova, M.S. Belokhovskaya, I.V. Eremin, E.V. Zaitseva, M.Yu. Tsvetkov

Translation

E.V. Temnova

Online Version

S.A. Kozlovskiy

Cover Design

M.A. Korshunov, L.Yu. Galushkina

Photographs used in this issue

O.V. Reshetnikova and others

Project Media Manager

M.S. Belokhovskaya

License of Mass Media Registration PI number FS77-29042

and **License of Mass Media Reregistration** PI number FS77-54510;

EI PI number FS77-54583; EI number FS77-54510

No materials published in the journal may be reproduced without written permission from the publisher. The publisher is not responsible for the legality of the information given in the advertisement materials

ISSN 2079-6617 (Print)

ISSN 2309-9828 (Online)

Founded in: 2006

РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
SOCIETY

входит в международные организации:

IUPSyS

Международный союз психологической науки
при Юнеско

EFPA

Европейская федерация
психологических ассоциаций

"National Psychological Journal" is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications of the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Russian Federation

EDITORIAL OFFICE

Bld. 9, 11 Mokhovaya st. Moscow 125009 Russia
Department of Psychology Lomonosov Moscow State University
Tel.: +7 (495) 6293723, +7 (910) 4078378
E-mail: NPJournal@mail.ru

Official website: www.psy.msu.ru/science/npj/
www.npsyj.ru/en

The journal is available in «PsyMSU»
mobile application in App Store

SCIENTIFIC ANALYTICAL EDITION

ISSN 2079-6617 (Print)

ISSN 2309-9828 (Online)

NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL

2019, no. 1

Knowledge of languages contributes to the flexibility of thinking, attention and a clear understanding of the culture dialogue

All volumes in PDF:
<http://npsyj.ru>

Доступно в
App Store

Electronic versions of scientific scholarly journals

- "NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL";
- "PSYCHOLOGY IN RUSSIA: STATE OF THE ART";
- "The Moscow University Herald Series 14. Psychology", are accessible in the application of MSU Department of Psychology "PsyMSU" for iPad and iPhone in App Store

CONTENT

Methodology and Methods of Psychology

Lyudmila A. Shaigerova, Roman S. Shilko, Yuriy P. Zinchenko

Bilingualism and multilingualism as an interdisciplinary phenomenon: socio-cultural context, research problems and perspectives

Alfried Längle

Psychotherapeutic work with hope in the existential analytical paradigm

Developmental Psychology and Pedagogical Psychology

Artur A. Rean, Ivan A. Konovalov

Manifestation of the aggression in adolescents depending on gender and socio-economic status of the family

Vadim N. Kolesnikov, Yuriy I. Melnik, Lidia I. Teplova

Internet activity and problematic Internet use in adolescence

Natalya V. Gorlova

Autonomy conflicts resolution: theoretical approach to adolescents' personal autonomy

Social Psychology

Mariya M. Elfimova

Joke as psychotechnical tool of narrative understanding of the interpersonal relations

Medical Psychology

Natalia S. Burlakova, Valery I. Oleshkevich

Development of applied clinical psychology in the information society

Psychology of Deviant Behaviour

Pavel D. Ignatev, Anna V. Trusova, Svetlana G. Klimanova, Yuliya I. Balashova,

Nadezhda N. Zamyatina, Matrena V. Shestakova

Cross-culture aspects of emotional regulation in alcohol dependence

Neuropsychology

Nikita A. Khokhlov, Alexandra E. Serdyuk

Quantitative estimates of performance on the Taylor Complex Figure by children aged 4-17 years

Media Psychology

Elena V. Temnova

Felicitous vs dismal worldview in modern English media discourse

Lidia E. Malygina

Gamification of promotional discourse practices on TV: the problem of influencing mass consciousness of the audience

www.ecp2019.ru

JULY 2-5 2019 MOSCOW

info@ecp2019.ru

Russia will host 16th European Congress of Psychology!

Содержание

Методология и методы психологии

- Л.А. Шайгерова, Р.С. Шилко, Ю.П. Зинченко
 Двуязычие и многоязычие как междисциплинарный феномен: социокультурный контекст,
 проблемы и перспективы исследования. 3
- Альфريد Лэнгле
 Психотерапевтическая работа с надеждой в экзистенциально-аналитической парадигме 16

Возрастная и педагогическая психология

- А.А. Реан, И.А. Коновалов
 Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи 23
- В.Н. Колесников, Ю.И. Мельник, Л.И. Теплова
 Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте 34
- Н.В. Горлова
 Разрешение конфликтов автономии: подход к исследованию личностной автономии подростков 47

Социальная психология

- М.М. Елфимова
 Шутка как психотехническое средство нарративного понимания межличностных отношений 59

Медицинская психология

- Н.С. Бурлакова, В.И. Олешкевич
 Развитие прикладной клинической (медицинской) психологии в информационном обществе 68
- П.Д. Игнатьев, А.В. Трусова, С.Г. Климанова, Ю.И. Балашова, Н.Н. Замятина, М.В. Шестакова
 Кросскультурный анализ особенностей регуляции эмоций у больных с алкогольной зависимостью 78

Нейропсихология

- Н.А. Хохлов, А.Е. Сердюк
 Количественные оценки выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора» детьми 4–17 лет 88

Медиапсихология

- Е.В. Темнова
 Фелицитарная vs дистимная картина мира в современном англоязычном медиадискурсе 109
- Л.Е. Малыгина
 Геймификация телевизионного промодискурса: проблема манипуляции массовым сознанием аудитории 122

Приложение

- Информация для авторов 133
- Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям) 135

Content

Methodology and Methods of Psychology

- Lyudmila A. Shaigerova, Roman S. Shilko, Yuriy P. Zinchenko
Bilingualism and multilingualism as an interdisciplinary phenomenon: socio-cultural context,
research problems and perspectives 3
- Alfried Längle
Psychotherapeutic work with hope in the existential analytical paradigm 16

Developmental Psychology and Pedagogical Psychology

- Artur A. Rean, Ivan A. Konovalov
Manifestation of the aggression in adolescents depending on gender and socio-economic status of the family 23
- Vadim N. Kolesnikov, Yuriy I. Melnik, Lidia I. Teplova
Internet activity and problematic Internet use in adolescence 34
- Natalya V. Gorlova
Autonomy conflicts resolution: theoretical approach to adolescents' personal autonomy 47

Social Psychology

- Mariya M. Elfimova
Joke as psychotechnical tool of narrative understanding of the interpersonal relations 59

Medical Psychology

- Natalia S. Burlakova, Valery I. Oleshkevich
Development of applied clinical psychology in the information society 68
- Pavel D. Ignatev, Anna V. Trusova, Svetlana G. Klimanova, Yuliya I. Balashova,
Nadezhda N. Zamyatina, Matrena V. Shestakova
Cross-cultural analysis of regulating emotions in patients with alcohol addiction 78

Neuropsychology

- Nikita A. Khokhlov, Alexandra E. Serdyuk
Quantitative estimates of performance on the Taylor Complex Figure (TCF) by children aged 4-17 years 88

Media Psychology

- Elena V. Temnova
Felicitous vs dismal worldview in modern English media discourse 109
- Lidia E. Malygina
Gamification of promotional discourse practices on TV: the problem of influencing mass consciousness of the audience 122

Application

- Information For Authors 133
- Guidelines for Abstract Writing 135

Двуязычие и многоязычие как междисциплинарный феномен: социокультурный контекст, проблемы и перспективы исследования

Л.А. Шайгерова, Р.С. Шилко, Ю.П. Зинченко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 12 февраля 2019/ Принята к публикации: 27 февраля 2019

Bilingualism and multilingualism as an interdisciplinary phenomenon: socio-cultural context, research problems and perspectives

Lyudmila A. Shaigerova*, Roman S. Shilko, Yuriy P. Zinchenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: ludmila_chaigerova@hotmail.com

Received February 12, 2019 / Accepted for publication: February 27, 2019

Актуальность (контекст) тематики статьи. По разным данным, около половины проживающих в мире людей в той или иной степени владеют двумя или более языками. Неуклонный рост двуязычного и многоязычного населения за счет миграции и изучения иностранных языков, с одной стороны, и реальная угроза исчезновения языков коренных и малых народов, с другой, ставят всестороннее изучение билингвизма и мультилингвизма в ряд важнейших социальных задач и междисциплинарных научных проблем.

Цель. Статья направлена на анализ и систематизацию полученных в исследованиях результатов о влиянии билингвизма на когнитивные процессы и индивидуальные особенности личности, а также на возможное выявление преимуществ двуязычия и связанных с ним сложностей.

Описание хода исследования. Рассмотрен феномен русско-национального двуязычия, его специфика в различных республиках Российской Федерации. Представлено разнообразие социокультурных контекстов, в которых исследуется билингвизм и мультилингвизм, обосновывающих необходимость междисциплинарного подхода к изучению феномена. Проведен теоретико-аналитический обзор исследований влияния билингвизма на когнитивные процессы и личностные особенности, а также его связей с этнокультурной идентичностью. Рассмотрены сферы, в которых билингвизм может предоставлять преимущества, и проанализированы риски для личности и общества, связанные с владением несколькими языками.

Результаты исследования. Выявлено, что результаты влияния билингвизма на когнитивные процессы и личностные особенности имеют противоречивый характер и определяются установками исследователей, совокупностью множества факторов и дополнительных переменных, которые с трудом поддаются контролю в связи с различными методологическими проблемами. Показана необходимость междисциплинарного взаимодействия в изучении влияния многоязычия на различные индивидуальные и социальные процессы.

Выводы. Основной вывод заключается в том, что двуязычие и многоязычие сами по себе не являются преимуществом ни для когнитивного функционирования и личностного развития субъекта, ни для развития общества. Существуют дополнительные условия, определяемые как индивидуальной ситуацией развития, так и общим социокультурным контекстом, принятие во внимание которых может способствовать снижению индивидуальных и социальных рисков двуязычия и многоязычия и стимулировать их позитивное влияние на личность и общество.

Ключевые слова: двуязычие, многоязычие, когнитивные процессы, этнокультурная идентичность, личность, междисциплинарный подход

Background. According to various sources, about half of the world's population speaks two or more languages on different levels. The steady growth of bilingual and multilingual populations through migration and learning of foreign languages, on the one hand, and the real threat of indigenous languages extinction, on the other hand, put the comprehensive study of bilingualism and multilingualism in a number of important social issues and interdisciplinary scientific problems.

Objective. The paper aims to analyze and summarize the results obtained in the research of the bilingualism impact on cognitive processes and individual characteristics in order to identify the possible advantages of bilingualism and the difficulties associated with them.

Results. The phenomenon of Russian national bilingualism and its specific features in some republics of the Russian Federation is considered. A variety of socio-cultural contexts in which bilingualism and multilingualism are studied justifying the need for an interdisciplinary approach to the research issues is presented. The theoretical and analytical review of the research of bilingualism influence on cognitive processes, personal characteristics and relationships with ethno-cultural identity is carried out. The areas in which bilingualism can provide benefits are considered, and the risks associated with the possession of several languages for the individual and for society are analyzed.

The results of the bilingualism influence on cognitive processes and personal characteristics are contradictory and are determined by the attitudes of researchers and some factors and additional variables that are difficult to control due to various methodological problems. The necessity of interdisciplinary interaction in research the impact of multilingualism on various individual and social processes is shown.

Conclusion. Bilingualism and multilingualism are neither an advantage of the cognitive functioning and personal development of the subject, nor for society. There are additional conditions determined both by the individual situation of development and by the socio-cultural context. If taken into account they can help to reduce individual and social risks of bilingualism and multilingualism and stimulate its positive impact on the individual and society.

Keywords: bilingualism, multilingualism, cognitive processes, ethno-cultural identity, personality, interdisciplinary approach

Введение

Трудно переоценить важность всестороннего научного изучения двуязычия¹ и многоязычия и их практическую значимость для современного общества. Существуют разные точки зрения по вопросу использования группой людей одновре-

Наличие нескольких языков на одной территории может рассматриваться как угроза отдельным группам или безопасности общества в целом, являясь потенциальным источником этнолингвистических конфликтов

менно нескольких языков. Так, по мнению известного отечественного лингвиста середины прошлого века Л.В. Щербы, можно «лишь завидовать тем народам, которые силою вещей осуждены на двуязычие» (Щерба, 1974, С. 317). С другой точки зрения, лингвистическое разнообразие представляет собой требующую решения теоретическую и практическую проблему, а порой даже рассматривается

как препятствие для обеспечения важнейшего условия демократии – разделяемого большинством общественного мнения (Morales-Galvez, 2017). Еще полтора века назад Джон Стюарт Милль, обсуждая вопрос многоязычных обществ, утверждал, что в стране, где люди говорят на различных языках, разделяемого общественно-

го мнения быть не может, потому что их интересуют различные проблемы, они участвуют в различных дебатах, читают различные газеты и т.д. (Mill, 1861). Более того, наличие нескольких языков на одной территории может рассматриваться как угроза отдельным группам или безопасности общества в целом, являясь потенциальным источником этнолингвистических конфликтов.

Общемировых точных оценок распространенности билингвизма не существует, и вряд ли в ближайшее время такие данные будут получены. Но, учитывая, что в большинстве стран мира используется один или несколько государственных языков, и наряду с ними распространены другие языки или диалекты, а также изучаются иностранные языки, среди специалистов утвердилось мнение, что не менее половины жителей планеты можно считать билингвами. Косвенным подтверждением широкого распространения билингвизма является тот факт, что на территории многих стран используются по несколько сотен языков, и при этом большая часть населения страны владеет каким-либо общим языком. Лидером в этом отношении является Папуа–Новая Гвинея, где используется 841 язык (по данным издания «Ethnologue. Languages of the World», www.ethnologue.com) (Simons, Fennig, 2018). Что касается ситуации на Европейском континенте, то, по данным Европейской комиссии, большинство жителей стран Европейского союза (54%) могут общаться, помимо родного, еще хотя бы на одном языке, четвертая часть может говорить на трех языках, а 10%, как минимум, на четырех языках (Special Eurobarometer ..., URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf). Европейской страной, в которой билингвизм наиболее распространен, признан Люксембург, в котором 67% населения владеют двумя или более языками. В США в 2010 году около пятой части населения владели двумя или более языками, что на 140% выше, чем в 1980 году (Shin, Kominski, 2010).

В Российской Федерации, на территории которой проживает около 200 национальностей, на данный момент единственным наиболее полным источником данных о языках является Всероссийская перепись населения 2010 года. По ее данным, 99% россиян владеют русским языком, а всего жители России владеют более, чем 170 языками, большинство из

¹ В данной статье термины «двуязычие» и «билингвизм» используются как синонимы, что соответствует их применению в отечественных научных публикациях, аналогичным образом используются термины «многоязычие» и «мультилингвизм», а также термины «одноязычие» и «монолингвизм».

Людмила Анатольевна Шайгерова – кандидат психологических наук, доцент кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: ludmila_chaigurova@hotmail.com
<https://istina.msu.ru/profile/ShaignerovaLA/>

Роман Сергеевич Шилко – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: shilko_rs@psy.msu.ru
<https://istina.msu.ru/profile/shilko/>

Юрий Петрович Зинченко – доктор психологических наук, профессор, академик РАО, декан факультета психологии, заведующий кафедрой методологии психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: adm.psy@mail.ru
<https://istina.msu.ru/profile/ZinchenkoYP/>

которых (114 языков) распространено менее, чем среди 1% населения. Из языков народов России наиболее распространены татарский (3%), чеченский и башкирский (около 1% населения). При этом нет достоверных данных о том, какая доля населения использует один, два или более языков, и нет каких-либо сведений о том, каков уровень владения двумя или более языками.

Такая неопределенная ситуация, касающаяся доли населения, владеющего более, чем одним языком, характерна не только для России. Например, в Швейцарии за два года количество двуязычного населения неожиданно «выросло» почти в 3 раза. В 2012 г. швейцарское Федеральное управление статистики опубликовало данные переписи, согласно которым 15,8% населения считают себя билингвами. В многоязычной стране, где только национальными признаны пять языков (немецкий, французский, итальянский, романский и йениш), и помимо них используется несколько языков, которые не считаются национальными, а также повсеместно распространен английский язык, эти данные вызвали удивление. Уже через год были предоставлены существенно отличающиеся результаты этого же опроса, сообщающие, что среди проживающих в стране 41,9% билингвов или мультилингвов. Не вдаваясь в детали, отметим, что первое значение было получено в результате подсчета ответов на два вопроса: 1) Какой ваш основной язык, на котором вы думаете и которым вы владеете лучше всего? 2) Если вы думаете на нескольких языках и владеете ими в совершенстве, укажите эти языки. Второе значение было получено в результате дополнительного подсчета ответов еще на два вопроса, выяснявших, используют ли швейцарцы другой язык для регулярного общения с членами семьи или во время работы (Grosjean, 2016), что и объяснило колоссальную разницу между двумя объявленными результатами.

Приведенный пример имеет важное значение не только для статистики, но и для методологии научных исследований. Критерии билингвизма настолько разнообразны, что сопоставление результатов разных исследований, проведенных к тому же в разных социокультурных контекстах, представляет сложную

задачу. Если в основу первоначального подсчета в Швейцарии были положены представления о так называемом чистом билингвизме, то окончательная статистика опиралась на более современные «мягкие» критерии билингвизма, согласно которым билингвом может считаться не тот человек, который думает на двух языках, а тот, который регулярно использует два языка. Современное понимание билингвизма как «практики попеременного пользования двумя языками» во многом получило свое признание, благодаря развитию концепции языковых контактов и выходу в середине прошлого века одноименной работы У. Вайнрайха «Языковые контакты» (Вайнрайх, 1979, С. 22).

Феномен русско-национального двуязычия: региональная специфика

В республиках России, наряду с русским языком, национальные языки являются государственными или официальными, кроме них существует множество других языков, не имеющих официального статуса. Такая этнолингвистическая ситуация предоставляет широкие возможности для всестороннего изучения русско-национального двуязычия. Проблема русско-национального двуязычия и многоязычия стоит достаточно остро. Переход на обучение на русском языке в общеобразовательных учреждениях России в середине прошлого века привел к тому, что родные языки в республиках изучаются в пределах школьного образования, школьное обучение на родных языках является промежуточным, и «в результате этнокультурная школа перестает реализовывать свою системообразующую функцию по социализации подрастающего поколения и формированию этнокультурной идентичности в контексте национально-языковой политики государства» (Богоярков, Бозиев, 2018, С. 9).

На территории нашей страны языковое доминирование русского языка существует с языковым и культурным разнообразием, что приводит к недостаточному развитию не доминирующих языков (Тишков, Степанов, Функ, Артеменко, 2009). В то же время, каждая из республик отличается уникальной си-

туацией этнолингвистического взаимодействия. Так, в Республике Дагестан, на территории которой проживает более 100 народностей, русский язык выполняет особую роль, являясь языком межэтнического общения. В качестве важнейших социолингвистических проблем в Дагестане выделяется необходимость формирования билингвальной языковой личности в условиях гармоничного взаимодействия русского и национальных языков (Абдуллаев, Рамазанова, 2010). Относительно равная высокая компетентность и в родном, и в русском языках обеспечивает в Дагестане представителям различных этнических групп возможность общения между собой, что способствует усвоению культуры разных этнических общностей (Борисов, 2007).

В Республике Бурятия бурятско-русское двуязычие сыграло положительную роль в формировании общегражданской идентичности и межэтнической интеграции у представителей бурятского этноса. Но при этом под влиянием русскоязычного образования происходит утрата доминирующей роли родного языка у городских жителей (Сультимова, 2005).

В Республике Адыгея также отмечается значительное влияние русского языка на адыгейский – в устной речи адыгейско-русских билингвов отмечается такая особенность, как наличие вкрапленных лексических и фразеологических единиц из русского языка в адыгейский, в котором они еще не могут считаться полноправными заимствованиями (Блягоз, Блягоз, 2014). В Кабардино-Балкарской Республике также отмечается взаимовлияние языков – большая часть билингвов (97%) использует средства основного (доминирующего) языка при осуществлении речевой деятельности на языке, которым владеет хуже, и только 3% билингвов демонстрируют автономное двуязычие – построение речевых высказываний на любом из известных языков только лишь средствами этого языка (Башиева, Дехова, 2015).

Для Республики Северная Осетия – Алания характерна ситуация одностороннего или асимметричного билингвизма – осетины двуязычны, а почти все русские – одноязычны (Таутиева, Цаликова, 2014). Такая ситуация, впрочем, типична для многих республик России.

В современных исследованиях российских немцев показано, что, хотя для них характерен немецко-русский билингвизм, немецкий язык не является доминирующим. Носители немецкого языка отмечают, что используют его только при необходимости (во время поездок в Германию и при общении со старшими членами семьи), а основным языком общения для них выступает русский. Общение на немецком языке со своими детьми указали только 5 % опрошенных (Петренко, Атнагулов, 2014).

Создание оптимальных условий для полноценного русско-национального двуязычия требует междисциплинарного анализа результатов исследований билингвизма и его связи с индивидуальными особенностями и социальными процессами

Для большинства народов России сегодня характерно смещение языковых предпочтений в сторону русского одноязычия, особенно у молодого поколения. Отмечается, что асимметрию в пользу этнического языка, когда большинство людей лучше владеют языком своей национальности, чем русским, можно встретить только у тувинцев и якутов (Богарков, Бозиев, 2018).

Создание оптимальных условий для полноценного русско-национального двуязычия требует междисциплинарного анализа результатов исследований билингвизма и его связи с индивидуальными особенностями и социальными процессами. Несмотря на то, что исследования билингвизма и мультилингвизма сопряжены с нерешенными методологическими проблемами, связанными с определением понятий, поиском подходов и моделей, применением конкретных методов и приемов исследования (Зинченко и др., 2019), осмысление и сопоставление полученных в разных науках и дисциплинах результатов может способствовать разработке оптимальной модели русско-национального двуязычия.

Исследования билингвизма: разнообразие социокультурных контекстов

Исследования в области многоязычия ведутся представителями различных научных областей: филологии,

социолингвистики, этнологии, нейрофизиологии, психиатрии, психолингвистики. В своей замечательной работе «К вопросу о многоязычии в детском возрасте», написанной в 1928 году и впервые опубликованной в 1935 году в книге «Умственное развитие детей в процессе обучения» Л.С. Выготский называл многоязычие в детском возрасте одной из самых сложных проблем психологии, а проблему использования двух языков и обучения двум языкам в условиях, когда «множество народностей переплетено в географиче-

ском, экономическом и социально-культурном отношении... самой актуальной проблемой практической педагогики и культурной работы в этих областях вообще» (Выготский, 1935, С. 53). К проблеме билингвизма и мультилингвизма сегодня обращаются социальная, педагогическая, когнитивная, кросс-культурная психология, психология личности и другие отрасли психологии. Сегодня отмечается рост исследований и публикаций по теме билингвизма и мультилингвизма представителей разных научных направлений. Возросший интерес к проблематике привел к основанию авторитетными западными научными издательствами множества специализированных журналов, среди которых International Journal of Bilingualism (SAGE Publications); International Journal of Bilingual Education and Bilingualism, Journal of Multilingual and Multicultural Development, International Journal of Multilingualism, International Multilingual Research Journal (Taylor & Francis Group, Routledge), Bilingualism: Language and Cognition, (Cambridge University Press) Multilingua: Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication (Walter de Gruyter) и др. Постепенно «билингвистика» выделяется в отдельную науку, поскольку феномен двуязычия и многоязычия имеет междисциплинарный характер.

Исследования билингвизма охватывают разнообразные сферы, важнейшей среди которых, в связи с процессами глобализации, признается адаптация и аккультурация мигрантов и временно пре-

бывающих и изучение ими языка (языков) принимающего общества. Наряду с этим, широко распространены исследования в области изучения второго языка как иностранного, главным образом, в детском возрасте. Третьей сферой научного рассмотрения является изучение владения двумя или несколькими государственными, официальными или национальными языками. Подавляющее большинство исследований билингвизма выполнено учеными США и Канады. Учитывая большое количество испаноязычных иммигрантов, прибывших из Мексики и других стран Латинской Америки, на протяжении многих лет в США исследуется, главным образом, испано-английский билингвизм. В последние десятилетия, наряду с англо-испанским билингвизмом, популярным становится исследование изучения английского языка иммигрантами из стран Азии. В Канаде традиционно исследования сконцентрированы на одной из вечных проблем канадского общества – англо-французском билингвизме и роли каждого из языков в различных общественных сферах. В последние годы, особенно во франкоязычной провинции Квебек в центре внимания также находится исследование аспектов, связанных с изучением и предпочтением мигрантами французского или английского языков.

Все три указанные выше сферы: языковая адаптация при миграции, изучение иностранного языка в школе и русско-национальное двуязычие переплетены в российском социокультурном контексте. Кроме того, необходимо учитывать, что в республиках России чаще всего речь идет о многоязычии, а не о двуязычии. Особенно многоязычие характерно для детского возраста, так как школьники изучают как минимум один иностранный язык и, помимо этого, нередко миграции семей из одной республики в другую. В последнем случае в ближайшем окружении ребенок может использовать в дополнение к другим языкам родной язык. Хотя каждое из перечисленных направлений имеет высокую актуальность, особую значимость сегодня приобретает русско-национальное двуязычие.

Разнообразие социокультурных контекстов, в которых исследуется билингвизм, приводит к затруднениям при сопоставительном анализе результа-

тов из-за невозможности учесть все дополнительные факторы. Исследования на больших группах билингов, позволяющие набрать статистически значимые данные, зачастую вынуждены пренебрегать вмешательством дополнительных переменных, тогда как результаты качественных исследований с участием небольшого числа респондентов с максимально уравненными условиями не могут считаться статистически значимыми и валидными.

Исследования влияния двуязычия и многоязычия на когнитивные процессы: традиции и перспективы

Изучение влияния двуязычия и многоязычия на различные когнитивные процессы имеет давнюю историю и находит отражение в современных отечественных и, особенно, в многочисленных западных исследованиях.

Уже к первой трети прошлого столетия было накоплено внушительное количество сведений о влиянии языка на развитие речи и интеллекта, особенно в детском возрасте. Ранние исследования в области билингвизма относились преимущественно к сфере детской и педагогической психологии и были направлены на выявление роли двух или нескольких присутствующих в жизни ребенка языков на развитие его речи (Bovet, 1932; Leopold, 1939–1950; Pavlovitch, 1920). Позднее исследователи сосредоточились на исследованиях влияния билингвизма на уровень и особенно интеллектуального развития и мышления двуязычного ребенка (Peal, Lambert, 1961; Darcy, 1953). Наиболее длительную историю имеет проблема интерференции – взаимного влияния двух или более языков, обусловленного лингвистическим расхождением синтаксических структур. Этот феномен, достаточно давно получивший свое подтверждение, до сих пор остается одним из важнейших аргументов сторонников одноязычного обучения детей.

В настоящее время наиболее популярны исследования, связанные с влиянием двуязычия на исполнительные функции (Bradley, King, Hernandez, 2013), на стратегии обучения (Nair, Biedermann, Nickels, 2016), на процессы и механизмы памяти

(Francis, Basa, 2014) и на изучение новых языков (Bogulski, Bice, Kroll, 2018; Hirosh, Degani, 2018; Dragoy, Virfel, Yurchenko, Bastiaanse, 2019).

В большинстве исследований, сравнивающих когнитивные процессы у билингов и монолингов, используются различные варианты одних и тех же заданий. Наиболее распространены три задачи: задача Саймона (Simon task), фланговая задача Эриксона (flanker task), задача на внимание (Attention Network Task) (подробнее см. Valian, 2015). При этом резуль-

Исследования на больших группах билингов, позволяющие набрать статистически значимые данные, зачастую вынуждены пренебрегать вмешательством дополнительных переменных, тогда как результаты качественных исследований с участием небольшого числа респондентов с максимально уравненными условиями не могут считаться статистически значимыми и валидными

таты варьируют от исследования к исследованию.

Долгое время при объяснении связи количества используемых индивидом языков с когнитивными процессами в целом господствовали три различные тенденции, имевшие своих приверженцев: 1) негативное влияние двуязычия и многоязычия на когнитивные процессы; 2) наличие преимуществ у билингов и мультилингов перед монолингами и 3) отсутствие какой-либо связи между количеством языков и когнитивной успешностью. Десятилетие назад на Международном симпозиуме по билингвизму известный в этой области канадский исследователь Элен Биалисток резюмировала суть накопленных к тому времени неоднозначных результатов в понимании взаимосвязи билингвизма и когнитивных процессов (Bialystok, 2009). Она показала, что при выполнении заданий, направленных на различные когнитивные процессы, в одних случаях преимущества обнаруживаются у двуязычных индивидов, а в других – у одноязычных. По некоторым когнитивным процессам различий между двумя группами выявлено не было. Во многом благодаря этой работе, крайние позиции в отношении позитивного или негативного влияния билингвизма на когнитивные процессы сменились окончательным признанием сложной связи между билингвизмом и познавательной сферой. В последние несколько лет исследователи сосредоточились на поиске тех

особенностей когнитивного функционирования, в которых билингвы имеют преимущество перед монолингами, и тех зон риска, где билингвизм создает препятствия, затрудняя или замедляя выполнение когнитивных задач.

Показано, что преимущества билингов проявляются в лучшем выполнении ими заданий, которые требуют селективного внимания и подавления, исполнительного контроля, а также в решении задач, содержащих конфликтующие стимулы или информацию и задач, требую-

щих мысленного вращения неоднозначных фигур. Все эти задания билингвы выполняют быстрее и с меньшим количеством ошибок, чем дети-монолинги, причем, дети-билингвы способны выполнять их в более раннем возрасте (Bialystok et al., 2008; Bialystok, Shapero, 2005; Costa, Hernandez, Sebastian-Galles, 2008; Zelazo, Frye, Rapus, 1996).

К тем заданиям, в которых билингвы уступают монолингам, относятся задачи на сопоставление, восприятие слов на зашумленном фоне, на беглость речи, скорость извлечения слов из памяти и другие вербальные задачи (Gollan et al., 2008; Kaushanskaya, Marian, 2007; Portocarrero, Burright, Donovan, 2007; Rogers et al., 2006).

Одним из наиболее ярких аргументов «против» билингвизма выступает неоднократно подтвержденное во многих исследованиях, как с участием детей, так и взрослых респондентов, уменьшение словарного запаса в каждом из языков (Bialystok, Feng, 2011; Mahon, Crutchley, 2006; Oller, Eilers, 2002). Данный пример часто приводят те, кто ратует за одноязычное образование. В то же время, сторонники двуязычного образования указывают на уязвимость полученных результатов.

Так, некоторое изменение в методике – переход от измерения словарного запаса отдельно на каждом языке к измерению общего словарного запаса (с учетом

всех слов из двух языков) демонстрирует неоспоримые преимущества билингвов уже в раннем детстве. Более того, исследования, проведенные с участием детей, получающих образование в среде, активно поддерживающей многоязычие (например, в двуязычных школах в Уэльсе), выявили, что к уже 10-летнему возрасту двуязычные дети могут иметь равный словарный запас того же объема, что и их одноязычные сверстники, на каждом из языков (Gathercole, Thomas, 2009).

Новые технологии такие, как технология виртуальной реальности, метод регистрации движения глаз, функциональная магнитно-резонансная томография позволяют уточнять и расширять полученные ранее знания о влиянии многоязычия на когнитивные процессы и на особенности функционирования головного мозга, благодаря чему уже не подвергается сомнению влияние билингвизма на мозг

К важнейшим преимуществам билингвизма относят замедление с возрастом дегенеративных процессов у людей, владеющих двумя или более языками (Valenzuela, Sachdev, 2006). В исследовании с участием 184 пожилых людей, уже имевших диагноз «деменция» и наблюдавшихся в клинике для пациентов с проблемами памяти, была выявлена разница в возрасте, в котором впервые проявились симптомы деменции, в среднем в 4 года между билингвами (75,5 лет) и монолингвами (71,4 года) (Bialystok, 2009). Данный факт, учитывая увеличение продолжительности жизни, старение популяции мира и неуклонный рост дегенеративных заболеваний, может стать важным доводом в пользу поддержки распространения билингвизма и мультилингвизма в обществе и стимулом для индивида к изучению двух или нескольких языков.

Некоторые авторы по-прежнему ставят под сомнение какую-либо взаимосвязь между билингвизмом и отдельными когнитивными процессами и когнитивным функционированием в целом (de Bot, 2017; Folke et al., 2016; Lehtonen et al., 2018; Raap, Greenberg, 2013). В результате метаанализа 152 исследований и 891 сравнения успешности исполнительных функций билингвов и монолингвов в шести различных областях Летонен с соавторами пришли к выводу, что убедительных доказательств когнитивных преимуществ билингвов перед монолингвами во взрослом возрасте нет (Lehtonen et al., 2018).

Одновременно с этим новые технологии такие, как технология виртуальной реальности, метод регистрации движения глаз, функциональная магнитно-резонансная томография позволяют уточнять и расширять полученные ранее знания о влиянии многоязычия на когнитивные процессы и на особенности функционирования головного мозга, благодаря чему уже не подвергается сомнению влияние билингвизма на мозг. Показано, что для мозга билингвов характерна повышен-

ная плотность серого вещества в нижней теменной коре, особенно для мозга ранних билингвов и билингвов с высоким уровнем компетентности во втором языке (Mechelli et al., 2004). Изучение второго языка и во взрослом возрасте способно изменить нейронные связи и даже нейроанатомию (Li, Legault, Litcofsky, 2014).

Владение языками и личность: есть ли взаимосвязь?

Помимо изучения влияния билингвизма и мультилингвизма на когнитивные процессы, поднимается вопрос о взаимосвязи владения двумя или несколькими языками и личностными особенностями. Большинство исследователей разделяют точку зрения автора гипотезы лингвистической относительности Бенжамина Уорфа о том, что «язык, на котором человек говорит, определяет его видение и концептуализацию мира» (Whorf, 1940, P. 229). Дополнением этого может служить образное выражение британского психотерапевта, на протяжении нескольких десятилетий работающей с билингвами, Фелисити де Зулуты: «Язык для культуры означает то же, что ДНК для геноетики» (de Zulueta, 1995, P. 188).

Более полувека назад один из основоположников систематического изучения и концептуализации билингвизма Уильям Макей подчеркивал значимость билингвизма для личности, определяя би-

лингвизм не как языковой феномен, а как особенность использования языка. Таким образом, если язык разделяется группой, то билингвизм является, прежде всего, достоянием индивида (Mackey, 1956). Основная идея ученого заключается в том, что группе билингвов имеет смысл оставаться таковой только в том случае, если, наряду с ней, существует группа монолингвов, иначе необходимость во втором языке для нее отпадает. Но для отдельного субъекта решение о том, быть билингвом или монолингвом, определяется его индивидуальной ситуацией. Именно поэтому изучение билингвизма как индивидуального феномена непременно должно находиться не только в сфере лингвистики, психолингвистики и социальной психологии, но и в поле зрения психологии личности.

Л.С. Выготский подчеркивал: «Есть все фактические и теоретические основания утверждать, что не только интеллектуальное развитие ребенка, но и формирование его характера, эмоций и личности в целом находится в непосредственной зависимости от речи и, следовательно, должно обнаружить в той или иной форме или степени связь с двуязычием или одноязычием в его речевом развитии ... двуязычие должно быть исследовано во всей широте и во всей глубине его влияния на все психическое развитие личности ребенка, взятой в целом. Только такой подход к проблеме двуязычия оправдывается современным состоянием теории этого вопроса» (Выготский, 1935, С. 69).

Прогностическая ценность идей Л.С. Выготского и А.Р. Лурия была отмечена в исследовании развития саморегуляции при воспитании детей в условиях моно- и билингвизма, проведенном с использованием процедур, созданных А.Р. Лурия и модифицированных Б. Бейном. Ими было показано, что, «независимо от монолингвистического или билингвистического контекстов, культурных особенностей, существующих в Европе, Северной Америке или Азии, овладение детьми четырьмя функциями языка, проявляющимися в познавательной саморегуляции, происходило в описанном этими авторами порядке» (Бейн, Панарин, 1994, С. 80). Если в сфере влияния многоязычия на когнитивные процессы достигнуты существенные результаты и отмечается определенное согласие исследователей, работающих над

их систематизацией, то в исследованиях влияния двуязычия на поведение и на личность значительно больше пробелов и методологических проблем на всех уровнях – от теоретического до конкретно-методического. Ф. Грожан основную проблему видит в недостатке междисциплинарного взаимодействия – билингвизм и влияние культуры на личность изучаются разными науками, между которыми отсутствует взаимодействие, а также в острой нехватке компетентных специалистов, способных проводить исследования на стыке областей. Если билингвизм и мультилингвизм изучаются, главным образом, лингвистами, социолингвистами и когнитивными психологами, изучение взаимосвязи культуры и личности относится к сфере интересов кросс-культурной психологии, социальной психологии и психологии личности (Grosjean, 2015).

Еще одна из проблем связана с тем, что, по сравнению с изучением когнитивных особенностей, влияние языковой ситуации на личность гораздо сложнее «очистить» от других факторов и условий таких, как социокультурные особенности, в которых субъект развивался и формировался как личность, и его жизненный опыт.

Можно считать, что первые сведения о влиянии билингвизма на идентичность были описаны в результате анализа психотерапевтических процессов. Рассматривая взаимосвязь билингвизма, культуры и идентичности, Ф. де Зулуета приводит в пример известный случай, представленный З. Фрейдом и Ж. Брейером, лечившими пациентку Анну О., внезапно «забывшую» родной немецкий язык и в течение двух лет, до окончания лечения пользовавшуюся другими языками, которыми она владела: английским, французским или итальянским (de Zulueta, 1995). Подобные случаи неосознанной «билингвальной защиты», равно как и осознанный отказ от использования одного языка в связи с ассоциированной с ним психической травмой в пользу второго были позднее неоднократно описаны в психотерапевтической и медицинской литературе, а также в биографических и автобиографических эссе.

В недавних исследованиях начали выделяться отдельные направления, касающиеся личностных особенностей и эмоционально-мотивационной сферы

билингвов, а также изучения этнокультурной идентичности у билингвов.

В том, что касается личностных особенностей, было, в частности, показано, что билингвы демонстрируют большую готовность к принятию разнообразия, применению различных мнений и разрешению противоречий (Brannen, Thomas, 2010).

В недавних исследованиях начали выделяться отдельные направления, касающиеся личностных особенностей и эмоционально-мотивационной сферы билингвов, а также изучения этнокультурной идентичности у билингвов

В ряде исследований отмечается, что билингвы характеризуются большей толерантностью к неопределенности, когнитивной и культурной эмпатией, а также низкой предубежденностью. Необходимо отметить, что результаты, полученные на разных выборках с использованием одних и тех же методов, отличаются противоречивостью. Так, в исследовании, проведенном с участием лондонских школьников, где группа билингвов была набрана из числа детей, родившихся за пределами Великобритании, была выявлена меньшая предубежденность, большая культурная эмпатия и значимо сниженная эмоциональная стабильность у двуязычных детей-иммигрантов, по сравнению с англоязычными монолингвами из Лондона (Dewaele, van Oudenhoven, 2009). В то же время, в исследовании голландской мультинациональной компании, у сотрудников, которые знали несколько языков, наряду с низким уровнем предубежденности, была выявлена и более высокая, по сравнению с одноязычными сотрудниками, эмоциональная стабильность (Korzilius et al., 2011).

В исследовании с участием 205 арабо-английских билингвов из Саудовской Аравии и 333 англоязычных монолингвов из США, Великобритании, Канады и Австралии изучалась взаимосвязь между эмоциональным интеллектом, знанием языков и восприятием эмоций. Было показано, что значение по шкале «эмоциональный интеллект» у билингвов значимо выше, чем у монолингвов, по трем из четырех его индикаторов: благополучие, эмоциональность и общительность. Авторы объясняют полученные различия тем, что билингвы владеют большим количеством понятий, связанных с эмоци-

ями, благодаря знанию двух языков, что позволяет им лучше различать эмоции (Alqarni, Dewaele, 2018). Наряду с этим, в недавнем масштабном исследовании с участием 1278 респондентов, в котором эмоциональный интеллект также, как и в предыдущем исследовании, измерялся посредством опросника TEIQue

(Trait Emotional Intelligence Questionnaire) (Petrides, Furnham, 2003), значимой связи между ним и знанием нескольких языков обнаружено не было (Dewaele, 2019). Культура и этническая принадлежность в описанных исследованиях не могут быть «отделены» от владения одним или двумя языками. Учитывая, что в исследованиях сравниваются результаты, полученные представителями разных культур, мигрантами из других стран, работниками международных корпораций, с результатами местных жителей англоязычных стран, вызывает сомнение влияние на эмоциональный интеллект и другие личностные особенности только лишь параметра «билингвизм» – «монолингвизм». Различный жизненный опыт, принадлежность к разным культурам, несомненно, оказывают не меньшее влияние на личность в целом и эмоциональный интеллект, в частности, чем владение одним или несколькими языками.

В поисках объяснения влияния двуязычия на этнокультурную идентичность несколько лет назад возникло и продолжает развиваться и уточняться понятие «бикультурные индивиды». Данное понятие предложили независимо друг от друга швейцарский исследователь билингвизма Франсуа Грожан (Grosjean, 2015) и испано-американский психолог Вероника Бенет-Мартинез с коллегами (Benet-Martínez et al., 2002). В их моделях рассматриваются несколько вариантов связи между билингвизмом и культурой. Авторы предлагают типологии, в которых выделяют монокультурных билингвов (индивидов, говорящих на двух языках, но идентифицирующих себя только с одной культурой) и бикультурных билингвов (индивидов, говорящих на двух язы-

Одна из причин того, что после более чем столетней истории изучения двуязычия так и нет достаточной определенности в том, приносит оно больше пользы или вреда индивиду и обществу, связана с тем, что «отделить» условие билингвизма от сопровождающих его факторов – достаточно сложная задача

ках и идентифицирующих себя с двумя культурами) (Зинченко и др., 2019). Бенет-Мартинез на основе этой типологии разработала методiku, направленную на измерение степени, в которой билингвы способны интегрировать две культуры (Benet-Martínez, Naritatos, 2005). Как нами уже подчеркивалось ранее, такой подход, несмотря на несомненные заслуги авторов в поисках объяснения взаимосвязи этнокультурной идентичности и билингвизма, можно считать механистическим и редукционистским, схематизирующим сложную реальность современных поликультурных обществ и упрощающим понятие этнокультурной идентичности. С позиций системного подхода и постнеклассической методологии мы предлагаем рассматривать этнокультурную идентичность как сложную иерархически организованную «саморазвивающуюся в процессе взаимодействия с другими людьми и группами систему, формирование и развитие которой опосредовано социокультурными условиями» (Российская идентичность ..., 2017). С таких позиций этнокультурная идентичность двуязычного или многоязычного индивида не проявляется в принадлежности к одной, двум или нескольким культурам, а определяет-

личные процессы разделились еще на первых этапах исследования в этой области. В замечательной работе французского исследователя Жюль Ронжа, написанной в начале прошлого века (Ronjat, 1913), которую анализирует Л.С. Выготский, приводится личный опыт воспитания автором собственного ребенка-билингва и многолетних наблюдений за развитием его речи. Эксперимент служит важным примером того, как создание и соблюдение специальных условий (в данном случае мать-немка всегда разговаривала с сыном на немецком, а отец-француз – на французском) может привести к успешному параллельному овладению ребенком двумя языковыми системами, как их фонетикой, так и грамматическими и стилистическими формами без всякого ущерба речевому и интеллектуальному развитию. Необходимо отметить, что в свое время в теории обучения господствовало мнение о вреде многоязычия для детского развития, которое, например, по мнению Эпштейна (1916), «является злом в отношении речевого развития ребенка, но еще большим злом в отношении развития его мышления. Этот фактор, тормозящий умственное развитие ребенка, приводит к смешен-

Без создания социальных условий и поощрения формирования индивидуальной мотивации многоязычие само по себе не гарантирует ни ожидаемую пользу для общества, ни преимущества для индивидуального когнитивного функционирования и развития личности

ся сложным взаимовлиянием множества элементов: этнической и гражданской принадлежности, культурными, субкультурными, религиозными и другими аспектами (Shaigerova, Zinchenko, 2016).

Преимущества и риски двуязычия и многоязычия: влияние дополнительных условий и переменных

Мнения о положительном или отрицательном влиянии билингвизма на раз-

нию понятий, к спутанности сцеплений и соединений мыслей, к замедлению и затруднению умственного процесса в целом» (Выготский, 1935, С. 60).

Одна из причин того, что после более чем столетней истории изучения двуязычия так и нет достаточной определенности в том, приносит оно больше пользы или вреда индивиду и обществу, связана с тем, что «отделить» условие билингвизма от сопровождающих его факторов – достаточно сложная задача. Подавляющее большинство современных исследований проведено с участием либо тех

билингвов, которые владеют на хорошем уровне иностранным языком, либо билингвов, «унаследовавших» разные языки, благодаря двуязычному окружению, которое с большой вероятностью было мультикультурным, либо иммигрантов. Помимо билингвизма, данные категории респондентов имеют существенные отличия от монолингвов, связанные не только со знанием и использованием второго языка. Это может быть более высокий уровень образования и более длительный процесс обучения, более разнообразная окружающая среда и более стимулирующая социальная ситуация развития, более разнообразный, особенный, а в некоторых случаях экстремальный жизненный опыт, связанный с решением сложных ситуаций, способствующим развитию толерантности к неопределенности, эмоционального интеллекта, гибкости, принятия разнообразия и других качеств. Все они могли оказать, наряду с билингвизмом, влияние на результаты исследований.

По мнению известного отечественного психолингвиста А.А. Леонтьева, билингвизм предоставляет личности несомненные преимущества, расширяя ее возможности, предоставляя ей выбор, так как быть билингвом означает – «уметь осуществлять речевую деятельность, ... пользуясь в зависимости от ближайшей социальной среды, цели общения, информированности о собеседнике и тому подобного языковыми средствами не одного, а двух языков, имея более или менее свободный выбор языка для общения» (Леонтьев А.А., 2005, С. 225). Взгляд ученого, несомненно, отражает гуманистические позиции автора и способствует повышению привлекательности многоязычия как для общества в целом, так и для отдельной личности. В то же время феномен билингвизма и мультилингвизма в современной социокультурной ситуации представляет собой определенный вызов обществу, системе образования и науке (Шайгерова и др., 2018). Без создания социальных условий и поощрения формирования индивидуальной мотивации многоязычие само по себе не гарантирует ни ожидаемую пользу для общества, ни преимущества для индивидуального когнитивного функционирования и развития личности.

Выводы

1. Большинство современных исследований содержат данные о том, что знание двух или нескольких языков предоставляет ряд преимуществ для когнитивного развития в детстве и когнитивного функционирования во взрослом и старческом возрасте. В то же время, показано, что двуязычие и многоязычие не является бесспорным преимуществом, и существуют когнитивные процессы, в которых билингвы уступают монолингвам и для которых билингвизм может выступать фактором риска.
2. Исследования взаимосвязи билингвизма и личности все еще малочисленны и разрознены. Выявленные в некоторых исследованиях характерные для билингвов черты такие, как более высокая толерантность к неопределенности, низкая предубежденность, гибкость, более высокий эмоциональный интеллект сложно отделить от влияния других факторов, в частности, различного жизненного и культурного опыта респондентов, владеющих одним языком или несколькими языками.
3. Разработанная недавно модель бикультурной идентичности, характерной для определенной части билингвов, хотя и основана на многочисленных ценных исследованиях и рефлексии известных западных ученых в области билингвизма, отличается редукционизмом и не отражает системный характер этнокультурной идентичности личности, не сводимой к простому суммированию разных культурных идентичностей.
4. Сами по себе билингвизм и мультилингвизм не предоставляют преимуществ ни когнитивному и личностному развитию индивида, ни обществу. На индивидуальном уровне билингвам и мультилингвам приходится преодолевать целый ряд затруднений в когнитивном функционировании и личностном развитии, с которыми не сталкиваются монолингвы. Для общества наличие в нем большого числа двуязычного и многоязычного населения также несет в себе некоторые проблемы, так как может создать почву для возникновения этнолингвистических конфликтов.
5. Существуют дополнительные факторы и условия, определяемые как индивидуальной ситуацией развития, так и общим социокультурным контекстом, учет и контролирование которых могут способствовать снижению индивидуальных и социальных рисков двуязычия и многоязычия и стимулировать его позитивное влияние на личность и общество. На всех уровнях обучения – от дошкольного воспитания до высшего образования в многоязычном обществе образовательный процесс необходимо сопровождать квалифицированной научно обоснованной системой методической поддержки, способствующей тому, чтобы двуязычие и многоязычие становились достоянием индивидов и общества, а не источником индивидуальных и социальных проблем.

*Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-29-09167.
The research is done with the support of the Russian Fund of Fundamental Research, Project #17-29-09167.*

Литература:

- Абдуллаев А.А., Рамазанова Д.А. Дагестанско-русское двуязычие как социальное и лингвистическое явление // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 5. – С. 71–72.
- Башиева С.К., Дохова З.Р. Билингвизм и полилингвизм как объединяющие начала различных социокультурных сообществ Северного Кавказа (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – № 5. – С. 266–272.
- Бейн Б., Панарин И.А. Билингвистическое воспитание детей (Вновь обращаясь к Л. Выготскому и А. Лурия) // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 68–81.
- Блягоз З.У., Блягоз А.Н. Истоки адыгейско-русского двуязычия // Наука: комплексные проблемы. – 2014. – № 2(3). – С. 41–45.
- Боргояков С.А., Бозиев Р.С. Языковое образование и национально-языковая политика России // Педагогика. – 2018. – № 11. – С. 3–16.
- Борисов Р.В. Языковая компетентность как средство выражения этнической идентичности и формирования межэтнической толерантности учащейся молодежи : дис. ... кандидата психологических наук. – Махачкала, 2007. – 173 с.
- Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / пер. с англ. и комментарии Ю.А. Жлуктенко. – Киев : Вища школа, 1979.
- Выготский Л.С. К вопросу о многоязычии в детском возрасте // Выготский Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. – Москва; Ленинград : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1935. – С. 53–72.
- Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А., Долгих А.Г., Савельева О.А. Методологические проблемы исследования влияния двуязычия на когнитивные процессы и этнокультурную идентичность // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2019. – № 1. – С. 174–194.
- Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – Москва : КомКнига, 2005. – 230 с.
- Петренко О.В., Атнагулов И.Р. Влияние русской культуры на язык российских немцев, проживающих на территории Челябинской области (к проекту создания словаря-справочника «Немцы Южного Урала») // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3(45). – С. 232–235.
- Российская идентичность. Психологическое благополучие. Социальная стабильность : научная монография / под ред. Ю.П. Зинченко. – Москва : Издательство Московского университета, 2017. – 520 с.
- Сультимова Ж.Б. Двуязычие как базовое основание межкультурной коммуникации (на материалах Республики Бурятия) : дис. ... кандидата культурологии. – Улан-Удэ, 2005.
- Таутиева И.Х., Цаликова М.А. Языковое строительство и проблемы билингвизма в Республике Северная Осетия – Алания // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 582–587.

- Тишков В.А., Степанов В.В., Функ Д.А., Артеменко О.И. Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации : экспертный доклад. – Москва, 2009.
- Шайгерова Л.А., Зинченко Ю.П., Шилко Р.С., Раевский А.Е. Феномен билингвизма и мультилингвизма как вызов образованию в современной социокультурной ситуации // *Личность в эпоху перемен: mobilis in mobili* : материалы международной научно-практической конференции 17–18 декабря 2018 г. – Москва : Смысл, 2018. – С. 48–50.
- Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград : Наука, 1974. – С. 313–318.
- Alqarni N. & Dewaele J.-M. (2018). A bilingual emotional advantage? An investigation into the effects of psychological factors in emotion perception in Arabic and in English of Arabic-English bilinguals and Arabic/English monolinguals. *International Journal of Bilingualism*, 1–18. doi:10.1177/1367006918813597.
- Benet-Martínez V. & Haritatos J. (2005). Bicultural Identity Integration (BII): Components and socio-personality antecedents. *Journal of Personality*, 73, 1015–1049. doi:10.1111/j.1467-6494.2005.00337.x
- Benet-Martínez V., Lee J., Lee F. & Morris M.W. (2002). Negotiating biculturalism: cultural frame switching in biculturals with oppositional versus compatible cultural identities. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 33(5), 492–516. doi:10.1177/0022022102033005005
- Bialystok E. & Feng X. (2011). Language proficiency and its implications for monolingual and bilingual children. *Language and Literacy Development in Bilingual Settings*, 121–138.
- Bialystok E. & Shapero D. (2005). Ambiguous benefits: The effect of bilingualism on reversing ambiguous figures. *Developmental Science*, 8, 595–604. doi:10.1111/j.1467-7687.2005.00451.x
- Bialystok E. (2009). Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent. *Bilingualism: Language and Cognition*, 12(1), 3–11. doi:10.1017/S1366728908003477
- Bialystok E., Craik F.I.M. & Luk G. (2008). Cognitive control and lexical access in younger and older bilinguals. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 34, 859–873. doi:10.1037/0278-7393.34.4.859
- Bogulski C.A., Bice K. & Kroll J. (2018). Bilingualism as a desirable difficulty: Advantages in word learning depend on regulation of the dominant language. *Bilingualism: Language and Cognition*, 1–16. doi:10.1017/S1366728918000858.
- Bovet P. (1932). *Bilinguisme et éducation*. Genève.
- Bradley K.A.L., King K.E. & Hernandez A.E. (2013). Language experience differentiates prefrontal and subcortical activation of the cognitive control network in novel word learning. *NeuroImage*, 67, 101–110. doi: 10.1016/j.neuroimage.2012.11.018
- Brannen M.Y. & Thomas D.C. (2010). Bicultural Individuals in Organizations: Implications and Opportunity. *International Journal of Cross-Cultural Management*, 10 (1), 5–16. doi: 10.1177/1470595809359580
- Costa A., Hernandez M. & Sebastian-Galles N. (2008). Bilingualism aids conflict resolution: Evidence from the ANT task. *Cognition*, 106, 59–86. doi: 10.1016/j.cognition.2006.12.013
- Darcy N.T. (1953). A Review of the Literature on the Effects of Bilingualism upon the Measurement of Intelligence. *Journal of Genetic Psychology*, 82, 21–57.
- De Bot K. (2017). The future of the bilingual advantage. S. Pfenninger, J. Navracics (Eds.). *Future research directions for applied linguistics*. Bristol: Multilingual Matters, 15–32.
- De Zulueta F. (1995). Bilingualism, Culture and Identity. *Group Analysis*, 28(2), 179–190. doi: 10.1177/0533316495282007
- Dewaele J.-M. & van Oudenhoven J. P. (2009). The effect of multilingualism/multiculturalism on personality: No gain without pain for third culture kids? *International Journal of Multilingualism*, 6(4), 443–459. doi: 10.1080/14790710903039906
- Dewaele J.-M. (2019). Multilingualism and trait emotional intelligence: an exploratory investigation. *International Journal of Multilingualism*. doi: 10.1080/14790718.2019.1571065.
- Dragoy O., Virfel O., Yurchenko A. & Bastiaanse R. (2019). Aspect and tense attrition in Russian-German bilingual speakers. *International Journal of Bilingualism*, 23(1), 275–295. doi: 10.1177/1367006917728388
- Folke T., Ouzia J., Bright P., De Martino B. & Filippi R. (2016). A bilingual disadvantage in metacognitive processing. *Cognition*, 150, 119–132. doi: 10.1016/j.cognition.2016.02.008
- Francis W.S. & Baca Y. (2014). Effects of language dominance on item and order memory in free recall, serial recall and order reconstruction. *Memory*, 22, 1060–1069. doi: 10.1080/09658211.2013.866253
- Gathercole V. & Thomas E. (2009). Bilingual first-language development: Dominant language takeover, threatened minority language take-up. *Bilingualism: Language and Cognition*, 12, 213–237. doi: 10.1017/S1366728909004015
- Gollan T.H., Montoya R. I., Cera C. & Sandoval T.C. (2008). More use almost always means a smaller frequency effect Aging, bilingualism, and the weaker links hypothesis. *Journal of Memory and Language*, 58, 787–814. doi: 10.1016/j.jml.2007.07.001
- Grosjean F. (2015). Bicultural bilinguals. *International Journal of Bilingualism*, 19(5), 572–586. doi: 10.1177/1367006914526297
- Grosjean F. (1er décembre 2016). La Suisse peine à compter ses bilingues. Retrieved from: <https://www.letemps.ch/opinions/2016/11/30/suisse-peine-compter-bilingues> (accessed: 15.01.2019).
- Hirosh Z., & Degani T. (2018). Direct and indirect effects of multilingualism on novel language learning: An integrative review. *Psychonomic Bulletin & Review*, 25(3), 892–916. doi:10.3758/s13423-017-1315-7
- Kaushanskaya M. & Marian V. (2007). Bilingual language processing and interference in bilinguals: Evidence from eye tracking and picture naming. *Language Learning*, 57, 119–163. doi: 10.1111/j.1467-9922.2007.00401.x
- Korzilius H., Van Hooft A., Planken B. & Hendrix C. (2011). Birds of different feathers? The relationship between multicultural personality dimensions and foreign language mastery in business professionals working in a Dutch agricultural multinational. *International Journal of Intercultural Relations*, 35, 540–553. doi:10.1016/j.ijintrel.2011.02.018

- Lehtonen M., Soveri A., Laine A., Järvenpää J., de Bruin A. & Antfolk J. (2018). Is bilingualism associated with enhanced executive functioning in adults? A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 144(4), 394–425. doi: 10.1037/bul0000142
- Leopold Werner F. Speech Development of a Bilingual Child. 4 Volumes. *Evanston and Chicago*, 1939–1950.
- Li P., Legault J. & Litcofsky K.A. (2014). Neuroplasticity as a function of second language learning: Anatomical changes in the human brain. *Cortex*, 58, 301–324. doi: 10.1016/j.cortex.2014.05.001
- Mackey W.F. (1956). Toward a Redefinition of Bilingualism. *Canadian Journal of Linguistics*, 2(R), 4–11.
- Mahon M. & Crutchley A. (2006). Performance of typically-developing school-age children with English as an additional language (EAL) on the British Picture Vocabulary Scales II (BPVS II). *Child Language Teaching and Therapy*, 22, 333–353. doi: 10.1191/0265659006ct311xx
- Mechelli A., Crinon J.T., Noppeney U., O'Doherty J., Ashburner J., Frackowiak R.S., & Price C.J. (2004). Structural plasticity in the bilingual brain. *Nature*, 431, 757. doi: 10.1038/431757a
- Mill J.S. (1861). Utilitarianism. *Fraser's Magazine*.
- Morales-Galvez S. (2017). Living together as equals: Linguistic justice and sharing the public sphere in multilingual settings. *Ethnicities*, 17(5), 646–666. doi: 10.1177/1468796816667143
- Nair V.K., Biedermann B. & Nickels L. (2016). Consequences of late bilingualism for novel word learning: Evidence from Tamil–English bilingual speakers. *International Journal of Bilingualism*, 20, 473–487. doi: 10.1177/1367006914567005
- Oller D.K. & Eilers R.E. (Eds.) (2002). Language and literacy in bilingual children. Clevedon: Multilingual Matters. doi: 10.21832/9781853595721
- Paap K.R. & Greenberg Z.I. (2013). There is no coherent evidence for a bilingual advantage in executive processing. *Cognitive Psychology*, 66(2), 232–258. doi: 10.1016/j.cogpsych.2012.12.002
- Pavlovitch M. (1920). Le langage enfantin: l'acquisition du serbe et du français par un enfant serbe. Paris.
- Peal E. & Lambert W.E. (1961). The Relation of Bilingualism to Intelligence. Multigraphed ed. Montreal: McGill University.
- Petrides K.V. & Furnham A. (2003). Trait emotional intelligence: Behavioural validation in two studies of emotion recognition and reactivity to mood induction. *European Journal of Personality*, 17, 39–57. doi:10.1002/per.466
- Portocarrero J.S., Burrell R.G. & Donovan P.J. (2007). Vocabulary and verbal fluency of bilingual and monolingual college students. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 22, 415–422. doi: 10.1016/j.acn.2007.01.015
- Rogers C.L., Lister J.J., Febo D.M., Besing J.M. & Abrams H.B. (2006). Effects of bilingualism, noise, and reverberation on speech perception by listeners with normal hearing. *Applied Psycholinguistics*, 27, 465–485. doi: 10.1017/S014271640606036X
- Ronjat Jules. (1913). Le développement du langage observé chez un enfant bilingue. Paris.
- Shaigerova L. & Zinchenko Y. (2016). Ethnocultural identity in the modern Russian society: impact of the region. *International Journal of Psychology*, 51, Supplement S1, 437–437.
- Shin H.B. & Kominski R.A. (2010). Language use in the United States: 2007. Washington, DC: U.S. Department of Commerce Economics and Statistics Administration, U.S. Census Bureau.
- Simons G.F. & Fennig C.D. (eds.). (2018). *Ethnologue: Languages of the World*, Twenty-first edition. Dallas, Texas: SIL International, Retrieved from: <http://www.ethnologue.com> (accessed: 01.02.2019).
- (2012). Special Eurobarometer 386 – Europeans and their languages, 145. Retrieved from: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf (accessed: 01.02.2019).
- Valenzuela M.J. & Sachdev P. (2006). Brain reserve and dementia: A systematic review. *Psychological Medicine*, 36, 441–454. doi: 10.1017/S0033291705006264
- Valian V. (2015). Bilingualism and cognition. *Bilingualism: Language and Cognition*, 18(1), 3–24. doi:10.1017/S1366728914000522.
- Whorf B.L. (1940). Science and linguistic. *Technology Review*, 42(6), 229–231.
- Zelazo P.D., Frye D. & Rapus T. (1996). An age-related dissociation between knowing rules and using them. *Cognitive Development*, 11, 37–63. doi: 10.1016/S0885-2014(96)90027-1

References:

- Abdullaev A.A. & Ramazanova D.A. (2010). Dagestan-Russian bilingualism as a social and linguistic phenomenon [Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya], 5, 71–72.
- Alqarni N. & Dewaele J.-M. (2018). A bilingual emotional advantage? An investigation into the effects of psychological factors in emotion perception in Arabic and in English of Arabic-English bilinguals and Arabic/English monolinguals. *International Journal of Bilingualism*, 1–18. doi:10.1177/1367006918813597.
- Baine B. & Panarin I.A. (1994). Bilingual education of children (recalling L. Vygotsky and A. Luria). [Voprosy psikhologii], 3, 68–81.
- Bashieva S.K. & Dokhova Z.R. (2015). Bilingualism and polylingualism as uniting the beginnings of various sociocultural communities of the North Caucasus (the case of the Kabardino-Balkarian Republic). [Vestnik RUDN]. Series Educational Issues: languages and specialty, 5, 266–272.
- Benet-Martínez V. & Haritatos J. (2005). Bicultural Identity Integration (BII): Components and socio-personality antecedents. *Journal of Personality*, 73, 1015–1049. doi:10.1111/j.1467-6494.2005.00337.x
- Benet-Martínez V., Leu J., Lee F. & Morris M.W. (2002). Negotiating biculturalism: cultural frame switching in biculturals with oppositional versus compatible cultural identities. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 33(5), 492–516. doi:10.1177/0022022102033005005
- Bialystok E. & Feng X. (2011). Language proficiency and its implications for monolingual and bilingual children. *Language and Literacy Development in Bilingual Settings*, 121–138.

- Bialystok E. & Shapero D. (2005). Ambiguous benefits: The effect of bilingualism on reversing ambiguous figures. *Developmental Science*, 8, 595–604. doi:10.1111/j.1467-7687.2005.00451.x
- Bialystok E. (2009). Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent. *Bilingualism: Language and Cognition*, 12(1), 3–11. doi:10.1017/S1366728908003477
- Bialystok E., Craik F.I.M. & Luk G. (2008). Cognitive control and lexical access in younger and older bilinguals. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 34, 859–873. doi:10.1037/0278-7393.34.4.859
- Blyagov Z.U. & Blyagov A.N. (2014). The origins of the Adyge-Russian bilingualism. [*Nauka: kompleksnye problemy*], 2 (3), 41–45.
- Bogulski C.A., Bice K. & Kroll J. (2018). Bilingualism as a desirable difficulty: Advantages in word learning depend on regulation of the dominant language. *Bilingualism: Language and Cognition*, 1–16. doi:10.1017/S1366728918000858.
- Borgoyakov S.A. & Boziev R.S. (2018). Language education and national language policy of Russia. [*Pedagogika*], 11, 3–16.
- Borisov R.V. (2007). Language competence as a means of expressing ethnic identity and the formation of inter-ethnic tolerance among students: Ph.D. in Psychology thesis. Makhachkala, 173.
- Bovet P. (1932). Bilinguisme et éducation. Genève.
- Bradley K.A.L., King K.E. & Hernandez A.E. (2013). Language experience differentiates prefrontal and subcortical activation of the cognitive control network in novel word learning. *NeuroImage*, 67, 101–110. doi: 10.1016/j.neuroimage.2012.11.018
- Brannen M.Y. & Thomas D.C. (2010). Bicultural Individuals in Organizations: Implications and Opportunity. *International Journal of Cross-Cultural Management*, 10 (1), 5–16. doi: 10.1177/1470595809359580
- Costa A., Hernandez M. & Sebastian-Galles N. (2008). Bilingualism aids conflict resolution: Evidence from the ANT task. *Cognition*, 106, 59–86. doi: 10.1016/j.cognition.2006.12.013
- Darcy N.T. (1953). A Review of the Literature on the Effects of Bilingualism upon the Measurement of Intelligence. *Journal of Genetic Psychology*, 82, 21–57.
- De Bot K. (2017). The future of the bilingual advantage. S. Pfenninger, J. Navracics (Eds.). Future research directions for applied linguistics. Bristol: Multilingual Matters, 15–32.
- De Zulueta F. (1995). Bilingualism, Culture and Identity. *Group Analysis*, 28(2), 179–190. doi: 10.1177/0533316495282007
- Dewaele J.-M. & van Oudenhoven J. P. (2009). The effect of multilingualism/multiculturalism on personality: No gain without pain for third culture kids? *International Journal of Multilingualism*, 6(4), 443–459. doi: 10.1080/14790710903039906
- Dewaele J.-M. (2019). Multilingualism and trait emotional intelligence: an exploratory investigation. *International Journal of Multilingualism*. doi: 10.1080/14790718.2019.1571065.
- Dragoy O., Virfel O., Yurchenko A. & Bastiaanse R. (2019). Aspect and tense attrition in Russian-German bilingual speakers. *International Journal of Bilingualism*, 23(1), 275–295. doi: 10.1177/1367006917728388
- Folke T., Ouzia J., Bright P., De Martino B. & Filippi R. (2016). A bilingual disadvantage in metacognitive processing. *Cognition*, 150, 119–132. doi: 10.1016/j.cognition.2016.02.008
- Francis W.S. & Baca Y. (2014). Effects of language dominance on item and order memory in free recall, serial recall and order reconstruction. *Memory*, 22, 1060–1069. doi: 10.1080/09658211.2013.866253
- Gathercole V. & Thomas A. (2009). Bilingual first-language development: Dominant language takeover, threatened minority language take-up. *Bilingualism: Language and Cognition*, 12, 213–237. doi: 10.1017/S1366728909004015
- Gollan T.H., Montoya R. I., Cera C. & Sandoval T.C. (2008). More use almost always means a smaller frequency effect Aging, bilingualism, and the weaker links hypothesis. *Journal of Memory and Language*, 58, 787–814. doi: 10.1016/j.jml.2007.07.001
- Grosjean F. (2015). Bicultural bilinguals. *International Journal of Bilingualism*, 19(5), 572–586. doi: 10.1177/1367006914526297
- Grosjean F. (1er décembre 2016). La Suisse peine à compter ses bilingues. Retrieved from: <https://www.letemps.ch/opinions/2016/11/30/suisse-peine-compter-bilingues> (accessed: 1501.2019).
- Hirosh Z., & Degani T. (2018). Direct and indirect effects of multilingualism on novel language learning: An integrative review. *Psychonomic Bulletin & Review*, 25(3), 892–916. doi:10.3758/s13423-017-1315-7
- Kaushanskaya M. & Marian V. (2007). Bilingual language processing and interference in bilinguals: Evidence from eye tracking and picture naming. *Language Learning*, 57, 119–163. doi: 10.1111/j.1467-9922.2007.00401.x
- Korzilius H., Van Hooft A., Planken B. & Hendrix C. (2011). Birds of different feathers? The relationship between multicultural personality dimensions and foreign language mastery in business professionals working in a Dutch agricultural multinational. *International Journal of Intercultural Relations*, 35, 540–553. doi:10.1016/j.ijintrel.2011.02.018
- Lehtonen M., Soveri A., Laine A., Järvenpää J., de Bruin A. & Antfolk J. (2018). Is bilingualism associated with enhanced executive functioning in adults? A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 144(4), 394–425. doi: 10.1037/bul0000142
- Leontiev A.A. (2005). Psycholinguistic units and spawned speech. Moscow, KomKniga, 230.
- Leopold Werner F. Speech Development of a Bilingual Child. 4 Volumes. *Evanston and Chicago*, 1939–1950.
- Li P., Legault J. & Litcofsky K.A. (2014). Neuroplasticity as a function of second language learning: Anatomical changes in the human brain. *Cortex*, 58, 301–324. doi: 10.1016/j.cortex.2014.05.001
- Mackey W.F. (1956). Toward a Redefinition of Bilingualism. *Canadian Journal of Linguistics*, 2(R), 4–11.
- Mahon M. & Crutchley A. (2006). Performance of typically-developing school-age children with English as an additional language (EAL) on the British Picture Vocabulary Scales II (BPVS II). *Child Language Teaching and Therapy*, 22, 333–353. doi: 10.1191/0265659006ct311xx
- Mechelli A., Crinion J.T., Noppeney U., O'Doherty J., Ashburner J., Frackowiak R.S., & Price C.J. (2004). Structural plasticity in the bilingual brain.

- Nature*, 431, 757. doi: 10.1038/431757a
- Mill J.S. (1861). Utilitarianism. *Fraser's Magazine*.
- Morales-Galvez S. (2017). Living together as equals: Linguistic justice and sharing the public sphere in multilingual settings. *Ethnicities*, 17(5), 646–666. doi: 10.1177/14687968166667143
- Nair V.K., Biedermann B. & Nickels L. (2016). Consequences of late bilingualism for novel word learning: Evidence from Tamil–English bilingual speakers. *International Journal of Bilingualism*, 20, 473–487. doi: 10.1177/1367006914567005
- Oller D.K. & Eilers R.E. (Eds.) (2002). *Language and literacy in bilingual children*. Clevedon: Multilingual Matters. doi: 10.21832/9781853595721
- Paap K.R. & Greenberg Z.I. (2013). There is no coherent evidence for a bilingual advantage in executive processing. *Cognitive Psychology*, 66(2), 232–258. doi: 10.1016/j.cogpsych.2012.12.002
- Pavlovitch M. (1920). *Le langage enfantin: l'acquisition du serbe et du français par un enfant serbe*. Paris.
- Pearl E. & Lambert W.E. (1961). *The Relation of Bilingualism to Intelligence*. Multigraphed ed. Montreal: McGill University.
- Petrenko O.V., & Atnagulov I.R. (2014). Influence of Russian culture on the language of Russian Germans living in the territory of the Chelyabinsk region (on the project of creating a reference dictionary «Germans of the South Urals»). [*Problemy istorii, filologii, kultury*], 3(45), 232–235.
- Petrides K.V. & Furnham A. (2003). Trait emotional intelligence: Behavioural validation in two studies of emotion recognition and reactivity to mood induction. *European Journal of Personality*, 17, 39–57. doi:10.1002/per.466
- Portocarrero J.S., Burrell R.G. & Donovick P.J. (2007). Vocabulary and verbal fluency of bilingual and monolingual college students. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 22, 415–422. doi: 10.1016/j.acn.2007.01.015
- Rogers C.L., Lister J.J., Febo D.M., Besing J.M. & Abrams H.B. (2006). Effects of bilingualism, noise, and reverberation on speech perception by listeners with normal hearing. *Applied Psycholinguistics*, 27, 465–485. doi: 10.1017/S014271640606036X
- Ronjat Jules. (1913). *Le développement du langage observé chez un enfant bilingue*. Paris.
- Shcherba L.V. (1974). On the issue of bilingualism. [*L.V.Shcherba. Language system and speech activity*]. Leningrd, Nauka, 313–318.
- Shaigerova L.A., Zinchenko Yu.P., Shilko R.S. & Raevsky A.E. (2018). The phenomenon of bilingualism and multilingualism as a challenge to education in the modern socio-cultural situation. [*Lichnost' v epokhu peremen: mobilis in mobili: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 17–18 dekabrya 2018 g.*]. Moscow, Smysl, 48–50.
- Shaigerova L. & Zinchenko Y. (2016). Ethnocultural identity in the modern Russian society: impact of the region. *International Journal of Psychology*, 51, Supplement S1, 437–437.
- Shin H.B. & Kominski R.A. (2010). *Language use in the United States: 2007*. Washington, DC: U.S. Department of Commerce Economics and Statistics Administration, U.S. Census Bureau.
- Simons G.F. & Fennig C.D. (eds.). (2018). *Ethnologue: Languages of the World, Twenty-first edition*. Dallas, Texas: SIL International, Retrieved from: <http://www.ethnologue.com> (accessed: 01.02.2019).
- (2012). Special Eurobarometer 386 – Europeans and their languages, 145. Retrieved from: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf (accessed: 01.02.2019).
- Sultimova Z. (2005). Bilingualism as the basic basis of intercultural communication (based on the Republic of Buryatia case). Ph.D. in Cultural Sciences thesis. Ulan-Ude.
- Tautiev I.Kh. & Tsalikova M.A. (2014). Language construction and problems of bilingualism in the Republic of North Ossetia – Alania. [*Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*], 5, 582–587.
- Tishkov V.A., Stepanov V.V., Funk D.A. & Artemenko O.I. (2009). Status and support of linguistic diversity in the Russian Federation: expert report. Moscow.
- Valenzuela M.J. & Sachdev P. (2006). Brain reserve and dementia: A systematic review. *Psychological Medicine*, 36, 441–454. doi: 10.1017/S0033291705006264
- Valian V. (2015). Bilingualism and cognition. *Bilingualism: Language and Cognition*, 18(1), 3–24. doi:10.1017/S1366728914000522.
- Vygotsky L.S. (1935). On the issue of multilingualism in childhood. [*Umstvennoe razvitie detey v protsesse obucheniya*]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 53–72.
- Weinreich U. (1979). *Language contacts: state and issues of research*. Kiev, Visha skola.
- Whorf B.L. (1940). Science and linguistic. *Technology Review*, 42(6), 229–231.
- Zelazo P.D., Frye D. & Rapus T. (1996). An age-related dissociation between knowing rules and using them. *Cognitive Development*, 11, 37–63. doi: 10.1016/S0885-2014(96)90027-1
- Zinchenko Yu.P., Shaigerova L.A., Dolgikh A.G. & Savelieva O.A. (2019). Methodological problems of studying the influence of bilingualism on cognitive processes and ethnocultural identity. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series 14. Psychology, 1, 174–194.
- Zinchenko Yu.P. (ed.) (2017). *Russian identity. Psychological well-being. Social stability: scientific monograph*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 520.

Психотерапевтическая работа с надеждой в экзистенциально-аналитической парадигме

Альфريد Лэнгле

Международное общество логотерапии и экзистенциального анализа, Вена, Австрия
Факультет психологии НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Поступила 10 ноября 2018/ Принята к публикации: 8 декабря 2018

Psychotherapeutic work with hope in the existential analytical paradigm

Alfried Längle

International Society for Logotherapy and Existential Analysis, Vienna, Austria
Department of Psychology, Higher School of Economics, Moscow, Russia

Received November 10, 2018 / Accepted for publication: December 8, 2018

Актуальность (контекст) тематики статьи. Центральную роль в психологическом или врачебном лечении пациента играет надежда. Без нее нет мотивации, нет желания жить. Сстрадание становится сильнее, а шансы на выздоровление уменьшаются.

Целью исследования является поиск ответов на важнейшие вопросы, касающиеся сущности понятия «надежда»: Что такое надежда? Что мы можем сделать, чтобы способствовать развитию надежды?

Описание хода исследования. Автор считает, что надежда — больше, чем просто чувство, он рассматривает ее как экзистенциальный акт. Наша деятельность при этом заключается в том, что мы остаемся активными, мы занимаем твердую позицию, которая не пошатнется перед несчастьем, страданием, болезнью, лечением и пр. Показано, что с онтологической точки зрения надежда означает следующее: надежда — это не самообман и не механизм защиты, она дает шанс всем возможностям. Раскрываются следующие вопросы: связь надежды с отношением к ценностям жизни, надежда как носитель смысла и трансцендентности. В противоположность надежде приводится состояние резигнации (отказ от ценности, отпускание ситуации на самотек, утрата связи с ней), порождающее безысходность и отчаяние. Освещается также так называемая «ложная надежда», показано, каковы ее положительные и отрицательные стороны и как правильно к ней относиться.

Выводы. Надежда — это сохранение отношений с жизненными ценностями. Надежда реалистична, потому что наступление будущего никогда до конца не предопределено. Надежда парадоксальна: она заставляет действовать даже тогда, когда уже ничего нельзя изменить. Поэтому надежда имеет большой потенциал для резильентности. Ложная надежда расценивается как защитная реакция психики. При этом она выполняет свою особую роль, не стоит ее отбирать у человека. Там, где присутствует надежда, есть и смысл, безнадежность — это потеря смысла.

Ключевые слова: психотерапевтическая работа, экзистенциальный анализ, феномен надежды, жизненные ценности, резигнация.

Introduction. Without hope, there is no motivation, no desire to live, suffering becomes stronger, and there are less chances for recovery. Hope plays a major role in treating a patient both mentally and physically.

The Objective of the study is to find answers to the most important questions concerning the gist of the notion of «hope»: What is hope? What can we do to help hope live?

Procedure. The author believes that hope is more than just a feeling; he regards it as an existential act. Our activity is in the fact that we remain active, we take a firm position that will not shatter when one is unhappy, miserable, suffering from a disease, or being institutionalised, etc. The ontological approach shows that hope means something that has not happened yet cannot be to exclude, i.e. hope is not self-deception and not a defense mechanism, it gives a chance to whatever events to happen. The following issues are revealed: the connection of hope with the attitude to the values of life, hope as a meaningful concept and deals with transcendence, the opposite of hope resignation (rejecting value, giving the things the free rein, losing ties with the events happening) causes desperation and despair. The so-called “false hope” is also highlighted, its positive and negative sides are shown and tips how to treat it correctly are given.

Conclusion. Hope means treating something as valuable. Hope is realistic as the forthcoming future can never be predetermined entirely. Hope is paradoxical: it makes you do something where nothing can be done. Therefore, hope has great potential for resilience. False hope is regarded as a defense reaction of the human psyche, but since it performs a certain function in this way, you should not simply take it away from a person. Where there is hope, there is meaning, hopelessness means loss of meaning.

Keywords: psychotherapeutic work, existential analysis, phenomenon of hope, life values, resignation

Введение.

Без надежды нет мотивации, нет желания жить, страдание становится сильнее, а шансы на выздоровление уменьшаются. В лечении пациента психологическом или врачебном надежда играет центральную роль. Но что такое надежда? Что мы можем сделать, чтобы способствовать развитию надежды?

Человек трезво оценивает свое положение вместо того, чтобы проигнорировать его, отмахнуться от него, обесценить. Тот, кто надеется, имеет другие мотивы: сохранить позитивное, надеяться на лучшее, увидеть что-то ценное в новой ситуации и не допустить, чтобы несчастье сломало жизнь. Эта позиция может быть настолько сильной, что человек не отступится от нее и тогда, когда позитивные изменения (изменения к лучшему) оказываются маловероятны

Надежда – это больше, чем просто чувство, это экзистенциальный акт. Но в чем при этом заключается наша деятельность? Деятельность заключается в том, что мы не отказываемся от важного, остаемся активными. Мы делаем большое дело: мы занимаем твердую позицию, которая не пошатнется перед несчастьем, страданием, болезнью, лечением и пр., мы встретим такого рода ситуации стойко, поддерживаемые надеждой.

Человек трезво оценивает свое положение вместо того, чтобы проигнорировать его, отмахнуться от него, обесценить. Тот, кто надеется, имеет другие мотивы: сохранить позитивное, надеяться на лучшее, увидеть что-то ценное в новой ситуации и не допустить, чтобы несчастье сломало жизнь. Эта позиция может быть настолько сильной, что человек не отступится от нее и тогда, когда позитивные изменения (изменения к лучшему) оказываются маловероятны.

Парадокс позиции, основанной на надежде, заключается в том, что, хотя речь

идет об активности, то есть мы прилагаем усилия, проживаем это как действие, но сами мы уже ничего (более) не можем сделать для улучшения ситуации. Надежда имеет место там, где человек вынужден бездействовать. Однако остается еще одно: быть верным ценности, отношениям, будущему – двигаться навстречу жизни. Человек может надеяться по-разному: тихо внутри себя или поднимая руки

в мольбе. Как бы то ни было, речь идет о том, чтобы сохранить надежду, понимать ее ценность для жизни.

Подобная позиция воодушевляет человека и имеет универсальное значение во всех ситуациях, где есть чувство, что что-то дало «сбой». Возникает надежда, например, что мы как пара будем снова лучше понимать друг друга. Или, что ребенок осилит экзамен, что наступят улучшения в экономике и прочее. Эта позиция значима в психологическом смысле. Она активизирует, мотивирует, оживляет, позволяет пациентам быть частью происходящего, интересоваться, принимать участие и т.п. Надежда похожа на «психосоматическое лекарство» и, таким образом, является основой восстановления.

Для лучшего понимания проблемы посмотрим на психический и экзистенциальный фон надежды, чтобы в заключении немного остановиться на том, как с ней обходиться.

Когда 47-летняя пациентка борется с метастазами рака поджелудочной железы и не теряет надежды, это впечатля-

ет. Желание жить окрыляет ее, она делает все для поддержания своей надежды: гомеопатия, религия, химиотерапия, стентирование.

И ее надежда оправдалась. Она прожила еще почти три года! Необычайно долгий срок для такого диагноза. За неделю до своей смерти она подбадривала надеждой себя и родственников, а за день до смерти сказала: «Все будет хорошо ...».

С объективной точки зрения, пациентка, по крайней мере, в последние недели не осознавала реальность и игнорировала заключения медиков. С прагматической точки зрения можно, конечно, спросить: разве не способствовала эта надежда улучшению качества жизни, разве не была она полезна для возможного продления жизни? Принципиальным здесь является вопрос: надежда в медицине или психологии – это всего лишь прагматично предлагаемое пациенту плацебо, которое не стоит отнимать у человека, попавшего в беду?

Здоровое отношение к надежде

Надежду часто понимают как чувство утешения, которое призвано смягчить боль, умерить страдание от болезни или облегчить угрозу потери. Надежда представляется как хорошая мать, которая успокоит и приласкает, и возможно также как воплощение архетипа «страстного стремления к чему-либо».

Часто надежду понимают также как позицию ожидания. Человек ожидает, что что-то изменится к лучшему. Что желание исполнится. Здесь часто присутствует одно, возможно, сомнительное дополнение – все получится, только если достаточно сильно надеяться ...

Но, по сути своей, надежда не является позицией ожидания, и она больше, чем чувство. С точки зрения теории познания, у надежды есть логическая и здравая основа. Она реалистична, рационально обоснована и поэтому онтологически оправдана. Надежду можно понять как базовую установку теории познания. Из этого, с экзистенциальной точки зрения, непосредственно следует, что это – установка открытости.

Давайте остановимся на этом подробнее. С онтологической точки зре-

Альфред Антон Лэнгле –

доктор медицины и философии, профессор кафедры психологии личности факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Председатель Международного общества логотерапии и экзистенциального анализа (GLE) (Австрия).
E-mail: Alfried.laengle@existenzanalyse.org
<http://laengle.info/>

Для цитирования: Лэнгле Альфред. Психотерапевтическая работа с надеждой в экзистенциально-аналитической парадигме // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1(33). – С. 16–22. doi: 10.11621/npj.2019.0102

For citation: Längle Alfred (2018). Psychotherapeutic work with hope in the existential analytical paradigm. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 12(1), 16–22. doi: 10.11621/npj.2019.0102

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

ния, надежда означает следующее: то, что не произошло, нельзя исключить. «Надежно» только то, что произошло (описание правды Виттгенштейна), то, что случилось, то, что есть. То, чего нет, того (еще) нет. И у нас нет уверенности, что оно наступит. Такое восприятие реальности не поддается сомнениям, оно «надежное и правильное». Между Возможно и Есть – большая пропасть, потому что возможно многое. То, что может произойти не обязательно должно быть чудом. Но и чудо может произойти, и этого надежда не исключает. Всем возможностям дается шанс, даже тем, о которых мы не знаем, даже самым маловероятным. Поэтому надежда – это не самообман и не механизм защиты, и не иллюзия, потому что она соотносится с этой правдой.

Это онтологическая основа надежды. Впечатляющий пример этого мы находим у Франкла (Längle, 2013, s. 70–74), который описывает канун своей «неминой смерти» в концентрационном лагере, когда ему оставалась только надежда в безнадежной ситуации. Он выжил, словно благодаря чуду.

Надежда как тема отношений

Однако надежда – это больше, чем просто объективно оправданная открытость различным возможностям. Надежда – это тема, связанная с отношениями.

Надеясь, мы не только открыты, но и остаемся направлены на ценность (которую можем потерять). Мы хотим оставаться связанными с ней, мы не желаем отказаться от отношений с ценностью о которой идет речь. Невозможно или не хочется оставить то, что так много значит для человека. Наличие надежды означает, что человек имеет нечто важное, и ценность этого ему хочется защитить. Мы остаемся в отношениях с ценностью и остаемся ей «верны», хотя, возможно, это даже противоречит здравому смыслу. Несмотря на то, что развязка может быть любой (и мы не знаем какой): возможен даже неблагоприятный исход, мы не отказываемся от отношений с ценностью. Мы чувствуем себя неразлучно связанными с ней. Так идет по жизни человек, имеющий надежду.

Рис. 1. Соотнесение надежды и ценности

Fig. 1. Balance of hope and value

Надежда в бездействии

Надежда только тогда обретает значительный вес, когда мы сами не имеем больше возможности повлиять на изменение ситуации в лучшую сторону, т.е. мы остаемся предоставлены ситуации. Наде-

Наличие надежды означает, что человек имеет нечто важное, и ценность этого ему хочется защитить. Мы остаемся в отношениях с ценностью и остаемся ей «верны», хотя, возможно, это даже противоречит здравому смыслу. Несмотря на то, что развязка может быть любой (и мы не знаем какой): возможен даже неблагоприятный исход, мы не отказываемся от отношений с ценностью. Мы чувствуем себя неразлучно связанными с ней

ющийся обречен на бездействие. Мы бы с таким удовольствием включились, что-то сделали – для себя или для других людей или для улучшения обстоятельств, но доступа к происходящему нет. Поэтому повлиять на что-либо невозможно. Можно только выждать и наблюдать за происходящим.

Мы отдаемся течению происходящего, мы должны сложить руки и довериться судьбе. Судьба также является частью жизни, принятием того факта, что мы не все можем сделать (даже тем, что нам важно, мы не управляем). Поэтому надежда – это не значит ожидание. Ожидание предполагает, что мы рассчитываем на что-то определенное, ждем чего-то. В таком случае можно было бы предсказать как все закончится. Надежда не связана ожиданием, она остается открытой любым событиям, она освобождает и при

Надежда живет для того, чтобы наступило завтра. Надежда имеет смысл, потому что человек чувствует, и его собственное существование является частью чего-то большего. Если мы надеемся, мы открываем горизонты больших взаимосвязей, которые не можем постичь, и предполагаем, что нечто управляет судьбами: будь то случай, конфигурация звезд, анонимное бытие или Бог

этом всегда готова от всего отказаться. И это акт: оставить, позволить быть, предоставить бытию право решать, что произойдет. И, даже, больше: надежда – это акт преданности. Ведь позволив обстоятельствам оставаться без изменений мы делаем вклад в сохранение связи с цен-

ностью. Тот, кто надеется, не оставит себя в беде. Человек остается в нерушимой связи с тем, что ему важно.

Надежда и резильентность

Когда мы надеемся, это имеет смысл (Frankl 2004; Längle 2007). Надежда направлена в будущее. Надежда живет для того, чтобы наступило завтра. Надежда имеет смысл, потому что человек чувствует, и его собственное существование является частью чего-то большего. Если мы надеемся, мы открываем горизонты больших взаимосвязей, которые не можем постичь, и предполагаем, что нечто управляет судьбами: будь то случай, конфигурация звезд, анонимное бытие или Бог.

В любом случае надеющийся чувствует себя в безопасности, потому что есть не-

Надежду можно описать как искусство духа – способность перед лицом собственной неспособности что-то сделать не впасть в бессилие или в летаргию. Это внутреннее «деланье» поддерживает связь с ценностью и, таким образом, с жизнью, с бытием, с самим собой и с большим целым

кий порядок, который дает шанс, оставляет возможность открытой. Человек окружен этим порядком, он пребывает в этом бытии. Возможно, сам того не зная, а только чувствуя, ощущая, в надежде он соотносится с основой бытия. Это духовная первопричина бытия, которой доверяешься, когда надеешься. Она дает глубокое чувство, что тебя что-то держит в любом случае, даже в ситуациях с неблагоприятным концом. Ведь что бы не произошло – оно происходит в рамках некоего порядка, это «в порядке» (Längle 2008). В итоге надежда становится трансцендентной. Она содержит и этот элемент тоже.

Надежду можно описать как искусство духа – способность перед лицом соб-

жение. У него больше нет персональных личных ресурсов, которые можно было бы противопоставить ситуации.

Если приходится отказываться от надежды принудительным путем, так как ситуация выглядит беспросветной, тогда возникает отчаяние. Отчаяние – это отсутствие надежды перед перспективой безвыходности. Оно связано с бессилием перед лицом пропасти, когда выхода из тупика больше нет, когда будущее невозможно разглядеть и больше не за что держаться как за ценность. Поэтому отчаяние бездонно, как страх уничтожающее, разрушительное, так как при этом отсутствует связь ценностью. Это может иметь место в незначительных ситуациях, например, если застрял в проб-

Противоположность надежде – это резигнация – отказ от ценности, отпускание ситуации на самотек, утрата связи с ней. В резигнации любовь к жизни умирает. Человек больше не доверяет жизни, отворачивается от нее, испытывает поражение. У него больше нет персональных личных ресурсов, которые можно было бы противопоставить ситуации

ственной неспособности что-то сделать не впасть в бессилие или в летаргию. Это внутреннее «деланье» поддерживает связь с ценностью и, таким образом, с жизнью, с бытием, с самим собой и с большим целым. Надежда как экзистенциальный акт – это решение, принятое на основе глубокого чувства жизни. Поскольку в надежде отражается глубочайшая связь

ке и видишь, что на самолет теперь уже не успеть или, если на экзамене внезапно происходит провал памяти. Но, конечно, отчаяние появляется и в более значимых для человека ситуациях: при неблагоприятных отношениях, при тяжелой болезни или утрате. В таких случаях, когда человек не видит ни одной возможности для дальнейшей жизни, в отчаянии он

Надежда пропитана силой жизни, так как в основе ее лежит глубокое единение со всеми структурными элементами экзистенции. Человек в надежде активен, участвует в жизни. Он занят той частью жизни, которая имеет мало значения для повседневности. Где присутствует надежда, там мы сталкиваемся с более глубоким уровнем экзистенции, в котором правит способность оставить все как есть

с жизнью, известная поговорка оказывается такой точной: «Надежда умирает последней».

Противоположность надежде – это резигнация – отказ от ценности, отпускание ситуации на самотек, утрата связи с ней. В резигнации любовь к жизни умирает. Человек больше не доверяет жизни, отворачивается от нее, испытывает пора-

становится суицидальным.

Надежда пропитана силой жизни, так как в основе ее лежит глубокое единение со всеми структурными элементами экзистенции. Человек в надежде активен, участвует в жизни. Он занят той частью жизни, которая имеет мало значения для повседневности. Где присутствует надежда, там мы сталкиваемся с более глу-

боким уровнем экзистенции, в котором правит способность оставить все как есть.

Старание полностью заняться тем, чтобы быть-здесь (Dasein), мобилизует психические и умственные силы человека. Он видит смысл жизни и чувствует ее ценность. Он занят своей действительностью, с которой бывает не просто справляться, когда исчерпываются последние резервы что-то делать. Человек максимально мотивирован и укреплен, ориентирован и сохраняет связь со своей действительностью. Поэтому не удивительно, что эмпирические исследования показывают, что люди, имеющие надежду и смысл, более устойчивы, лучше восстанавливаются после болезни и ударов судьбы и показывают хорошую защищенность от вредных воздействий. Исследовали, например, воздействие наличия у человека смысла на развитие раковой опухоли (Breitbart et al., 2011), влияние оптимизма на иммунную систему (Brydon et al., 2009), негативное влияние депрессии на развитие рака груди (Pössel et al., 2012), позитивное влияние редукации стресса на уровень выживания при раке (Spiegel, 2012). Если бы надежду можно было производить, то ее, как уже было сказано, отнесли бы к психосоматическим лекарствам.

Проблема с «ложной» надеждой

В конфликте с надеждой оказываются те, кто страдает, когда надежда вступает в противоречие с правдой, то есть, те, у кого надежда была нереалистичной или те, кто недооценивает действительность. Восприятие может оказаться ошибочным, ошибочными могут оказаться каждая теория и гипотеза, доверие, любовь ... Представление о действительности, которое у нас есть, соответствует реальности в большей или в меньшей степени и, таким образом, является правдой в большей или в меньшей степени. Оно располагается между критической проверкой, предположениями и заблуждениями.

В том случае, когда пациенты предаются так называемой «ложной надежде», т.е. следуют иллюзии и сами себя обманывают или подвергаются обману, должен действовать принцип: до тех пор, пока ложная надежда не препятствует дей-

виям, которые при правильной оценке делают возможными полезные шаги, не стоит конфронтировать с ней или, тем более, разрушать ее. Ведь надежда – это выражение персонального отношения к жизни и не является объективным заключением.

Ложная, нереалистичная надежда в общем-то уже и не надежда, как она описана выше, а ожидание или желание – то есть позиция, которая не оставляет свободным, а привязывает к результату. За счет этого реальность держится на расстоянии, чтобы она не оказалась там, где она мешает желаниям. Реальность оказывается как бы вынесенной за скобки, не признанной и вытесненной. Вред ложной надежды в том, что мы больше не видим реальность, в то время как настоящая надежда означает признание реальности.

Не стоит просто разубеждать человека в ложной надежде. Чаще всего ее надо понимать как защитный механизм – механизм защиты психики. А это значит, что она нам нужна. И если ее отобрать, что-то окажется разрушенным. Человеку, питающему ложную надежду, можно сказать следующее: «Да, это было бы здорово, я бы Вам этого тоже пожелала, чтобы это было возможно ...» (вводить сослагательное наклонение). Далее мы можем как бы присоединиться к этому человеку и внушать ему, что надеяться означает, что мы никогда не можем знать наверняка. «Уверенным здесь быть нельзя ...», «Что заставляет Вас быть уверенным в этом?» – такими словами мы вводим человека в реальность, не отнимая у него полностью его надежду. Если мы располагаем временем, то можно обратиться к возможности, которая становится слабее:

Литература:

- Лэнгле А., Уколова Е.М., Шумский В.Б. Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования – Москва : Логос, 2014. – 556 с.
- Лэнгле А. Почему мы страдаем? Понимание, обхождение и обработка страдания с точки зрения экзистенциального анализа // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 4(24). – С. 23–33. doi: 10.11621/npj.2016.0403
- Лэнгле А. Экзистенциально-аналитическое понимание эмоциональности: теория и практика // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17). – С. 26–38. doi: 10.11621/npj.2015.0104
- Breitbart W, Applebaum A (2011). Meaning-Centered Group Psychotherapy. In: *Handbook of Psychotherapy in Cancer Care*. Watson M, Kissane D (eds.) Wiley-Blackwell, West Sussex, UK6 (12), 137–148. doi: 10.1002/9780470975176.ch12
- Brydon L, Cicely W, Wawrzyniak A, Chart H, A. (2009). Dispositional optimism and stress-induced changes in immunity and negative mood. In: *Brain, Behavior, and Immunity*, 23(6), 810–816. doi: 10.1016/j.bbi.2009.02.018
- Camus, A. (1959). *Der Mythos von Sisyphos. Ein Versuch über das Absurde*. Reinbek, Rowohlt.
- Frankl, V.E. (1959). *Grundriss der Existenzanalyse. Handbuch der Neurosenlehre und Psychotherapie*. Frankl V., Gebattel V., & Schultz J.H. (Hrsg). München, Urban & Schwarzenberg, III, 663–736.
- Frankl, V.E. (1963). *Man's Search for Meaning*. New York, Simon & Schuster.

«А Вы уже думали о том, как бы это было для Вас, если бы все сложилось иначе ...» Это подготавливает к принятию другой возможности без отнимания надежды.

Похожим образом выстраивается обращение с обратным феноменом – с ложным отсутствием надежды или, точнее говоря, с отчаянием (резигнацией). Здесь также рекомендуется начать с приближения человека к реальности: «Вы

Ложная, нереалистичная надежда в общем-то уже и не надежда, как она описана выше, а ожидание или желание – то есть позиция, которая не оставляет свободным, а привязывает к результату. За счет этого реальность держится на расстоянии, чтобы она не оказалась там, где она мешает желаниям. Реальность оказывается как бы вынесенной за скобки, не признанной и вытесненной. Вред ложной надежды в том, что мы больше не видим реальность, в то время как настоящая надежда означает признание реальности

точно знаете, что это исключено? Откуда Вы это знаете?» Конечно, здесь есть и другие возможности, можно кратко обрисовать ситуацию, разъяснить, что отсутствие надежды у человека может быть защитой от боли возможного разочарования, которое ему невозможно было бы выдержать, поэтому он хочет избежать разочарования, заняв позицию отчаяния и пр.

Выводы

Надежда – это сохранение отношений с ценным. Надежда реалистична, потому что наступление будущего никогда до конца не предопределено. Надежда парадоксальна: она заставляет делать что-то там, где уже ничего нельзя сделать. Там, где надежда, есть и смысл, безнадежность – это потеря смысла.

Надежда – противоположный полюс отчаяния, она сохраняет человека в активной позиции и в отношениях с ценностями и, таким образом, соединяет его с жизнью в ситуациях, где ничего больше сделать нельзя. Поэтому надежда имеет большой потенциал для резильентности.

Ложная надежда нереалистична и расценивается как защитная реакция психики. Поскольку она таким образом испол-

няет некую функцию, не стоит ее просто отбирать у человека, лучше бережно подвернуть ее сомнению.

Заключение

Надежда пронизывает всю нашу жизнь и проявляется в маленьких, незаметных действиях. Разве сделать вдох – это уже не проявление надежды? Это участие в жизни и, таким образом, выражение привязанности к ценности жизни и к целительной силе становления, которая содержится в жизни. Вдох и выдох – это ритмичное чередование процесса внесения себя в отношения охватывающие наше Бытие, физическое, психическое и духовное в человеке. Поэтому римляне так точно говорили: *Dum spiro, spero*. – До тех пор, пока я дышу, я надеюсь.

- Frankl, V.E. (1963). *Der Wille zum Sinn*. München, Piper.
- Frankl, V.E. (1976). *The Will to Meaning: Foundations and Applications of Logotherapy*. N.Y., New American Library.
- Frankl, V.E. (1982). *Ärztliche Seelsorge*. Wien, Deuticke.
- Frankl, V.E. (1975-2005). *Der leidende Mensch. Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie*. Bern, Huber.
- Frankl V.E. (2004). *Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn. Eine Auswahl aus dem Gesamtwerk*. Vorwort von Konrad Lorenz. Serie Piper 289, München, 17. Auflage
- Frankl, V.E. (2006). *...trotzdem Ja zum Leben sagen. Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager*. (Kösel-Verlag, München, 8. Auflage 2002). München, dtv (30142), 26.
- Kluge, F. (1975). *Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache*. Berlin de Gruyter.
- Längle, A. (1990) *Existential Analysis Psychotherapy. The International Forum of Logotherapy*, 13, 17–19.
- Längle, A. (1992/1999). Die existentielle Motivation der Person, *Existenzanalyse*, 16(3), 18–29.
- Längle, A. (1994a). Sinn-Glaube oder Sinn-Gespür? Zur Differenzierung von ontologischem und existentiellm Sinn in der Logotherapie. [*Bulletin der GLE*], 11(2), 15–20.
- Längle, A. (1994b). Lebenskultur-Kulturerleben. Die Kunst, Bewegendem zu begegnen. *Bulletin der GLE*, 11(1), 3–8.
- Längle, A. (1994c). Zur Bewältigung von Angst und Schmerz bei schwerer Krankheit. *Der Praktische Arzt*, 48(708), 498–505.
- Längle, A. (2002). *Wenn der Sinn zur Frage wird*. Wien, Picus.
- Längle, A. (2007). *Sinnvoll leben. Angewandte Logotherapie*. St. Pölten, Residenz.
- Längle, A. (2008). *Existenzanalyse*. Längle A., & Holzhey-Kunz A. *Existenzanalyse – Daseinsanalyse*. Wien, Facultas-UTB.
- Längle A. (2013). *Viktor Frankl – eine Begegnung*. Wien: Facultas-WUV.
- May R. (1979). *Psychology and the Human Dilemma*. New York: Norton,
- Nindl A. (2001). Zwischen existentieller Sinnerfüllung und Burnout. *Existenzanalyse*, 18, 15–23.
- Orlinsky D.E., Ronnestad M.H. & Willutzki U. (2003). Fifty years of psychotherapy process-outcome research: continuity and change. *M.J. Lambert & D.R. Dupper (Eds.) Bergin and Garfield's handbook of psychotherapy and behavior change*. New York: Wiley, 307–390.
- Pössel P., Adams E., & Valentine J.C. (2012). Depression as a risk factor for breast cancer: investigating methodological limitations in the literature. In: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/22706674> *Cancer Causes Control*, 23(8), 1223–1229. doi: 10.1007/s10552-012-0014-y
- Rogers C.R. (1961). *On becoming a person*. Boston: Houghton Mifflin.
- Rogers C.R. (1966). *Client-centered therapy*. S. *Arieti (Ed.) American handbook of psychiatry*, 3. New York: Basic Books, 183–200.
- Rogers C.R. (1984). Der Prozeß des Wertens beim reifen Menschen. *C.R. Rogers & B. Stevens Von Mensch zu Mensch*. Paderborn: Junfermann, 37–55.
- Rolls E.T., & Grabenhorst F. (2008). The orbitofrontal cortex and beyond: From affect to decision-making. *Prog Neurobiol*, 86, 216–244. doi: 10.1016/j.pneurobio.2008.09.001
- Scheler M. (1980). *Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik*. Bern: Francke.
- Scheffl F. (2010). Schule und Existenz: Existenzanalytische Untersuchung des Zusammenhangs schulischer Erfahrungen mit Burnout-Erkrankungen. *Existenzanalyse*, 27, 11–20.
- Schore A. (2007). *Affektregulation und die Reorganisation des Selbst*. Stuttgart: Klett Cotta Verlag.
- Seitz R.J., Nickel J., & Azari N.P. (2006). Functional modularity of the medial prefrontal cortex: involvement in human empathy. *Neuropsychology*, 20, 743–751. doi: 10.1037/0894-4105.20.6.743.
- Soucek W. (1948). Die Existenzanalyse Frankls, die dritte Richtung der Wiener Psychotherapeutischen Schule. *Deutsche Medizinische Wochenschrift*, 73, 594. doi: 10.1055/s-0028-1118230
- Spiegel D., Bloom J.R., Kraemer H.C., & Gottheil E. (1989). Effect of psychosocial treatment on survival of patients with metastatic breast cancer. In: *The Lancet*, 2, 888–891. doi: 10.1016/S0140-6736(89)91551-1
- Spiegel D. (2012). Mind matters in cancer survival. In: *Psychooncology*, 21(6), 588–593. doi: 10.1002/pon.3067
- Sprenger, W. (1983) *Ungelebtes Leben leben*. Konstanz, Nie-nie-sagen-Verlag.
- Stumm G. & Pritz A. (eds.) (2000). *Wörterbuch der Psychotherapie*. Vienna: Springer. 10.1007/978-3-211-99131-2
- Stumm G. & Wirth B. (eds.) (1994). *Psychotherapie: Schulen und Methoden: Eine Orientierungshilfe für Theorie und Praxis*. Vienna: Falter.
- Tutsch L., Drexler H., Wurs E., Luss, K. & Orgler C. (2000). Ist Sinn noch aktuell? (Part 1). *Existenzanalyse*, 17(3), 4–16.
- Tutsch L., Drexler H., Wurst E., Luss K. & Orgler C. (2001). Ist Sinn noch aktuell? (Part 2). *Existenzanalyse*, 18(1), 4–14.
- Ulich D. (2000). Emotion. G. *Weninger (Ed.) Lexikon der Psychologie in fünf Bänden*. Heidelberg: Spektrum, 373–383.
- Weninger G. (Ed.). (2000). *Lexikon der Psychologie in fünf Bänden*. Heidelberg: Spektrum.

References:

- Breitbart W, Applebaum A (2011). Meaning-Centered Group Psychotherapy. In: *Handbook of Psychotherapy in Cancer Care*. Watson M, Kissane D (eds.) Wiley-Blackwell, West Sussex, UK6 (12), 137–148. doi: 10.1002/9780470975176.ch12
- Brydon L, Cicely W, Wawrzyniak A, Chart H, A. (2009). Dispositional optimism and stress-induced changes in immunity and negative mood. In: *Brain, Behavior, and Immunity*, 23(6), 810–816. doi: 10.1016/j.bbi.2009.02.018
- Camus, A. (1959). *Der Mythos von Sisyphos. Ein Versuch über das Absurde*. Reinbek, Rowohlt.
- Frankl, V.E. (1959). *Grundriß der Existenzanalyse. Handbuch der Neurosenlehre und Psychotherapie*. Frankl V., Gebattel V., & Schultz J.H. (Hrsg.). München, Urban & Schwarzenberg, III, 663–736.

- Frankl, V.E. (1963). *Man's Search for Meaning*. New York, Simon & Schuster.
- Frankl, V.E. (1963). *Der Wille zum Sinn*. München, Piper.
- Frankl, V.E. (1976). *The Will to Meaning: Foundations and Applications of Logotherapy*. N.Y., New American Library.
- Frankl, V.E. (1982). *Ärztliche Seelsorge*. Wien, Deuticke.
- Frankl, V.E. (1975-2005). *Der leidende Mensch. Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie*. Bern, Huber.
- Frankl V.E. (2004). *Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn. Eine Auswahl aus dem Gesamtwerk*. Vorwort von Konrad Lorenz. Serie Piper 289, München, 17. Auflage
- Frankl, V.E. (2006). *...trotzdem Ja zum Leben sagen. Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager*. (Kösel-Verlag, München, 8. Auflage 2002). München, dtv (30142), 26.
- Kluge, F. (1975). *Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache*. Berlin de Gruyter.
- Längle, A., Ukolov, E.M., & Shumsky, V.B. (2014). *Modern existential analysis: history, theory, practice, study*. Moscow, Logos, 556.
- Längle A. (2016). Why do we suffer? Understanding, treatment and processing of suffering in terms of existential analysis. *National Psychological Journal*, 4, 23–33. doi: 10.11621/npj.2016.0403
- Längle A. (2015). Existential analytic understanding of emotion: theory and practice. *National psychological journal*, 1(17), 26–38. doi: 10.11621/npj.2015.0104
- Längle, A. (1990) *Existential Analysis Psychotherapy. The International Forum of Logotherapy*, 13, 17–19.
- Längle, A. (1992/1999). Die existentielle Motivation der Person, *Existenzanalyse*, 16(3), 18–29.
- Längle, A. (1994a). Sinn-Glaube oder Sinn-Gespür? Zur Differenzierung von ontologischem und existentiellm Sinn in der Logotherapie. [*Bulletin der GLE*], 11(2), 15–20.
- Längle, A. (1994b). Lebenskultur-Kulturerleben. Die Kunst, Bewegendem zu begegnen. *Bulletin der GLE*, 11(1), 3–8.
- Längle, A. (1994c). Zur Bewältigung von Angst und Schmerz bei schwerer Krankheit. *Der Praktische Arzt*, 48(708), 498–505.
- Längle, A. (2002). Wenn der Sinn zur Frage wird. Wien, Picus.
- Längle, A. (2007). *Sinnvoll leben. Angewandte Logotherapie*. St. Pölten, Residenz.
- Längle, A. (2008). *Existenzanalyse*. Längle A., & Holzhey-Kunz A. *Existenzanalyse – Daseinsanalyse*. Wien, Facultas-UTB.
- Längle A (2013). *Viktor Frankl – eine Begegnung*. Wien: Facultas-WUV.
- May R. (1979). *Psychology and the Human Dilemma*. New York: Norton,
- Nindl A. (2001). Zwischen existentieller Sinnerfüllung und Burnout. *Existenzanalyse*, 18, 15-23.
- Orlinsky D.E., Ronnestad M.H. & Willutzki U. (2003). Fifty years of psychotherapy process-outcome research: continuity and change. *M.J. Lambert & D.R. Dupper (Eds.) Bergin and Garfield's handbook of psychotherapy and behavior change*. New York: Wiley, 307–390.
- Pössel P, Adams E., & Valentine J.C. (2012). Depression as a risk factor for breast cancer: investigating methodological limitations in the literature. In: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/22706674> *Cancer Causes Control*, 23(8), 1223–1229. doi: 10.1007/s10552-012-0014-y
- Rogers C.R. (1961). *On becoming a person*. Boston: Houghton Mifflin.
- Rogers C.R. (1966). Client-centered therapy. S. *Arieti (Ed.) American handbook of psychiatry*, 3. New York: Basic Books, 183–200.
- Rogers C.R. (1984). Der Prozeß des Wertens beim reifen Menschen. *C.R. Rogers & B. Stevens Von Mensch zu Mensch*. Paderborn: Junfermann, 37–55.
- Rolls E.T., & Grabenhorst F. (2008). The orbitofrontal cortex and beyond: From affect to decision-making. *Prog Neurobiol*, 86, 216–244. doi: 10.1016/j.pneurobio.2008.09.001
- Scheler M. (1980). *Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik*. Bern: Francke.
- Schefel F. (2010). Schule und Existenz: Existenzanalytische Untersuchung des Zusammenhangs schulischer Erfahrungen mit Burnout-Erkrankungen. *Existenzanalyse*, 27, 11–20.
- Schore A. (2007). *Affektregulation und die Reorganisation des Selbst*. Stuttgart: Klett Cotta Verlag.
- Seitz R.J., Nickel J., & Azari N.P. (2006). Functional modularity of the medial prefrontal cortex: involvement in human empathy. *Neuropsychology*, 20, 743–751. doi: 10.1037/0894-4105.20.6.743.
- Soucek W. (1948). Die Existenzanalyse Frankls, die dritte Richtung der Wiener Psychotherapeutischen Schule. *Deutsche Medizinische Wochenschrift*, 73, 594. doi: 10.1055/s-0028-1118230
- Spiegel D., Bloom J.R., Kraemer H.C., & Gottheil E. (1989). Effect of psychosocial treatment on survival of patients with metastatic breast cancer. In: *The Lancet*, 2, 888–891. doi: 10.1016/S0140-6736(89)91551-1
- Spiegel D. (2012). Mind matters in cancer survival. In: *Psychooncology*, 21(6), 588–593. doi: 10.1002/pon.3067
- Sprenger, W. (1983) *Ungelebtes Leben leben*. Konstanz, Nie-nie-sagen-Verlag.
- Stumm G. & Pritz A. (eds.) (2000). *Wörterbuch der Psychotherapie*. Vienna: Springer. 10.1007/978-3-211-99131-2
- Stumm G. & Wirth B. (eds.) (1994). *Psychotherapie: Schulen und Methoden: Eine Orientierungshilfe für Theorie und Praxis*. Vienna: Falter.
- Tutsch L., Drexler H., Wurst E., Luss, K. & Orgler C. (2000). Ist Sinn noch aktuell? (Part 1). *Existenzanalys*, 17(3), 4-16.
- Tutsch L., Drexler H., Wurst E., Luss K. & Orgler C. (2001). Ist Sinn noch aktuell? (Part 2). *Existenzanalyse*, 18(1), 4–14.
- Ulich D. (2000). Emotion. G. *Wenninger (Ed.) Lexikon der Psychologie in fünf Banden*. Heidelberg: Spektrum, 373–383.
- Wenninger G. (Ed.). (2000). *Lexikon der Psychologie in fünf Banden*. Heidelberg: Spektrum.

Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально- экономического статуса семьи

А.А. Реан, И.А. Коновалов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Поступила 21 февраля 2019/ Принята к публикации: 16 марта 2019

Manifestation of the aggression in adolescents depending on gender and socio-economic status of the family

Artur A. Rean*, Ivan A. Konovalov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: arean@hse.ru

Received February 21, 2019 / Accepted for publication: March 16, 2019

Актуальность (контекст) тематики статьи. Проблемы асоциального поведения и подростковой агрессивности классически рассматриваются с точки зрения психологического благополучия семьи. Такое исследование весьма актуально, поскольку факторы социально-экономического неравенства семей являются одним из проявлений культурно-исторического контекста, в котором проходит развитие современных подростков.

Цель: теоретико-эмпирическое обоснование необходимости рассмотрения агрессивности подростков в контексте проблемы социально-экономического неравенства.

Описание хода исследования. Исследование было реализовано в форме онлайн-опроса, проходившего в школах РФ. Оценка агрессивности осуществлялась с помощью сокращенной версии опросника Басса-Дарки. Выборку составили 883 респондента из семи регионов Российской Федерации. В выборку вошли учащиеся старших классов различных типов школ. Гендерный состав: юноши – 41%, девушки – 59%. Средний возраст респондентов составил 16 лет. Обработка данных осуществлялась с помощью следующих методов статистической обработки: критерий Краскалла-Уоллеса, критерии Стьюдента и Манна-Уитни, факторный анализ по методу максимального правдоподобия. Обработка данных осуществлена в R Studio (R version 3.4.2)

Результаты исследования. В рамках исследования установлено, что различия показателей агрессивности отражаются преимущественно на субъективных аспектах агрессивности (обида, чувство вины), а также общего показателя агрессивности в зависимости от социально-экономического статуса семьи. Различные уровни готовности к физической агрессии проявляют респонденты из семей, в которых работают только отец или только мать. Установлено, что юношам и девушкам свойственна склонность к различным проявлениям агрессивности. Было выявлено также, что различия в показателях агрессивности в контексте культурного капитала и социально-экономического статуса семьи отражаются преимущественно на субъективных аспектах агрессивности.

Выводы. Несмотря на статистическую значимость полученных различий, с абсолютной точки зрения, различия крайне невелики. Можно предположить, что показатели социально-экономического благополучия семьи связаны с подростковой агрессивностью опосредованно – ключевым моментом являются все же психологические характеристики: специфика взаимоотношения между родителями и ребенком, особенности воспитательных практик, предпочитаемых родителями, особенности организации жизни семьи и др. Сами по себе факторы социально-экономического благополучия выступают, по-видимому, лишь условием, облегчающим или же, наоборот, затрудняющим реализацию воспитательных практик, принятых в семье, ключевая же роль принадлежит активности как родителей, так и ребенка. Однако для доказательного обоснования данного положения требуется проведение отдельного исследования.

Ключевые слова: социально-экономическое благополучие, агрессивность, враждебность, семья, подростки, гендерные различия, неравенство.

Background The issue of antisocial behaviour and adolescent aggressiveness are usually studied from the perspective of family psychological well-being. Social and economic inequality of contemporary families are important factors of cultural and historical context of the of modern adolescents' developmental situation.

Objective The paper provides an attempt of articulating the theoretical basis of adolescents' aggression, i.e. family SES analysis. The paper is also dedicated to the research of differences in adolescents' aggression indicators within gender- and family SES- groups spectrum.

Design The research was conducted as an online survey in the public schools of Russian Federation. The present sample consisted of 883 respondents (59% were females, 41% were males). The average age was 16 years. Adolescents' aggression was assessed by the short version of Buss-Durkey Inventory. Statistical analysis methods included Kruskal-Wallis test, T-test, Mann-Whitney test and factor analysis (maximum likelihood).

Results. The study revealed that differences in aggression indicators are mainly reflected in the subjective aspects of aggression (resentment and guilt), and also a general indicator of aggression depending on the socio-economic status of the family. Different levels of preparedness for physical aggression are shown by respondents from families in which only the father or only the mother works. Both females and males are prone to various manifestations of aggressiveness. Differences in indicators of aggression in the context of cultural capital and the socio-economic status of the family are reflected mainly in the subjective aspects of aggression.

Conclusion. Statistically speaking, the differences obtained are quite significant, but from an absolute point of view they are extremely small. The indicators of socio-economic well-being of a family are related to adolescent aggression indirectly, with psychological characteristics being the key point. Specific features of the relationship between parents and the child, features of educational practices preferred by parents, features of family organization, etc. Economic well-being appear only a condition that facilitates or, conversely, complicates the implementation of educational practices adopted in the family. The major role belongs to the activity of both parents and children. A further research is required to verify the latter.

Keywords: socio-economic background, aggression, hostility, family, adolescents, gender differences, inequality.

Введение

В настоящее время проблематика неравенства, прежде всего, социально-экономического, все чаще становится предметом исследований в сфере образования. В фокусе внимания оказываются вопросы равного доступа к образованию и образовательные достижения учащихся, по отношению к которым установлены основные эффекты влияния неравенства (Фруммин, 2006). Также существует ряд исследований, посвященных различиям переживаний субъективного благополучия в контексте социально-экономической дифференциации (Michalos, 2017). Не менее важным направлением в исследовании эффектов неравенства является гендерная проблематика.

преодолению последствий социально-экономической дифференциации, влияющей на образовательный процесс и его результаты (Pinskaya et. al., 2017; Теория и практика поддержки ..., 2017).

Сами эффекты неравенства в образовании являются своего рода «лакмусовой бумагой», помогающей выявить те или иные аспекты резильентности образовательной системы отдельных государств. Это, например, отражается в аналитических материалах сопровождающих реализацию «шагов» международного исследования PISA (Salinas, 2017).

Проблемы асоциального поведения и агрессивности, в частности, подростковой не часто попадают в фокус внимания исследований, рассматривающих влияние неравенства в сфере образова-

ми преступности. Было установлено, что существует связь социально-экономической дифференциации с тяжкими преступлениями, но не была выявлена ее связь с преступлениями против собственности (Kelly, 2000). Обобщение результатов многочисленных исследований показывает, что бедность является одним из наиболее надежных признаков, позволяющих прогнозировать подростковую преступность, как среди юношей, так и среди девушек (Бартол, 2004).

В нашей работе мы опираемся на разделение понятий «агрессия» и «агрессивность». Агрессивность является личностным свойством, выражающимся в готовности к агрессивному поведению. Агрессия – это действие, связанное с нанесением ущерба другому (Реан, 1996). Именно уровень агрессивности мы считаем релевантным показателем при анализе проблем современного подростка, в дальнейшем нацеленном на профилактику.

Агрессивность как личностное свойство имеет ряд составляющих, в частности, поведенческую готовность к деструктивному поведению и социально-перцептивную готовность к интерпретации событий окружающего мира как враждебных («hostile attribution» в западной литературе). Наличие социально-перцептивной готовности обуславливает существование личностных диспозиций, которые, в свою очередь, могут быть подвергнуты педагогической коррекции.

В ряде отечественных исследований была поднята проблема связи показателей агрессивности с различными характеристиками, в частности, такими, как гендер и социально-экономический статус. П.А. Ковалев проанализировал в качестве самостоятельных психологических феноменов такие явления, как склонность к разным видам агрессивного поведения, и агрессивность как свойство личности. Им были выявлены типы агрессивного поведения подростков и юношей, связь между типом агрессивного поведения и социальным статусом школьника в классе (Ковалев, 1996).

В работе С.В. Марковой показано, что юноши 15–17 лет имеют схожий с девушками уровень выраженности агрессивных проявлений, но отличную структуру агрессивности, что выражается в параметрах маскулинности, склонности к деви-

Агрессивность как личностное свойство имеет ряд составляющих, в частности, поведенческую готовность к деструктивному поведению и социально-перцептивную готовность к интерпретации событий окружающего мира как враждебных. Наличие социально-перцептивной готовности обуславливает существование личностных диспозиций, которые, в свою очередь, могут быть подвергнуты педагогической коррекции.

Способность образовательной системы нивелировать эффекты социально-экономического неравенства является одним из показателей ее эффективности. Было введено понятие «резильентная школа», обобщающее совокупность практик, в значительной степени способствующих

ни. Эффекты неравенства, связанные с преступностью и асоциальным поведением, фиксируются в криминологических исследованиях. Так, например, в работе М. Келли была поставлена задача выяснения связи между социально-экономическим неравенством и различными типа-

Артур Александрович Реан –

доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования, заведующий лабораторией профилактики асоциального поведения Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail: arean@hse.ru
<https://www.hse.ru/org/persons/198024489>

Иван Александрович Коновалов –

аналитик лаборатории профилактики асоциального поведения Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail: ikononov@hse.ru
<https://www.hse.ru/org/persons/208457695#sci>

антному поведению и степени выраженности перфекционизма (Маркова, 2012). И.Э. Кондракова рассматривала ограниченность среды подростковой самореализации как фактор, обуславливающий агрессивное поведение (Кондракова, 2000).

Имеется значительное количество исследований, в которых подростковая агрессивность изучается в русле детско-родительских отношений. Например, было установлено, что «вторгающиеся» поведение со стороны матери и отца связано с высоким уровнем детско-родительской враждебности (Weymouth, Buehler, 2016), что не может не оказывать влияния на развитие подростковой агрессивности. По итогам лонгитюдного исследования Т. Трифан и Х. Статтина установлено, что подростки, вовлеченные во враждебные взаимодействия дома, более подвержены риску участия в конфликтах в иных повседневных ситуациях: в школе, в общении со сверстниками в свободное время. При этом результат оказывается устойчивым во времени (Trifan, Stattin, 2016).

Существует положительная зависимость между строгостью наказания детей и уровнем их агрессивности. В результате изучения сначала младших школьников, а затем подростков было обнаружено, что те дети, которые подвергались со стороны родителей строгим наказаниям, проявляли в поведении большую агрессию. Более того, Л.Д. Эрном с соавторами было установлено, что суровость наказания по отношению к детям 8-ми лет коррелировала с агрессивностью их поведения в 18-ти и 30-ти летнем возрасте (Бэрон, Ричардсон, 2001). В другом исследовании было показано, что наименее агрессивные 18-ти летние юноши были как раз из числа тех, кого в 8-ми летнем возрасте родители, хотя и наказывали, но не строго (Lefkowitz et al., 1977).

Выдвинут ряд гипотез о связи враждебности и различных параметров социально-экономического статуса: субъективно оцениваемого актуального социально-экономического статуса (MacArthur Scale of Subjective Social Status), благосостояния семьи в период дошкольного детства (от 0 до 7 лет) респондента (параметр оценивался с помощью вопроса: владела ли семья респондента недвижимой собственностью в этот период) и «объективного» уровня социально-экономического

статуса (оценивалось образование родителей и доход семьи). В рамках исследования было установлено, что враждебность не связана ни с субъективной, ни с объективной оценкой актуального социально-экономического благополучия, но

При изучении агрессивности детей и подростков в школьной среде и влияния на это семейных факторов необходимо учитывать как психологический, так и социологический взгляды на проблему. Параметры социально-экономической дифференциации являются примером релевантных социологических характеристик. К ним можно отнести такие индикаторы социально-экономического благополучия семьи, как образование родителей и финансовый статус семьи.

обнаружилась ее устойчивая связь с уровнем благосостояния семьи в детстве респондента (Makosinska et al., 2016). Отметим, что испытуемыми в данном проекте выступили студенты. Интерпретируя полученные результаты, авторы исследования полагают, что такие результаты могут быть связаны со спецификой положения студента в обществе – молодой человек во многом дистанцировался от своей семьи и ищет свой личный путь, но при этом в качестве меры его «объективного» благополучия брались параметры его родительской семьи (Makosinska et al., 2016).

Задачей данного этапа исследования является оценка связей между показателями подростковой агрессивности и характеристиками семейного благополучия (уровень образования родителей, наличие работы у родителей и финансовый статус семьи), а также рассмотрение агрессивности современных подростков в гендерном аспекте

Изучение подростковой агрессивности в контексте социально-экономической дифференциации является важной научной задачей. Дальнейшая «проекция» научных результатов в область образовательной практики может и должна внести весомый вклад в выстраивание доказательно обоснованной системы профилактики асоциального поведения в школьной среде.

В настоящий момент актуальной является задача изучения школьной агрессивности в контексте воспитательной деятельности основных агентов образовательного процесса – семьи и школы.

При изучении агрессивности детей и подростков в школьной среде и влияния на это семейных факторов необходимо учитывать как психологический, так и социологический взгляды на проблему.

Параметры социально-экономической дифференциации являются примером релевантных социологических характеристик. К ним можно отнести такие индикаторы социально-экономического благополучия семьи, как образование ро-

дителей и финансовый статус семьи.

Говоря о психологическом аспекте, можно отметить, что семейные практики, ведущие к развитию асоциального и агрессивного поведения, были предметом изучения во многих работах (Рван, 2009, 2013; Семья: психология, педагогика ..., 2010; Cutrín et al., 2015; Piquero et al., 2016). Исследования школьного климата в последнее время набирают все большую популярность как в зарубежной (Berkowitz et al., 2017; Wang, Degol, 2016; O'malley et al., 2015), так и в отечественной психологии и педагогике (Чиркина,

Хавенсон, 2017; Александров и др., 2018).

Взаимодействие таких социальных институтов, как семья и школа обусловлено культурно-исторически – и школьные, и семейные воспитательные практики испытывают влияние социально-экономической обстановки на уровне государства и на уровне отдельной семьи или школы. Это во многом обуславливает специфику их взаимодействия.

В настоящей статье мы не ставим своей целью провести оценку взаимодействия рассматриваемых характеристик семьи и школы. Задачей данного этапа исследования является оценка связей между показателями подростковой агрессивности и характеристиками семейного благополучия (уровень образования родителей, наличие работы у родителей и финансовый статус семьи), а также рас-

смотрение агрессивности современных подростков в гендерном аспекте.

Проведение исследования

Выборка и используемые методики

Выборка. Выборку составили 883 респондента из семи регионов Российской Федерации. В выборку вошли учащиеся старших классов различных типов школ. Гендерный состав: юноши – 41%, девушки – 59%. Средний возраст респондентов 16 лет. В соответствии с международными представлениями – это подростковый возраст.

Табл. 1. Процент респондентов из городов с различной численностью населения

Численность населенного пункта	Процент респондентов из выборки
Менее 100 тыс. чел	15%
От 100 тыс. чел. до 500 тыс.чел.	50%
От 500 тыс.чел. до 1 000 000 чел.	12 %
Более 1000000 чел.	23%

Table 1. Percentage of respondents from cities with different populations

Population	Respondents, per cent
Less than 100,000 prs	15%
From 100,000 prs to 500,000 prs	50%
From 500,000 prs to 1,000,000 prs	12 %
Over 1,000,000 prs	23%

Методики. Оценка агрессивности в рамках нашего исследования была осуществлена в соответствии с концепцией Басса-Дарки. Были использованы утверждения, фиксирующие типичные проявления поведенческих реакций, соответствующих различным видам агрессивного поведения, выделенных в рамках указанного подхода. Всего было включено 16 высказываний, с которыми испытуемые высказывали свое согласие или несогласие по четырехбалльной шкале. На каждый из видов агрессивности приходится от одного до трех утверждений. Соотношение утверждений и конкретных видов агрессии в рамках концепции Басса-Дарки будет рассмотрено ниже. В рамках этой концепции каждое утверждение из исходного опросника относится только к одному виду агрессивности, поэтому использование отдельных вопросов для оценки интересующего нас параметра вполне обоснованно.

Однако данный факт накладывает ограничения на получение выводов относи-

тельно высокой или низкой выраженности того или иного показателя. Поэтому в нашей работе речь не идет об индивидуальной-психологической диагностике и дифференциации личности подростков по уровню агрессивности. Анализ и интерпретация сосредоточены на том, для чего может быть корректно использован данный фактор, – на оценке связи между различными параметрами и на оценке значимости различий между группами испытуемых по интересующему нас параметру.

Социально-демографический блок вопросов. Для получения информации об образовании родителей использовался

закрытый вопрос: «Есть ли у Ваших родителей высшее образование?». Варианты ответов:

- Да, у обоих;
- Только у отца;
- Только у матери;
- У обоих нет высшего образования.

Для оценки материального положения семьи испытуемым был задан вопрос: «Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи?» Варианты ответов (далее для обозначения уровней факторов будут использованы соответствующие цифры):

1. На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности;
2. На еду и одежду хватает, но покупка телевизора, холодильника и т.п. представляет трудности;
3. Мы достаточно материально обеспечены, но чтобы купить автомобиль или съездить в дорогостоящий отпуск, придется залезать в долги;
4. Мы материально обеспечены, можем позволить себе покупку автомобиля и дорогостоящий отпуск.

Опрос проводился анонимно в онлайн-формате. Опрос был проведен в школах пяти регионов РФ, инструкция была озвучена педагогами, осуществляющими замены уроков, опрос проводился в компьютерных классах. Применялись следующие методы статистической обработки: критерий Краскала-Уоллеса, критерий Стьюдента и Манна-Уитни, факторный анализ по методу максимального правдоподобия.

Полученные результаты и их обсуждение

Распространенность различных видов готовности к агрессии. Рассмотрим распространенность различных видов готовности к агрессии, структура агрессии выделена согласно концепции Басса-Дарки.

По параметру «Готовность к физической агрессии» 63% подростков демонстрируют низкие показатели (2–3 балла), 25% респондентов показали средний уровень (4–5 баллов), у 12% подростков выявился высокий уровень готовности к физической агрессии (6–8 баллов). По параметру «Готовность к вербальной агрессии» 39% подростков демонстрируют низкие показатели (2–3 балла), для 44% респондентов характерны средние показатели (4–5 баллов), у 17% подростков высокий уровень выраженности данного параметра (6–8 баллов). По параметру «Косвенная агрессия» 74% подростков демонстрируют низкий уровень (1–2 балла), 26% респондентов – высокий уровень (3–4 балла). Что касается выраженности параметра «Негативизм», то выявилось, что у 31% подростков он на низком уровне (1–2 баллов), у 57% подростков на среднем уровне (4–5 баллов), 12% респондентов – высоким (6–8 баллов).

По параметру «Раздражение» для 33% подростков характерны низкие показатели (2–3 балла), 53% респондентов демонстрируют средние показатели (4–5 баллов), 14% подростков – высокие показатели (6–8 баллов). «Подозрительность» слабо выражена у 31% подростков (2–3 балла), средне – у 54% респондентов (4–5 баллов), сильно выражена у 15% подростков (6–8 баллов). По параметру «Обида» 40% подростков демонстрируют низкий уровень (2–3 балла), 51% респон-

дентов – средний уровень (4–5 баллов), 9% подростков – высокий уровень (6–8 баллов). Низкие показатели параметра «Чувства вины» характерны для 31% подростков (3–5 баллов), средние – для 38% респондентов (4–5 баллов), высокие – для 31% подростков (6–8 баллов).

В целом, можно отметить, что в большинстве случаев респонденты сообщают о низком или среднем уровне готовности к совершению агрессивных действий. Исключения составляют показатели готовности к косвенной агрессии (26%). Также достаточно большой процент респондентов (31%) отметили то, что для них характерен высокий уровень чувства вины, что в теории агрессии рассматривается как проявление аутоагрессивности.

Результаты факторного анализа. Для оценки факторной структуры был произведен факторный анализ по методу максимального правдоподобия (вращение – ротация). Процент объясненной дисперсии – 47%. В результате процедуры было выделено три фактора. Фактор 1 был нами проинтерпретирован как «Враждебность». Туда вошли утверждения, связанные с субъективными аспектами переживания агрессивности подростками: раздражением, подозрительностью, чувством вины (табл. 2).

Следует пояснить, что в рамках концепции Басса-Дарки понятие «враждебность» трактуется как «реакция отношения ... скрыто вербальная реакция, которой сопутствуют негативные чувства (злая воля) и негативная оценка людей и

событий» (Бэрон, Ричардсон, 2001, С. 61; Buss, 1961). Данное понятие выделяется в соотношении с понятием «агрессия», понимаемым как «ответ, содержащий стимулы, способные причинить вред другому существу» (Бэрон, Ричардсон, 2001, С. 61; Buss, 1961). Анализ современного состояния понятия «враждебность» в соотношении с клинической и криминологической проблематикой проведен С.Н. Ениколоповым (Ениколопов, 2007). Им оно определяется как «негативное отношение к каким-либо объектам» и рассматривается «в рамках представлений о картине мира» (Ениколопов, 2007, С. 34). Иными словами, понятие «враждебность» фиксирует когнитивно-эмоциональные проявления агрессивности.

Фактор 2 получил название «Готовность к совершению физической или вербальной агрессии».

Фактор 3 был условно обозначен как «Негативизм». Факторные нагрузки, на основе которых были осуществлены содержательные интерпретации факторов, представлены в табл. 2. В дальнейших расчетах используются как факторные значения, так и сумма баллов по отдельным видам агрессивности. Покажем отношение утверждений к исходным видам агрессии и показателям агрессивности в рамках концепции Басса-Дарки: физическая агрессия – утверждения 1, 2, вербальная – 3, 4, косвенная – 5, негативизм – 6, 7, раздражение – 7, 8, подозрительность – 10, 11, обида – 12, 13, чувство вины – 10, 11, 12 (табл. 2).

Агрессивность и пол респондентов. Нами были проанализированы различия агрессивности испытуемых в зависимости от пола респондентов. Были выявлены значимые различия между девушками и юношами по средним факторным значениям (фактор 1) ($W = 37.954, p < 0.001$). Согласно полученным данным, девушки демонстрируют несколько более высокий уровень враждебности (рис. 1). Иными словами, для девушек в большей степени характерно переживание негативных эмоций и чувств, связанных с агрессией (подозрительность, обида, раздражение и чувство вины), которые составляют основу выделенного нами фактора 1 – «Враждебность».

По фактору «Готовность к совершению физической и вербальной агрессии» выше оказываются показатели юношей (рис. 2). Различия статистически значимы ($W = 28.793, p < 0.001$). Иными словами, для юношей скорее характерна готовность проявлять агрессию по отношению к внешнему миру в физической или вербальной форме.

По фактору 3 «Негативизм» значимых различий между девушками и юношами выявлено не было ($W = 0.11851, p = 0.73$).

При рассмотрении отдельных параметров готовности к агрессии были получены значимые различия между девушками и юношами по параметру «Подозрительность» ($t = 3.6027, p < 0.001; W = 110010, p < 0.001$). Уровень подозрительности девушек оказался несколько выше (рис. 3).

Табл. 2. Распределение нагрузок по факторам (метод максимального правдоподобия, вращение ротация)

Утверждения	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
1. Временами не могу справиться с желанием навредить кому-либо.		0,792	-0,133
2. Если разозлюсь, могу ударить кого-нибудь.	-0,161	0,704	0,194
3. Если кто-то раздражает меня, готов сказать ему все, что о нем думаю.			0,727
4. Часто просто угрожаю людям, не собираясь приводить угрозы в исполнение.		0,559	
5. Могу вспомнить случаи, когда был настолько зол, что хватал первую попавшуюся под руку вещь и ломал ее.		0,575	
6. Когда установленное правило не нравится мне, хочется нарушить его.		0,262	0,412
7. Когда люди строят из себя начальников, я делаю все, чтобы они не зазнавались.			0,705
8. Легко раздражаюсь, но легко и успокаиваюсь.	0,553		0,192
9. Часто чувствую себя, как пороховая бочка, готовая взорваться.	0,582	0,275	
10. Меня настораживают люди, которые относятся ко мне более дружелюбно, чем я этого ожидаю.	0,604		
11. Раньше думал, что большинство людей говорит правду, но теперь этому не верю.	0,676	-0,129	0,171
12. Хотя я и не показываю этого, иногда меня гложет зависть.	0,621	0,132	-0,131
13. Иногда чувствую, что жизнь со мной поступает несправедливо.	0,691		
14. Делаю много такого, о чем впоследствии сожалею.	0,784		
15. Меня огорчает, что я мало делаю для своих родителей	0,741	-0,171	
16. Часто думаю, что живу неправильно.	0,814		

Table 2. Factor load distribution (maximum likelihood method, promax rotation)

Statements	Factor 1	Factor 2	Factor 3
1. Sometimes I can't cope with the desire to harm someone.		0.792	-0.133
2. If I get angry, I can hit someone.	-0.161	0.704	0.194
3. If someone annoys me, I am ready to tell them my piece of mind.			0.727
4. I often threaten people without having an intention to carry out the threat.		0.559	
5. I can remember when I was so angry that I grabbed whatever came to my hand and broke it.		0.575	
6. When I don't like the rule I want to break it		0.262	0.412
7. When people make themselves out to be bosses I do my best so as they do not put on airs.			0.705
8. I get irritated easily, but I calm down easily.	0.553		0.192
9. I often feel like a powder keg ready to explode.	0.582	0.275	
10. I'm worried about people who treat me more friendly than I expect.	0.604		
11. I used to think that most people tell the truth, but now I don't believe it.	0.676	-0.129	0.171
12. Sometimes envy gnaws me, although I do not show it.	0.621	0.132	-0.131
13. Sometimes I feel that life does not treat me fairly.	0.691		
14. I do a lot of things that I regret afterwards.	0.784		
15. The feeling that I do little for my parents makes me sad	0.741	-0.171	
16. I often think that I live inappropriate life.	0.814		

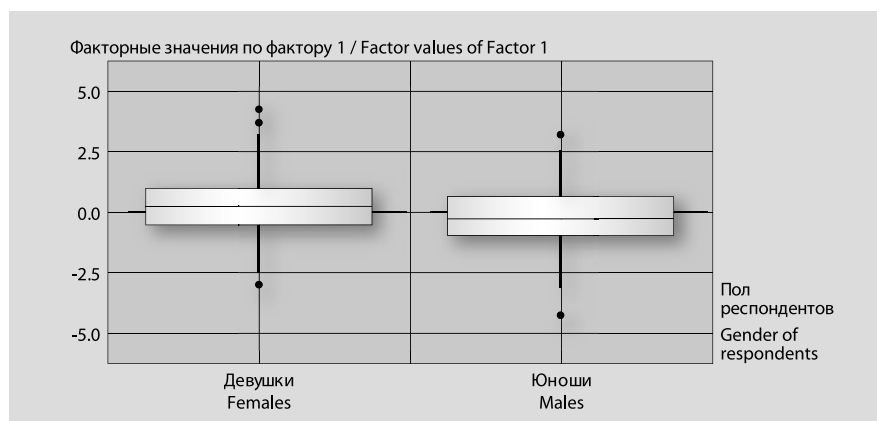

Рис. 1. Различия по средним факторным значениям (фактор 1) в зависимости от пола респондентов
Fig. 1. Differences in average factor values (Factor 1) depending on the gender of the respondents

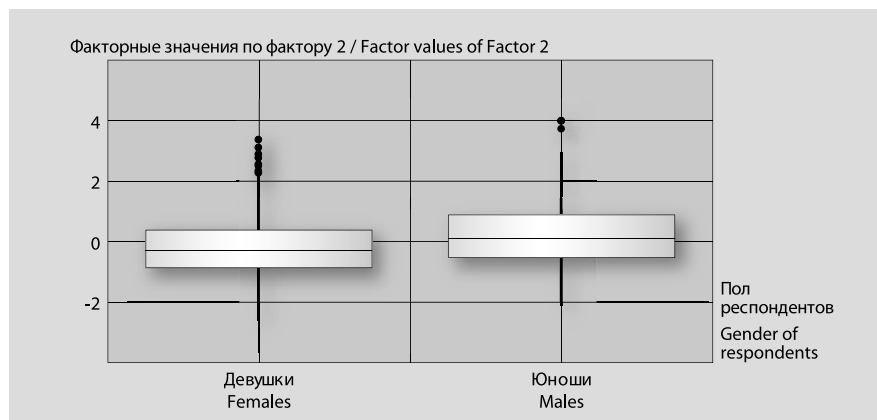

Рис. 2. Различия по средним факторным значениям (фактор 2) в зависимости от пола респондентов
Fig. 2. Differences in average factor values (Factor 2) depending on the gender of the respondents

Аналогичная тенденция наблюдается и относительно параметра «Раздражение» (рис. 4). Показатели девушек статистически значимо выше, чем юношей ($t = 5.2373, p < 0.001; W = 117040, p < 0.001$).

Таким образом, по фактору «Враждебность» нами были выявлены статистически значимо более высокие показатели у девушек, по сравнению с юношами, а по фактору «Готовность к вербальной или

физической агрессии» – наоборот, у юношей, по сравнению с девушками. Возможным объяснением полученных различий может служить тот факт, что в нашей культуре типичным является убеждение в том, что мальчикам можно проявлять некоторую агрессию, в отличие от девочек. Эти убеждения находят свое отражение в воспитательных практиках.

Однако в некоторой степени парадоксальным является полученный нами результат, согласно которому девушки превосходят юношей по таким параметрам агрессивности, как раздражение и обида. По остальным отдельным параметрам агрессивности различий не установлено. Возможно, это связано с тем, что в современной культуре сглаживаются поведенческие стереотипы маскулинности и феминности, и в определенных областях девушкам становится присуща склонность к традиционно маскулинному поведению.

Агрессивность в контексте социально-экономического благосостояния семьи. Ниже будут рассмотрены различия в уровне агрессивности подростков в зависимости от показателей социально-экономического благополучия семей: наличия у родителей высшего образования, работы и финансового статуса семьи.

Показатель «Подозрительность» выражен значимо выше у испытуемых, у которых отсутствует высшее образование у обоих родителей, или высшее образование есть только у матери ($N = 8.1806, df = 3, p = 0.042$).

При апостериорном анализе различия между группами «у родителей нет высшего образования» и «оба родителя имеют высшее образование» также подтверждаются ($W = 28570, p = 0.009378$).

Показатель готовности к физической агрессии оказался значимо выше у испытуемых, указавших, что в их семье работает только мать ($W = 4814, p = 0.0207$).

Перейдем к рассмотрению данных о степени агрессивности подростков в зависимости от наличия высшего образования у родителей.

Получены значимые различия между респондентами, имеющими родителей с разным уровнем образования ($N=13,47, p = 0.003$). При апостериорном анализе установлены различия между группами респондентов, у которых «у обоих родителей нет высшего образования», и тех, у которых «оба родителя имеют высшее образование» ($W = 6768, p = 0.003$).

По факторам 2 («Готовность к совершению физической или вербальной агрессии») и 3 («Негативизм») значимые различия в зависимости от наличия у родителей высшего образования отсутствуют. Напомним, что фактор 1 «Враждебность» концептуализирует субъективные аспекты переживания агрессивности. И именно в этом аспекте были получены значимые различия между группами испытуемых в связи с наличием высшего образования у семьи (рис. 7). Аналогичная тенденция наблюдается и относительно отдельных субъективных параметров агрессивности: «Обиды» (рис. 8) и «Чувства вины» (рис. 9).

Рассмотрим показатели агрессивности в контексте финансового статуса семьи (обозначения уровней фактора приведены выше).

Показатели по шкале «Обида» оказались значимо выше у испытуемых, отметивших наиболее низкий уровень финансового статуса своей семьи. И, наоборот, наиболее низкий уровень по данному показателю зафиксирован у испытуемых, указавших высокий уровень финансового статуса ($H = 17.95, df = 3, p = 0.000$).

Показатели по шкале «Чувство вины» оказались значимо выше у испытуемых, отметивших наиболее низкий уровень финансового статуса семьи. И, наоборот, наиболее низкий уровень по данному показателю зафиксирован у испытуемых,

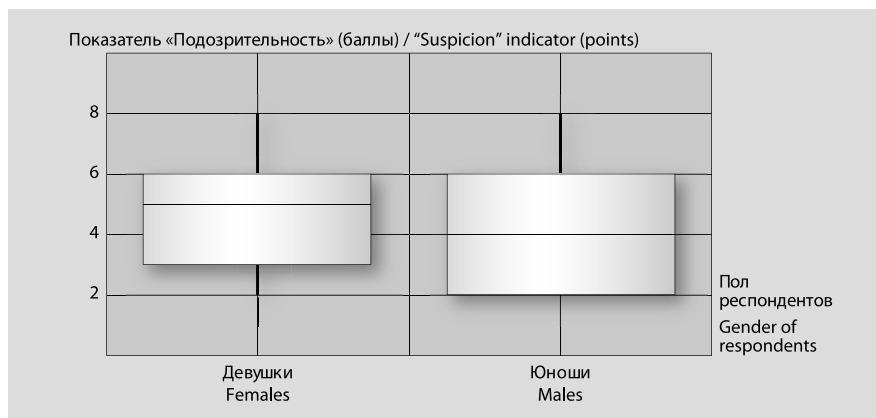

Рис. 3. Различия по показателю «Подозрительность» в зависимости от пола респондентов

Fig. 3. Difference in the "Suspicion" indicator depending on the gender of the respondents

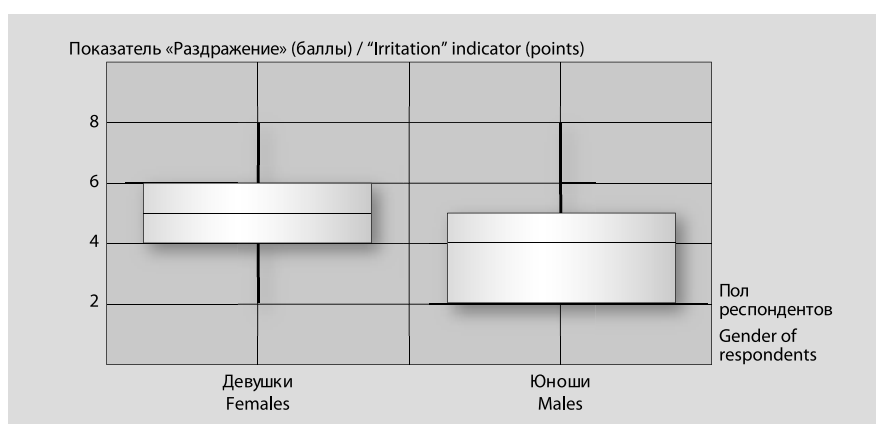

Рис. 4. Различия по показателю «Раздражение» в зависимости от пола респондентов

Fig. 4. Difference in the "Irritation" indicator depending on the gender of the respondents

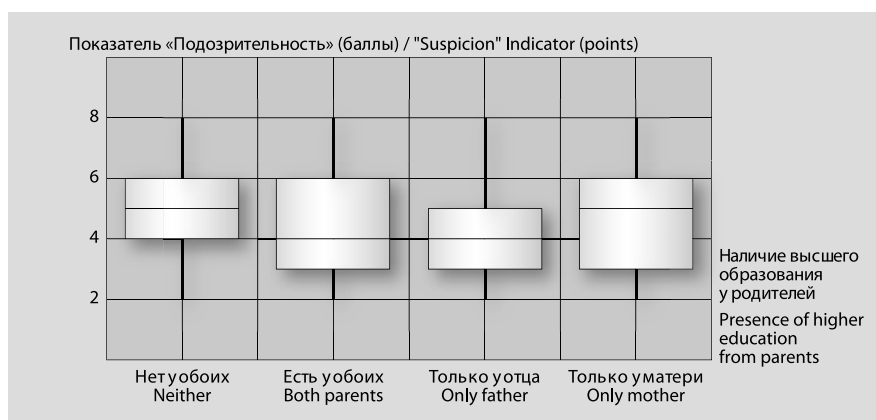

Рис. 5. Различия по показателю «Подозрительность» в зависимости от наличия высшего образования у родителей респондентов

Fig. 5. Differences in the "Suspicion" indicator depending on the presence of higher education among the parents of respondents

указавших высокий уровень финансового статуса ($H = 14.32, df = 3, p = 0.002$).

Общий уровень агрессивности оказался статистически значимо ниже у испытуемых, заявивших либо о достаточном уровне материальной обеспечен-

ности, либо о высоком ($H = 9.0949, df = 3, p = 0.028$).

Говоря о корректности интерпретации полученных результатов, следует указать на такой момент, как: статистически значимая связь переменных социаль-

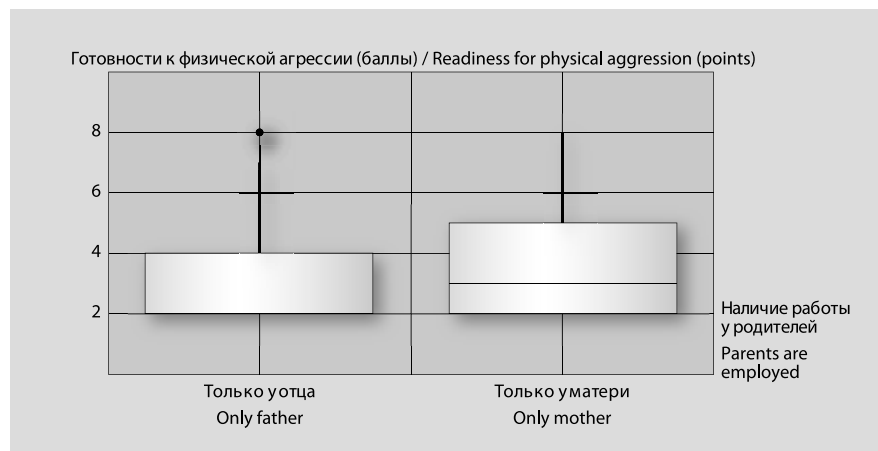

Рис. 6. Различия в готовности к физической агрессии в зависимости от наличия работы у родителей респондентов

Fig. 6. Difference in readiness for physical aggression depending on the availability of work for parents of respondents.

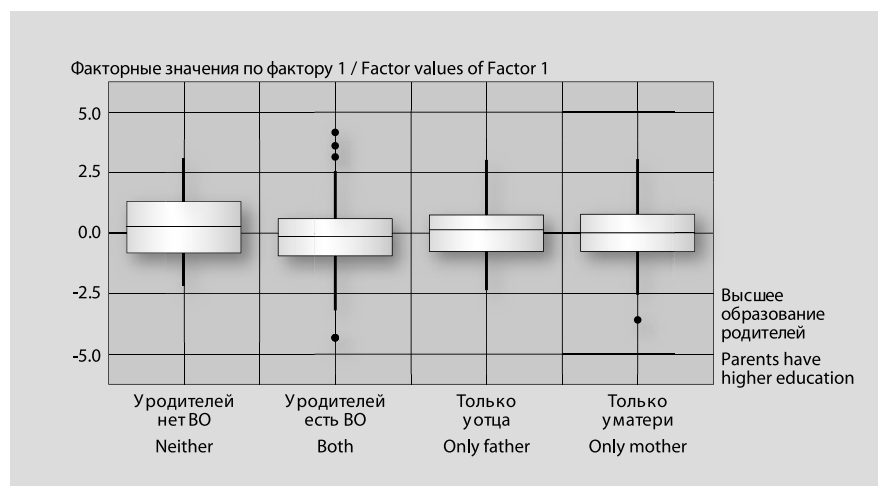

Рис. 7. Различия в средних факторных значениях (фактор 1) в зависимости от наличия высшего образования у родителей респондентов

Fig. 7. Differences in average factor values (Factor 1) depending on higher education of the parents of respondents

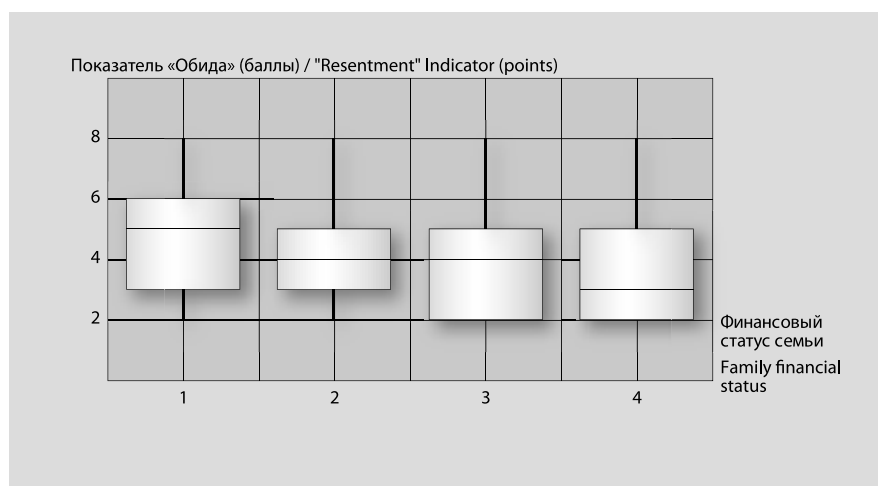

Рис. 8. Различия по показателю «Обида» в зависимости от финансового статуса семьи

Fig. 8. Differences in the "Offense" indicator depending on the financial status of the family

но-экономического благополучия между собой. Так, образование родителей и наличие работы связаны положительно ($\chi^2 = 121.74$, $df = 9$, $p < 0.001$). Финансовый статус семьи также связан как с уровнем образования родителей ($\chi^2 = 63.214$, $df = 9$, $p < 0.001$), так и с наличием работы ($\chi^2 = 56.78$, $df = 9$, $p < 0.001$). Рассмотренные параметры также связаны с другой, не менее важной побочной переменной, учет которой накладывает ряд ограничений на полученные нами результаты, – семейным составом семьи респондента. Указанная переменная связана со всеми из вышеперечисленных: уровнем образования родителей ($\chi^2 = 68.957$, $df = 9$, $p < 0.001$), наличием у них работы ($\chi^2 = 188.52$, $df = 9$, $p < 0.001$), финансовым статусом семьи ($\chi^2 = 49.574$, $df = 9$, $p < 0.001$).

Итак, в данном исследовании мы рассмотрели лишь часть потенциальных коррелятов агрессивности подростков, в частности, пол и социально-экономический статус семьи ребенка. Согласно полученным в рамках исследования данным, юноши и девушки склонны к различным проявлениям агрессивности. Для девушек характерно преобладание переживания субъективных компонентов готовности к агрессии – раздражительности, обидчивости и чувства вины. Для юношей же, наоборот, более типичной является готовность к выражению агрессии вовне – через проявления физической или вербальной агрессии. В целом, полученные результаты согласуются с ранее полученными зарубежными данными: непрямы формы агрессии характерны в большей степени для девушек, нежели для юношей. Склонность к физической агрессии в большей степени наблюдается у мальчиков и юношей (Bjorkqvist et al., 1992; Crick, Grotpeter, 1995)

Также в рамках исследования установлено, что различия в показателях агрессивности, в зависимости от культурного капитала и социально экономического статуса семьи, отражаются преимущественно на субъективных аспектах агрессивности. Так, в частности, показатели обиды и чувства вины статистически различаются у респондентов, указавших различные уровни финансового статуса семьи. Показатели враждебности существенно различаются в зависимости от наличия или отсутствия высшего образования у обоих родителей. Различные

уровни готовности к физической агрессии показывают респонденты из семей, в которых работают только отец или только мать. Общий показатель агрессивности также статистически значимо различается в зависимости от финансового статуса семьи.

Выводы

Несмотря на статистическую значимость полученных различий, с абсолютной точки зрения различия крайне невелики. Вероятно, показатели социально-экономического благополучия семьи связаны с подростковой агрессивностью опосредованно – ключевым моментом являются все же психологические характеристики: специфика взаимоотношения между родителями и ребенком, особенности воспитательных практик, предпочитаемых родителями, особенности организации жизни семьи и другие параметры. Сами по себе факторы социально-экономического благополучия выступают, по-видимому, лишь условием, облегчающим или же, наоборот, затрудняющим реализацию воспитательных практик, принятых в семье, ключевая же роль принадлежит активности родителей и ребенка. Однако для доказательного обоснования данного положения требуется проведение отдельного исследования.

С нашей точки зрения, одной из возможных исходных точек профилактической работы с проявлениями агрессии может стать обоснование необходимости «спуститься на уровень ниже» и начинать работу не по факту совершения противоправного поступка, а с выявления

Литература:

- Александров Д.А. Школьный климат: концепция и инструмент измерения / Д.А. Александров, В.А. Иванюшина, Д.К. Ходоренко, К.А. Тенишева. – Санкт-Петербург. – Москва : Дом Высшей школы экономики, 2018 – 103 с.
- Бартол К. Психология криминального поведения. – Санкт-Петербург : прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 352 с.
- Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. – Санкт-Петербург, 2001. – 352 с.
- Ениколопов С. Н. Враждебность в клинической и криминальной психологии // Национальный психологический журнал. – 2007. – № 1 (2). – С. 33–39.
- Ковалев П.А. Возрастно-половые особенности отражения в сознании структуры собственной агрессивности и агрессивного поведения : автореферат дис. ... канд. психол. наук. – Санкт-Петербург, 1996.
- Кондракова И.Э. Предупреждение и педагогическая коррекция агрессивного поведения подростков в школе : автореферат дис. ... канд. пед. наук. – Санкт-Петербург, 2000.
- Маркова С.В. Гендерные различия агрессивного и аутоагрессивного поведения у старших подростков с девиантным поведением : автореферат дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2012.

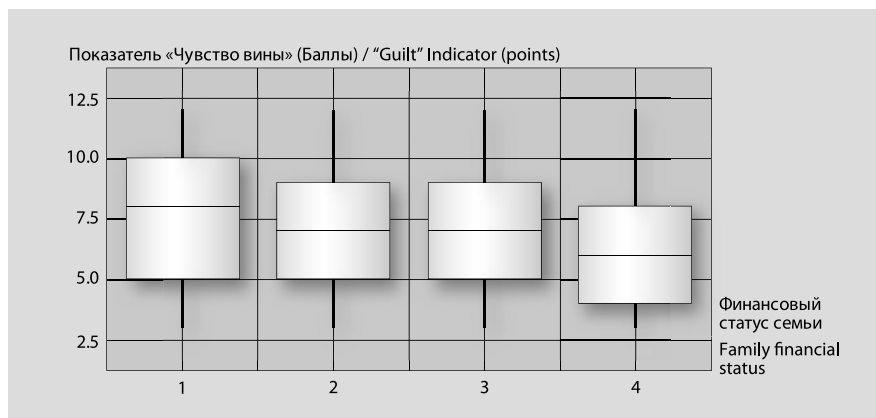

Рис. 9. Различия по показателю «Чувство вины» в контексте финансового статуса семьи

Fig. 9. Differences in the indicator "Feeling of Guilt" depending of the family financial status

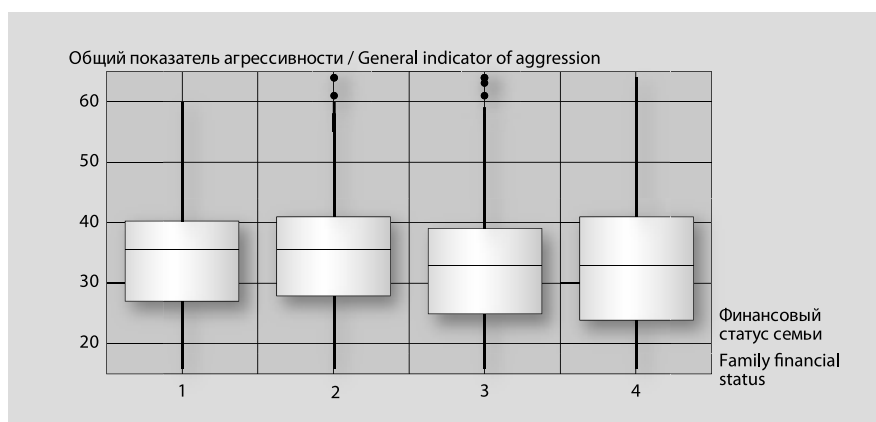

Рис. 10. Различия по общему показателю агрессивности в контексте финансового статуса семьи

Figure 10. Differences in overall aggression depending of the family financial status

враждебности ребенка или подростка в той или иной форме. «Враждебность» в данном контексте можно трактовать как «комплекс негативных отношений, убеждений и оценок, применяемый к другим

людям» (Ениколопов, 2007, С. 34). Выявление потенциальных групп риска является важной задачей, однако модель подобной профилактической работы еще только требует своего создания.

Сами по себе факторы социально-экономического благополучия выступают, по-видимому, лишь условием, облегчающим или же, наоборот, затрудняющим реализацию воспитательных практик, принятых в семье, ключевая же роль принадлежит активности родителей и ребенка

- Реан А. А. Агрессия и агрессивность личности // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 5. – С. 3–18.
- Реан А.А. Психология личности. – Санкт-Петербург, 2013.
- Реан А.А. Семья как фактор социальных девиаций личности // Российский психологический журнал. – 2007. – Т. 4. – № 1. – С. 25–28.
- Семья: психология, педагогика, социальная работа / под ред. А.А. Реана. – Москва : АСТ, 2010. – 576 с.
- Теория и практика поддержки школ, функционирующих в неблагоприятных социальных условиях : монография / под. ред. Г.Б. Корнетова, А.И. Салова. – Москва : АСОУ, 2017. – 216 с.
- Фруммин И.Д. Основные подходы к проблеме равенства образовательных возможностей // Вопросы образования. – 2006. – № 2. – С. 5–22.
- Чиркина Т.А., Хавенсон Т.Е. Школьный климат. История понятия, подходы к определению и измерение в анкетах PISA // Вопросы образования. – 2017. – № 1. – С. 207–229.
- Berkowitz R. et al. (2017). A research synthesis of the associations between socioeconomic background, inequality, school climate, and academic achievement. *Review of Educational Research*, 87(2), 425–469. doi: 10.3102/0034654316669821
- Björkqvist K., Lagerspetz K. M. J. & Kaukiainen A. (1992). Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends in regard to direct and indirect aggression. *Aggressive behavior*, 18(2), 117–127. doi 10.1002/1098-2337(1992)18:2<117::AID-AB2480180205>3.0.CO;2-3
- Buss A. H. (1961). *The psychology of aggression*. Wiley. doi 10.1037/11160-000
- Cutrin O., Gómez-Fraguela J. A. & Luengo M. Á. (2015). Peer-group mediation in the relationship between family and juvenile antisocial behavior. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, 7(2), 59–65. doi 10.1016/j.ejpal.2014.11.005
- Crick N. R. & Grotpeter J. K. (1995). Relational aggression, gender, and social-psychological adjustment. *Child development*, 710–722. doi 10.2307/1131945
- Kelly M. (2000). Inequality and crime. *Review of Economics and Statistics*, 82(4), 530–539. doi 10.1162/003465300559028
- Lefkowitz M.M., Eron L.D., Walder L.O. & Huesmann L.R. (1977). *Growing to be violent: A longitudinal study of the development of aggression*. NY.
- Michalos A. C. (2017). *Connecting the Quality of Life Theory to Health, Well-Being and Education*. Springer. doi 10.1007/978-3-319-51161-0
- Mokosińska M., Sawicki A. & Atroszko P. (2016). Relationship between cynical hostility and socioeconomic status from educational perspective. Preliminary research.
- O'malley M. et al. (2015). School climate, family structure, and academic achievement: A study of moderation effects. *School Psychology Quarterly*, 30(1), 142. doi 10.1037/spq0000076
- Pinskaya M., Kosaretsky S., Zvyagintsev R. & Derbishire N. (2018). Building resilient schools in Russia: effective policy strategies, *School Leadership & Management*. doi: 10.1080/13632434.2018.1470501
- Piquero A. R. et al. (2016). A meta-analysis update on the effects of early family/parent training programs on antisocial behavior and delinquency. *Journal of Experimental Criminology*, 12(2), 229–248. doi 10.1007/s11292-016-9256-0
- Salinas, D. (2017). How do schools compensate for socio-economic disadvantage? PISA in Focus, 76, OECD Publishing, Paris. Retrieved from: <https://doi.org/10.1787/a77ee9d5-en>.
- Trifan T.A. & Stattin H. (2016). Are Adolescents' Mutually Hostile Interactions at Home Reproduced in Other Everyday Life Contexts? *J Youth Adolescence* 45, 713–729. doi: 10.1007/s10964-015-0348-3
- Wang M. T. & Degol J. L. (2016). School climate: A review of the construct, measurement, and impact on student outcomes. *Educational Psychology Review*, 28(2), 315–352. doi 10.1007/s10648-015-9319-1
- Weymouth B.B. & Buehler C. (2016). Adolescent and Parental Contributions to Parent-Adolescent Hostility Across Early Adolescence. *J Youth Adolescence*, 45,713–729. doi 10.1007/s10964-015-0348-3

References :

- Aleksandrov D.A. (2018). School climate: concept and measurement tool. St. Petersburg. Moscow, Dom Vyshey shkoly ekonomiki, 103.
- Bartol K. (2004). *Psychology of criminal behavior*. St. Petersburg, Praim-Evrosnak, 352.
- Baron R. & Richardson D. (2001). *Aggression*. St. Petersburg, 352.
- Enikolopov S. N. (2007). Hostility in clinical and criminal psychology. *National Psychological Journal*, 1(2), 33–39.
- Berkowitz R. et al. (2017). A research synthesis of the associations between socioeconomic background, inequality, school climate, and academic achievement. *Review of Educational Research*, 87(2), 425–469. doi: 10.3102/0034654316669821
- Björkqvist K., Lagerspetz K. M. J. & Kaukiainen A. (1992). Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends in regard to direct and indirect aggression. *Aggressive behavior*, 18(2), 117–127. doi 10.1002/1098-2337(1992)18:2<117::AID-AB2480180205>3.0.CO;2-3
- Buss A. H. (1961). *The psychology of aggression*. Wiley. doi 10.1037/11160-000
- Chirkina, T.A. & Khavenson, T.E. (2017). School climate. The history of the concept, definition and measurement in the PISA questionnaires [Voprosy obrazovaniya], 1, 207–229.
- Cutrin O., Gómez-Fraguela J. A. & Luengo M. Á. (2015). Peer-group mediation in the relationship between family and juvenile antisocial behavior. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, 7(2), 59–65. doi 10.1016/j.ejpal.2014.11.005
- Crick N. R. & Grotpeter J. K. (1995). Relational aggression, gender, and social-psychological adjustment. *Child development*, 710–722. doi 10.2307/1131945
- Frumin I.D. (2006). Major approaches to the equality of educational opportunities. [Voprosy obrazovaniya], 2, 5–22.
- Kelly M. (2000). Inequality and crime. *Review of Economics and Statistics*, 82(4), 530–539. doi 10.1162/003465300559028
- Kornetov G.B. & Salov A.I. (2017). *Theory and practice of supporting schools operating in adverse social conditions: monograph*. Moscow, ASOU, 216.

- Kondrakova I.E. (2000). Prevention and pedagogical correction of aggressive behaviour of adolescents at school: Ph.D. in Psychology Thesis. St. Petersburg.
- Kovalev P.A. (1996). Age and gender reflection in the consciousness of aggression and aggressive behaviour: Ph.D. in Psychology Thesis. St. Petersburg.
- Lefkowitz M.M., Eron L.D., Walder L.O. & Huesmann L.R. (1977). Growing to be violent: A longitudinal study of the development of aggression. NY.
- Markova S.V. (2012). Gender differences in aggressive and auto-aggressive behaviour in elder adolescents with deviant behaviour: Ph.D. in Psychology Thesis. Moscow.
- Michalos A. C. (2017). Connecting the Quality of Life Theory to Health, Well-Being and Education. Springer. doi 10.1007/978-3-319-51161-0
- Mokosińska M., Sawicki A. & Atroszko P. (2016). Relationship between cynical hostility and socioeconomic status from educational perspective. Preliminary research.
- O'malley M. et al. (2015). School climate, family structure, and academic achievement: A study of moderation effects. *School Psychology Quarterly*, 30(1), 142. doi 10.1037/spq0000076
- Pinskaya M., Kosaretsky S., Zvyagintsev R. & Derbishire N. (2018). Building resilient schools in Russia: effective policy strategies, *School. Leadership & Management*. doi: 10.1080/13632434.2018.1470501
- Piquero A. R. et al. (2016). A meta-analysis update on the effects of early family/parent training programs on antisocial behavior and delinquency. *Journal of Experimental Criminology*, 12(2), 229–248. doi 10.1007/s11292-016-9256-0
- Rean A. A. (1996). Aggression and aggressiveness of the personality. [*Psikhologicheskii zhurnal*], 17(5), 3–18.
- Rean A.A. (2013). Psychology of Personality. St. Petersburg.
- Rean A.A. (2007). Family as a factor of social personality deviations [*Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal*], 4(1), 25–28.
- Rean A.A. (Ed.) (2010). Family: psychology, pedagogy, social work. Moscow, AST, 576.
- Salinas, D. (2017). How do schools compensate for socio-economic disadvantage? PISA in Focus, 76, OECD Publishing, Paris. Retrieved from: <https://doi.org/10.1787/a77ee9d5-en>.
- Trifan T.A. & Stattin H. (2016). Are Adolescents' Mutually Hostile Interactions at Home Reproduced in Other Everyday Life Contexts? *J Youth Adolescence* 45, 713–729. doi: 10.1007/s10964-015-0348-3
- Wang M. T. & Degol J. L. (2016). School climate: A review of the construct, measurement, and impact on student outcomes. *Educational Psychology Review*, 28(2), 315–352. doi 10.1007/s10648-015-9319-1
- Weymouth B.B. & Buehler C. (2016). Adolescent and Parental Contributions to Parent–Adolescent Hostility Across Early Adolescence. *J Youth Adolescence*, 45,713–729. doi 10.1007/s10964-015-0348-3

Интернет—активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте

В.Н. Колесников, Ю.И. Мельник, Л.И. Теплова
Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

Поступила 23 марта 2018/ Принята к публикации: 3 сентября 2018

Internet activity and problematic Internet use in adolescence

Vadim N. Kolesnikov*, Yuriy I. Melnik, Lidia I. Teplova

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

* Corresponding author E-mail: kolesvad@mail.ru

Received March 23, 2018/ Accepted for publication: September 3, 2018

Актуальность. Проблема интернет-зависимости активно обсуждается в отечественной и зарубежной психологии в течение двух последних десятилетий. Однако у специалистов так и не сложилось общего мнения о содержании понятия «интернет-зависимость». Для обозначения дисгармоничной связи человек-интернет используются различные термины: «проблемное использование интернета», «излишнее применение интернета», «компульсивное применение интернета» и др. Больше единодушие психологи демонстрируют в описании признаков (симптомов) интернет-зависимости. Обобщение этих признаков дает возможность создавать диагностические инструменты.

Цель. Исследование направлено на определение компонентного состава проблемного использования интернета в юношеском возрасте с помощью разработанного авторами опросника, а также на установление связи этих компонентов с использованием различных интернет-сервисов.

Описание хода исследования. На основе анализа психологической литературы были выделены признаки проблемного использования интернета, составившие содержательную область разработанного авторами опросника. С помощью корреляционного и факторного анализа выявлялись компоненты проблемного использования интернета и связь выявленных компонентов с использованием интернет-сервисов и приложений. Выборку исследования составили 150 человек в возрасте от 16 до 23 лет: 64 старшеклассника и 86 студентов младших курсов университета. Сбор данных осуществлялся в период с октября по ноябрь 2017 года.

Результаты исследования. Изучение симптоматики и признаков проявлений чрезмерного пользования интернетом у старшеклассников и студентов позволило разработать шкалу проблемного использования интернета, объединившую пять компонентов: сверхценность активности в сети, фрустрация витальных потребностей, предвкушение вхождения в сеть, снижение контроля над временем, снижение значимости событий за пределами сети. Описаны особенности пользования интернет-сервисами в зависимости от пола и возраста. Установлены корреляции проблемного использования интернета с видами активности в сети – наиболее тесно компоненты проблемного использования интернета связаны с использованием коммуникативных (социальных) сервисов.

Выводы. Результаты исследования позволяют предложить пятикомпонентную модель проблемного использования интернета и выделить связь его компонентов с использованием сервисов интернета и приложений.

Ключевые слова: аддикция, интернет-зависимость, проблемное использование интернета, юношеский возраст, социальные сети, сервисы интернета.

Background. The issue of Internet addiction is being actively discussed in foreign and Russian psychology in two recent decades. However, experts have not developed a common opinion on the concept of 'Internet addiction'. Therefore different terms are used to refer to disharmonious relationships in the 'man-Internet' system: 'problematic Internet use', 'excessive Internet use', 'compulsive Internet use', etc. Psychologists show more agreement in the description of symptoms of Internet addiction. Generalization of these features makes it possible to develop tools for psychological assessment of Internet addiction.

Objective is to identify the components of problematic Internet use in adolescence using the questionnaire developed by the authors of this paper, and to describe the relationship of the components of problematic Internet use with using various Internet services.

Design. Based on the analysis of the psychological literature, the symptoms of problematic Internet use were identified. The selected symptoms constituted the content of the questionnaire. Correlation and factor analysis revealed components of problematic Internet use. Relationships between problematic Internet use and using different Internet services were studied.

The sample of the study consisted of 150 people aged 16 to 23 years: 64 high school students and 86 university undergraduates. The data was collected throughout the period from October, 2017 to November, 2017.

Results. The study of symptoms and manifestations of problematic Internet use in high school students and university students allowed to develop a scale of problematic Internet use bringing together five components (super-value of Internet activity, frustration of vital needs, anticipation of accessing the Internet, reducing monitoring time and reducing the significance of events outside the network). The features of using Internet services depending on gender and age are described. Correlations of problematic Internet use with types of activity in a network are established. The most closely components of problematic Internet use are connected with use of communicative (social) services.

Conclusion. The study of problematic Internet use and its components allows us to offer a five-component model of problematic Internet use and describe the relationship of problematic Internet use with Internet services and applications using.

Key-words: addiction, Internet-addiction, adolescence, problematic Internet use, social networks, Internet services.

Введение

Массовое распространение интернета, мобильных устройств и различных гаджетов обусловило появление новых разновидностей нарушений поведения, которые сегодня объединяются термином «технологическая зависимость».

Недостаточная операционализация ключевого рабочего понятия – «интернет-зависимость» вызывает сложности в разработке диагностического инструментария для выявления и оценки степени выраженности нарушений. Это, в свою очередь, затрудняет проведение эмпирических исследований данного феномена

Особое место среди них занял феномен интернет-зависимости. Актуальной данная проблема становится в связи с активным использованием современных технологий молодежью, составляющей особую категорию лиц, наиболее подверженных риску возникновения технологических зависимостей.

Несмотря на растущий интерес исследователей и практиков к проблеме интернет-зависимости, значительное число вопросов остаются дискуссионными. В первую очередь, это относится к используемой терминологии и составу симптомов (признаков) данного вида зависимости. Кроме того, дискутируется вопрос

о существовании интернет-зависимости как самостоятельного нарушения. В качестве альтернативы предлагается видеть в зависимости от интернета средство реализации уже существующих у человека поведенческих отклонений. Подвергается сомнению и само отнесение нарушений, связанных с использованием интерне-

та, к категории зависимостей: насколько вовлеченность в виртуальный мир соответствует основным критериям, выделенным для зависимостей как разновидности психических расстройств. В июне 2018 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) опубликовала одиннадцатое издание международной классификации болезней (МКБ-11). Туда в список расстройств, связанных с зависимостью, была включена игровая зависимость. Игровую зависимость МКБ-11 рассматривает как модель постоянного или повторяющегося поведения при игре онлайн или офлайн, которая сопровождается нарушением контроля за игрой (частота и длительность), вытеснением на второй план других занятий и увлечений, а также увеличивающейся потребностью к продолжению игры. Данное расстройство диагностируется, если поведение игрока ведет за собой нарушения поведения в личной, семейной, социальной и других областях жизнедеятельности и наблюдается в течение 12 месяцев. Таким образом, официально принято считать зависимостью именно чрезмерное увлечение онлайн играми, а не чрезмерное использование интернета.

Недостаточная операционализация ключевого рабочего понятия – «интернет-зависимость» вызывает сложности в разработке диагностического инструментария для выявления и оценки степени выраженности нарушений. Это, в свою очередь, затрудняет проведение эмпирических исследований данного феномена. Кратко рассмотрим некоторые из обозначенных проблем.

Терминология и концепции

Связанные с использованием интернета специфические отклонения в поведении исследователи обозначают разными терминами: «интернет-аддикция» (Internet addiction) (Young, 1996), «аддиктивные интернет-расстройства» (Internet Addiction Disorder) (Goldberg, 1996), «патологическое использование интернета» (Internet pathological use) (Davis, 2001) или «интернет-зависимость» (Scherer, 1997). Такое расхождение в терминах, по большей степени, связано с отсутствием согласия в определении основных симптомов интер-

Вадим Николаевич Колесников – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии Петрозаводского государственного университета
kolesvad@mail.ru
<https://petsu.ru/persons/717/kolesnikov>

Юрий Иванович Мельник – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Петрозаводского государственного университета
urimelnike@gmail.com
<https://petsu.ru/persons/719/melnik>

Лидия Ивановна Теплова – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Петрозаводского государственного университета.
teplova.lidi@yandex.ru
<https://petsu.ru/persons/1806/teplova>

Для цитирования: Колесников В.Н., Мельник Ю.И., Теплова Л.И. Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1(33). – С. 34–46. doi: 10.11621/npj.2019.0104

For citation: Kolesnikov V.N., Melnik Yu.I., Teplova L.I. (2019). Internet activity and problematic Internet use in adolescence. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 12(1), 34–46. doi: 10.11621/npj.2019.0104

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

нет-зависимости, что не позволяет официально обозначить его как расстройство и включить в МКБ. Использование широкого круга терминов для обозначения интернет-зависимости определяется и тем, что степень вовлеченности в сеть может быть разной – от интереса до глубокой зависимости. В рамках данной статьи мы будем использовать понятие «проблемное использование интернета», определяя его как чрезмерную степень пользования интернетом, которая при соответствующих факторах может стать технологической зависимостью. Технологическая зависимость относится к поведенческим (нехимическим) зависимостям, она связана с чрезмерным взаимодействием в системе «человек – интернет – информационная среда» (Goldberg, 1996; Young, 1996; Griffiths, 2002, 2005; Davis, 2001; Pontes, Kuss, Griffiths, 2015). Наиболее точное и содержательное описание «проблемного использования интернета» представлено в когнитивно-поведенческой модели патологического использования интернета Р. Девиса.

Р. Девис предлагает когнитивно-поведенческую модель интернет-зависимости, которая объясняет этиологию, развитие и последствия патологического использования интернета (Davis, 2001). В патологическом использовании интернета он усматривает нечто большее, чем просто поведенческую зависимость, относя сюда также особые паттерны когнитивных и поведения, связанные с интернетом, которые ведут к негативным жизненным последствиям. Дэвис выделяет две формы интернет-зависимости: специфические (например, увлечение онлайн играми) и общую, генерализованную, представляющую собой использование интернета, как такового, с различными целями и имеющую негативные последствия для личной жизни и профессиональной деятельности (учебы). Со стороны когнитивно-поведенческой перспективы симптомы генерализованной интернет-зависимости включают неадаптивные формы когнитивных и поведения: навязчивые мысли об интернете, снижение контроля поведения, неспособность прекратить использовать Интернет, а также общее ощущение, что интернет – единственное место, где люди чувствуют себя хорошо. Другие сопутствующие симптомы могут включать в себя размышления

об интернете в режиме offline, предвосхищение пребывания в там, снижение интереса к другим видам деятельности или хобби и социальную изоляцию. Отмечается, что, несмотря на привлекательность и популярность модели, созданы на ее основе инструментарий, соответствующий основным психометрическим требова-

ностных отношений, используют предоставляемую интернетом анонимность для общения с минимальным риском столкнуться с различными угрозами. Они имеют возможность поддерживать чувство общности, включаясь в существующие в пространстве интернета различные социальные группы (Chang, Hung, 2012). Та-

В сети молодые люди пытаются найти компенсацию самоидентификации, самооценки и восполнить дефицит социального взаимодействия. Исследования показали, что взрослые также могут использовать интернет как средство устранения дефицита в самооценке, достижения идентичности и установления отношений

ниям, пока не удалось. В рамках данной модели можно говорить проблемном использовании интернета, в первую очередь, как о генерализованной форме.

Китайские ученые предложили нейрорпсихологическую модель формирования интернет-зависимости. К группе зависимых от интернета они относят тех, кто соответствует трем признакам:

- 1) человеку легче самоактуализироваться через интернет, чем в реальной жизни;
- 2) он испытывает дисфорию или депрессию, будучи лишен возможности пользоваться интернетом;
- 3) скрывает от членов семьи, сколько времени на самом деле он проводит в Интернете.

Пребывание в сети стимулирует выделение дофамина в головном мозге, что и становится стимулятором и подкреплением активности, связанной с использованием интернета. Еще одной теорией, предложенной китайскими психологами, является компенсационная теория (compensation theory), которая призвана объяснять пристрастие к интернету подростков. Согласно ей, повышенный интерес к интернету выступает в качестве попытки компенсировать неудачи в учебе, успехи в которой в Китае очень высоко ценятся. В сети молодые люди пытаются найти компенсацию самоидентификации, самооценки и восполнить дефицит социального взаимодействия. Исследования показали, что взрослые также могут использовать интернет как средство устранения дефицита в самооценке, достижения идентичности и установления отношений. Лица с интернет-зависимостью испытывают чувство одиночества, имеют трудности в установлении межлич-

ким образом, пребывание в интернете выполняет психологическую функцию, а чрезмерное использование интернета усиливает негативные последствия личного, профессионального и социального характера, что и свидетельствует о проблемном использовании интернета.

А.Е. Войскунский рассматривает интернет-зависимость как разновидность опосредованного интернетом поведения в рамках концепции присутствия. По мнению автора, феномены зависимости от интернета (или от компьютера, смартфона, планшета, гаджета и т.п.) либо от интернет-сервисов имеют схожую с феноменами присутствия природу, и это дает основания использовать для анализа интернет-зависимости понятийный аппарат теории присутствия (Войскунский, 2015). Со ссылками на работы авторитетных исследователей аддикций, автор утверждает, что психологический феномен из числа тех, что предположительно лежат в основе зависимости от интернета – это «уход» от реальности, выход из нее или замена реальности. И ключевым здесь является присутствие (психологически комфортное) в другой реальности. А.Е. Войскунским предпринималась попытка концептуализации интернет-зависимости с позиций одного из направлений позитивной психологии концепции потока М. Чиксентмихайи. Гипотеза опирается на исследования, в которых связи переживания потока и интернет-зависимости были действительно установлены. В частности выяснилось, что со субшкалами зависимости от компьютерных игр связаны отдельные параметры опыта потока, и эти связи не являются линейными и однонаправленными.

Ц.П. Короленко с коллегами относят интернет-зависимость к разновидностям аддиктивного поведения, связывая его со стремлением к уходу от реальности, сопровождаемым изменением психического состояния, которое начинает доминировать в сознании и становится центральной идеей, изменяющей жизнь, и способствует отрыву от реальности. Исследователи объясняют формирование интернет-зависимости наличием особой личностной предрасположенности – комплекса недостаточности, включающей в себя низкую самооценку и пессимистические установки, застенчивость, наличие социальных фобий и других, предрасполагающих к аддикции особенностей (Короленко, Дмитриева, 2000; Короленко, Лоскутова, 2004).

Многочисленные исследования также указывают на существование половых различий в использовании сервисов интернета юношами и девушками. Однако можно предполагать, что с массовым распространением в последнее время смартфонов, обеспечивающих доступ к интернет-сервисам и приложениям, тенденция может измениться

Действительно, эмпирические исследования показывают, что интернет-зависимые чаще страдают от одиночества, более интровертированы и застенчивы, имеют низкую самооценку и более высокий уровень депрессии (Koroczai et al, 2013; Wartberg et al, 2015). Установлено, что тревога и расстройства настроения больше распространены среди зависимых от интернета. Результаты исследований показывают, что интенсивное использование интернета связано с пренебрежением другими областями жизни, сужением круга интересов, уменьшением образовательных и профессиональных достижений, сокращением времени сна и ухудшением качества питания (Chou et al, 2005). Чрезмерное увлечение интернетом негативно влияет на семейные и партнерские отношения (Kraut et al, 1998). Также растет количество данных о связи различных поведенческих проблем с интенсивным использованием интернета. Не отрицая существования предрасполагающих к развитию интернет-зависимости психологических особенностей личности, отметим, что ряд свойств может развиваться (обостряться) уже как следствие проблемного использования интернета и последующего формирования зависимости.

Возрастные и гендерные различия

В ряде обзорных работ исследователи (Chou et al, 2005; Sola et al, 2016 др.), несмотря на противоречивость сведений, связанную с различиями в способах получения эмпирических данных, приходят к выводу о том, что юноши отличаются большей склонностью к интернет-зависимости. Многочисленные исследования также указывают на существование половых различий в использовании сервисов интернета юношами и девушками. Однако можно предполагать, что с массовым распространением в последнее время смартфонов, обеспечивающих доступ к интернет-сервисам и приложениям, тенденция может измениться.

Анализируя возрастные различия, нужно принимать во внимание тот факт, что большинство работ в этой области охватывают относительно узкий возрастной диапазон: подростковый, юношеский возраст и раннюю взрослость. Установлено, что наибольший риск формирования интернет-зависимости приходится на возраст 15–16 лет (Karacic, Oreskovic, 2017 и др.). На наш взгляд, при проведении исследований наличие гендерных и возрастных различий в проявлениях интернет-зависимости должно учитываться, поскольку выявленные закономерности и тенденции могут различаться в зависимости от пола и возраста респондентов. Чрезмерное и активное использование интернета и его сервисов, характерное как раз для подросткового и юношеского возрастов, при сопутствующих личностных и социальных факторах может привести к зависимости.

Признаки и симптомы интернет-зависимости

Список признаков интернет-зависимости И. Голдберга (Goldberg, 1996) состоит из семи симптомов:

- толерантность (количество времени, которое нужно провести в сети, чтобы достичь удовлетворения, возрастает);
- синдром отмены;
- постепенное более частое и длительное использование интернета;
- постоянное, но безуспешное желание сократить время проведения в интернете;
- увеличение количества видов деятельностей, связанных с интернетом;
- редукции реальной деятельности;
- невозможность отказаться от интернета, несмотря на возникающие трудности социального, профессионального характера (Мальгин, 2010).
- М.** Орзак (Orzack, 1999) в качестве психологических симптомов интернет-зависимости называет следующие:
 - хорошее самочувствие или эйфория за компьютером;
 - невозможность выйти из сети;
 - увеличение количества времени пребывания за компьютером;
 - пренебрежение семьей и друзьями;
 - ощущение пустоты, депрессии;
 - раздражение вне занятий на компьютере;
 - ложь работодателю или семье о своей деятельности за компьютером.
- К.** Янг (Young, 1996) описывает следующие симптомы проявления интернет-зависимости:
 - чрезмерное время, проводимое в сети;
 - увеличивающееся беспокойство при нахождении в реальном мире;
 - ложь близким о времени пребывания в сети;
 - повторяющиеся попытки уменьшить использование интернета;
 - изменение настроения посредством интернета.
- М.** Гриффитс (Griffiths, 2005) выделил шесть основных признаков интернет-зависимости:
 - такая значимость (доминантность) интернет-деятельности для человека, что, когда он занят иной деятельностью, его мысли все равно обращаются к компьютеру;
 - изменение настроения во время интернет-деятельности;
 - толерантность (увеличение времени пребывания в сети);
 - абстинентный синдром (эффекты, возникающие при прекращении исполь-

зования интернета, например, дрожь, капризность, раздражительность);

- конфликтность, выражающаяся в межличностных и внутриличностных противоречиях;
- рецидив или возвращение к деятельности в сети после некоторого воздержания.

Наличие у человека всех шести признаков может свидетельствовать, по мнению М. Гриффитса, о зависимости.

Подробное описание признаков интернет-зависимого поведения предложил А.Е. Войскунский (Войскунский, 2004). Он отмечает такие симптомы:

- длительность пребывания в сети и снижение критичности по отношению к времени пребывания;
- значимость интернет-деятельности, снижение значимости реальной жизни (друзей, семьи, собственного здоровья);
- стремление к интернет-деятельности как к седативной активности (стремление и способность освободиться от состояния тревоги или депрессии);
- потребность в увеличении финансовых затрат на обеспечение работы в интернете.

Анализ психологических симптомов интернет-зависимого поведения, представленный в разных источниках, выявил, что такие показатели, как «время, затраченное на интернет-деятельность» и «синдром отмены» встречаются у всех перечисленных выше авторов. Симптом «изменение настроения посредством интернет-занятий» называют четыре автора (К. Янг, М. Орзак, М. Гриффитс, А.Е. Войскунский). Показатель «безуспешная попытка отказаться или уменьшить интернет-деятельность» встречается у трех авторов (К. Янг, И. Голдберг, А.Е. Войскунский).

Проведение исследования

Наше исследование было направлено на изучение активности в сети интернет – использования различных интернет-сервисов юношами и девушками. Чрезмерное использование интернет-сервисов мы рассматривали как возможную форму проявления проблемного использования интернета. Определялась частота и длительность использования юношами и де-

вушками различных интернет-сервисов и изучались связи проблемного использования интернета с активностью в сети.

Предполагалось, что выявленные зависимости могут определить особенности проявления проблемного использования интернета у старшеклассников и студентов. В качестве основного поведенческого проявления проблемного использования интернета мы выделяем показатель «редукция реальной деятельности», который прямо или косвенно присутствует в списках симптомов у перечисленных выше авторов. У М. Орзак это – «пренебрежение семьей и друзьями», у М. Гриффитса – «доминантность», у А.Е. Войскунского – «пренебрежение собственным здоровьем, побуждение тратить на обеспечение работы в Интернете больше денег, не останавливаясь перед расходом припасенных для других целей сбережений».

В дальнейшем при разработке оригинального опросника мы выделили содержательную область проблемного использования интернета, к которой относятся поведенческие проявления и психологические симптомы: время пребывания в сети и его увеличение, изменение настроения при прерывании интернет-деятельности (раздражительность, заторможенность) и при включении в интернет-деятельность (радость, эйфория), редукция и обесценивание реальной жизни. На этой основе были описаны манифестации и сформулировано 33 пункта первичной версии опросника. Предполагалось, что статистический анализ психометрических характеристик пунктов, как и результаты корреляционного и факторного анализа, позволит определиться с компонентным составом проблемного использования интернета в юношеском возрасте и получить диагностическую шкалу, соответствующую основным психометрическим требованиям.

В выборку исследования вошли 150 человек в возрасте от 16 до 23 лет. Они составили две возрастные группы: старшеклассники (64 человека) и студенты младших курсов университета (86 человек). Сбор данных осуществлялся в период с октября по ноябрь 2017 года. Участники исследования оценивали каждое из 33 высказываний первичной версии опросника проблемного использования интернета, используя шкалу Лайкерта с 4-мя

градациями: «совсем не подходит», «слабо подходит», «частично подходит», «полностью подходит». Каждый ответ оценивался в баллах от 1 до 4. Итоговый показатель определялся суммированием баллов по отдельным пунктам. Далее 33 пункта были сокращены до 19 пунктов (шкала проблемного использования интернета).

Испытуемые также отвечали на вопросы анкеты, направленной на получение сведений об особенностях использования Интернета (частота использования, виды активности в интернете и др.). Данные анализировались с учетом пола и принадлежности к возрастной группе. Для обработки данных использовались методы корреляционного и факторного анализа, сравнение групп осуществлялось с использованием критериев Стьюдента и Манна-Уитни.

Основные результаты исследования

Интернет-активность

Исследование показало, что почти все опрошенные (97,8 %) используют интернет каждый день от 2–3 часов и более. 22,1 % проводят в сети 2–3 часа в день, 40,3 % – 4–5 часов в день, 16,9 % проводят в сети 6–7 часов в день, 18,2 % – более 8 часов в день. Среди школьников 40,3 % проводят в сети Интернет 6–7 и более часов ежедневно, среди студентов таких почти одна треть (31 %). Таким образом, интернет является неотъемлемой частью жизни опрошенных школьников и студентов, для которых – весьма существенной частью.

Было установлено, что для входа в интернет лишь 18,83 % используют стационарный компьютер, 38,31 % – ноутбук или планшет. Большинство (83,12 %) же опрошенных респондентов для входа в сеть пользуются смартфоном, что делает интернет доступным и мобильным. Основными видами активности в интернете является общение в социальных сетях, прослушивание музыки и поиск информации по интересам (рис. 1). Также много времени пребывания в сети интернет посвящено самообразованию, 37,5 % испытуемых ежедневно отводят на это более двух часов.

Гендерные различия времени нахождения в сети не были выявлены, однако оказалось, что юноши значительно чаще, чем

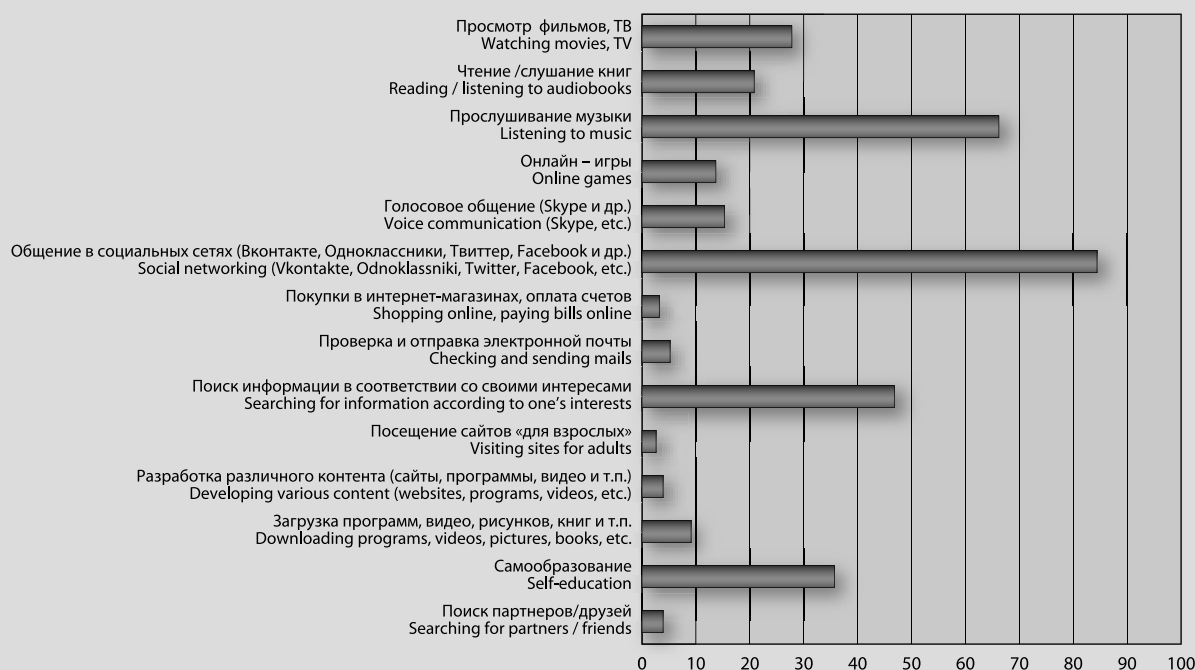

Рис. 1. Частота использования сервисов сети интернет (2 часа и более каждый день, % от числа опрошенных)

Fig. 1. Frequency of using internet services (2 hours or more every day, % of the respondents)

девушки играют в онлайн-игры, пользуются голосовой коммуникацией (Skype), посещают сайты для взрослых, скачивают файлы и занимаются разработкой различного контента ($p < 0,01$). Девушки чаще смотрят в сети фильмы ($p < 0,01$). У школьников гендерные различия касаются такого вида активности, как покупки и оплата счетов через интернет – юноши делают это чаще, чем девушки ($p < 0,05$). Сравнение выделенных по возрасту подгрупп показывает, что школьники, в отличие от

студентов, чаще слушают музыку в интернете ($p < 0,05$). По остальным видам активности различий между школьниками и студентами выявлено не было.

Проблемное использование интернета

Разработка шкалы проблемного использования интернета строилась на основе факторно-аналитического принципа конструирования тестов (Червинская, 2003). Анализ психометрических характеристик

33 суждений (табл. 1), позволил отобрать 19 пунктов (выделены жирным шрифтом), составивших шкалу проблемного использования интернета. Основным критерием отбора суждений была корреляция с суммарным баллом (внутренняя валидность пункта) и количеством времени, проводимого в интернете. Прошедшие отбор суждения составили гомогенную шкалу (альфа Кронбаха равна 0,88).

Анализ содержания вопросов-пунктов опросника позволяет дать психо-

Табл. 1. Статистические показатели пунктов шкалы

№	Пункт опросника	Среднее	Статистическое отклонение	R с суммарным баллом	R с временем в Интернете
1	2	3	4	5	6
1	Окружающие говорят мне, что я очень много времени провожу в интернете.	2,18	1,04	0,54	0,29**
2	Я часто чувствую, что физически устаю от долгого нахождения в интернете.	2,14	0,99	0,12	0,06
3	Если я больше часа не выходил в интернет, я чувствую беспокойство.	1,61	0,84	0,48	0,33**
4	Виртуальная жизнь мне интереснее, чем реальная.	1,49	0,81	0,49	0,21**
5	Я часто забываю поесть, если сижу в интернете.	1,31	0,67	0,45	0,16*
6	Я предпочту меньше поспать, для того, чтобы больше побыть в интернете.	1,43	0,68	0,42	0,18*
7	Я обычно скрываю от родителей реальное время нахождения в интернете.	1,33	0,74	0,40	0,05
8	Меня злит, если во время нахождения в сети меня кто-то отвлекает.	1,53	0,76	0,60	0,20**
9	Большую часть свободного от учебы времени я провожу в интернете.	2,25	1,00	0,54	0,33**

Для цитирования: Колесников В.Н., Мельник Ю.И., Теплова Л.И. Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1(33). – С. 34–46. doi: 10.11621/npj.2019.0104

For citation: Kolesnikov V.N., Melnik Yu.I., Teplova L.I. (2019). Internet activity and problematic Internet use in adolescence. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], 12(1), 34–46. doi: 10.11621/npj.2019.0104

1	2	3	4	5	6
10	Мне нравится общаться с людьми больше в интернете, чем в реальной жизни.	1,56	0,82	0,28	0,15
11	Я пробовал (а) уменьшить количество проведенных в интернете часов.	2,30	0,99	0,11	0,13
12	Я могу иногда отложить посещение туалета, если интересно в сети.	1,29	0,62	0,38	0,15
13	Мне трудно спланировать время нахождения в интернете.	2,14	0,98	0,41	0,18*
14	Я легко откликаюсь на просьбы и вопросы близких людей, если и нахожусь в сети.	1,72	0,94	0,23	0,13
15	Я строго планирую количество времени, отведенное для интернета и для учебных и домашних дел.	3,07	0,95	0,28	0,18*
16	Если я долго не могу войти в сеть, мысли об этом не дают мне покоя.	1,63	0,85	0,59	0,21*
17	Я могу и не заметить, что в течение нескольких часов не входил (а) в сеть.	1,98	0,99	0,47	0,23**
18	У меня улучшается настроение, когда я захожу в интернет.	2,01	0,84	0,52	0,27**
19	Окружающие преувеличивают негативное воздействие интернета на меня.	2,10	1,13	0,37	0,38**
20	Я легко откладываю прогулку, посещение кинотеатра для того, чтобы пообщаться в сети.	1,21	0,62	0,42	0,14
21	Реальное общение с друзьями и нахождение в сети у меня занимает одинаковое время.	3,10	0,98	0,26	-0,23**
22	Я часто, проснувшись утром, в первую очередь вспоминаю об интернете.	2,24	1,11	0,43	0,28**
23	Я больше доверяю друзьям из сети, чем друзьям в реальной жизни.	1,17	0,53	0,38	0,28**
24	Я обычно тороплюсь скорее сделать работу по учебе, чтобы быстрее войти в сеть.	1,77	0,96	0,42	0,21**
25	Когда я болею, у меня нет желания пользоваться интернетом.	2,82	1,08	0,21	0,22**
26	Я очень злюсь, когда мне кто-либо указывает на то, что я много времени провожу в интернете.	1,64	0,82	0,49	0,09
27	Пользование интернетом положительно влияет на мою учебу.	2,20	0,84	-0,06	-0,12
28	Я люблю сидеть в интернете ночью, когда никто не отвлекает.	2,12	1,15	0,48	0,33**
29	Мое физическое здоровье не страдает от того, что я долго сижу в интернете.	2,30	1,03	0,03	-0,17
30	Мне становится тоскливо, если я долго не входил в сеть.	1,61	0,84	0,58	0,23**
31	Мне становится скучно, если я долго не входил в сеть.	1,91	0,96	0,61	0,24**
32	Я могу забыть о еде, если интересно в интернете.	1,29	0,67	0,44	0,13
33	Я чувствую себя более уверенным, когда нахожусь в интернете.	1,59	0,79	0,55	0,23**

Table 1. Statistical indicators of scale points

	Questionnaire Item	Mean	St. Dev.	R with total score	R time spent on the internet
1	2	3	4	5	6
1	People around me tell me that I spend a lot of time on the Internet.	2.18	1.04	0.54	0.29**
2	I often feel that I am physically tired of being on the Internet for a long time.	2.14	0.99	0.12	0.06
3	I feel anxious if I have not been on the Internet for over an hour.	1.61	0.84	0.48	0.33**
4	Virtual life is more interesting to me than real life.	1.49	0.81	0.49	0.21**
5	I often forget to eat when I use the Internet.	1.31	0.67	0.45	0.16*
6	I prefer to sleep less in order to use more of the Internet.	1.43	0.68	0.42	0.18*
7	I usually keep back from my parents my real time on the Internet.	1.33	0.74	0.40	0.05
8	It makes me angry if someone distracts me while I am online.	1.53	0.76	0.60	0.20**
9	I spend most of my free time on the Internet.	2.25	1.00	0.54	0.33**
10	I like more to communicate with people on the Internet than in real life.	1.56	0.82	0.28	0.15
11	I tried to reduce time spent on the Internet.	2.30	0.99	0.11	0.13
12	I can sometimes postpone visiting the toilet when I find something interesting in the network.	1.29	0.62	0.38	0.15
13	It is difficult for me to plan my time on the Internet.	2.14	0.98	0.41	0.18*
14	I easily respond to requests and questions from my close relations if I am online.	1.72	0.94	0.23	0.13
15	I strictly plan the amount of time for the Internet. school and home affairs.	3.07	0.95	0.28	0.18*
16	If I have not been able to access the net for a long time it does not give me rest.	1.63	0.85	0.59	0.21*
17	I may not notice that for several hours I did not access the net.	1.98	0.99	0.47	0.23**
18	My mood is better when I am online.	2.01	0.84	0.52	0.27**
19	People around me exaggerate the negative impact of the Internet on me.	2.10	1.13	0.37	0.38**
20	I easily postpone a walk outside or going to the cinema in order to chat online.	1.21	0.62	0.42	0.14
21	Communication with friends in reality and online communication takes the same amount of time.	3.10	0.98	0.26	-0.23**
22	When I wake up the morning first of all I think about accessing the Internet.	2.24	1.11	0.43	0.28**

1	2	3	4	5	6
23	I trust friends in the network more than friends in real life.	1.17	0.53	0.38	0.28**
24	I usually hurry to do my homework quickly in order to be online.	1.77	0.96	0.42	0.21**
25	When I fall ill I have no desire to use the Internet.	2.82	1.08	0.21	0.22**
26	I get very angry when someone points out to me that I spend a lot of time on the Internet.	1.64	0.82	0.49	0.09
27	Using the Internet has a positive effect on my studies.	2.20	0.84	-0.06	-0.12
28	I like to access the Internet at night when nobody interferes.	2.12	1.15	0.48	0.33**
29	My physical health is not influenced if I am on the Internet for a long time.	2.30	1.03	0.03	-0.17
30	I feel sad if I have not accessed the net for a long time.	1.61	0.84	0.58	0.23**
31	I get bored if I have not accessed the net for a long time.	1.91	0.96	0.61	0.24**
32	I can forget about food if there is something interesting on the Internet.	1.29	0.67	0.44	0.13
33	I feel more confident when I am on the Internet.	1.59	0.79	0.55	0.23**

логическое описание (составить психологический портрет) проблемного пользователя интернета. Он испытывает беспокойство, если не находится в нем больше часа, переживает тоску и скуку, если долго не может войти в сеть. Все время думает о том, как войти в сеть, как только проснулся, борется с желанием быть там. Настроение его улучшается при вхождении в сеть и его очень злит, если кто-то отвлекает от нахождения там. Находясь в интернете, такой пользователь забывает о еде и готов меньше спать ради интернета. Все свое свободное время проводит в сети, предпочитает виртуальную жизнь жизни оффлайн, считает, что виртуальные друзья надежнее реальных людей. Не любит разговаривать с родителями о своей активности в сети, скрывает от них, сколько времени проводит в интернете, злится, если ему указывают на долгое время нахождения в сети. Не верит словам о пагубном воздействии на него интернета. Находясь в сети, теряет связь с реальностью, не может спланировать свое время пребывания в интернете, откладывает нужные дела ради интернета и не считает, что много времени проводит в сети.

Возрастные и гендерные различия интернет-зависимости

Школьники получили более высокие баллы по шкале проблемного использования интернета, чем студенты. Различия статистически значимы по критерию Стьюдента ($p < 0,01$) (табл. 2).

Полученные данные были использованы для выделения трех категорий респондентов: норма (баллы от минимального до среднего плюс стандартное отклонение, группа риска (среднее плюс два стандартных отклонения), проблемное использование (баллы выше среднего плюс два стандартных отклонения). Сравнение групп по категориям проблемного использования интернета различий между юношами и девушками не выявило, хотя группа риска девушек в процентном отношении значительно больше, чем группа риска юношей (табл. 3).

Связи проблемного использования интернета с интернет-активностью

Балл по шкале проблемного использования интернета положительно коррелирует на всей выборке с общением в социальных сетях ($p < 0,01$) и поиском

партнеров и друзей ($p < 0,01$), а также на более низком уровне с прослушиванием музыки ($p < 0,05$). Можно полагать, что на современном этапе стремительного развития интернета и технических средств доступа к его содержанию и сервисам проблемное использование интернета имеет генерализованную форму технологической зависимости от сервисов, расширяющих возможности коммуникации и создающих новые ее формы.

Полученные нами связи свидетельствуют в пользу компенсаторной концепции интернет-зависимости (Chang, Hung, 2012), а, точнее, технологической зависимости, с помощью которой в интернете молодые люди стремятся получить компенсацию самоидентификации, самооценки и восполнить дефицит социального взаимодействия. Примечательно, что в зарубежных публикациях широко используется термин «зависимость от фейсбука» (Facebook-addiction) – одной из популярной разновидности социальных сетей. Появление этого понятия привело к выделению особой категории технологической зависимости и к разработке шкал для оценки фейсбук-зависимости и исследованиям с их использованием. Полученные данные ставят вопрос о соотношении общей (генерализованной) интернет-зависимости по модели Р. Девиса и ее частных проявлений в форме зависимостей от конкретных интернет-сервисов (в частности, социальных сетей). В нашем случае, чрезмерное пользование интернетом превращается в постоянную специфическую активность в соответствующих конкретных сервисах для своих целей. Так, постоянное слушание музыки связано с увеличенной потребностью в сенсорных впечатлениях. Эта активность может выступать как средство эмоциональной регуляции, в частно-

Табл. 2. Различия в проблемном использовании интернета

Статистика	Выборка	Школьники	Студенты	Девушки	Юноши
Среднее	34,07	36,69	32,12	34,17	33,89
Ст. откл	9,97	9,48	9,55	10,08	9,29
N	150	64	86	93	57
T-критерий		2,91 ($p < 0,01$)		0,16 ($p > 0,05$)	

Table 2. Differences in problem use of the Internet

Statistics	Sample	High School Students	University Students	Females	Males
Mean	34.07	36.69	32.12	34.17	33.89
St. Dev.	9.97	9.48	9.55	10.08	9.29
N	150	64	86	93	57
T-criterion		2.91 ($p < 0.01$)		0.16 ($p > 0.05$)	

Для цитирования: Колесников В.Н., Мельник Ю.И., Теплова Л.И. Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1(33). – С. 34–46. doi: 10.11621/npsj.2019.0104

For citation: Kolesnikov V.N., Melnik Yu.I., Teplova L.I. (2019). Internet activity and problematic Internet use in adolescence. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 12(1), 34–46. doi: 10.11621/npsj.2019.0104

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

сти, позволяя справляться с повторяющимися мыслями о неприятных событиях (руминации), характерных для депрессии. Изменение настроения посредством использования интернета входит в список симптомов его чрезмерного пользования у К. Янг, М. Орзак, М. Гриффитса. Одним из инструментов изменения эмоционального состояния могут быть музыкальные сервисы интернета.

Картина связей несколько меняется, если корреляционный анализ выполнять с учетом пола и возраста, хотя положительная связь проблемного использования интернета с использованием социальных сетей остается сильной во всех группах. У юношей установлена связь проблемного использования интернета только с использованием соцсетей ($p < 0,01$), у девушек добавляются положительные связи с прослушиванием музыки и поиском друзей ($p < 0,01$). Примечательно, что у школьников показатель проблемного использования оказался отрицательно связан с чтением (слушанием) книг в сети ($p < 0,01$). Возможно такой вариант использования интернета (ставшего частью повседневной реальности) может рассматриваться как способ переориентации подростков на более интеллектуальную работу в сети. У студентов эта связь отсутствует, но наблюдается сильная положительная корреляция про-

Табл. 3. Различия по категориям проблемного использования (%)

Категория	Выборка	Школьники	Студенты	Девушки	Юноши
норма	80,7	79,7	81,4	77,4	86,0
группа риска	16,7	15,6	17,4	20,4	10,5
проблемное использование	2,7	4,7	1,2	2,2	3,5

Table 3. Differences in problem use of the Internet by category (%)

Category	Sample	High School Students	University Students	Females	Males
Norm	80.7	79.7	81.4	77.4	86.0
Risk Group	16.7	15.6	17.4	20.4	10.5
Problem use of the Internet	2.7	4.7	1.2	2.2	3.5

блемного использования интернета с поиском друзей через сеть ($p < 0,01$).

Исследование также выявило зависимость материального положения семьи и проблемного использования интернета у школьников ($p < 0,01$). У школьников с высоким уровнем благополучия этот показатель выше. Естественно, материальное благополучие позволяет тратить на интернет больше денег и времени. Однако не обнаружилось корреляционных связей между материальным положением и каким-либо видом активности в сети.

Успеваемость школьников (оценивалась по результатам анкетирования) не коррелирует ни с одним видом активности, ни со шкалой проблемного использования. Нет также связи успеваемости

и времени, проводимого в интернете (оно может расходоваться как продуктивно, так и контрпродуктивно). У студентов материальное положение положительно коррелирует с просмотром фильмов (доступ к сайтам с фильмами может быть платным). Успеваемость же в этой группе оказалась отрицательно связана с активностью в социальных сетях ($p < 0,05$), т.е. более высокие результаты в учебе демонстрируют студенты, которые меньше времени тратят на социальные сети. Значимой связи между уровнем материального благополучия и проблемным использованием интернета на выборке студентов не выявлено.

Таким образом, учитывая характер полученных связей, можно утверждать, что

Табл. 4. Факторная модель проблемного использования интернета

Пункты опросника	Компоненты				
	1	2	3	4	5
Окружающие говорят мне, что я очень много времени провожу в интернете.				,70	
Если я больше часа не выходил в интернет, я чувствую беспокойство.	,77				
Виртуальная жизнь мне интереснее, чем реальная.					,65
Я часто забываю поесть, если сижу в интернете.		,51			,42
Я предпочту меньше поспать, для того чтобы больше побыть в интернете.		,74			
Меня злит, если во время нахождения в сети меня кто-то отвлекает.		,49	,49		
Большую часть свободного от учебы времени я провожу в интернете.		,64			
Мне трудно спланировать время нахождения в интернете.				,74	
Если я долго не могу войти в сеть, мысли об этом не дают мне покоя.	,71				
Я могу и не заметить, что в течение нескольких часов не входил (а) в сеть.	,54	,44			
У меня улучшается настроение, когда я захожу в интернет.			,69		
Окружающие преувеличивают негативное воздействие интернета на меня.				,58	
Я часто, проснувшись утром, в первую очередь вспоминаю об интернете.	,50		,41		
Я больше доверяю друзьям из сети, чем друзьям в реальной жизни.					,79
Я обычно тороплюсь скорее сделать работу по учебе, чтобы быстрее войти в сеть.			,71		
Я люблю сидеть в интернете ночью, когда никто не отвлекает.		,49			
Мне становится тоскливо, если я долго не входил в сеть.	,67				
Мне становится скучно, если я долго не входил в сеть.	,64				
Я чувствую себя более уверенным, когда нахожусь в интернете.					,40

Table 4. Factor model of 'problem use of the Internet'

Questionnaire Item	Components				
	1	2	3	4	5
People around me tell me that I spend a lot of time on the Internet.				.70	
I feel anxious if I have not been on the Internet for over an hour.	.77				
Virtual life is more interesting to me than real life.					.65
I often forget to eat when I use the Internet.		.51			.42
I prefer to sleep less in order to use more of the Internet.		.74			
It makes me angry if someone distracts me while I am online.		.49	.49		
I spend most of my free time on the Internet.		.64			
It is difficult for me to plan my time on the Internet.				.74	
If I have not been able to access the net for a long time it does not give me rest.	.71				
I may not notice that for several hours I did not access the net.	.54	.44			
My mood is better when I am online.			.69		
People around me exaggerate the negative impact of the Internet on me.				.58	
When I wake up the morning first of all I think about accessing the Internet.	.50		.41		
I trust friends in the network more than friends in real life.					.79
I usually hurry to do my homework quickly in order to be online.			.71		
I like to surf the Internet at night when nobody interferes.		.49			
I feel bored if I have not accessed the net for a long time.	.67				
I feel sad if I have not accessed the net for a long time.	.64				
I feel more confident when I am on the Internet.					.40

проблемное использование интернета связано с учебной успеваемостью только у студентов, и эта связь опосредована чрезмерным увлечением социальными сетями. О направленности связи можно высказывать только предположения: уход в мир интернета может отвлекать студента от учебы, также неудачи в обучении могут компенсироваться многими способами самоутверждением, предоставляемыми сетью.

Структура проблемного использования интернета

На следующем этапе исследования был проведен факторный анализ пунктов опросника, в результате которого было выделено пять факторов, составивших структуру проблемного использования интернета. В таблице 4 приводятся пункты опросника и их факторные веса. Для удобства восприятия из таблицы были удалены все нагрузки ниже 0,4. Предложенная интерпретация факторов учитывает имеющиеся модели структуры интернет-зависимости.

Первый фактор (16,52%) – «снижение настроения при отсутствии возможности войти в сеть»: беспокойство, злость, тоска и скука при невозможности войти в интернет. Фактор положительно коррелирует с частотой пребывания в социальных сетях, поиском новых друзей

($p < 0,01$), т.е. с коммуникативными сервисами, и отрицательно – с самообразованием ($p < 0,01$).

Второй фактор (12,08%) – «фрустрация витальных потребностей»: забывание о еде и сне при длительном нахождении в сети. Фактор коррелирует положительно с социальными сетями и играми в сети ($p < 0,01$), значения по этому фактору больше у юношей, чем у девушек ($p < 0,01$).

Третий фактор (11,29%) – «предвкушение вхождения в сеть». Получены корреляции со временем пользования социальными сетями ($p < 0,01$) и голосовым общением через интернет ($p < 0,01$).

Четвертый фактор (10,01%) – «потеря контроля над временем»: трудность в планировании времени нахождения в интернете, неадекватная оценка длительности нахождения в сети. Оценки выше у девушек ($p < 0,01$), фактор положительно коррелирует со временем пользования социальными сетями ($p < 0,01$) и прослушиванием музыки в интернете ($p < 0,05$).

Пятый фактор (8,95%) – «снижение ценности происходящего в реальной жизни» (или «редукция реальной деятельности» по И. Голдбергу): интерес к онлайн среде, отказ от реальной жизни ради виртуальной среды, сеть как референтная среда. На такую версию интерпретации содержания фактора наводит и то, что не были выявлены его связи с видами активности

и временем пребывания в сети. Все остальные четыре фактора со временем пребывания в сети связаны положительно.

Заметим, что не были получены факторы, связанные с наличием проблем в учебе (как и не было получено корреляций успеваемости со шкалой проблемного использования) и с проблемами в межличностных отношениях (этот компонент в некоторых моделях обозначается понятием «конфликт»). Отчасти это объясняется составом исходного набора пунктов, подвергнутых факторизации. Кроме того, число юношей и девушек со значительной степенью выраженности проблемного использования интернета, которая и предполагает наличие проблем в учебе и общении, крайне незначительно. Тем не менее, имеются основания для того, чтобы исключить эти компоненты из нашей модели. Во-первых, возможность оперативного и малозатратного доступа в интернет, благодаря широкой распространенности планшетов и смартфонов, имеется у каждого обучающегося. И, во-вторых, конфликты с родителями по поводу чрезмерного пользования интернетом в старшем школьном, а, тем более, студенческом возрасте из-за отсутствия возможности (субъективной и объективной) контролировать ситуацию, как нам представляется, были характерны для более ранних этапов развития информационных технологий.

Таким образом, почти все выделенные в результате факторного анализа компоненты проблемного использования интернета оказались связанными с особой значимостью пребывания сети (причем, преимущественно в социальных сервисах). Можно заметить, что три фактора: первый, третий и четвертый, по сути, характеризуют состояние, соответствующее определенному моменту времени и отражающее его восприятие – время перед вхождением в сеть, наличие препятствий для вхождения в сеть и нарушения восприятия времени (потеря контроля над течением времени) в процессе использования сети. Два остальных фактора: второй и пятый, характеризуют отношение к реальной жизни – имеет место обесценивание всего за пределами интернета и пренебрежение базовыми потребностями.

Выявленный в нашем исследовании состав факторов проблемного использования интернета в целом соответствует имеющимся представлениям об основных проявлениях интернет-зависимости, но собственно зависимостью не является. Интернет-зависимость – это изменение состояния сознания как следствие особой ценности активности в интернете и уход от реальности, связанный (на определенных стадиях развития) с проблемами в учебной и иных видах деятельности и межличностных отношениях. В нашем случае проблемное использование интернета – это чрезмерная активность в социальных сетях, которая ведет к негативным последствиям в психологическом состоянии и социальном поведении. Различия связей выделенных факторов проблемного использования интернета с использованием различных интернет-сервисов может указывать на разную роль этих факторов в формировании собственно аддикции. Например, связь фактора «редукция витальных потребностей» с онлайн-играми может служить предиктором формирования спе-

цифической игровой зависимости. Надо полагать, что конкретные психологические механизмы превращения отдельных видов активности в интернете (в частности, различных форм коммуникации) в объект аддикции нуждаются в дальнейших исследованиях.

Следует отметить, что использованная в исследовании шкала «проблемного использования интернета» разрабатывалась, прежде всего, для проведения сбора эмпирических данных, и без проведения дополнительных исследований не может быть использована для выявления собственно интернет-зависимости или оценки степени тяжести нарушений поведения. Для этого необходимы как клинические, так и полевые наблюдения. В доработке нуждаются и формулировки отдельных пунктов, которые, в связи со стремительным развитием технологий и их пользователей, могут устаревать. Необходима оценка шкалы на соответствие требованиям валидности и надежности (подтверждена только высокая гомогенность шкалы). Получение нормативных данных требует более объемной репрезентативной выборки.

Следует отметить, что использованная в исследовании шкала «проблемного использования интернета» разрабатывалась, прежде всего, для проведения сбора эмпирических данных, и без проведения дополнительных исследований не может быть использована для выявления собственно интернет-зависимости или оценки степени тяжести нарушений поведения. Для этого необходимы как клинические, так и полевые наблюдения. В доработке нуждаются и формулировки отдельных пунктов, которые, в связи со стремительным развитием технологий и их пользователей, могут устаревать. Необходима оценка шкалы на соответствие требованиям валидности и надежности (подтверждена только высокая гомогенность шкалы). Получение нормативных данных требует более объемной репрезентативной выборки.

Основные выводы

1. Общение в социальных сетях является основным видом активности молодежи в интернете, а чрезмерная активность (длительность и частота пребывания) в социальных сетях служит общим показателем проблемного использования интернета со всеми последствиями.
2. В целом обнаружена достаточно низкая степень проблемного использова-

ния интернета в общей выборке старшеклассников и студентов – 2,7%.

3. Старшеклассники имеют более высокие показатели проблемного использования интернета, чем студенты. В отличие от юношей, девушки составляют большую часть группы риска «проблемных пользователей» с учетом использования ими расширенного списка интернет-сервисов.
4. Проблемное использование интернета связано с определенными видами активности в интернете, прежде всего, теми, которые позволяют осуществлять коммуникацию в виртуальной среде.
5. Исследование на основе оригинального опросника позволяет предложить пятикомпонентную модель проблемного использования интернета.
6. Разные компоненты интернет-зависимости связаны с разными видами активности в интернете (использованием разных сервисов интернета), преобладающими являются корреляционные связи с коммуникативными сервисами.
7. Фрустрация витальных потребностей при использовании интернета более выражена у юношей (что является предпосылкой формирования уже собственно интернет-аддикции), у девушек более выражен низкий контроль времени нахождения в интернете (что является поведенческой проблемой).
8. Проблемное использование интернета можно описать через два основных параметра: «измененное состояние сознания при длительном использовании интернета» – психологический признак и «уход в виртуальный мир, как реакция избегания реальных жизненных проблем» – поведенческий признак.

Литература:

- Асмолов А.Г., Цветкова Н.А., Цветков А.В. Психологическая модель интернет-зависимости личности // Мир психологии. – 2004. – № 1. – С. 179–193.
- Богачева Н.В. Компьютерные игры и психологическая специфика когнитивной сферы геймеров // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – №4. – С. 120–130.
- Ван Л., Войсунский А.Е., Митина О.В., Карпухина А.И. Связь опыта потока с психологической зависимостью от компьютерных игр // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – Т. 8. – № 4. – С. 73–101.

- Войскунский А.Е. Концепции зависимости и присутствия применительно к поведению в Интернете [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – № 4 (33). – С. 6. : [сайт]. URL: <http://mpj.ru> – (дата обращения 20.02.2018).
- Войскунский А.Е. Актуальные проблемы зависимости от Интернета // Психологический журнал. – 2004. – № 1. – С. 90–100.
- Интернет-зависимое поведение подростков // Клиника, диагностика, профилактика / под ред. В.Л. Малыгина. – Москва : Арсенал образования, 2010. – 130 с.
- Козлова Н.С., Черная Е.Е. Взаимосвязь эмоциональных особенностей подростков и специфики вовлеченности в социальные сети // Психологические науки: теория и практика : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2015 г.). – Москва : Буки-Веди, 2015. – С. 39–42. Электронная версия: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/158/8281>. – (дата обращения 13.02.2018).
- Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия. – Москва: Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. – 460 с.
- Короленко Ц.П., Лоскутова В.А. Интернет-зависимость в русскоязычном секторе Интернета // Бюллетень Сибирского отделения РАМН. Изд-во Сибирского отделения российской академии наук. – 2004. – Вып. 3. – С. 45–51.
- Макалатия А.Г., Матвеева Л.В. Субъективные факторы притягательности компьютерных игр для детей и подростков // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 1(25). – С. 15–24. doi: 10.11621/npj.2017.0102
- Панкова Т. В., Сергеева Н. В. Исследование интернет-зависимости подростка [Электронный ресурс] // Современная педагогика. – 2014. – № 3. : [сайт]. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2014/5/2328> – (дата обращения 13.09.2017).
- Цифровая компетентность подростков и родителей : Результаты всероссийского исследования / Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. – Москва : Фонд Развития Интернет, 2013. – 144 с.
- Червинская К.Р. Компьютерная психодиагностика. – Санкт-Петербург : Речь, 2003. – 336 с.
- Шмелев А. Г. Практическая тестология: тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом. – Москва : Маска, 2013. – 688 с.
- Chang, J P-C & Hung, C-C. (2012). Problematic internet use. In *Rey JM (ed), IACAPAP e-Textbook of Child and Adolescent Mental Health. Geneva: International Association for Child and Adolescent Psychiatry and Allied Professions.*
- Chou C., Condron L. & Belland J.C. (2005). A review of the research on Internet addiction. *Educational Psychology Review*, 17, 363–388. doi: 10.1007/s10648-005-8138-1
- Davis, R.A. (2001). A cognitive behavioral model of pathological Internet use. *Computers in Human Behavior*, 17(2), 187–195. doi:10.1016/S0747-5632(00)00041-8
- De-Sola Gutiérrez J., Rodríguez de Fonseca, F. & Rubio G. (2016). Cell-Phone Addiction: A Review. *Frontiers in Psychiatry*, 7(175). doi: 10.3389/fpsy.2016.00175
- Griffiths, M.D. (2005). A 'components' model of addiction within a biopsychosocial framework. *J Subst Use*, 10(4), 191–197. doi: 10.1080/14659890500114359
- Grohol, J. M. (2017). Internet Addiction Guide. Retrieved from: <https://psychcentral.com/netaddiction> – (accessed 09.08.2018)
- Karacic, S. & Oreskovic S. (2017). Internet Addiction Through Phase of Adolescence: A Questionnaire Study. *JMIR Ment Health*, 4(2). Retrieved from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5394260/> (accessed 14.08.2018).
- Koronzai B., Kökönyei G., Urbán R., Kun B., Papay O., Nagygyorgy K., Griffiths M.D. & Demetrovics Z. (2013). The mediating effect of self-esteem, depression and anxiety between satisfaction with body appearance and problematic internet use. *American Journal of Drug and Alcohol Abuse*, 39(4), 259–265. doi: 10.3109/00952990.2013.803111
- Kraut R., Patterson M., Lundmark V., Kiesler S., Mukophadhyay T. & Scherlis W. (1998). Internet paradox: A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? *Am. Psychol*, 53(9), 1011–1031. Retrieved from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/9841579> (accessed 13.05.2018).
- Orzack M. & Cromie J. (1999). Computer Addiction Is Coming On-line. *Harvard gazette archives*, 21. Retrieved from: <http://www.news.harvard.edu/gazette/1999/01.21/computer.html> (accessed 21.08.2018).
- Pontes H.M., Kuss D.J., & Griffiths M.D. (2015). Clinical psychology of Internet addiction: a review of its conceptualization, prevalence, neuronal processes, and implications for treatment. *Neuroscience and Neuroeconomics*, 4, 11–23. Retrieved from: <https://www.dovepress.com/clinical-psychology-of-internet-addiction-a-review-of-its-conceptualiz-peer-reviewed-fulltext-article-NAN> (accessed 14.08.2018).
- Scherer K. (1997). College life online: Healthy and unhealthy Internet use. *J. College Stud. Dev*, 38(6), 655–665.
- Shapira N., Lessig M., Goldsmith T., Szabo S., Lazoritz M., Gold M., & Stein D. (2003). Problematic Internet use: Proposed classification and diagnostic criteria. *Depression and Anxiety*, 17(4), 207–216. doi: 10.1002/da.10094
- Wartberg L., Kriston L., Kammerl R., Petersen K.U. & Thomasius R. (2015). Prevalence of pathological internet use in a representative German sample of adolescents: results of a latent profile analysis. *Psychopathology*, 48(1), 25–30. doi: 10.1159/000365095
- Wen-YuHsu Sunny, S.J. Lin, Shan-MeiChang, Yin-HsingTseng & Nan-YingChiu (2015). Examining the diagnostic criteria for Internet addiction: Expert validation. *Journal of the Formosan Medical Association*, 114(6), 504–508. Retrieved from: <https://core.ac.uk/download/pdf/82206460.pdf> (accessed 12.08.2018).
- Young, K.S. (1996). Psychology of computer use: XL. Addictive use of the Internet: A case that breaks the stereotype. *Psychol. Rep*, 79, 899–902. doi: 10.2466/pr0.1996.79.3.899

References:

- Asmolov A.G., Tsvetkova N.A. & Tsvetkov A.V. (2004). Psychological model of Internet addiction of the person. [*Mir Psikhologii*], 1, 179–193.
- Bogacheva N.V. (2014). Computer games and psychological features of gamers' cognitive sphere. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*], Series 14.

Для цитирования: Колесников В.Н., Мельник Ю.И., Теплова Л.И. Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1(33). – С. 34–46. doi: 10.11621/npj.2019.0104

For citation: Kolesnikov V.N., Melnik Yu.I., Teplova L.I. (2019). Internet activity and problematic Internet use in adolescence. National Psychological Journal, [*Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal*], 12(1), 34–46. doi: 10.11621/npj.2019.0104

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

Psychology, 4, 120–130.

Chang, J P-C & Hung, C-C. (2012). Problematic internet use. In Rey JM (ed), IACAPAP e-Textbook of Child and Adolescent Mental Health. Geneva: International Association for Child and Adolescent Psychiatry and Allied Professions.

Chervinskaya K.R. (2003). Computer psychodiagnostics. St. Petersburg: Speech, 336.

Chou C., Condrón L. & Belland J.C. (2005). A review of the research on Internet addiction. *Educational Psychology Review*, 17, 363–388. doi: 10.1007/s10648-005-8138-1

Davis, R.A. (2001). A cognitive behavioral model of pathological Internet use. *Computers in Human Behavior*, 17(2), 187–195. doi:10.1016/S0747-5632(00)00041-8

De-Sola Gutiérrez J., Rodríguez de Fonseca, F. & Rubio G. (2016). Cell-Phone Addiction: A Review. *Frontiers in Psychiatry*, 7(175). doi: 10.3389/fpsy.2016.00175

Griffiths, M.D. (2005). A 'components' model of addiction within a biopsychosocial framework. *J Subst Use*, 10(4), 191–197. doi: 10.1080/14659890500114359

Grohol, J. M. (2017). Internet Addiction Guide. Retrieved from: <https://psychcentral.com/netaddiction> – (accessed 09.08.2018)

Karacic, S. & Oreskovic S. (2017). Internet Addiction Through Phase of Adolescence: A Questionnaire Study. *JMIR Ment Health*, 4(2). Retrieved from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5394260/> (accessed 14.08.2018).

Korolenko Ts.P. & Dmitrieva N.V. (2000). Sociodynamic psychiatry. Moscow, Akademicheskii proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 460.

Korolenko, Ts.P. & Loskutova V.A. (2004). Internet addiction in the Russian-speaking sector of the Internet. [Byulleten' Sibirskogo otdeleniya RAMN. Izd-vo Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk], 3, 45–51.

Koronczai B., Kökőnyi G., Urbán R., Kun B., Papay O., Nagygyorgy K., Griffiths M.D. & Demetrovics Z. (2013). The mediating effect of self-esteem, depression and anxiety between satisfaction with body appearance and problematic internet use. *American Journal of Drug and Alcohol Abuse*, 39(4), 259–265. doi: 10.3109/00952990.2013.803111

Kozlova N.S. & Chernaya E.E. (2015). The relationship of emotional characteristics of adolescents and the specifics of involvement in social networks. [Psikhologicheskie nauki: teoriya i praktika: materialy 3tiey Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Moskva, iyun' 2015 g.)]. Moscow, Buki-Vedi, 39–42. Retrieved from: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/158/8281>. (accessed 13.08.2018).

Kraut R., Patterson M., Lundmark V., Kiesler S., Mukophadhyay T. & Scherlis W. (1998). Internet paradox: A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? *Am. Psychol*, 53(9), 1011–1031. Retrieved from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/9841579> (accessed 13.05.2018).

Makalatiya A.G. & Matveeva L.V. (2017). Subjective factors of the attraction of computer games for children and adolescents. *National Psychological Journal*, 1, 15–24. doi: 10.11621/npj.2017.0102

Malygin V.L. (ed.) (2010). Internet addicted behaviour in adolescents. [Klinika, diagnostika, profilaktika]. Moscow, Arsenal obrazovaniya, 130.

Orzack M. & Cromie J. (1999). Computer Addiction Is Coming On-line. *Harvard gazette archives*, 21. Retrieved from: <http://www.news.harvard.edu/gazette/1999/01.21/computer.html> (accessed 21.08.2018).

Pankova T.V. & Sergeeva N.V. (2014). Study of Internet dependence of a teenager. [Sovremennaya Pedagogika]. 3. Retrieved from: <http://pedagogika.snauka.ru/2014/5/2328> (accessed 13.08.2018).

Pontes H.M., Kuss D.J., & Griffiths M.D. (2015). Clinical psychology of Internet addiction: a review of its conceptualization, prevalence, neuronal processes, and implications for treatment. *Neuroscience and Neuroeconomics*, 4, 11–23. Retrieved from: <https://www.dovepress.com/clinical-psychology-of-internet-addiction-a-review-of-its-conceptualiz-peer-reviewed-fulltext-article-NAN> (accessed 14.08.2018).

Scherer K. (1997). College life online: Healthy and unhealthy Internet use. *J. College Stud. Dev*, 38(6), 655–665.

Shapira N., Lessig M., Goldsmith T., Szabo S., Lazoritz M., Gold M., & Stein D. (2003). Problematic Internet use: Proposed classification and diagnostic criteria. *Depression and Anxiety*, 17(4), 207–216. doi: 10.1002/da.10094

Shmelev, A. G. (2013). Practical Testing in Education, Applied Psychology and Personnel Management. Moscow, Maska, 688.

Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova E.I. & Zotov E.Yu. (2013). Digital competence of adolescents and parents. [Rezultaty vserossiyskogo issledovaniya]. Moscow, Fond Razvitiya Internet, 144.

Van L., Voyskunsky A.E., Mitina O.V. & Karpukhina A.I. (2011). Connection of flow experience with psychological dependence on computer games. [Psikhologiya. Zhurnal Vysshey Sholy Ekonomiki], 8(4), 73–101.

Voyskunsky A.E. (2004). Vital issues of Internet addiction. [Psikhologicheskii Zhurnal]. 1, 90–100.

Voyskunsky A.E. (2015). Concepts of dependence and presence in relation to behavior on the Internet. [Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: elektronnyy nauchnyy zhurnal]. 4(33), 6. Retrieved from: <http://mprj.ru> – (accessed 02.08.2018).

Wartberg L., Kriston L., Kammerl R., Petersen K.U. & Thomasius R. (2015). Prevalence of pathological internet use in a representative German sample of adolescents: results of a latent profile analysis. *Psychopathology*, 48(1), 25–30. doi: 10.1159/000365095

Wen-YuHsu Sunny, S.J. Lin, Shan-MeiChang, Yin-HsingTseng & Nan-YingChiu (2015). Examining the diagnostic criteria for Internet addiction: Expert validation. *Journal of the Formosan Medical Association*, 114(6), 504–508. Retrieved from: <https://core.ac.uk/download/pdf/82206460.pdf> (accessed 12.08.2018).

Young, K.S. (1996). Psychology of computer use: XL. Addictive use of the Internet: A case that breaks the stereotype. *Psychol. Rep*, 79, 899–902. doi: 10.2466/pr0.1996.79.3.899

Разрешение конфликтов автономии: подход к исследованию личностной автономии подростков

Н.В. Горлова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия.

Поступила 13 февраля 2019/ Принята к публикации: 3 марта 2019

Autonomy conflicts resolution: theoretical approach to adolescents' personal autonomy

Natalya V. Gorlova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

Received February 13, 2019 / Accepted for publication: March 3, 2019

Актуальность (контекст) тематики статьи. Среди различных теоретических подходов, рассматривающих задачи развития на подростково-юношеском этапе взросления¹ особую актуальность приобретают особенности присвоения подростками личностной автономии. Современный транзитивный, быстро меняющийся мир также ожидает от подростков самостоятельности и инициативности.

Цель проведенного аналитико-теоретического исследования: изучение общего состояния проблемы и наиболее обсуждаемых теоретических подходов к исследованию личностной автономии подростков, подробный анализ подхода к изучению личностной автономии с точки зрения разрешения конфликтов автономии.

Описание хода исследования. Анализ подходов к изучению личностной автономии показал существование внутриличностных и межличностных источников развития автономии. В статье рассмотрен подход к изучению личностной автономии подростков, в котором конфликт полагается механизмом развития. Подробно рассмотрены теория социально-когнитивных областей Дж.Г. Сметана и теория суверенности С.К. Нартовой-Бочавер, утверждающие, что личностная автономия присваивается неравномерно: в одних сферах подростки становятся более автономными, в других они еще не очень самостоятельны. Представлена модель психологической готовности к разрешению конфликтов автономии на основе конструктивной психологии конфликта, позволяющей обнаружить возможности актуализации и разрешаются конфликтов автономии как во внутриличностном, так и в межличностном плане.

Результаты исследования. Анализ классических и современных исследований показал, что личностная автономия присваивается подростками через разрешение ими конфликтов в разных областях психологического пространства. Выявлено, что в основании конфликтов автономии лежат противоречия: «внешний контроль — своя воля» и «зависимость — независимость». С опорой на положения нескольких теоретических подходов выявлено, что в основании конфликтов автономии лежат противоречие «внешне контролируемое функционирование — функционирование по собственной воле» и противоречие «зависимость — независимость». Было предложено авторское видение проблемы исследования личностной автономии подростков на основе изучения психологической готовности к разрешению конфликтов автономии на диспозиционном уровне.

Выводы: Показаны возможности исследования личностной автономии подростков посредством изучения разрешения ими конфликтов автономии в разных областях психологического пространства. Конфликты автономии вызваны контролирующими или запрещающими действиями близких (родителей) относительно некоторых сфер, права на которые может предъявлять уже сам подросток. Модель психологической готовности к разрешению конфликтов автономии на основе конструктивной психологии конфликта позволяет обнаружить, каким образом актуализируются и разрешаются конфликты автономии как во внутриличностном, так и в межличностном плане.

Ключевые слова: подросток, подростково-юношеский период, личностная автономия, конфликты автономии, теория социально-когнитивных областей, психология конфликта, психологическая готовность к разрешению конфликтов автономии, отстаивание.

Background. One of theoretical approaches towards developmental tasks in adolescence is the study of personal autonomy. The modern fast-paced world expects adolescents to be independent and proactive.

The Objective is to study the overall state of the issue and to highlight the mostly discussed theoretical approaches to personal autonomy, to provide the reader with the detailed review of the approaches to personal autonomy from the view-point of autonomy conflict resolution.

Design. The analysis of various approaches to personal autonomy identified developmental sources of autonomy within intra- and in interpersonal ways. The paper discusses theoretical approaches to adolescent's personal autonomy that considers conflict as a mechanism of development. The paper presents a model of psychological readiness to resolve autonomy conflicts that may disclose how conflicts are triggered and how they could be resolved within intra- and in interpersonal way.

Results. An analysis of classical and modern research has shown that personal autonomy is appropriated by adolescents through their resolution of conflicts in various areas of the psychological space. Based on the provisions of a number of theoretical approaches, it has been revealed that the core matter of conflicts is the contradiction "external control vs one's own will" and the contradiction "dependence vs independence". The author proposes studying personal autonomy by drawing insights from psychological readiness of autonomy conflicts resolution using locus of control scale and also through the measurement of actual conflicts of autonomy and assertion as conflict resolution style using existential experience. The author's vision of the personal autonomy of adolescents is based on the study of psychological readiness to resolve autonomy conflicts at the dispositional level. Conflict as a mechanism of development is a developmental crisis stage where contradictions could be removed. Diversity of classical and modern studies show that the autonomy is developed in adolescents through the resolution of conflicts in different spheres of psychological space. The social cognitive domain theory of J.G.Smetana and the theory of psychological sovereignty (S.K.Nartova-Bochaver) are discussed in detail. According to the theories under consideration, personal autonomy reveals in adolescents to a different degree and at different levels. In some domains, they are more independent, while they do not manifest independence in other psychological domains.

Conclusion. The approach to adolescents' personal autonomy as autonomy conflict resolution in different psychological domains is described. Autonomy conflict resolution can be controlled or prohibited by close relatives, e.g. parents. The model of psychological readiness of autonomy conflict resolution may disclose how autonomy conflicts are triggered by and be resolved within intra- and in interpersonal way. The contradictions may be removed through autonomy conflict resolution.

Keywords: personal autonomy, autonomy conflict resolution, social cognitive domain theory, psychology of sovereignty, constructive psychology of conflict, psychological readiness of autonomy conflict resolution, assertion.

¹ Под подростково-юношеским этапом взросления понимается период примерно с 11 до 25 лет, включающий, помимо подросткового возраста (11–18 лет), время о «появляющейся (или зарождающейся) взрослости» (emerging adulthood) – «переходный» к взрослости этап между 18 и 25 годами (Arnett, 2000). Кроме того, учитываются современные точки зрения на изменения границ возрастов на переходе от детства к взрослости (Толстых, 2015; Бочавер, Жилинская, Хламов, 2016). Условно мы будем называть «подростками» тех, кто присваивает автономию преимущественно в подростковом возрасте, понимая, что это процесс может происходить и на всем протяжении периода «появляющейся взрослости».

Актуальность (контекст) тематики статьи

Подростково-юношеский период взросления является предметом постоянного внимания исследователей. В разных теоретических школах предлагается много-

Интерес к личностной автономии и ее значению для подросткового и юношеского возрастов за последние десятилетия постепенно увеличивается, судя по росту числа публикаций, посвященных изучению данного конструкта

образии трактовок того, что развивается в этот период. Среди них выделяется позиция, согласно которой задачей развития на данном возрастном этапе является достижение личностной автономии. Интерес к личностной автономии и ее значению для подросткового и юношеского возрастов за последние десятилетия постепенно увеличивается, судя по росту числа публикаций, посвященных изучению данного конструкта.

Личностная автономия присваивается подростками через разрешение ими конфликтов в разных областях психологического пространства. Речь идет о конфликтах, которые описываются как в классических, так и в современных работах по психологии подросткового возраста. Условно назовем их конфликтами автономии

Данная тематика актуальна также в связи с тем, что современный мир с его неопределенностью, размытостью ценностей и смыслов (Гришина, 2015; Леонтьев, 2015; Марцинковская, 2014, 2015) предъявляет особые требования к самостоятельности и инициативности подростков и юношей, к их личностной автономии.

Детальный анализ всех подходов показывает, что многие исследователи выделяют межличностный характер присвоения автономии, которая является результатом отделения, сепарации подростка от родителей. Особо подчеркивается конфликтный характер протекания этого процесса.

Наталья Владимировна Горлова –

старший преподаватель кафедры психологии развития и консультирования Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета
E-mail: gorlova_n@mail.ru
<http://ipps.sfu-kras.ru/node/44>

Кроме того, существует часть исследователей, которые утверждают, что приобретение автономии происходит внутри личности. Таким образом, недостаточно разработанным вопросом в исследованиях личностной автономии оказывается

вопрос рассмотрения автономии одновременно и как межличностного, и внутриличностного процесса. Предложенный в данной работе подход позволит рассмотреть автономию с этих двух позиций.

Цель проведенного аналитико-теоретического исследования – изучение общего состояния проблемы и наиболее обсуждаемых теоретических подходов к исследованию личностной автономии подростков и юношей, подробный ана-

лиз подхода к изучению личностной автономии с точки зрения разрешения конфликтов автономии.

Основные теоретические подходы к изучению личностной автономии подростка

Анализ теоретических подходов к изучению личностной автономии показывает, что существуют психоаналитический взгляд на проблему автономии (А. Фрейд, М. Малер, П. Блос), подход

с точки зрения теории привязанности (Дж. Боулби, М. Эйнсворт П. Криттенден), подход с точки зрения теории самодетерминации (Э. Деси и Р. Райн), взгляд на проблему автономии с точки зрения деятельностного подхода (А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев) и возрастностно-психологический подход (Д.Б. Эльконин, Т.В. Драгунова, Л.И. Божович, Г.А. Цукерман, Г.В. Бурменская). Все указанные подходы подробно и обстоятельно рассматриваются в статье Н.Н. Поскребышевой и О.А. Карабановой (Поскребышева, Карабанова, 2014). Согласно представленному авторами взгляду на подходы к автономии, психоаналитический подход и теория привязанности источником автономии видят отношения подростков с родителями, т.е. межличностные (внешние) факторы. Теория самодетерминации, деятельностный и возрастностно-психологический подходы в качестве источников развития автономии рассматривают внутренние факторы. Н.Н. Поскребышева и О.А. Карабанова также предлагают возрастностно-психологический подход к личностной автономии, подчеркивая, что развитие автономии необходимо рассматривать и как внутренний личностный процесс, и как трансформацию отношений. Авторы указывают, что такое объединение можно осуществить посредством операционализации понятия социальной ситуации развития. Это понятие включает в себя два аспекта: объективный аспект – социальная позиция подростка в системе социальных отношений, субъективный аспект – внутренняя позиция подростка, представленная системой ориентирующих образов, которые определяют отношения и сотрудничество ребенка и взрослого.

Авторы статьи разделяют позицию рассмотрения личностной автономии с учетом межличностного и внутриличностного характера этого процесса. На основе проведенного анализа современных источников мы стремились показать, что исследование личностной автономии в таком ключе невозможно без учета нескольких важных теорий из разных областей психологии. Эти теории утверждают, что личностная автономия присваивается подростками через разрешение ими конфликтов в разных областях психологического пространства. Речь идет о конфликтах, которые описываются как

в классических, так и в современных работах по психологии подросткового возраста. Условно назовем их конфликтами автономии.

Тема связи конфликтов подростков с родителями и процессов достижения первыми личностной автономии поднимается в психологии развития в последние два-три десятка лет. Конфликты между подростками и их родителями предназначены для повторного согласования влияния родителей и потребностей подростков в автономии (Smetana, 1989; Collins, Laursen, 2004; Branje, Laursen, Collins, 2012). Они должны помочь подросткам стать более автономными (Pinquart, Silbereisen, 2002; Steinberg, 2001; Laursen, Collins, 2009), привести их отношения с родителями к положению на равных (по горизонтали), к равноправию с большим равновесием во взаимодействии, силе и принятии решений (Collins, Laursen, Mortensen, Luebker, Ferreira, 1997; Keijsers, Frijns, Branje, Meeus, 2009).

С. Бранье в статье о конфликте как механизме изменения детско-родительских отношений на основании анализа различных исследований рассматривает конфликт в качестве средства организации переговоров подростков и родителей по поводу изменений их отношений. Взаимодействие в конфликте между родителями и подростками адаптивно для развития отношений только тогда, когда эти взаимодействия характеризуются способностью к гибкому переключению между разнообразными эмоциями – как положительными, так и отрицательными (Branje, 2018). В работе показано, что пары «родитель – подросток», которые демонстрируют разнообразие эмоциональных проявлений в процессе конфликтного взаимодействия, не только эффективнее адаптируются, но и лучше перестраивают свои отношения в соответствии с потребностями подростков на данном этапе развития.

Многие исследования показывают, что развитие автономии через изменение отношений подростков с родителями происходит в два основных этапа:

– переход от раннего подросткового возраста к среднему подростковому (примерно с 12 до 16 лет), когда происходит нарастание разногласий, что выражается в увеличении количества конфликтов,

– период перехода от среднего подросткового возраста к позднему подростковому (примерно с 16 до 20 лет), когда отношения должны приобрести черты равноправия, стать более гармоничными.

Данные тенденции подтверждаются современными лонгитюдными исследо-

В настоящей работе при исследовании личностной автономии подростков используется подход к конфликту как к механизму возрастного развития. Этот подход подразумевает, что в стабильные (литические) возрастные периоды механизмом развития внутри ведущей деятельности, как его формы, является актуализация противоречивых оснований для действия

ваниями. В частности Hadiwijaya с коллегами (Hadiwijaya et al., 2017) выявили, что на втором этапе развития отношений подростки ощущают свою независимость и могут улучшить свои отношения с родителями.

В настоящей работе при исследовании личностной автономии подростков используется подход к конфликту как к механизму возрастного развития. Этот подход подразумевает, что в стабильные (литические) возрастные периоды механизм развития внутри ведущей деятельности, как его формы, является актуализация противоречивых оснований для действия. Работа этого механизма скрыта, так как формы поведения оказываются достаточно успешными (Хасан, Сергоманов, 2004). Однако на определенной стадии возрастного кризиса конфликт проявляется как открыто действующий механизм, позволяющий обнаружить неактуальность некоторых мифологизированных представлений ребенка об искомой взрослости через столкновения с внешними ограничениями в виде старых форм взаимоотношений. Кроме того, посредством конфликта ребенок обретает основания для рефлексии своих способностей (Поливанова, 1994).

Автор данной статьи использует также подход конструктивной психологии конфликта (Хасан, 2003), который полагает конфликт искусственно созданным средством для снятия возникших противоречий. То есть, это не просто феномен, а психотехнический инструмент. С точки зрения внимания к процессу конфликтования, речь идет о конструктивном преобразующем действии, которое не связано с защитой. С точки зрения внимания

к результату конфликтования, речь идет о продуктивности как об итоге разрешения конфликта, когда стороны изначально нацелены на его разрешение. Именно удержание конфликта в конструктивном режиме будет способствовать разрешению конфликта и снятию противоречий.

Рассмотрим конфликты автономии через выделенную в подходе структуру конфликта, а также проанализируем конфликты автономии, с точки зрения предмета конфликта. Согласно Б.И. Хасану, в основании конфликта лежит противоречие, которое может актуализироваться в действительности как в виде внешнего, межличностного, так и в виде внутреннего, внутриличностного столкновения (интересов, ценностей, целей и т.п.) и проявляться в виде разных переживаний. Такое понимание конфликта позволяет обнаружить механизм актуализации конфликта и во внутриличностном, и в межличностном плане.

Для понимания того, какие противоречия лежат в основании конфликтов автономии, стоит обратиться к возрастнопсихологическому подходу к конфликтам автономии, к пониманию экзистенциальных дилемм в экзистенциальной философии и психологии, а также к современному подходу в психологии развития, рассматривающему автономии как независимость и как волевой акт. Последовательно рассмотрим все эти подходы.

Возрастно-психологический подход к конфликтам автономии представлен работами Д.Б. Эльконина, Т.В. Драгуновой, А.М. Прихожан, К.Н. Поливановой, Б.И. Хасана, Л.Б. Шнейдер, А.П. Новгородцевой.

Подросток стремится быть автономным и самостоятельным в разных областях своей жизни. Взрослые часто очень непросто отдают подросткам эту автономии, иногда сопротивляясь тому, что их дети хотят иметь новые права. Сопротивление взрослых может проявляться в виде некоторых ограничений и экспансии на разные ресурсы подростка (лич-

Подросток стремится быть автономным и самостоятельным в разных областях своей жизни. Взрослые часто очень не просто отдают подросткам эту автономию, иногда сопротивляясь тому, что их дети хотят иметь новые права

ное время, пространство, вещи, вкусы и т.п.). Подтверждением данного положения являются исследования, которые ниже будут рассмотрены подробнее.

В дневниковых записях Д.Б. Эльконина обнаружены идеи об активном поиске подростками «возможности противопоставить себя взрослому». Даже при спокойных взаимоотношениях со взрослыми подросткам «такое противопоставление внутренне необходимо» (Поливанова, 1999, С. 24).

В классической работе «Проблема конфликта в подростковом возрасте» Т.В. Драгунова показывает, что у подростка появляются представления о себе как «уже не ребенку». При переходе в группу взрослых у него изменяются права и обязанности, появляются определенные привилегии. Притязания подростка на эти новые права постепенно расширяются до всей области отношений со взрослыми, что приводит к конфликтам со взрослыми. Контроль, наказания, требования послушания или соблюдения установленного режима – такое отношение к подростку «как к маленькому», уже не соответствует его ощущению уровня собственной взрослости. Чтобы изменить стиль отношений на новый, подросток сам инициирует перемены посредством протеста и неподчинения. Конфликт вызывается невозможностью взрослого признать усиливающееся чувство взрослости подростка (Драгунова, 1972).

А.М. Прихожан подчеркивает, что подростки пытаются активно завоевать новые позиции и «как бы специально “нарываю” на запреты, преднамеренно “принуждая” родителей к ним, чтобы иметь возможность собственными усилиями раздвинуть рамки, задающие пределы их возможностям. Именно через это столкновение они узнают себя, о своих возможностях, удовлетворяют потребность в самоутверждении» (Прихожан, 1997, С. 2).

К.Н. Поливанова добавляет к вышесказанному, что многие наблюдения свидетельствуют, что, если взрослый пойдет на уступки, то, как только повод для

этого конкретного конфликта исчезает, то сразу же возникнет следующий конфликт. Создается ситуация остановки действия подростка (ситуация пробы действия), когда при его требовании взрослые отказываются что-то сделать, или он сам пытается ограничить действия взрослых. Примером служит следующая ситуация, приведенная в работе автора: подросток пытался запрещать родителям входить в его комнату, настаивая, что это его пространство. По мнению автора, это говорит о том, что подростку необходимо прочувствовать границу того, что он может, а что нет, определить меру своей свободы (Поливанова, 2000, С. 151). У подростка, таким образом, появляются как внешние запреты из среды, так и свои внутренние.

Б.И. Хасан пишет, что границы взросления задаются такими выражениями взрослых, как «Ты УЖЕ ДОЛЖЕН (ДОЛЖНА)² понимать» или, наоборот: «МАЛ (МАЛА) ЕЩЕ, подрастешь, поймешь». Такое своеобразное сопротивление притязаниям детей играет «роль опор в возрастном самоопределении ребенка» (Хасан, 1997, С. 23). У подростков в отношении границ взросления есть свои критерии.

По мнению Л.Б. Шнейдер, чувство внутренней несвободы и ограничения в собственной деятельности – главный источник напряжения для подростка в его отношениях с родителями. Это конфликт между тем, кто стремится ко все более масштабной и самостоятельной деятельности, и теми, кто ограничивает его в этой деятельности. Чувство взрослости актуализируется уже вторично как внутренняя основа личности в борьбе за преодоление ограничений ее деятельности. Именно тогда, когда подросток убежден в своей взрослости, он уже морально имеет право требовать равенства со взрослым во всех аспектах деятельности (Шнейдер, 2011).

В работе А.П. Новгородцевой конфликт автономии описан как «конфликт противоречивых потребностей», в котором сталкиваются потребность в дистанции и независимости и потребность в зависи-

мости и поддержке. Отсутствие осознания этого противоречия самими подростками создает остроту данного конфликта (Новгородцева, 2006). Конфликт противоречивых потребностей, как понятно из его описания, – это внутриличностный конфликт. Сходные идеи о внутриличностном характере конфликта приводятся в работах, затрагивающих экзистенциальную проблематику.

Разрешения экзистенциальных противоречий, конфликтов на подростково-юношеском этапе взросления описываются на протяжении последних лет различными авторами (Гаврилова, 2004; Гаврилова, Швец, 2010; Колошина, 2002; Млодик, 2010; Ялом, 2015; Ellsworth, 1999). Экзистенциальная психология выделяет «экзистенциальный конфликт изоляции», утверждая, что изоляция есть изначальная данность человеческого существования. Именно достижение личной автономии через разрешение экзистенциального конфликта изоляции полагается основной задачей развития личности в целом (Ялом, 2015). И. Ялом пишет, что «дилемма слияния-изоляции или, как ее обычно называют, привязанности-сепарации – основная экзистенциальная задача развития» (там же, С. 408).

В современной психологии развития считается, что существуют две широко распространенные, но различные позиции в отношении подростковой автономии (Soenens, Vansteenkiste, Petegem van et al., 2018). Один подход рассматривает автономию как независимость (autonomy as independence), то есть степень, с которой подростки принимают решения, действуют и обдумывают что-то без опоры на других, например, на родителей. Такой автономии противопоставит зависимость (dependency) – подростки полагаются на других в решениях, разрешениях трудностей, нуждаются в эмоциональной поддержке. Когда автономию рассматривают с этой позиции, то речь часто идет о независимом принятии решений, особенно в ситуациях, которые касаются вопросов личного характера (Smetana, 2018), об изменении отношений с родителями на более равноправные, а также об ассертивности, активной позиции подростков в семейных дискуссиях. Важной особен-

² Выделено Б.И. Хасаном

ностью этого подхода является рассмотрение автономии преимущественно в межличностном ключе.

Автономия, с точки зрения другого подхода, – это функционирование по собственной воле (autonomy as volitional functioning) – степень, с которой подростки регулируют свое поведение, основываясь на глубоко укорененных собственных ценностях, предпочтениях и интересах. Автономии как волевому действию противостоит внешне контролируемое функционирование (controlled functioning) – подростки ощущают внешнее давление в отношении своих мыслей, чувств или поведения.

Аналитико-теоретическое исследование проблем личностной автономии подростков

С опорой на современное видение автономии, обозначим оба лежащие в основании конфликтов автономии противоречия:

1. противоречие «внешне контролируемое функционирование – функционирование по собственной воле»;
2. противоречие «зависимость – независимость».

Противоречие «внешне контролируемое функционирование – функционирование по собственной воле» рассматривается во внутриличностном плане: речь идет о том, что внешний контроль со стороны родителей постепенно противопоставляется внутреннему контролю самого подростка.

В данной работе противоречие «зависимость – независимость» рассматривается в межличностном плане: оно актуализируется в детско-родительских конфликтах в ситуациях запретов и ограничений со стороны родителей и их отношении к подросткам как к маленьким при активных притязаниях подростков на новую степень самостоятельности.

Противоречие «подконтрольное действие – волевое действие» рассматривается в межличностном плане – оно актуализируется в детско-родительских конфликтах в ситуациях запретов и ограничений со стороны родителей и при их отношении к подросткам как к маленьким в то время,

как подростки активно притязают на новую степень самостоятельности.

Основным положением данной работы является утверждение, что присвоение личностной автономии на подростково-юношеском этапе взросления происходит через формирование психологической

конструктом локуса контроля. Разрешение конфликта в пользу присвоения автономии выражено в виде интернального локуса контроля, который выражает личную ответственность субъекта. Именно на этом уровне во внутриличностном плане актуализируется противоречие «внеш-

В данной работе противоречие «зависимость – независимость» рассматривается во внутриличностном плане – речь идет о том, что, помимо потребности в зависимости и поддержке со стороны родителей, внутри подростка проявляется также потребность в независимости и автономии

готовности к разрешению конфликтов автономии на двух уровнях (табл. 1). На первом уровне – уровне социальных установок, диспозиций и черт личности, в соответствии с теорией самодетерминации (Ryan, Deci, 2000), подхода личностного потенциала и становления детерминации (Леонтьев, Калитевская, Осин, 2011), психологическая готовность к разрешению конфликтов автономии представлена

не контролируемое функционирование – функционирование по собственной воле».

На втором уровне, который представляет собой уровень экзистенциального опыта (Знаков, 2011), психологическая готовность к разрешению конфликтов автономии представлена такими компонентами, как актуальность подростковых конфликтов автономии для субъективного прошлого подростков, актуальность

Табл. 1. Модель психологической готовности к разрешению конфликтов автономии

		Маркеры разрешения конфликтов автономии	Противоречия в основании конфликта
Уровни психологической готовности к разрешению конфликтов автономии	Диспозиционный (внутриличностный)	Разрешение конфликта в пользу присвоения автономии – интернальный локус контроля.	«внешне контролируемое функционирование – функционирование по собственной воле»
	Экзистенциальный опыт (межличностный)	Разрешение конфликта в пользу присвоения автономии: 1. подростковые конфликты автономии важны в прошлом; 2. юношеские конфликты автономии важны для субъективного настоящего; 3. разрешает конфликты автономии, отстаивая свою позицию.	Зависимость – независимость

Table 1. Model of psychological readiness of autonomy conflicts resolution

		Autonomy conflict resolution markers	Contradictions at conflict base
Levels of psychological readiness of autonomy conflicts resolution	Dispositional (within-person)	Conflict resolution in favor of autonomy assignment – internal locus of control	controlled functioning – volitional functioning
	Existential (interpersonal)	Conflict resolution in favor of autonomy assignment: 1. “adolescent” autonomy conflicts have been important in the past; 2. “youth” autonomy conflicts are important for the subjective present; 3. they resolve autonomy conflicts asserting their position.	dependency – independence

юношеских конфликтов автономии для субъективного настоящего подростков и отстаивание как стратегия разрешения конфликтов автономии подростками.

Посмотрим, каковы предметы конфликтов автономии на каждом из уровней психологической готовности, с точки зрения конструктивной психологии конфликта. Согласно пятифакторной модели конфликта (Хасан, 2003), предметом конфликта на диспозиционном уровне выступает ответственность. Формой взаимодействия при таком предмете конфликта является внутренняя форма, направленная на самосанкционирование. Действительно, locus контроля рассматривается в нескольких сферах, например, в области достижений и неудач, в межличностных отношениях, и в случаях интернального локуса контроля человек делает себя ответственным за сделанное или несделанное, за постро-

конфликтных ситуаций выбора (выбор в пользу долгосрочных целей, выбор области для собственной профессиональной реализации, выбор партнера в романтических отношениях).

Стратегией разрешения как подростковых, так и юношеских конфликтов автономии является отстаивание. Речь идет об отстаивании подростками собственной автономной позиции в данных конфликтах как выражении своего мнения, своего решения и действий.

Что же представляют собой подростковые конфликты автономии? Прежде всего, обратимся к двум теориям, которые показывают, что личностная автономия подростка в разных областях психологического пространства формируется неравномерно – в одних сферах они становятся более автономными, в других – еще не очень самостоятельны.

Юношеские конфликты автономии – это оценивание подростками актуальности для них в настоящем времени тех проблем, которые проявляются в описании конфликтных ситуаций выбора (выбор в пользу долгосрочных целей, выбор области для собственной профессиональной реализации, выбор партнера в романтических отношениях).

ние отношений и т.п. Предмет конфликта на уровне экзистенциального опыта – это статус в иерархизированной системе отношений. Формой взаимодействия при таком предмете конфликта является внешняя, межличностная форма. Содержание конфликтных действий состоит в защите статуса или в его доказывании.

Рассмотрим подробнее, что представляет собой каждый из компонентов психологической готовности на уровне экзистенциального опыта. Под подростковыми конфликтами автономии понимаются такие конфликты, которые вызваны контролирующими или запрещающими действиями близких (в основном родителей) относительно некоторых сфер, права на которые может предъявлять уже сам подросток. Это ситуации экспансии взрослых на индивидуальные ресурсы подростков: на личное пространство, время, личные вещи, личные денежные средства, имидж, телесность, хобби, выбор друзей.

Юношеские конфликты автономии – это оценивание подростками актуальности для них в настоящем времени тех проблем, которые проявляются в описании

Первая теория, разрабатываемая Дж.Г. Сметана (Smetana, 1989; Smetana, 2011; Smetana, 2018) в психологии развития с конца 80 г. XX в., называется теорией социально-когнитивных областей (social-cognitive domain theory). Вторая теория представляет собой субъектно-средовой подход или психологию суверенности (Нартова-Бочавер, 2008), в которой исследуется психологическое пространство личности. Изначально теория социальных областей разрабатывалась в работах Элиота Туриэлла (Turiel E.) и выросла из его исследования развития моральных суждений подростков. Теория социальных областей описывает развитие социальных знаний детей и способов, которыми они осмысливают различные типы правил и способов социальной регуляции (как и зон автономии и персональной сферы полномочий) в разных контекстах и ситуациях. Как происходит процесс понимания детьми этих социальных правил? Дети активно пытаются найти значение своих социальных взаимодействий. Причем, у детей есть как систематические, так и дифференцированные способы понимания сво-

их социальных миров. Все это может быть описано в терминах трех организованных систем или областей социального знания, рассмотренных далее.

Теория Дж.Г. Сметана затрагивает тематику связи разрешения конфликтов между подростками и родителями и личностной автономии. Здесь речь идет о нескольких сферах, на владение которыми постепенно начинают претендовать на разных возрастных этапах дети, а потом подростки.

К моральной сфере относятся вопросы, которые регулируют межличностные отношения и касаются тем справедливости, прав и благополучия других людей («moral issues»). Часто это конфликты, связанные с проявлениями агрессии, например, по поводу использования общих игрушек. Это действия, которые потенциально могут приносить вред другим или стать причиной нечестных поступков. Моральные концепты развиваются в результате социального экспериментирования детей с последствиями своих действий для благополучия других людей и соблюдения их прав.

К общественной сфере относятся конвенциональные вопросы («conventional issues») и вопросы благоразумного поведения («prudential issues»). Конвенциональные вопросы, согласно Э. Туриэлла, – это произвольно выбранные социальные нормы. К ним относятся: этикет, манеры общения, формы обращения, вопросы социального порядка, семейные или школьные правила. Как пишет Дж.Г. Сметана, это нормы, о соблюдении которых обоюдно договорились родители и дети для обеспечения должного поведения в разных контекстах (Smetana, 2011). К вопросам благоразумного поведения причислены вопросы индивидуальной безопасности, комфорта, здоровья (включая поведение, связанное с риском такое, как употребление алкоголя, наркотиков, небезопасное вождение).

К психологической области относятся вопросы личного характера («personal issues»), которые касаются понимания своих и чужих внутренних психологических процессов (эмоций, мыслей, атрибуций). Например, это вопросы выбора и предпочтений в отношении друзей, видов активности, стиля, вкусов, приватности, контроля собственного тела (Smetana, 2018).

Еще один тип вопросов Дж.Г. Сметана называет разноплановыми вопросами («multifaceted issues»). Эти комплексные вопросы не образуют область сами по себе, но являются местом сопряжения разных вопросов: конвенциональных, вопросов личного характера и вопросов благоразумного поведения (Smetana, Campione Barr, Daddis, 2004). Он приводит такие примеры разноплановых вопросов. Подростки, как правило, видят вопросы чистоты своей спальни или вопросы разрешения находиться поздно вне дома, а также вопросы наличия татуировок или пирсинга как вопросы личного выбора. Родители же, наоборот, чаще всего сосредоточены на конвенциональной стороне этих вопросов или на аспекте благоразумного поведения (Smetana, 2011, P. 182).

Согласно теории социально-когнитивных областей, конфликты подростков с родителями – это часто конфликты по поводу вещей, на которые подростки предъявляют права, в то время как родители видят их в сфере своего контроля. Притязания подростков на собственный выбор связаны с их попытками расширить сферу своих действий и полномочий. Отстаивание своей персональной сферы полномочий («appeals to personal jurisdiction») – это попытки подростков предъявлять права на собственную область выборов и решений, утвердить свое авторство и конструировать собственную согласованную идентичность (Smetana, 2011, P. 94).

Отстаивание своей персональной сферы полномочий, по мнению Дж.Г. Сметана, выполняет важную функцию в социальном развитии. Притязания родителей на социальные договоренности, отклонение подростками этих притязаний и их отстаивание своей персональной сферы полномочий образуют поле постоянных противоречий, что приводит к изменениям границ родительского влияния. Подростки пытаются перестроить иерархию отношений, которые были характерны для детского возраста, на более зрелые отношения взрослости. Родители верят, что эти изменения должны случиться, и они хотят усилить подростковую автономию, но, вероятно, с большей осмотрительностью и не так быстро, как желают этого подростки (Smetana, 2011, P. 95).

Согласно результатам многолетней работы Дж.Г. Сметана, нет каких-то четких

границ, которые бы показали, что одни вопросы находятся только под контролем родителей, а другие – в сфере влияния подростков. Это деление варьируется внутри семьи и среди семей с течением времени, и в зависимости от контекста (включая разные культуры и этнические группы). Подростки часто ориентируются на группы своих сверстников с целью определения, сколько автономии будет приемлемо для них. В частности, средние подростки (14–17 лет) в качестве стандарта используют пример друзей, чтобы понять, насколько им самим нужно большее количество автономии в разных областях (там же).

Концепция психологической суверенности личности С.К. Нартовой-Бочавер (Нартова-Бочавер, 2008) также подтверждает, что в подростково-юношеском

Притязания родителей на социальные договоренности, отклонение подростками этих притязаний и их отстаивание своей персональной сферы полномочий образуют поле постоянных противоречий, что приводит к изменениям границ родительского влияния. Подростки пытаются перестроить иерархию отношений, которые были характерны для детского возраста, на более зрелые отношения взрослости

периоде автономия личности утверждается через разрешение конфликтов в различных областях психологического пространства.

Психологическая суверенность в онтогенезе развивается следующим образом: в первом такте на некоторую часть психологического пространства заявляются права (приватизация человеком пространства), на втором такте это пространство начинает «обживать» и надеяться человеком своими продуктивными

Каждый из смоделированных конфликтов содержит противоречие: подростки притязают на часть психологического пространства как на «свою», а взрослые пытаются ограничить их в обладании разными ресурсами (личным временем, личным пространством, вещами, образом тела и т.п.).

качествами (персонализация пространства) (Нартова-Бочавер, 2008, С. 178). Между этапами приватизации и персонализации происходят конфликты претендующего на пространство человека с теми, кто до сих пор контролировал данный «участок». Конфликты являются признаком передела границ и могут приводить к разным результатам. Одним из них может стать результат, когда человека признали владельцем части психологического про-

странства. В таком случае его суверенность увеличивается (там же, С. 179).

В недавних работах С.К. Нартовой-Бочавер показано, что суверенность не только расширяет возможности самой личности. Умение бережно относиться к границам других людей развивается из способности выстраивать собственные границы. Следствием более уважительного отношения к границам других является успешность человека в социальной жизни. Автор считает, что укрепление и корректировка психологических границ субъекта – знак признания своих и чужих прав и обязанностей (Нартова-Бочавер, 2014, С. 105).

Опрос экспертов в области практической психологии и использование приема моделирования конфликтных

ситуаций выявили наиболее часто встречающиеся на каждой возрастной ступени поводы для конфликтов. Они касаются физического тела, территории, вещей, привычек, социальных связей, ценностей и комплексного утверждения суверенности личности в целом.

В нашем исследовании психологической готовности к разрешению конфликтов автономии на уровне экзистенциального опыта также используется методический прием моделирова-

ния конфликтных ситуаций. Каждый из смоделированных конфликтов содержит противоречие: подростки притязают на часть психологического пространства как на «свою», а взрослые пытаются ограничить их в обладании разными ресурсами (личным временем, личным пространством, вещами, образом тела и т.п.).

Еще раз повторим, что разрешение конфликта в пользу присвоения автономии на подростково-юношеском этапе

Если взрослые совершают экспансию на личные ресурсы подростка, не признают его права на часть пространства, если они относятся к нему как к ребенку, то он может реагировать на такие конфликтные ситуации, отстаивая свою позицию. При этом подростку не важен сам протест и неподчинение, но ему важно, чтобы с ним считались как с отдельным, автономным человеком

взросления выражено на экзистенциальном уровне в виде актуальности нескольких конфликтов автономии, которые связаны с задачами развития в юношеском возрасте, а также в виде неактуальности для подростка в субъективном настоящем подростковых конфликтов автономии. Кроме того, психологическая готовность к разрешению конфликтов автономии предполагает отстаивание подростком своей позиции в конфликтах.

Рассмотрим некоторые способы поведения подростков в конфликтах с родителями. Одной из стратегий поведения подростков в таких конфликтах является стратегия подчинения. Как показано в исследованиях, подростки, как правило, слушаются своих родителей и подчиняются им даже в тех ситуациях, когда родители устанавливают правила, с которыми они не согласны (Darling, Cumsille, Martínez, 2007; Darling, Cumsille, Pena-Alampay, 2005). Моральные и конвенциональные вопросы рассматриваются подростками так же, как и те, что законно регулируются родителями (Smetana, Daddis, 2002, P. 565).

Но всегда ли так происходит? Существуют ли ситуации или сферы, где подростки действуют иначе? Установлено, что в сфере морального развития в подростковом возрасте постепенно происходит выработка моральной позиции на основе личного выбора подростка (Молчанов и др., 2015). В частности, вследствие развития личностной автономии, подросток отказывается следовать привычным способам в сфере моральных норм и приоритетов. Он начинает искать новые самостоятельные решения и ориентироваться на них (там же).

Рассмотренная выше теория социально-когнитивных областей показывает, что вопросы личного характера («personal issues») являются именно теми, в которых подростки готовы утверждать свои права и не соглашаться с родителями.

Для описания стратегии разрешения конфликтов автономии, когда притязания взрослеющей личности на новую

степень самостоятельности сталкиваются с сопротивлением взрослых, в настоящем исследовании использовано понятие «отстаивания», которое определяется как удержание позиции, когда подростку необходимо выразить свое отношение к чему-то другим людям (близким, друзьям), чтобы это отношение восприняли как его личное. Если взрослые совершают экспансию на личные ресурсы подростка, не признают его права на часть пространства, если они относятся к нему как к ребенку, то он может реагировать на такие конфликтные ситуации, отстаивая свою позицию. При этом подростку не важен сам протест и неподчинение, но ему важно, чтобы с ним считались как с отдельным, автономным человеком.

Отстаивание включает способность выразить внятно свое мнение («to voice one's opinions»), свои потребности в контактах с другими людьми, которые в современной психологии развития полагают важным компонентом автономии (Zimmer-Gembeck, Madsen, Hanisch, 2011). Кроме способности «озвучить свое мнение» отстаивание включает осуществление действия в соответствии со своей позицией. Отстаивание можно рассматривать как феномен появления индивидуализации в культурно-историческом понимании – подросток уже присвоил культурные нормы, далее, отстаивая свою самостоятельность, он проявляет свою индивидуальность и утверждает свое право на взрослость.

В нашем исследовании отстаивания в смоделированных конфликтных ситуациях поведение взрослых, призванных ограничить подростков в обладании разными ресурсами, может быть рассмотрено с позиции трех измерений родительских стилей (Barber, Maughan, Olsen, 2005), обозначенных как поддержка, требование и психологический контроль. Поддержка обозначает, что подростки воспринимают родителей как поддерживающих их психосоциальное развитие. Измерение, названное требованием, обозначает ожидания родителей относительно поведения

их детей в соответствии с социальными или семейными нормами. Психологический контроль полагается эмоциональной манипуляцией, ограничивающей, ущемляющей автономию ребенка (там же). Психологический контроль отрицательно связан с верой подростков в законность родительской власти в виде регуляции их поведения (Kuhn, Laird, 2011). Психологический контроль также отрицательно связан с верой подростков в законность власти родителей в отношении вопросов личного характера (Mellado, Cumsille, Martínez, 2018). Требование как измерение родительского стиля положительно связано с верой подростков в законность власти родителей относительно вопросов личного характера и разноплановых вопросов.

Подводя итог рассмотрению отстаивания в качестве стратегии разрешения конфликтов автономии, важно отметить, что, с точки зрения теории социально-когнитивных областей, отстаивание можно рассматривать как утверждение контроля над вопросами личного характера, что полагается существенной составляющей развития здоровой автономии подростка (Nucci, Killen, Smetana, 1996; Smetana, Crean, Campione-Barr, 2005).

Выводы

В данной статье удалось рассмотреть, каким образом можно исследовать личностную автономию подростков, используя подход к конфликту как к механизму развития через изучение разрешения конфликтов автономии.

Основным тезисом статьи стало утверждение, что личностная автономия присваивается подростками через разрешение ими конфликтов автономии в разных областях психологического пространства.

Под конфликтами автономии полагаются такие конфликтные ситуации, которые вызваны контролирующими или запрещающими действиями близких (в основном родителей) относительно некоторых сфер, права на которые может предъявлять уже сам подросток. Для подтверждения данного утверждения были рассмотрены теория социально-когнитивных областей и психология

суверенности. Особенно подробно проанализирована теория социально-когнитивных областей, которая может быть недостаточно известна в отечественной психологии развития.

Было предложено авторское видение проблемы исследования личностной автономии подростков через изучение психологической готовности к разрешению конфликтов автономии на диспозиционном уровне – посредством изучения

уровня локуса контроля, на уровне экзистенциального опыта – через исследование актуальности конфликтов автономии для субъективного прошлого и настоящего подростков, а также через определение такой конфликтной стратегии, как отстаивание.

Модель психологической готовности к разрешению конфликтов автономии на основе конструктивной психологии конфликта позволяет обнаружить, каким

образом актуализируются и разрешаются конфликты автономии как во внутриличностном, так и в межличностном плане. Подход к изучению личностной автономии с использованием конструктивной психологии конфликта имеет и практико-ориентированный смысл – назначение конфликтов автономии состоит в том, чтобы через их разрешение произошло снятие актуализировавшихся в них противоречий.

Литература:

- Бочавер А.А., Жилинская А.В., Хломов К.Д. Перспективы современных подростков в контексте жизненной траектории [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2016. – Т. 5. – № 2. – С. 31–38. : [сайт]. URL: http://psyjournals.ru/files/82367/jmfp_2016_n_2_Bochaver_Zhilinskaya_Khlomov.pdf
- Гаврилова Т.А. Страх смерти в подростковом и юношеском возрасте // Вопросы психологии. – 2004. – № 6. – С. 63–71.
- Гаврилова Т.А., Швец Ф.А. Осознание собственной смертности как фактор становления подросткового чувства взрослости // Вопросы психологии – 2010. – № 4. – С. 37–44.
- Гришина Н.В. Экзистенциальная психология в поисках своего вектора развития [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8. – № 42. : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n42/1167-grishina42>
- Драгунова Т.В. Проблема конфликта в подростковом возрасте // Вопросы психологии – 1972. – № 2. – С. 37–42.
- Знаков В.В. Понимание, постижение и экзистенциальный опыт // Вопросы психологии – 2011. – № 6. – С. 15–24.
- Карабанова О.А. Детско-родительские отношения как фактор профессионального самоопределения личности в подростковом и юношеском возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2016. – №3. – С. 54–62. doi: 10.11621/vsp.2016.03.54
- Колошина Т.Ю. Арттерапия в терапии кризисных состояний личности и группы : дисс. ... канд. психол. наук. – Ярославль, 2002.
- Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8. – № 40. : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n40/1110>
- Леонтьев Д.А., Калитеевская Е.Р., Осин Е.Н. Личностный потенциал при переходе от детства к взрослости и становление детерминации // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А.Леонтьева. – Москва : Смысл, 2011. – С. 611–641.
- Марцинковская Т.Д. Методология современной психологии: смена парадигм! [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7. – № 36. : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1012>
- Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8. – № 42. : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n42/1168-martsin>
- Млодик И. Экзистенциальные данности детства или противоречивое чудо, которое никогда не повторится // EXISTENTIA: психология и психотерапия. – 2010. – № 1. (3). – С. 62–76.
- Молчанов С.В., Поскребышева Н.Н., Запуниди А.А., Маркина О.С. Развитие личностной автономии как условие формирования ориентации подростка в моральной сфере // Культурно-историческая психология. – 2015. – Т. 11. – № 4. – С. 22–29.
- Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. – Санкт-Петербург : Питер, 2008.
- Нартова-Бочавер С.К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35. – № 3. – С. 105–119.
- Новгородцева А.П. Внутренние конфликты подросткового возраста // Культурно-историческая психология. – 2006. – № 3. – С. 38–50.
- Поливанова К.Н. Психологический анализ кризисов возрастного развития (в логике культурно-исторической теории Л.С. Выготского) : дис. ... докт. психол. наук. – Москва, 1999.
- Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – Москва : Академия, 2000. – 184 с.
- Поливанова К.Н. Психологический анализ кризисов возрастного развития // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 61–69.
- Поскребышева Н.Н., Карабанова О.А. Возрастно-психологический подход в исследовании личностной автономии подростка // Национальный психологический журнал. – 2014. – №1 (13). – С. 74–85. doi: 10.11621/npj.2014.0108
- Прихожан А.М. Проблема подросткового кризиса // Психологическая наука и образование. – 1997. – № 1. – С. 82–87.
- Толстых Н.Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – Т. 23. – № 4. – С. 7–24.
- Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 250 с.
- Хасан Б.И. Идеальная форма детства и проблема темпов возрастной динамики // Педагогика развития: возрастная динамика и ступени образования : материалы 4-й научно-практической конференции. Ч. 1. Доклады на пленарных заседаниях, секциях и круглых столах / под ред. И.Д. Фрумина, Б.И. Хасана, Б.Д. Элькониной. – Красноярск, 1997. – С. 22–30.
- Хасан Б.И., Сергоманов П.А. Психология конфликта и переговоры. – Москва : Академия, 2004.
- Шнейдер Л.Б. Профессиональное самоопределение подростков в «координатах» отношения к времени жизни и труду // На пороге взросления : сборник научных статей / под ред. Л.Ф. Обуховой, И.А. Корепановой. – Москва : МГППУ, 2011. – С. 22–36.

Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т.С. Драбкиной. – Москва : Класс, 2015 – 576 с.

Arnett J.J. (2000). Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *The American Psychologist*, 55, 469–480. doi: 10.1037/0003-066X.55.5.469

Barber, B., Maughan, S., & Olsen, J. (2005). Patterns of parenting across adolescence. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 108, 5–15. doi: 10.1002/cd.124

Branje S. (2018). Development of Parent–Adolescent Relationships: Conflict Interactions as a Mechanism of Change. *Child Development perspective*, 12(3), 171–176. doi: 10.1111/cdep.12278

Branje, S., Laursen, B., & Collins, W.A. (2012). Parent–child communication during adolescence. In A. Vangelisti (Ed.) *Routledge. Handbook of family communication* (2nd ed.). New York, NY: Routledge, 271–286.

Collins, W.A., & Laursen, B. (2004). Parent–adolescent relationships and influences. In R.M. Lerner & L. Steinberg (Eds.) *Handbook of adolescent psychology*. Hoboken, NJ: Wiley, 331–361. doi: 10.1002/9780471726746.ch11

Collins, W. A., Laursen, B., Mortensen, N., Luebker, C., & Ferreira, M. (1997). Conflict processes and transitions in parent and peer relationships: Implications for autonomy and regulation. *Journal of Adolescence*, 12, 178–198. doi: 10.1177/0743554897122003

Darling, N., Cumsille, P., & Martı́nez, M.L. (2007). Adolescents as active agents in the socialization process: Legitimacy of parental authority and obligation to obey as predictors of obedience. *Journal of Adolescence*, 30, 297–311. doi: 10.1016/j.adolescence.2006.03.003

Darling, N., Cumsille, P., & Pen˜a-Alampay, L. (2005, Summer). Rules, legitimacy of parental authority, and obligation to obey in Chile, the Philippines, and the United States. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 108, 47–60. doi: 10.1002/cd.127

Ellsworth J.A. (1999, Summer). Today's Adolescent: addressing existential dread. *Adolescence*, 34(134), 403–408.

Hadiwijaya, H., Klimstra, T.A., Vermunt, J.K., Branje, S.J.T., & Meeus, W.H.J. (2017). On the Development of Harmony, Turbulence, and Independence in Parent–Adolescent Relationships: A Five-Wave Longitudinal Study. *Journal of Youth Adolescence*, 46, 1772–1788. doi: 10.1007/s10964-016-0627-7

Keijsers, L., Frijns, T., Branje, S. J. T., & Meeus, W. (2009). Developmental links of adolescent disclosure parental solicitation and control with delinquency: Moderation by parental support. *Developmental Psychology*, 45, 1314–1327. doi: 10.1037/a0016693

Kuhn, E., & Laird, R. (2011). Individual differences in early adolescents' belief in the legitimacy of parental authority. *Developmental Psychology*, 47, 1353–1365. doi: 10.1037/a0024050

Laursen, B., & Collins, A. W. (2009). Parent–adolescent relationships during adolescence. In R. M. Lerner & L. Steinberg (Eds.) *Handbook of Adolescent Psychology*, Vol. 2, 3rd ed. Hoboken, NJ: Wiley, 3–42.

Mellado, C., Cumsille, P., & Martı́nez, M. L. (2018). Interactive associations of parental support, demands, and psychological control, over adolescents' beliefs about the legitimacy of parental authority. *Journal of Adolescence*, 64, 81–88. doi: 10.1016/j.adolescence.2018.02.001

Nucci L. P., Killen M., & Smetana J. G. (1996). Autonomy and the personal: Negotiation and social reciprocity in adult-child social exchanges. *New Directions for Child Development*, 73, 7–24. doi: 10.1002/cd.23219967303

Pinquart, M., & Silbereisen, R. K. (2002). Changes in adolescents' and mothers' autonomy and connectedness in conflict discussions. An observation study. *Journal of Adolescence*, 25, 509–522. doi: 10.1006/jado.2002.0491

Ryan, R.M. & Deci, E.L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*, 55, 68–78. doi: 10.1037/0003-066X.55.1.68

Smetana, J. G. (1989). Adolescents' and parents' reasoning about actual family conflict. *Child Development*, 60, 1052–1067. doi: 10.2307/1130779

Smetana J.G. (2011). Adolescents, families, and social development: how teens construct their worlds. West Sussex, UK: Wiley Blackwell.

Smetana J.G. (2018). Constructing Autonomy in the Context of Adolescent-Parent Relationships. Report on XVI biennial meeting of European Association for Research on Adolescence. Ghent, Ghent University.

Smetana, J. G., Campione Barr, N., & Daddis, C. (2004). Longitudinal development of decision making: Defining healthy behavioral autonomy for middle-class African American adolescents. *Child Development*, 75, 1418–1434. doi: 10.1111/j.1467-8624.2004.00749.x

Smetana, J. G., Crean, H. F., & Campione-Barr, N. (2005, Summer). Adolescents' and parents' changing conceptions of parental authority. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 108, 31–46. doi: 10.1002/cd.126

Smetana J.G., & Daddis C. (2002, March/April) Domain-Specific Antecedents of Parental Psychological Control and Monitoring: *The Role of Parenting Beliefs and Practices*. *Child Development*, 73(2), 563–580. doi: 10.1111/1467-8624.00424

Soenens B., Vansteenkiste M., Van Petegem S., Beyers W., Ryan R. (2018). How to solve the conundrum of adolescent autonomy? On the importance of distinguishing between independence and volitional functioning: Autonomy in Adolescent Development: Towards Conceptual Clarity. In B. Soenens, M. Vansteenkiste, S. Van Petegem (Eds.). London, UK: Routledge, 1–32.

Steinberg, L. (2001). We know some things: Adolescent–parent relationships in retrospect and prospect. *Journal of Research on Adolescence*, 11, 1–19. doi: 10.1111/1532-7795.00001

Zimmer-Gembeck M.J., & Collins W.A. (2006). Autonomy Development during Adolescence. In G.R. Adams & M.D. Berzonsky (Eds.) *Blackwell Handbook of Adolescence*. Oxford, UK: Blackwell, 175–204. doi:10.1002/9780470756607.ch9

Zimmer-Gembeck M., Madsen S.D., & Hanisch M. (2011). Connecting the intrapersonal to the interpersonal: Autonomy, voice, parents, and romantic relationships in emerging adulthood. *European Journal of Developmental Psychology*, 8(5), 509–525. doi: 10.1080/17405629.2011.567061

References

Arnett J.J. (2000). Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *The American Psychologist*, 55, 469–480. doi: 10.1037/0003-066X.55.5.469

Barber, B., Maughan, S., & Olsen, J. (2005). Patterns of parenting across adolescence. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 108, 5–15. doi: 10.1002/cd.124

- Bochaver A.A., Zhilinskaya A.V., & Khlomov K.D. (2016). Prospects of modern adolescents in the context of life trajectory. [*Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*], 5(2), 31–38.
- Branje S. (2018). Development of Parent–Adolescent Relationships: Conflict Interactions as a Mechanism of Change. *Child Development perspective*, 12(3), 171–176. doi: 10.1111/cdep.12278
- Branje, S., Laursen, B., & Collins, W.A. (2012). Parent–child communication during adolescence. In A. Vangelisti (Ed.) Routledge. *Handbook of family communication* (2nd ed.). New York, NY: Routledge, 271–286.
- Collins, W.A., & Laursen, B. (2004). Parent–adolescent relationships and influences. In R.M. Lerner & L. Steinberg (Eds.) *Handbook of adolescent psychology*. Hoboken, NJ: Wiley, 331–361. doi: 10.1002/9780471726746.ch11
- Collins, W. A., Laursen, B., Mortensen, N., Luebker, C., & Ferreira, M. (1997). Conflict processes and transitions in parent and peer relationships: Implications for autonomy and regulation. *Journal of Adolescence*, 12, 178–198. doi: 10.1177/0743554897122003
- Darling, N., Cumsille, P., & Martı́nez, M.L. (2007). Adolescents as active agents in the socialization process: Legitimacy of parental authority and obligation to obey as predictors of obedience. *Journal of Adolescence*, 30, 297–311. doi: 10.1016/j.adolescence.2006.03.003
- Darling, N., Cumsille, P., & Pen̄a-Alampay, L. (2005, Summer). Rules, legitimacy of parental authority, and obligation to obey in Chile, the Philippines, and the United States. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 108, 47–60. doi: 10.1002/cd.127
- Ellsworth J.A. (1999, Summer). Today's Adolescent: addressing existential dread. *Adolescence*, 34(134), 403–408.
- Gavrilova T.A. (2010). A fear of death in Adolescence and Youth. [*Voprosy psikhologii*], 6, 63–71.
- Gavrilova T.A., & Shvets F.A. (2010). Awareness of personal mortality as formation factor of adolescent sense of maturity. [*Voprosy psikhologii*], 4, 37–44.
- Grishina N.V. (2015). Existential psychology in search of development vector. [*Psikhologicheskie Issledovaniya*], 8(42), 2.
- Dragunova T.V. (1972). The problem of conflict in Adolescence. [*Voprosy psikhologii*], 2, 37–42.
- Hadiwijaya, H., Klimstra, T.A., Vermunt, J.K., Branje, S.J.T., & Meeus, W.H.J. (2017). On the Development of Harmony, Turbulence, and Independence in Parent–Adolescent Relationships: A Five-Wave Longitudinal Study. *Journal of Youth Adolescence*, 46, 1772–1788. doi: 10.1007/s10964-016-0627-7
- Karabanova O.A. (2016). Parent-child relationship as a factor of professional self-identity in adolescence and early adulthood. Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. *Psychology*, 3, 54–62. doi: 10.11621/vsp.2016.03.54
- Keijsers, L., Frijns, T., Branje, S. J. T., & Meeus, W. (2009). Developmental links of adolescent disclosure parental solicitation and control with delinquency: Moderation by parental support. *Developmental Psychology*, 45, 1314–1327. doi: 10.1037/a0016693
- Khasan B.I. (2003). Constructive psychology of conflict. Saint-Peterburg, Piter.
- Khasan B.I. (1997). Ideal form of childhood and the problem of rates of developmental dynamics. [*Pedagogika razvitiya: vozrastnaya dinamika i stupeni obrazovaniya : materialy 4-i nauchnoi-prakticheskoi konferentsii, chast 1. Doklady na plenarnykh zasedaniyakh, sektsiyakh i kruglykh stolakh. Pod red. I.D.Frumina, B.I.Khasana, B.D.El'konina.*] Krasnoyarsk.
- Khasan B.I., & Sergomanov P.A. (2004). Psychology of conflict and negotiations. Moscow, Akademiya.
- Koloshina T.Yu. (2002). Art-therapy in therapy of critical states of personality and group, Ph.D. in Psychology, Thesis. Yaroslavl, 144.
- Kuhn, E., & Laird, R. (2011). Individual differences in early adolescents' belief in the legitimacy of parental authority. *Developmental Psychology*, 47, 1353–1365. doi: 10.1037/a0024050
- Laursen, B., & Collins, A. W. (2009). Parent–adolescent relationships during adolescence. In R. M. Lerner & L. Steinberg (Eds.) *Handbook of Adolescent Psychology*, Vol. 2, 3rd ed. Hoboken, NJ: Wiley, 3–42.
- Leontiev D.A. (2015). The challenge of uncertainty as the key issue of the psychology of personality. [*Psikhologicheskie Issledovaniya*]. Vol. 8, 40, 2. Retrieved from: <http://psystudy.ru> (in Russian, abstr. in English).
- Leontiev, D.A., Kaliteevskaya, E.R., & Osin, E.N. (2011). Personal potential in the transition from childhood to adulthood and becoming determination. In D.A. Leontiev (Eds.) [*Lichnostnyy potentsial. Struktura i diagnostika*]. Moscow.
- Martsinkovskaya T.D. (2014). Methodology of modern psychology: a change of paradigms?! [*Psikhologicheskie Issledovaniya*], 7(36), 1. Retrieved from: <http://psystudy.ru> (in Russian, abstr. in English).
- Martsinkovskaya T.D. (2015). Modern psychology – challenges of transitivity. [*Psikhologicheskie Issledovaniya*], 8(42), 1. Retrieved from: <http://psystudy.ru> (in Russian, abstr. in English).
- Mellado, C., Cumsille, P., & Martı́nez, M. L. (2018). Interactive associations of parental support, demands, and psychological control, over adolescents' beliefs about the legitimacy of parental authority. *Journal of Adolescence*, 64, 81–88. doi: 10.1016/j.adolescence.2018.02.001
- Mlodik I. (2010). Existential givennesses of childhood or contradictory miracle that never repeat again. [*EXISTENTIA: psikhologiya i psikhoterapiya*], 1(3), 62–76.
- Molchanov S.V., Poskrebysheva N.N., Zapunidi A.A., & Markina O.S. (2015). Development of Autonomy as a Precondition of Adolescents' Orientation in Moral Sphere. [*Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*], 11(4), 22–29.
- Nartova-Bochaver S.K. (2008). Sovereign Man: psychological study of person in his existence. Saint-Peterburg, Piter.
- Nartova-Bochaver S.K. (2014). The revised version of “The personal sovereignty questionnaire-2010”. [*Psikhologicheskii zhurnal*], 35(3), 105–119.
- Novgorodtseva A.P. (2006). Inner conflicts in Adolescence. [*Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*]. 3, 38–50.
- Nucci L. P., Killen M., & Smetana J. G. (1996). Autonomy and the personal: Negotiation and social reciprocity in adult-child social exchanges. *New Directions for Child Development*, 73, 7–24. doi: 10.1002/cd.23219967303
- Pinquart, M., & Silbereisen, R. K. (2002). Changes in adolescents' and mothers' autonomy and connectedness in conflict discussions. An observation study. *Journal of Adolescence*, 25, 509–522. doi: 10.1006/jado.2002.0491
- Polivanova K.N. (1999). Psychological analysis of developmental crises (according to the logic of cultural historical theory of L.S.Vygotsky): Sc.D in Psychology, Thesis. Moscow, 296.

- Polivanova K.N. (2000). Psychology of developmental crises: textbook. Moscow, Akademiya.
- Polivanova K.N. (1994). Psychological analysis of developmental crises. [*Voprosy psikhologii*], 1, 61–69.
- Poskrebysheva, N.N., & Karabanova, O.A. (2014). Developmental approach to the study of adolescent personal autonomy. *National Psychological Journal*, 1, 74–85. doi: 10.11621/npj.2014.0108
- Prikhozhan A.M. (1997). The problem of adolescent crisis. [*Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*], 1, 82–87.
- Ryan, R.M. & Deci, E.L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*, 55, 68–78. . doi: 10.1037/0003-066X.55.1.68
- Shneider L.B. (2011). Professional self-determination of adolescents in attitudes to life, time and labour. [*Na poroge vzrosleniya: sbornik nauchnykh statei*], Moscow, MGPPU.
- Smetana, J. G. (1989). Adolescents' and parents' reasoning about actual family conflict. *Child Development*, 60, 1052–1067. . doi: 10.2307/1130779
- Smetana J.G. (2011). Adolescents, families, and social development: how teens construct their worlds. West Sussex, UK: Wiley Blackwell.
- Smetana J.G. (2018). Constructing Autonomy in the Context of Adolescent-Parent Relationships. Report on XVI biennial meeting of European Association for Research on Adolescence. Ghent, Ghent University.
- Smetana, J. G., Campione Barr, N., & Daddis, C. (2004). Longitudinal development of decision making: Defining healthy behavioral autonomy for middle-class African American adolescents. *Child Development*, 75, 1418–1434. doi: 10.1111/j.1467-8624.2004.00749.x
- Smetana, J. G., Crean, H. F., & Campione-Barr, N. (2005, Summer). Adolescents' and parents' changing conceptions of parental authority. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 108, 31–46. . doi: 10.1002/cd.126
- Smetana J.G., & Daddis C. (2002, March/April) Domain-Specific Antecedents of Parental Psychological Control and Monitoring: The Role of Parenting Beliefs and Practices. *Child Development*, 73(2), 563–580. . doi: 10.1111/1467-8624.00424
- Soenens B., Vansteenkiste M., Van Petegem S., Beyers W., Ryan R. (2018). How to solve the conundrum of adolescent autonomy? On the importance of distinguishing between independence and volitional functioning: Autonomy in Adolescent Development: Towards Conceptual Clarity. In B. Soenens, M. Vansteenkiste, S. Van Petegem (Eds.). London, UK: Routledge, 1-32.
- Steinberg, L. (2001). We know some things: Adolescent–parent relationships in retrospect and prospect. *Journal of Research on Adolescence*, 11, 1–19. doi: 10.1111/1532-7795.00001
- Tolstykh N.N. (2015). Modern maturation. [*Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*], 23(4), 7–24.
- Yalom I. (2015). Existential psychotherapy. Moscow, Klass.
- Zimmer-Gembeck M.J., & Collins W.A. (2006). Autonomy Development during Adolescence. In G.R. Adams & M.D. Berzonsky (Eds.) Blackwell Handbook of Adolescence. Oxford, UK: Blackwell, 175–204. doi:10.1002/9780470756607.ch9
- Zimmer-Gembeck M., Madsen S.D., & Hanisch M. (2011). Connecting the intrapersonal to the interpersonal: Autonomy, voice, parents, and romantic relationships in emerging adulthood. *European Journal of Developmental Psychology*, 8(5), 509–525. doi: 10.1080/17405629.2011.567061
- Znakov V.V. (2011). Understanding, comprehension and existential experience. [*Voprosy psikhologii*], 6, 15–24.

Шутка как психотехническое средство нарративного понимания межличностных отношений

М.М. Елфимова

Оренбургский государственный педагогический университет Оренбург, Россия

Поступила 24 января 2018 / Принята к публикации: 17 сентября 2018

Joke as psychotechnical tool of narrative understanding of the interpersonal relations

Mariya M. Elfimova

Orenburg State Pedagogical University Orenburg, Russia

Received January 24, 2018 / Accepted for publication: September 17, 2018

Актуальность (контекст) тематики статьи. Обращение к фасилитирующим практикам подразумевает предоставление человеку возможности собственного субъектного смыслоконструирования, а также поиск консультантом таких инструментов работы, которые позволят клиенту «идти за собой, сохраняя отношения с другим». Проблема поиска психотехнических средств, адекватных сотрудничающим, диалогическим отношениям, приводит нас к обращению к комическому материалу (юмору), а именно, к одной из его форм – шутке.

Цель нашей работы – опираясь на культурно-историческую концепцию и нарративный подход в психологии, а также на идеи планомерно-поэтапного формирования действий, обосновать возможности шутки как инструментального средства нарративного понимания межличностных отношений клиента и консультанта.

Описание хода исследования. Уточняется понятие «межличностные отношения». Конкретизируются характеристики самого «понимания межличностных отношений». Проводится рассмотрение «смехового действия» как действия, ведущего к пониманию межличностных отношений, а шутки как психотехнического средства, опосредствующего терапевтические отношения клиента и консультанта.

Результаты исследования. «Понимание межличностных отношений» определяется как выделение способа (схемы-ориентировки), который приводит к оформлению того или иного суждения о складывающихся отношениях. Юмор рассматривается как способ отношений и понимания (ориентации) в межличностной коммуникации, реализация которого происходит через знаково-символическую конструкцию – шутку. Помещение проблемы рассмотрения шутки в фокус нарративного подхода дает возможность увидеть дополнительные характеристики ее инструментальности, которые могут быть заведены в схему ориентировочной основы коммуникативного действия.

Выводы. Привлечение шутки в консультативное взаимодействие в качестве психотехнического средства позволяет делать определенные высказывания или утверждать необходимость каких-либо действий с позиции равенства, не ограничивая личную свободу человека. Благодаря шутке, взаимодействие с консультантом становится понятным для клиента в своих интенциях, интересах, ценностно-смысловых ориентировках и, вместе с тем, сохраняется люфт для корректировки собственных суждений и действий.

Ключевые слова: межличностные отношения, юмор, смеховое действие, шутка, нарратив, психотехнические средства, психосемантика.

Background. The address to facilitating practice means granting to the person of a possibility of constructing individual sense and searching for such instruments of work by the consultant which allow the clients “to go and keep the relations with others”. The issue of searching for psychotechnical means adequate to correspondent ones, and to dialogue relations, turns us to humour and one of its forms, i.e. a joke.

Objective. Guided by the cultural and historical concept and narrative approach in psychology and also by the ideas of systematic and stage-by-stage action development we are to prove joke as a tool of narrative understanding of the interpersonal relations.

Design. The concept of ‘interpersonal relationship’ is clarified. The features of the ‘understanding interpersonal relations’ are specified. A review of ‘laughing’ as behaviour leading to an understanding of interpersonal relations, and a joke as a psycho-technical tool mediating the therapeutic relationship between a client and a consultant, is conducted.

Results. ‘Understanding interpersonal relationships’ is coined as highlighting a method (scheme) that leads to a judgment about the developing relationship. Humour is considered as an attitude and understanding (orientation) in interpersonal communication whose purpose occurs through a sign-symbolic construction, i.e. a joke. Considering joke in the focus of the narrative approach provides an opportunity to see additional features of it as a tool, which can be included in the outline of the indicative basis of a communicative process.

Conclusions. Using joke in advisory interaction as psychotechnical tool allows us to make certain statements, or to call for certain behaviour from the equality position without limiting individual freedom of the person. Due to joking the consultant’s intensions, interests, valuable and semantic orientations are getting more transparent and, the client’s judgments and behavior can be corrected easily.

Keywords: understanding interpersonal relationships, humour, laughing, joke, narrative, psychotechnical means.

Введение

Что позволяет аккуратно заходить на территорию развития смысла другого человека, обеспечивать понимание разворачивающихся отношений между консультантом и клиентом в уважительном, не экспертном и не интерпретирующем ключе? Каким при этом должно быть то психологическое средство, которое предлагается клиенту, насколько оно понятно, насколько устойчив способ, который будет «присваиваться» клиентом в консультативном взаимодействии? Обеспечивает ли это средство нарративную сложность понимания всей многослойности и неоднозначности переживаемых человеком отношений? Дает ли возможность обратиться к переживаниям эмоционально-значимых моментов в отношениях взаимодействующих субъектов, а, следовательно, сигнализирует об истинности происходящего в отношениях и об интенции «быть с Другим» (Елфимова, 2015)?

Шутка «обязана» быть понятой, иначе она не произведет эффекта, даже если мотивировка шутящего носила узколичностный характер. Отметим, что в разных предметных контекстах чувство юмора уже не раз становилось предметом рассмотрения

Поиск таких психотехнических средств приводит нас к обращению к комическому материалу (юмору), а именно, к одной из его форм – шутке. Что отчасти побудило нас обратиться именно к этой знаково-символической конструкции? Это тот факт, что шутка «обязана» быть понятой, иначе она не произведет эффекта, даже если мотивировка шутящего носила узколичностный характер. Отметим, что в разных предметных контекстах чувство юмора уже не раз становилось предметом рассмотрения. Изучались функция комического как посредника в эмоциональном овладении собственной психи-

ческой деятельностью (Бороденко, 1995), психодиагностические и регулятивные возможности юмора в экстремальных условиях (Дедов, 2000), влияние уровня семиотической организации анекдота на переживание национальной идентичности (Копылькова, 2006), чувство комического как фактор оптимизации эмоционально-нравственного развития детей дошкольного возраста (Попова, 2006), клинические исследования чувства юмора (Иванова, Ениколопов, Митина, 2008), (Стефаненко, Ениколопов, Иванова, 2014), ослабление этнической предубежденности, основанное на использовании юмористического материала (Арбитайло, 2008), когнитивные механизмы понимания комического (Щербакова, 2019), юмор как фактор профессионального здоровья (Буенок, 2014); юмор как психологическое орудие личностной регуляции (Домбровская, 2014). Основная концептуальная нагрузка в исследованиях распределяется между рассмотрением

самого юмора как когнитивного феномена и его терапевтической функции. Лишь небольшой процент составляют исследования его развивающего функционала. Мы разделяем позицию ряда исследователей (М.В. Бороденко, И.С. Домбровская, Д.А. Леонтьев) считающих, что данная функция юмора в полной мере может быть развернута и обоснована методологией российской психологии – культурно-историческим подходом с его идеей об орудийности развития высших психических функций, об «орудиях-органах», которые «не просто дают нам некоторое представление о мире, а порождают в нас

новый личностный опыт, определенные состояния и качества, которых без нашего взаимодействия с ними не было и быть не могло» (Бужас, 2000, С. 96), и концепцией планомерно-поэтапного формирования действия П.Я. Гальперина.

Задачи предлагаемого теоретико-концептуального исследования:

- 1) конкретизация того, что будет подразумеваться под «пониманием межличностных отношений»;
- 2) рассмотрение юмора как способа понимания (ориентировки) межличностных отношений;
- 3) показ возможностей шутки как инструментального психотехнического средства развития понимания межличностных отношений, основываясь на культурно-исторической концепции, нарративном подходе в психологии и идее планомерно-поэтапного формирования действий.

Теоретико-концептуальное исследование

Учитывая, что наш основной замысел подразумевает обнаружение теоретико-концептуальных оснований и средств развития понимания межличностных отношений, а не открытие их новой феноменологии, возьмем за основополагающее следующее их определение. Межличностные отношения – это «объективно проявляющиеся взаимосвязи людей, отраженные в содержании и направленности реального их взаимодействия и общения и порождающие субъективное видение своей позиции и положения других, что, в свою очередь, “задает” определенный характер межличностных связей» (Кондратьев, Ильин, 2007, С. 255). Отличительными же признаками самого понимания выступают: «1) включение понимаемого в более широкий контекст, способствующий порождению смысла того, что нужно понять; 2) соотнесение объекта понимания с ценностно-нормативными представлениями понимающего субъекта, его суждениями о том, какой, в соответствии с законами физического и социального мира, должна быть воспринимаемая и понимаемая ситуация» (Знаков, 2005, С. 36). Таким широким контекстом, если мы говорим о понимании межличност-

Мария Михайловна Елфимова –

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии Оренбургского государственного педагогического университета
E-mail: elfimovamarya@yandex.ru
http://old.ospu.ru/universitet/struktura/fakultety/fakultet-psikhologii/kafedra-vozzrastnoy-i-pedagogicheskoy-psikhologii/elfimova-mariya-mikhaylovna/

ных отношений, на наш взгляд, выступает не только констатация каких-либо характеристик двунаправленных отношений понимающего и понимаемого (по ходу взаимодействия или ретроспективно), но и построение такого способа взаимодействия с другим человеком, при котором открывается то, что «раньше было скрыто или плохо различимо, а именно – существенные отношения» (Егорова, 2009, С. 96). То есть становится «видимым» то, на что «ориентируется человек, когда он размышляет о чем-то, и какими средствами ориентировки он пользуется, и к каким результатам он приходит или может прийти» (Гальперин, 2002, С. 63). «Когда действие становится умственным ... ориентировочная часть превращается в “понимание”» (Гальперин, 1958, С. 34). Повторим, что в нашем случае это предполагает выделение самого способа (схемы-ориентировки), который привел к оформлению того или иного суждения о складывающихся отношениях. При этом синхронный учет двух плоскостей ценностных нормативов: понимающего и понимаемого дает возможность повысить объективность приобретаемого знания. То есть определить, находился ли понимающий в позиции «неэкспертности» или же его познание Другого и отношений с ним регулировал какой-то ценностно-смысловой «фильтр». При этом субъект всегда учитывает фокус своего намерения – сохранять эти отношения с Другим, двигаясь по этой схеме или же, наоборот, дистанцироваться в них от Другого.

Наложение определения и основных критериев понимания позволяет нам далее конкретизировать характеристики самого «понимания межличностных отношений». К ним относятся:

- целостность понимаемых отношений, обеспечивающаяся позиционностью действия как тройственного, удерживающего одновременно свою и иную точку зрения (позиции) и саму ситуацию взаимодействия (ее контекст);
- эвристичность процесса понимания межличностных отношений, заключающаяся в том, что на каждом последующем «целостном уровне познания происходит скачкообразное приращение знаний, открывающих ясную картину связей и взаимоотношений» (Дмитриев, Сычев, 2005, С. 212). Когда

«идет непрерывное движение в живой коммуникации мысли, которая не сводится к чему-то уже известному и понятному, а все время соотносится со своим же собственным живым опытом, разворачивает и углубляет его. Характерно, что в такой коммуникации не бывает, как правило, никакого предварительного образа результата. Здесь и субъект, и ведущий погружены в со-творчество, и у того, и у другого совершается некоторое “приращение себя”» (Буйкас, 2000, С. 106);

- диалогическая интенциональность как ориентированность и обращенность к Другому. Проявляется в выходе за собственные границы – «на границах с миром рождается переживание собственной личности, они показывают субъекту, где он заканчивается и начинается кто-то другой, то есть ориентируют растущего человека в мире других людей» (Нартова-Бочавер, Силина, 2014, С. 16);
- вероятностное прогнозирование и способность рассуждать о дальнейшем ходе и смысле коммуникации.

Рассматривая выделенные характеристики как результат состоявшегося понимания межличностных отношений, нам представляется важным задать вопрос, что за обобщенное действие может обеспечивать такой результат, а в терминологии П.Я. Гальперина, «продукт» (Гальперин, 2002)? Действие характеризуется, прежде всего, своим продуктом, «поэтому вначале вы указываете продукт, который должен быть достигнут, с определенными показателями этого продукта, затем действие, которое ведет к этому продукту» (Гальперин, 2002, С. 168). В качестве такого действия мы предлагаем рассмотреть «смеховое действие». «Смеховые действия – это действия символического типа, которые могут рассматриваться как особые знаки, содержащие самоотрицание, допускающие свободу выбора взаимопротивоположных вариантов интерпретации. Смешение смыслов создает измененное состояние сознания, не критичность, что является лучшей почвой для внесения нового смысла, новой установки» (Бороденко, 1995, С. 10). У М.М. Бахтина это описывается через идею карнавального действия, карнавального смеха, который всегда открыт изменению и развитию, в котором истина открывается в процес-

се становления и самоотрицания. «Карнавальный смех, во-первых, всенароден ... , смеются все, это – смех “на миру”; во-вторых, он универсален, он направлен на все и на всех (в том числе, и на самих участников карнавала), весь мир представляется смешным, воспринимается и постигается в своем смеховом аспекте, в своей веселой относительности; в-третьих, наконец, этот смех амбивалентен: он веселый, ликующий и – одновременно – насмешливый, высмеивающий, он и отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает. Таков карнавальный смех. Отметим важную особенность народно-праздничного смеха – этот смех направлен и на самих смеющихся. Народ не исключает себя из становящегося целого мира. Он тоже незавершен, тоже, умирая, рождается и обновляется» (Бахтин, 1990, С. 17). Юмор выступает способом принятия противоречия, двусмысленности, свойственных межличностным отношениям, способом, позволяющим играть с несоответствием в отношениях. «Одновременно выражая противоположные значения, юмористический способ коммуникации дает общие концептуальные рамки, которые сводят вместе противоречия вместо того, чтобы избегать их» (Род, 2009, С. 144).

Включение юмористической составляющей в консультативный процесс не с позиции компенсаторного или «катарсического» действия, а с позиции, когда перестраиваются, диалогизируются отношения взаимодействующих, а юмор становится «средством развития регуляции, ресурсом развития личности и средством, подчиненным цели развития» (Домбровская, 2014), еще только набирает обороты и получает свое опытно-экспериментальное подтверждение. Приведем несколько примеров подобных исследований. Так, В. Саламех обнаруживает, что, если юмор сфокусировать на проблеме клиента, он «работает» на контакт (диалог) с терапевтом и становится фасилитирующим условием самоисследования клиента (Salameh, 1983). Обосновав идею знаковой природы комического, а именно, тот факт, что его основу образует контрзнак (средство деформации уже существующих знаков), М.В. Бороденко экспериментально иллюстрирует его посредническую функцию в эмоциональном овладении собственной

Юмор рассматривается нами как способ отношения и понимания (ориентации) в межличностной коммуникации. Реализовываться он может через разные конкретные знаково-символические конструкции, которые первоначально выступают как внешние опоры. Мы считаем возможным в качестве такой знаково-символической опоры рассматривать шутку

психической деятельностью (Бороденко, 1995). Юмористический образ, согласно позиции Н.П. Дедова, «аккумулирует в себе субъектное начало, включающее специфическую организацию целостной индивидуальности, стратегию поведения и регуляторные способности личности» (Дедов, 2000, С. 9). Это позволяет работать с психическим состоянием человека, находящимся в экстремальной ситуации. Опосредствованная, через конструирование комического, совместная деятельность экспериментатора и ребенка становится условием коррекции (снижения) его тревожности (Кутепова, 2001).

Отметим, что при всей специфике привлечения юмора, юмористического материала во всех отмеченных исследованиях, общий момент этого привлечения заключается в перестройке всей коммуникации, разворачивающейся между экспериментатором и испытуемым. Мы, вслед за А.Л. Венгером, А.Б. Холмогоровой, В.К. Зарецким и В.И. Цыбулей, продолжаем традицию рассмотрения консультирования и психокоррекции как совместной деятельности консультанта и клиента, как совместного построения такого способа взаимодействия с другим человеком, при котором открывается то, что раньше было скрытым

ве такой знаково-символической опоры рассматривать шутку. С позиции культурно-исторической психологии и деятельностного подхода построение и сообщение шутки осуществляется как открытое действие и способ включения Другого во взаимодействие. Уточним это следующими положениями.

Во-первых, шутка как средство позволяет перемещаться в зоне ближайшего развития взаимодействующих субъектов, то есть в зоне сотрудничества. «Использование той или иной шутки для поведения адресата является своеобразной тактикой адресата, позволяющей ему совершать определенную прескрипцию с позиции равенства, не ограничивая личную свободу индивида и избегая непосредственного вторжения в его волевую сферу. Автор намеренно избегает директивных речевых актов, предпочитая им косвенные, создаваемые в рамках игровой конвенции юмористического дискурса» (Месропова, 1999, С. 15). В.А. Винокур, обращаясь к феноменам внутригрупповой иронии и юмора, часто наблюдаемым в процессе балинтовской сессии, подчеркивает такие их важные потенциальные характеристики, «как их ориентация вовне, на собеседника, по-

шутка, в отличие от анекдота, не является готовым текстом, она конструируется в определенных обстоятельствах, отстраивается под конкретную ситуацию, а значит, представляет собой, как минимум, полную, обобщенную систему ориентировочной основы коммуникативного действия, самостоятельно составляемую субъектом в каждом конкретном случае

или плохо различимым. В процессе взаимодействия с консультантом клиент осваивает способ действия с предлагаемым психологическим средством или знаково-символической конструкцией.

Таким образом, юмор рассматривается нами как способ отношения и понимания (ориентации) в межличностной коммуникации. Реализовываться он может через разные конкретные знаково-символические конструкции, которые первоначально выступают как внешние опоры. Мы считаем возможным в качестве

сколькx смееющегося интересует, прежде всего, кто-то другой, находящийся с ним в диалоге, но составляющей ему определенную оппозицию» (Винокур, 2015, С. 118). Прознесенная человеком шутка – это перекинутый мостик для Другого, приглашение увидеть неоднозначность ситуации, ее оценки. Она привносится в отношения и предлагается как средство взаимодействия.

Во-вторых, через шутку отношения опосредствуются. С учетом состава акта опосредствования, по Б.Д. Эльконину

осуществление смехового действия предполагается:

- 1) учет обстоятельств отношений, в которые привносится шутка;
- 2) «экранность», предполагающая, что подшучивающий (действующий) «видит» (слышит) свое действие (текст шутки как знак);
- 3) «полнота и целостность ситуации действия» (Эльконин, 1994, С. 134).

Обратим внимание, что подшучивание в таком случае предстает как ориентировка с ее сложной структурой, включающей «образ ситуации действия, образ исходного объекта действия, образ конечного результата, образ самого действия и его ключевых моментов и, наконец, качество средств и орудий для выполнения действия» (Обухова, 2010, С. 6). Шутка становится опорой перехода от действия одного человека к действию другого, опорой «строения роли своего действия в ориентировке действия другого человека и, наоборот, роли действия другого человека в ориентировке своего действия» (Эльконин, 1994, С. 109–110).

В-третьих, шутка, в отличие от анекдота, не является готовым текстом, она конструируется в определенных обстоятельствах, отстраивается под конкретную ситуацию, а значит, представляет собой, как минимум, полную, обобщенную систему ориентировочной основы коммуникативного действия, самостоятельно составляемую субъектом в каждом конкретном случае. Движение по этой схеме (сценарию) должно привести участников взаимодействия к обнаружению двойного смысла ситуации, поскольку в шутку заведены сразу две опоры для интерпретации оппозиционных ситуаций (Бревдо, 1990). «Когда человек пытается понять шутку, активизируется внутренний сценарий, чтобы имели смысл события, описанные в основной части шутки. Однако кульминационный пункт шутки вводит элементы, которые несовместимы с этим первым сценарием, что заставляет человека переключиться с одного сценария на другой. Кульминационный пункт шутки заставляет слушателя вернуться назад и понять, что с самого начала была возможна другая интерпретация (то есть альтернативный сценарий)» (Род, 2009, С. 117).

Помещение проблемы рассмотрения шутки в фокус нарративного подхо-

да, на наш взгляд, дает возможность увидеть дополнительные характеристики ее инструментальности, которые могут быть заведены в схему ориентировочной основы коммуникативного действия, то есть когда шутка привлекается как психотехническое средство. Инструментальность любой знаково-символической конструкции определяется следующими критериями, выделенными Л.С. Выготским и его последователями:

- 1) «в инструментальном акте проявляется ... активность по отношению к себе» (Выготский, 1960, С. 228);
- 2) применение вспомогательных средств, «будучи включено в процесс поведения, ... видоизменяет все протекание и всю структуру психических функций, определяя своими свойствами строение нового инструментального акта» (Выготский, 1960, С. 225);
- 3) появление внутреннего плана действия, то есть ориентировки «на характер и результат действий другого человека – партнера или конкурента ... Как я должен поступить, если он так ... Что он в это время делает? Это механизм, координирующий совместную деятельность при наличии общей цели» (Эльконин, 1989, С. 499).

«Нарратив» (от англ. и франц. – «рассказ», «повествование») – исторически и культурно обоснованная интерпретация какого-нибудь аспекта мира с позиции автора (некоторой человеческой личности), представляет собой историю, в которой отражается опыт написавшего/озвучившего ее человека. Под нарративным текстом понимается повествование, имеющее автора, нарратора (рассказчика). С. Аггардо рассматривает жанр шутки как рассказ о событии с неожиданной концовкой (Attardo, 1998). М. Флудерник определяет шутку как нарратив особого рода – микронарратив (Fludernik, 2006). А.И. Афанасьев, И.Л. Василенко акцентируют, что смешное всегда имеет нарративную форму, свернутую в виде шутки или короткой реплики (Афанасьев, Василенко, 2006).

Обратимся к тем характеристикам нарратива, которые позволят, в первую очередь, увидеть в нем психотехническое средство отстраивания понимания межличностных отношений.

1. Барский Ф.И., давая определение и выделяя структуру нарратива, отмечает, что рассказываемые истории подчиняются определенной системе правил, «которые вместе составляют “грамматику истории”: обстановка, запускающее событие, внутренний отклик, попытка, последствие, реакция» (Барский, 2009). Тем самым, нарратив является темпоральной формой «успешной в схватывании смысла прожитого времени» (Брунер, 2005, С. 10). В нашем понимании это предполагает учет контекста построения нарратива, как ответ на вопрос: почему именно в данный момент времени возникла потребность в наррации, в появлении «смеси скандала и чуда» (Уайт, 2010). «Должно быть событие какого-то начала какого-то [общего] языка. ... Это уходящее от нас событие должно быть поймано – как начало истории, как перелом» (Барский, URL: <https://narribrus.wordpress.com/2009/08/16/def-structure/>).
2. Следующим важным моментом является то, что у каждой истории есть свой рассказчик и своя реальная (или представляемая) аудитория. Наррация всегда предполагает присутствие в ситуации слушателя – лица, к которому обращается рассказчик. Причем, это не только то лицо или конкретный человек, который находится сейчас непосредственно в ситуации коммуникации. Это и сам повествующий, он также становится для себя персонажем действия, находясь в ситуации «здесь-и-теперь». Именно он (автор) определяется с моментом интенции, на нем ответственность проявленного намерения сообщить текст. «Человеческая интенциональность лежит в самом сердце нарратива и, таким образом, развитие интенциональности у людей представляет особую важность для обеспечения психических условий, необходимых для рассказывания и понимания историй» (Макадамс, 2008, С. 140).
3. Необходимо принципиально указать, что все истории характеризуются наличием «двойного ландшафта». «Нарратив, даже самый примитивный, разворачивается в двойственном ландшафте ... Существует ландшафт действия, в котором разворачиваются события. ... Но есть и второй ландшафт, ландшафт сознания, внутренняя речь протагониста,

включенного в действие. ... Дуальность ландшафта, говорит нам Греймас, является сущностной составляющей нарратива ...» (Брунер, 2005, С. 26). Эту же идею мы находим и у М.М. Бахтина. Давая характеристику нарративного произведения, М.М. Бахтин вносит уточнение: «Перед нами два события – событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели); события эти происходят в разные времена (различные и по длительности) и на разных местах и, в то же время, они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте» (Бахтин, 1975, С. 403–404).

4. Нарратив – это форма объективации смысла, прецедентный модус, которым руководствуется человек. Как языковая конструкция нарратив «выступает в качестве необходимого условия приобретения знания, в том числе, знания нравственного порядка» (Турешева, 2016, С. 26). Нарратив выполняет роль своеобразного фильтра, становится «культурной линзой» которая задает ракурс восприятия и осмысления социальной реальности. «Выживание в мире смыслов и значений было бы проблематичным, не будь у нас способности сочинять и интерпретировать истории о переплетениях человеческих жизней» (Сарбин, 2004, С. 11).
5. Обретая собственную стилистику описания опыта своих переживаний, субъект наррации обретает возможность выйти за пределы «знаемого», по-новому его увидеть, по-новому увидеть себя. «История – это всегда отношение к автору» (Барский, URL: <https://narribrus.wordpress.com/2009/08/16/def-structure/>).
6. Создаваемая субъектом нарративная конструкция должна развивать повествование по направлению к смысловому конечному результату, то есть постоянно иметь в виду цель сообщаемого текста (Знаков, 2013).
7. Как текст нарратив являет собой знаковую систему, которая первоначально разделена между людьми, а впоследствии интериоризируется (Преображенская, 2009). Дж. Брунер отмечает, что

Индивидуальное сознание, привлекая шутку как культурную знаково-символическую форму, обретает не только культурное «средство», но и формообразующую структуру, сопричастие которой перестраивает весь процесс понимания отношений

«способы говорения и способы концептуализации, соответствующие им, становятся настолько привычными, что в результате становятся средством для структурирования самого опыта, для прокладывания путей в память, не только управляя жизненным описанием настоящего, но и направляя его в будущее» (Брунер, 2005, С. 28).

Заключение

Опираясь на вышесказанное, обозначим те характеристики, которые теперь дают нам возможность увидеть в шутке инструментальное средство нарративного понимания межличностных отношений.

Во-первых, и это один из основных критериев, по которому шутку можно отнести к нарративам, у шутки есть автор, ее кто-то рассказывает. «Адресант шутки всегда непосредственно присутствует в дискурсе, именно он является создателем текста» (Месропова, 1999, С. 17). Позиция автора в шутке-нарративе является его организующим началом. Иницируя нарратив через шутку, адресованную Другому, автор в этот момент приобретает возможность что-то понять и о себе, это он организовал «место встречи» (Барский, URL: <https://narrlibrus.wordpress.com/2009/08/16/def-structure/>). Происходит, своего рода, самопонимание, центрированное на Другом. «Умение познать и умение выразить себя. ... Элементы выражения, в них скре-

Разворачиваемая через шутку оперативная схема мышления позволяет целостно-эвристично-интенционально подвести себя и другого к пониманию складывающихся межличностных отношений и себя в них

пчиваются и сочетаются два сознания (я и другого); здесь я существую для другого и с помощью другого. История конкретного самосознания и роль в ней другого. Отражения себя в другом» (Бахтин, 1986, С. 429–430).

Во-вторых, обращенность шутки, присутствие в ситуации ее адресата, который «оказывается субъектом будущего действия» (Коншина, 2006, С. 20). Шутка

всегда характеризуется своей «двусубъектностью», в нее заведено намерение взаимодействовать и «открыть» для себя Другого как активного участника (а не исполнителя), сделав, тем самым, понятным его для себя. Автор шутки с интересом наблюдает за последствиями своей игровой провокации. «Сложность двустороннего акта познания – проникновения. Активность познающего и активность открывающегося (диалогичность)» (Бахтин, 1986, С. 429–430).

В-третьих, индивидуальное сознание, привлекая шутку как культурную знаково-символическую форму, обретает не только культурное «средство», но и формообразующую структуру, сопричастие которой перестраивает весь процесс понимания отношений. «Очень важно не только обучение каким-то знаниям, а такое изменение принципов мышления, которое меняет характер от эгоцентрического» (Гальперин, 2002, С. 175) к объективной позиции определения сущности происходящего, к гипотетичности собственной мысли. Не случайно, в обывательской психологии мы можем услышать рекомендацию: «отнесись к этому с чувством юмора». Ведь здесь предполагается не психотерапевтическое отреагирование переживания, а попытка нового взгляда на ситуацию и себя в ней, которая в дальнейшем становится общим способом миропонимания, построения картины мира. «Человек «отчуждается» от самого себя, смотрит на себя как бы со стороны, находит смеш-

ное в себе самом, и эта вначале чисто интеллектуальная операция отчуждения (одно из высших проявлений сознания) смещает его «эмоциональную равнодействующую» в положительную сторону. Если же человек к тому же и остроумен, то в этой ситуации он может создать словесную остроту» (Лук, 1968, С. 42).

В-четвертых, шутке присуща «двойко-событийность дискурсивных практик»:

референтное событие и коммуникативное событие (Тюпа, 2009). Референтная сторона события рассказывания отражает его предметно-тематическую сущность (о чем говорится). «Всякий текст – если не эксплицитно, то по крайней мере имплицитно – аксиологичен, он волюн или неволюн манифестирует некую систему ценностей» (Тюпа, 2001, С. 24). В коммуникативном событии рассказывания шутки участником становится сам слушатель-читатель. «В итоге именно читатель должен «сочинить» для себя то, что он намерен делать с реальным текстом (то есть, референтной стороной события – прим. автора)» (Bruner, 1986, Р. 24). Уникальность ситуации опосредованности взаимодействия через шутку такова, что ее адресат является свидетелем собственного выбора в реакции на вновь обнаруживаемый ценностно-смысловой контент шутки и осуществляет перемещение с «ландшафта смысла» на «ландшафт действия». Таким образом, предложенная «мост-опора» в шутке обеспечила переход от действия одного человека к действию другого, предварительно привнесла что-то новое в понимание себя как субъекта действия.

Заметим, что выделенные характеристики релевантны критериям инструментальности, описанным выше. Таким образом, шутка как знаково-символическая конструкция организует место встречи посреднического смехового действия, которое «строится как преодоление человеком собственных стереотипов и наличных обстоятельств действий других людей» (Эльконин, 1994, С. 109–110). Разворачиваемая через шутку оперативная схема мышления позволяет целостно-эвристично-интенционально подвести себя и другого к пониманию складывающихся межличностных отношений и себя в них – «мы смеемся, когда в нашем сознании положительные начала человека заслоняются внезапным открытием скрытых недостатков, вдруг открывающихся сквозь оболочку внешних, физических данных» (Пропп, 1976, С. 146).

В данной статье мы изложили лишь общие черты тех положений, которые в дальнейшем хотим исследовать. Безусловно, проектирование самого процесса конструирования комического и шутки, в частности, требует дополнительного осмысления.

Литература:

- Арбитаило, А.М. Этнические предрасположения и возможности юмора для их преодоления : автореферат дис. ... канд. психол. наук; [Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2008. – 29 с.
- Афанасьев А.И., Василенко И.Л. Нарративные основания смешного [Электронный ресурс] // Доџа/Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 9. Семантичні й герменевтичні виміри сміху. : [сайт]. URL: http://doxa.opu.edu.ua/doxa_9.htm – (дата обращения 25.07.2017).
- Барский Ф.И. Встреча, нарратив и интерпсихическая форма: дискуссия с доктором психологических наук Б.Д. Элькониным о первом номере журнала «Постнеклассическая психология» [Электронный ресурс] // Постнеклассическая психология. – 2005. – № 1. : [сайт]. URL: http://narrativepsy.narod.ru/num1-2005_140.html – (дата обращения 22.07.2017).
- Барский Ф.И. Определения и структура нарратива [Электронный ресурс] // О нарративной практике, терапии и работе с сообществами – по-русски : [сайт]. URL: <https://narrlibrus.wordpress.com/2009/08/16/def-structure/> – (дата обращения 23.07.2017).
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Ренессанса и Средневековья : монография. – Москва : Художественная литература, 1990. – 543 с.
- Бахтин М.М. Очерки времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической риторике // Вопросы литературы и эстетики. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. – Москва : Искусство, 1986.
- Бредво И.Ф. Механизмы разрешения неоднозначности в шутке : автореферат дис. ... канд. филол. наук; [Твер. гос. ун-т]. – Тверь, 1999. – 18 с.
- Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. – 2005. – № 1(2). – С. 9–29.
- Бороденко М.В. Комическое в системе установочной регуляции поведения : автореферат дис. ... канд. психол. наук; [Московский гос. ун-т]. – Москва : МГУ, 1995. – 24 с.
- Буенок А.Г. Юмор как фактор профессионального здоровья менеджеров : автореферат дис. ... канд. психол. наук; [С.-Петерб. гос. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2014. – 22 с.
- Буякас Т.М. Личностное развитие в условиях работы самопонимания, опосредствованной символами // Вопросы психологии. – 2000. – № 1.– С. 96–108.
- Винокур В.А. Балинтовские группы: история, технология, структура, границы и ресурсы : учебное пособие. – Санкт-Петербург : СпецЛит, 2015. – 191 с.
- Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1960. – 450 с.
- Гальперин П.Я. К проблеме внимания // Доклады АПН РСФСР. – 1958. – № 3.
- Гальперин П.Я. Лекции по психологии : учебное пособие для студентов вузов. – Москва : Книжный дом «Университет»; Высшая школа, 2002. – 400 с.
- Дедов Н.П. Диагностирующая и регулирующая роль юмора в экстремальных условиях : дис. ... канд. психол. наук; [Московский гос. ун-т]. – Москва, 2000. – 224 с.
- Дмитриев А.В., Сычев А.А. Смех: социофилософский анализ. – Москва : Альфа-М, 2005. – 594 с.
- Домбровская И.С. Юмор в контексте развития. – Montreal : Изд-во Accent Graphics Communications, 2014. – Электронная версия. – Режим доступа: <https://reader.bookmate.com/uZYmdkfs> – (дата обращения 12.03.2019).
- Егорова А.А. Феномены построения способа действия // Культурно-историческая психология. – 2009. – № 1.– С. 96–102.
- Елфимова М.М. Особенности чувства юмора у учителей с разным уровнем развития диалогичности межличностных отношений // Вопросы психологии. – 2015. – № 6.– С. 38–46.
- Знаков В.В. Психология понимания: проблемы и перспективы. – Москва : Институт психологии РАН, 2005. – 448 с.
- Знаков В.В. Теоретические основания психологии человеческого бытия // Психологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 29–38.
- Иванова Е.М., Ениколопов С.Н., Митина О.В. Нарушения чувства юмора при шизофрении и аффективных расстройствах // Вопросы психологии. – 2008. – № 1. – С. 45–57. И переставить ее по алфавиту перед Кондратьевым!
- Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. – Москва : ПЕР СЭ, 2007. – 464 с.
- Коншина С.Г. Комический текст в аспекте его структурирования и понимания : автореферат дис. ... канд. филол. наук; [Гос. инс-т русского языка имени А.С. Пушкина]. – Москва, 2006. – 24 с.
- Копылкова Е.А. Анекдот как средство переживания национальной идентичности (на материале анализа еврейских анекдотов) : автореферат дис. ... кандидата психологических наук; [Моск. гор. психол.-пед. ин-т]. – Москва, 2006 – 25 с.
- Кутепова Н.Г. Снижение тревожности у дошкольников посредством формирования у них восприятия и конструирования комического : автореферат дис. ... канд. психол. наук; [Казан. гос. техн. ун-т им. А. Н. Туполева]. – Казань, 2001. – 20 с.
- Лук А. О чувстве юмора и остроумии. – Москва : Искусство, 1968. – 192 с.
- Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. – 2008. – № 3. – С. 135–166.
- Месропова О.М. Структурный, прагматический и содержательный аспекты текстотипов анекдот и шутка (на материале американских текстов) : автореферат дис. ... канд. филол. наук; [Российский гос. педагогич. ун-т имени А.И. Герцена] – Санкт-Петербург, 1999. – 18 с.
- Нартова-Бочавер С.К., Силина О.В. Динамика развития психологических границ на протяжении детства // Актуальные проблемы психологического знания. – 2014. – № 3.– С. 13–28.
- Обухова Л.Ф. Теория П.Я. Гальперина – становление новой отрасли психологии // Культурно-историческая психология. – 2010. – № 4. – С. 4–10.
- Преображенская А.О. Автобиографический нарратив как опосредующее звено формирования позиции субъекта // Сибирский

- психологический журнал. – 2009. – Вып. 32. – С. 29–33.
- Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. – Москва : Искусство, 1976. – 183 с.
- Род М. Психология юмора. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 288 с.
- Сарбин Т. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. – 2004. – № 1. – С. 6–28.
- Стефаненко Е.А., Ениколопов С.Н., Иванова Е.М. // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2014. – № 114(1). – С. 26–29.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : учебник для студентов высших учебных заведений. – Москва : Аспект Пресс, 2014. – 350 с.
- Турушева Ю.Б. Нарратив как культурный медиатор развития личности: взгляд сквозь призму культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12. – № 2. – С. 24–32.
- Тюпа В.И. Дискурсивная практика теоретического мышления // Критика и семиотика. – 2009. – Вып. 13. – С. 142–151.
- Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова) // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Приложение. Серия «Лекции в Твери». – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с.
- Уайт М. Карты нарративной практики: введение в нарративную терапию. – Москва : Генезис, 2010. – 326 с.
- О.В. Щербакова Несмешно и непонятно: восприятие жанровых особенностей анекдота современными молодыми взрослыми // Вопросы психолингвистики. – 2019. – 1(39). – С. 165–181. doi: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-165-181
- Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – Москва, 1989.
- Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). – Москва : Тривола, 1994. – 168 с.
- Attardo, S. (1998) Theanalysis of humorous narratives. *Humor*, 22(3), 231–260.
- Bruner, J. (1987) Lifeas narrative. *SocialResearch*, 54(2), 11–32.
- Bruner, J. (1986) Actual minds, possible worlds. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Fludernik, M. (2006) An introduction to narratology. London; New York: Routledge, 200 p.
- Salameh, W.A. (1983) Humor in psychotherapy: Past outlooks, present status, and future frontieers. In P.E. McGhee & J.H. Goldstein (Eds.) *Handbook of humor research*. Vol. 2. Applied studies. N.Y., Springer-Verlag, 61–88.
- Yip, J.A. & Martin, R.A. (2006). Sense of humor, emotional intelligence, and social competence. *Journal of Research in Personality*, 40, 1202–1208. doi: 10.1016/j.jrp.2005.08.005

References:

- Afanasyev A.I. & Vasilenko I.L. The narrative bases of the funny. [Δοξα / Doksa. Zbirnik naukovih prats z filosofi and ta filologii]. Issue 9. Semantic hermeneutical laughter. Retrieved from: http://doxa.onu.edu.ua/doxa_9.htm (accessed 07.25.2018).
- Arbitaylo A.M. (2008). Ethnic prejudices and possibilities of humor for overcoming them: dissertation author's abstract for the degree of candidate of psychol. sciences. Moscow. Retrieved from: <https://narlibrus.wordpress.com/2009/08/16/def-structure/> (accessed 07.23.2018).
- Attardo, S. (1998). Theanalysis of humorous narratives. *Humor*, 22(3), 231–260.
- Barsky F.I. (2005). Meeting, narrative and interspsychic form: discussion with the doctor of psychological sciences B.D. Elkonin about the first issue of the journal "Post-non-classical psychology". [Postnonclassicheskaya psikhologiya]. Retrieved from: http://narrativepsy.narod.ru/num1-2005_140.html – (appeal date 07.22.2018).
- Barsky F.I. Definitions and structure of the narrative. [O narrativnoy praktike, terapii i rabote s soobshchestvami – po-russki]. Retrieved from: 08/16/def-structure/ (accessed 07.23.2018).
- Bakhtin M.M. (1990). Creativity Francois Rabelais and the folk culture of the Renaissance and the Middle Ages: a monograph. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 543.
- Bakhtin M.M. (1975). Essays of time and chronotope in the novel. Essays on historical rhetoric. [Voprosy literatury i estetiki]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 234–407.
- Bakhtin M.M. (1986). Aesthetics of verbal creativity. Moscow, Iskusstvo.
- Brevdo I.F. (1999). The mechanisms of ambiguity resolution in a joke: Ph.D. in Philology Thesis. Tver, 18.
- Bruner J. (2005). Life as a narrative [Postnonclassicheskaya psikhologiya], 1(2), 9–29.
- Bruner, J. (1987) Life as narrative. *Social Research*, 54(2), 11–32.
- Bruner, J. (1986) Actual minds, possible worlds. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Borodenko M.V. (1995). Comic in the system of installation regulation of behavior: Ph.D. in Psychology thesis; Lomonosov Moscow State University. Moscow, MGU, 24.
- Buenok A.G. (2014). Humor as a factor in the professional health of managers: Ph.D. in Psychology thesis. St. Petersburg, 22. Retrieved form: https://newdissert.ru/_avtoreferats/01007576990.pdf (accessed 07.23.2018).
- Buyakas T.M. (2000). Personal development in terms of the work of self-understanding, mediated by symbols. [Voprosy psikhologii]. 1, 96–108.
- Galperin P.Ya. (1958). On the issue of attention. [Doklady APN RSFSR], 3.
- Galperin P.Ya. (2002). Lectures on psychology: textbook for university students. Moscow, «Universitet»; Vysshaya shkola, 400.
- Dedov N.P. (2000). Diagnostic and regulatory role of humor in extreme conditions: Ph.D. in Psychology thesis; Lomonosov Moscow State University. Moscow, 224.

- Dmitriev A.V. & Sychev A.A. (2005). *Laughter: a sociophilosophical analysis*. Moscow, Alfa-M, 594.
- Dombrovskaya I.S. (2014). *Humor in the context of development*. Montreal: Accent Graphics Communications Retrieved from: <https://reader.bookmate.com/uZYmdkfs>. (accessed 12.07.2018)
- Egorova A.A. (2009). Phenomena of building a mode of action. [*Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*], 1, 96–102.
- Elfimova M.M. (2015). Features of a sense of humor in teachers with different levels of development of the dialogical nature of interpersonal relations. [*Voprosy psikhologii*], 6, 38–46.
- Elkonin B.D. (1994). *Introduction to developmental psychology (in the tradition of the cultural-historical theory of LS Vygotsky)*. Moscow, Trivola, 168.
- Elkonin D. B. (1989). *Selected psychological works*. Moscow
39. Fludernik, M. (2006) *An introduction to narratology*. London; New York: Routledge, 200.
- Ivanova E.M., Enikolopov S.N. & Mitina O.V. (2008). Disturbances of the sense of humour in schizophrenia and affective disorders. [*Voprosy psikhologii*], 1, 45–57.
- Kondratiev M.Yu. & Ilin V.A. (2007) *The ABC of social practical psychologist*. Moscow, PER SE, 464.
- Konshina S.G. (2006). *Comic text in the aspect of its structuring and understanding*: Ph.D. in Philology Thesis. Pushkin State Institute of Russian language. Moscow, 24.
- Kopylkova E.A. (2006). *Anecdote as a means of experiencing national identity (based on the analysis of Jewish anecdotes)*. Moscow, 202. Retrieved from: <https://www.disserscat.com/content/anedkot-kak-sredstvo-perezhivaniya-natsionalnoi-identichnosti-na-materiale-analiza-evreiskik> (accessed 23.07.2018).
- Kutepova N.G. (2001). *Reducing anxiety in preschool children through the formation of their perception and design of the comic*: Ph.D. in Psychology Thesis; Tupolev Kazan state technical university, Kazan, 20.
- Luk A. (1968). *On the sense of humour and wit*. Moscow, Iskusstvo, 192.
- Mcadams D.P. (2008). *Psychology of life stories*. [*Metodologiya i istoriya psikhologii*], 3, 135–166.
- Mesropova O.M. (1999). *Structural, pragmatic and informative aspects of text types anecdote and joke (on the material of American texts)*: Ph.D. in Philology Thesis. Gerzen Russian state pedagogical University, St. Petersburg, 18.
- Nartova-Bochaver S.K. & Silina O.V. (2014). Dynamics of the development of psychological boundaries throughout childhood. [*Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya*], 3, 13–28.
- Obukhova L.F. (2010). Theory of P.Ya. Galperin – the development of a new branch of psychology. [*Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*], 4, 4–10.
- Preobrazhenskaya A.O. (2009). *Autobiographical narrative as a mediating link in the formation of a subject's position*. [*Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal*], 32, 29–33.
- Propp V.Y. (1976). *The issues of comedy and laughter*. Moscow, Iskusstvo, 183.
- Rod M. (2009). *Psychology of humor*. St. Petersburg, Piter, 288.
- Salameh, W.A. (1983) *Humor in psychotherapy: Past outlooks, present status, and future frontieers*. In P.E.McGhee & J.H. Goldstein (Eds.) *Handbook of humor research*. Vol. 2. Applied studies. N.Y., Springer-Verlag, 61–88.
- Sarbin T. (2004). *Narrative as a basic metaphor for psychology*. [*Postnonclassicheskaya psikhologiya. Zhurnal konstruksionistskoy psikhologii i narrativnogo podkhoda*], 1, 6–28.
- Shcherbakova O.V. (2019). Not funny and not comprehensible: the perception of the genre features of the anecdote by modern young adults. [*Voprosy psikhologicheskoy psikhologii*], 1(39), 165–181. doi: 10.30982 / 2077-5911-2019-39-1-165-181
- Stefanenko T.G. (2014). *Ethnopsychology: a textbook for university psychology students*. Moscow, Aspekt Press, 350.
- Turusheva Yu.B. (2016). *Narrative as a cultural mediator of personality development: a look through the prism of cultural-historical psychology*. [*Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*], 12(2), 24–32.
- Tyupa V.I. (2009). *Discursive practice of theoretical thinking*. [*Kritika i semiotika*], 13, 142–151.
- Tyupa V.I. (2001). *Narratology as an analyst of narrative discourse ("The Arhiereus" by A.P. Chekhov)*. [*Literaturnyy tekst: problemy i metody issledovaniya. Prilozhenie. Seriya «Lektsii v Tveri»*]. Tver: Tverskoy gosudarstvennyy universitet, 58.
- Vinokur V.A. (2015). *Balint groups: history, technology, structure, boundaries and resources: study guide*. St. Petersburg: SpecialLit, 191.
- Vygotsky L.S. (1960). *The development of higher mental functions*. Moscow, Izdatel'stvo APN RSFSR, 450.
- Yip, J.A. & Martin, R.A. (2006). Sense of humor, emotional intelligence, and social competence. *Journal of Research in Personality*, 40, 1202–1208. doi: 10.1016/j.jrp.2005.08.005
- White M. (2010). *Narrative Practice Maps: An Introduction to Narrative Therapy*. Moscow, Genesis, 326.
- Znakov V.V. (2005). *Psychology of understanding: problems and prospects*. – Moscow, Institute Psikhologii RAN, 448.
- Znakov V.V. (2013). *Theoretical Foundations of the Psychology of Human Being*. [*Psikhologicheskii zhurnal*], 2, 29–38.

Развитие прикладной клинической (медицинской) психологии в информационном обществе

Н.С. Бурлакова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

В.И. Олешкевич

Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой, Москва, Россия

Поступила 12 февраля 2019 / Принята к публикации: 27 февраля 2019

Development of applied clinical psychology in the information society

Natalia S. Burlakova*

Moscow State University, Moscow, Russia

Valery I. Oleshkevich

Sukharev Scientific and Practical Centre for the Mental Health of Children and Adolescents, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: naburlakova@yandex.ru

Received February 12, 2019 / Accepted for publication: February 27, 2019

Актуальность статьи. Проблематика методологии прикладной клинической (медицинской) психологии¹ является весьма актуальной в связи со значительной пестротой и несистематизированностью современных исследований. Присутствует смешение исследовательских работ, ориентированных на психологическое объяснение психических расстройств, статистически-корреляционных исследований, в которых приводятся связи различных параметров, свойств и признаков на основе изучения разнообразных клинических групп пациентов, и вкрапленных в значительной мере незавершенных попыток действительно прикладных исследований собственно клинической (медицинской) психологии.

Целью статьи является теоретико-аналитическое исследование проблемного поля прикладной клинической (медицинской) психологии.

Ход исследования. В ходе анализа современной ситуации прикладной клинической (медицинской) психологии изучаются перспективы разработок и анализируются прогнозы зарубежных исследователей по поводу будущего состояния клинической психологии. Особое внимание уделяется возможностям дальнейших разработок методологии прикладной клинической психологии, основанной Г. Мюнстербергом, ее использованию в проектировании широкого круга приложений психологии в современной медицине. Обсуждаются возможности развития прикладной медицинской психологии в современном информационном обществе, разработка ее новых методов, их анализ и последующая технологизация.

Результаты и выводы. Представлен широкий спектр возможностей использования прикладной клинической (медицинской) психологии, связанных с перспективами технологизации практической медицины и ее организации. Анализ проблемного поля прикладной клинической (медицинской) психологии демонстрирует необходимость системного проектирования новых прикладных психологических разработок в медицине. Предварительные данные показывают, что более глубокий системный уровень разработок такого рода может быть связан с применением в их проектировании прикладной культурно-исторической психологии.

Ключевые слова: прикладная клиническая (медицинская) психология, психотехника, Г. Мюнстерберг, психология и медицина, информационное общество.

Background. The issue of the applied clinical psychology methodology is very relevant due to the considerable diversity and unsystematic review of modern research. There is a confusion of research works focused on the psychological explanation of mental disorders, statistically correlation studies, which provide links between various parameters, properties and characteristics based on a study of various clinical patient groups, and also incomplete works of applied research in clinical psychology.

The Objective of the paper is a theoretical and analytical study of the applied clinical psychology.

Design. The analysis of the current situation of applied clinical psychology is given, the prospects for development are studied and the forecasts of foreign researchers about the future of clinical psychology are performed. Particular attention is paid to the development opportunities of further methodology issues of applied clinical psychology founded by G. Munsterberg, its use in the design of a wide range of applications of psychology in modern medicine. The possibilities of developing applied medical psychology in the modern information society, the development of its new methods, analysis and subsequent tech-based approach are discussed.

Results. A wide array of applied clinical psychology opportunities related to the prospects of tech-based practical medicine and its organization is presented. The analysis of the problem field of applied clinical psychology brings out the need for system design of new applied psychological developments in medicine. Preliminary data show that a deeper systemic level of development can be associated with the applied cultural historical psychology in their design.

Keywords: applied clinical psychology, applied medical psychology, psychotechnics, G. Munsterberg, psychology and medicine, information society.

¹ В контексте данной статьи, поскольку речь идет об обсуждении различных традиций, мы не различаем термины «клиническая прикладная психология» и «медицинская прикладная психология», используя их как синонимы.

Современная медицина быстро развивается по пути технического и технологического прогресса. В этом отношении ее развитие фундаментальным образом определяется развитием техники и новых технологий. Расширение практико-прикладных функций клинической психологии в профилактике, охране здоровья, реабилитации, социально-трудовой адаптации исторически обуславливалось не только социально-общественными потрясениями (например, разработка в нашей стране в годы ВОВ принципов восстановления

А.Б. Холмогорова и др.), организация психосоциальной реабилитации (М.М. Кабанов, И.Я. Гурович, А.Б. Шмуклер), нейрореабилитации (Ю.В. Микадзе, М.С. Ковязина, А.Ш. Тхостов), коррекционно-развивающего обучения (Т.В. Ахутина, Н.М. Пылаева) стали неотъемлемой частью наукоёмкой прикладной клинической психологии в нашей стране. Необходимость широкого практического внедрения клинической психологии в структуры здравоохранения, социальной помощи населению, в учреждения образования стала фундаментом легитимизации в 2000 г. новой

в отличие от других научных дисциплин, ориентирующих результаты своих исследований на приложение к задачам развития медицины, требует более дифференцированной постановки проблемы разработки прикладной психологии в медицине. Постановка данной проблемы задает вопросы, с одной стороны, к медицине, а, с другой стороны, требует некоторой инвентаризации самой психологии, наряду с требованием разработки последовательной и точной методологии прикладной психологии.

Нельзя сказать, что в мировой психологии эти вопросы не ставились и не разрабатывались. Обращение к этим вопросам присутствует, например, при широком изучении средовых факторов, влияющих на формирование психических и соматических расстройств и связанных с ними зонами рисков, в систематических усилиях клинических психологов по созданию оценок эффективности терапии и психотерапии, ее научной обоснованности, в рамках задач реализации доказательной медицины и пр. Имеет место также целый ряд попыток технологизации врачебно-психологической помощи, например, посредством виртуальной реальности (Зинченко и др., 2010), тестирования и организации психологической помощи через интернет и т.п. (Алфимова, 2018). Но все эти направления работ оказываются недостаточно систематизированными и проектно обоснованными. Большинство исследований выполнено в духе только лишь изучения корреляций и зависимостей между отдельными факторами, что снижает их эвристичность и продуктивность.

Вклад психологии в исследования в рамках доказательной медицины в значительной мере ограничен. Это связано с недостаточной разработанностью методологии прикладного психологического исследования в целом. Под флагом научной обоснованности в таких исследованиях применяются в основном опросники и разнообразные шкалы. Этот методический инструментарий в значительной мере сужает потенциал средств прикладной психологии. Если критически проанализировать широко выполняемые в клинической психологии работы, то видно, что они в основном и ограничиваются этим инструментарием, перенося в различных вариациях данные

Недостаточная методологическая разработанность практико-прикладной клинической психологии, в отличие от других научных дисциплин, ориентирующих результаты своих исследований на приложение к задачам развития медицины, требует более дифференцированной постановки проблемы разработки прикладной психологии в медицине

высших психических функций в клинике локальных поражений мозга А.Р. Лурия, а в дальнейшем организация восстановительного обучения Л.С. Цветковой), но и откликалось на потребности, собственно, самой медицины. Интенсивные разработки патопсихологической диагностики (Б.В. Зейгарник, С.Я. Рубинштейн и др.), психодиагностических методик (Л.И. Вассерман, О.Ю. Щелкова и др.), психотерапевтических процедур и их обоснование (В.Н. Мясищев, Б.Д. Карвасарский, Э.Г. Эйдмиллер, Е.Т. Соколова, А.С. Сливаковская,

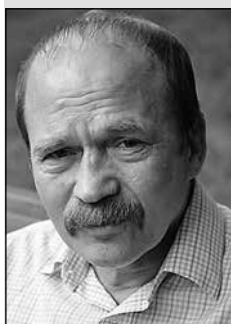
специальности «Клиническая психология» и нового направления психологической науки (Поляков, 1996).

В нынешних условиях можно легко заметить существенный зазор между быстро растущим многообразием направлений исследовательских разработок в сфере клинической психологии и гораздо более медленно развивающимися областями применения ее методов в практике медицины. Недостаточная методологическая разработанность практико-прикладной клинической психологии,

Наталья Семеновна Бурлакова –

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: naburlakova@yandex.ru
<https://istina.msu.ru/profile/BurlakovaNataliaSemenovna/>

Валерий Иванович Олешкевич –

кандидат философских наук, старший научный сотрудник Научно-практического центра психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой Департамента здравоохранения города Москвы
E-mail: ov-6161@mail.ru
<https://istina.msu.ru/workers/457861/>

Для цитирования: Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Развитие прикладной клинической (медицинской) психологии в информационном обществе // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1(33). – С. 68–77. doi: 10.11621/npj.2019.0107

For citation: Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. (2019). Development of applied clinical psychology in the information society. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskyy zhurnal], 12(1), 68–77. doi: 10.11621/npj.2019.0107

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

типы методик на все новые и новые клинические группы, задачи исследования и пр. С нашей точки зрения, важной и актуальной задачей современной прикладной клинической психологии является задача методологических разработок более глубокого методического инструментария и, конечно, инструментария значительно более рефлексированного, четко описанного, решение задач посредством которого могло бы быть ориентировано на автоматизацию соответствующих процессов. Для этого нужно открыть эти новые методики, провести их длительную «ручную» верификацию и стандартизацию, чтобы потом дифференцированно и точно описать. Все сказанное, безусловно, не умаляет значения задачи создания компьютерных психодиагностических комплексов экспертного класса (Беребин, 2009; Червинская, 2008) и еще раз подчеркивает необходимость более глубокой методологической проработки всей проблематики клинико-психологической диагностики.

Некоторой общей характеристикой как западной, так и отечественной клинической психологии является ее «натуральность» (по контрасту с культурно-историческим пониманием) и рецептивность (Бурлакова, Олешкевич, 2012; Бурлакова, 2018). Психологами изучаются преимущественно те явления и факторы, которые уже случились, уже существуют и действуют. Например, негативные последствия информатизации нашего общества, влияние компьютеров, интернета и т.п. В современной клинической психологии (за редким исключением) незначительно задействуется проектная позиция, позиция экзистенциальная, инициирующая социальные действия. Чаще всего специалисты только задним числом пытаются измерить и квалифицировать то, что произошло, так обстоит дело и с болезнями, и с общественными явлениями. Требуется формирование новой позиции и нового типа психологических исследований, ориентированных на созидание. Например, в дополнение к исследованиям поведения подростков в социальных сетях и влияния последних на психику, психология могла бы ставить задачу проектирования социальных сетей с такими технологическими свойствами, правилами, социальными нормами поведения в них и пр., которые способствовали бы не становлению патологических фено-

менов, а помощи в излечении. Здесь можно ставить задачу практически в духе П.Я. Гальперина о формировании заданных психических свойств и явлений. Это только один пример возможной продуктивности клинической психологии.

В отношении прогнозов активного включения психологии в практику медицины и, в частности, в практику лечения показательными являются прогнозы Д. Барлоу, высказанные во втором издании Оксфордского руководства по клинической психологии (The Oxford Handbook ..., 2014). Он подчеркивает следующее:

Важной и актуальной задачей современной прикладной клинической психологии является задача методологических разработок более глубокого методического инструментария и, конечно, инструментария значительно более рефлексированного, четко описанного, решение задач посредством которого могло бы быть ориентировано на автоматизацию соответствующих процессов

- 1) будет расти как распространение, так и признание психологических методов лечения;
- 2) руководства к лечению будут строиться на модульном трансдиагностическом подходе, а не на отдельном диагнозе, как это было ранее;
- 3) для усиления действия психологических вмешательств будут разработаны новые средства фармакологии, которые будут работать в соответствии с выявленным ранее психологическим механизмом этих интервенций;
- 4) роль цифровых технологий в предоставлении психологических услуг должна увеличиться, что будет обеспечивать персонализацию их употребления;
- 5) окончательно будут размежеваны понятия «психологические методы лечения» и «психотерапия». Если первые предназначены для вмешательства

и личностный рост, основываясь на позитивной психологии.

С нашей точки зрения, эти прогнозы правдоподобны, поскольку акцентируют внимание на росте значения психологических знаний в медицине в целом. Несомненно, будет расти признание и распространение психологических методов лечения и реабилитации. Это связано со все большей востребованностью разработки психосоматической природы болезни и биопсихосоциального подхода к ней (Николаева, 1987, 1995; Ковязина, Варакко, Рассказова, 2017; Гурович, Шмуклер,

Сторожакова, 2004), а также с активным анализом и синтезом новых психологических практик. О том, что будет выполняться второй прогноз Барлоу, свидетельствует быстрое развитие медицины и все большая ее индивидуализация, ориентация на индивидуальность каждого пациента. Здесь роль прикладной психологии несомненна. Третий прогноз также реалистичен, хотя и подразумевает серьезную борьбу прикладных психологов с мощным давлением фармакологических корпораций. В процессе осуществления этого прогноза психология будет выдвигаться на все более ведущее место в медицине. В начале своего развития медицинская психология была только обслуживающим звеном медицины, а клинические психологи выполняли, в сущности, дополнительную и верифицирующую клинические диагнозы работу. В будущем, возможно, имен-

В будущем, возможно, именно психологическая задача, поставленная прикладным психологом, станет ведущей для медицинских мероприятий (как это сегодня начинает происходить в некоторых программах реабилитации), а фармакологические средства будут разрабатываться и применяться не только для снятия симптомов болезни, но для создания условий для активного действия психологических влияний, для их усиления, стабилизации и закрепления

в психопатологию и патофизиологию пациента в контексте оказания медицинской помощи, то вторая будет ставить своей целью улучшение адапта-

но психологическая задача, поставленная прикладным психологом, станет ведущей для медицинских мероприятий (как это сегодня начинает происходить в некоторых

программах реабилитации), а фармакологические средства будут разрабатываться и применяться не только для снятия симптомов болезни, но для создания условий для активного действия психологических влияний, для их усиления, стабилизации и закрепления. Нечто подобное можно наблюдать в рамках сочетанных задач, решаемых когнитивно-бихевиоральной психотерапией и медикаментозной терапией. Несомненно, уже происходит реализация и четвертого прогноза Барлоу, связанного с технологизацией психологической помощи в информационном обществе. Эта тенденция также способствует активизации использования и описания психологических методов, способов оказания помощи, типов коммуникации и т.п. В этом процессе происходит как бы некоторый имманентный анализ этих методов и подходов. Это создает устойчивую аналитическую тенденцию в клинической психологии в целом. Дифференциальные описания средств и методов клинической психологии будут не только способствовать все более высокой технологизации этой работы, но и резко повысят возможности индивидуального подхода к каждому пациенту. Например, если существует некоторое поле возможностей клинической психологии решить данную задачу, то из них сам пациент может выбрать нечто, наиболее подходящее ему, а психолог («оператор») может рекомендовать наиболее подходящие методы именно с учетом его индивидуальности. Наконец, пятый прогноз о необходимости четкого различения психологических методов лечения и психотерапии также важен. В результате системного анализа как психологических методов, так и психотерапии в целом, во всем объеме ее направлений и школ будет выделена некоторая парадигматика (своеобразный алфавит) психологических методов, и четко определено их влияние и его последствия. На основе такого анализа выделяются некоторые систематические описанные наборы методов. Можно предположить, что эта рефлексия психологических методов и психотерапии откроет более широкие перспективы для развития самой психотерапии. Ведь о том, что психотерапию нужно исследовать системно, говорится уже давно (Orlinsky, Ronnestad, 2005; Бурлакова, Олешкевич, 2010; Холмогорова, 2009).

Вопросы системного выстраивания задач

Все вышесказанное требует более системного, фундаментального анализа методологических проблем и задач прикладной (медицинской, клинической) психологии. Обратимся к истории этих вопросов, поставленных в начале прошлого века в США, где разрабатывались начальные положения прикладной психологии.

Значительный вклад в разработку этих проблем внес Г. Мюнстерберг. Он ввел понятие «прикладной медицинской психологии», которую называл «медицинская психотехника». Г. Мюнстерберг видит самые широкие возможности применения психологии в медицине или в сфере проблем здоровья человека в целом. Так, он пишет: «Учение о здоровье и его расстройствах находится в настолько многообразных отношениях к психологии, что нашей первой задачей будет принципиальное исключение всего того, что не связано с психотехникой, если мы вообще не желаем быть подавленным излишним материалом. Мы должны будем заняться лишь теми точками зрения, которые имеют значение для выполнения задач практической жизни (Мюнстерберг, 1996, С. 267). Таким образом, наряду с видением самых широких возможностей и сфер приложения психологии в медицине, он стремится по возможности исключить из области медицинской психотехники те сферы психологии, которые не имеют непосредственного практического значения. С его точки зрения, медицинская психология или медицинская психотехника – это сугубо прикладная дисциплина. То есть, эту дисциплину интересует именно такое применение психологии в медицине, которое могло бы принести непосредственную пользу медицинской практике, улучшить и сделать ее более качественной.

Г. Мюнстерберг, в связи с этим, исключает из психотехники подходы, не ориентированные на медицинскую практику, в частности, подход, который он называет чисто объяснительным подходом к проблемам медицины. «Психология – важнейшее вспомогательное средство для теоретического объяснения психических расстройств. Происхождение

душевного заболевания, развитие симптомов, расстройство психической структуры требуют объяснения на основе научной психологии и психофизики, если мы вообще пожелаем удовлетворить свое стремление к объяснению с психофизической точки зрения» (там же, С. 267). Он полагает, что в этом случае, прежде всего, удовлетворяются интересы только теоретической или общей психологии, но все это не имеет прямого отношения к прикладной медицинской психологии. Таким образом, Г. Мюнстерберг полагает, что психологическое объяснение психической болезни относится только к теоретической психологии, а, значит, полученное здесь знание прямо никак не связано с его практическим приложением. То есть, прикладная психология всегда ориентирована на решение практической задачи, только лишь объяснение здесь еще ничего не значит.

Правда, Г. Мюнстерберг оговаривается и подчеркивает, что все же всегда остается возможность того, что теоретическое объяснение психологического характера может, некоторым образом, пойти на пользу диагнозу, прогнозу и терапии и оказаться значимым для лечения болезни. Но это все же только некоторый частный случай. Так, он пишет: «Мы должны только помнить, что психологическое объяснение душевного расстройства только тогда входит в круг наших интересов, когда оно подчиняется чисто практической деятельности. Не исследователь, а врач пользуется психотехникой» (там же, С. 268). Это означает, что результатом разработок прикладной психологии должно стать определенное врачебное средство, которое может непосредственно организовать, улучшить или оптимизировать работу медицинского персонала, качество и эффективность диагностического или лечебного процесса.

Задачи медицинской психотехники по Г. Мюнстербергу и их разработка

Основная задача медицинской психотехники, согласно Г. Мюнстербергу, состоит в том, чтобы привлекать психологию не только для излечения болезней, но и для предупреждения их. С его точки зре-

ния, и то, и другое представляют собой неоспоримую культурную задачу, а именно культурные задачи и должна выполнять прикладная психология. Но, отмечает ученый, конечная цель здесь всегда практическая: «Конечно, забота об излечении болезни должна тотчас же заставить проникнуть в самый метод лечения и подготовку последнего через изучение болезни. Однако, если мы выделяем такое изучение болезни в особую группу, необходимо постоянно иметь в виду, что вопрос о значении болезни поднимается при этом не для знания самого по себе, но исключительно в задаче подготовки к лечению» (Мюнстерберг, 1996, С. 270).

В медицинской психотехнике Г. Мюнстерберг выделяет три группы проблем и, соответственно, три направления психотехники: профилактическую, диагностическую и терапевтическую психотехнику. При решении этих проблем психология может играть разную роль. «Может идти речь о том, что предупреждение или лечение рассматриваемых психологических расстройств оказывается достижимым при помощи физических средств. Или, наоборот, средства могут быть психическими, в то время как болезни чисто физического характера. Или и то, и другое, – и расстройства, и средства лечения, – могут быть психической природы» (там же, С. 270).

Нельзя сказать, что о соответствующих проблемах и задачах психологии не говорили до Г. Мюнстерберга. Например, задача предупреждения развития болезней известна давно и постоянно рассматривается самой медициной, но она достаточно редко ставится как задача именно прикладной психологии. Ведь когда мы говорим о предупреждении болезней, имеется в виду, что причины и механизмы развития болезней врачам уже известны. Задача состоит, с одной стороны, в информировании соответствующих групп населения об этих причинах, а, с другой стороны, в оказании непосредственного психологического влияния на эти группы людей с целью предотвращения у них развития соответствующих болезней и расстройств. При этом, как способ информирования, так и способы влияния могут стать действительным предметом исследований прикладной психологии. Разработка таких способов как раз и может стать тем

вкладом в медицину, который психология может непосредственно внести. Такую работу можно организовывать самостоятельно, и врачи, так или иначе, осуществляют ее, но делают это доморощенными способами. Здесь можно говорить и о специальной организации психологических исследований, ориентированных на решение данной задачи, и о формировании настоящих психотехнических проектов на основе экспериментальных исследований с расчетом точных механизмов и форм организации влияния на определенные группы людей и пр. Можно также непосредственно просчитать экономический эффект, который мы получим, если в результате такого рода работ какая-то значимая часть населения избежит риска заболевания.

Речь идет, в сущности, о разработке новых научно-обоснованных технологий в рамках предупреждения и профилактики расстройств здоровья и организации превентивной психологической помощи. Этот подход отличается от настоящего положения дел в медицине так, как строительство мостов в доиндустриальную эпоху отличается от современного строительства, основанного на расчетах, предпроектных исследованиях и реализуемого с помощью специально спроектированных материалов. И здесь как раз имеются значительные перспективы для развития прикладной клинической (медицинской) психологии.

Одна из центральных задач медицинской прикладной психологии состоит в переводе данных с медицинского языка на язык, понятный широкому населению, и далее, на язык, психотехнически обоснованный, с точки зрения терапев-

тировать и особую педагогическую задачу в рамках общего психологического образования врачей, в результате реализации которой каждый врач должен овладеть соответствующими техниками коммуникации. Это может иметь фундаментальное значение в наше время, когда медицина технологизируется, когда происходит быстрая специализация медицинского персонала, а врач все более превращается в технического специалиста по диагностике и терапии человеческого тела.

Следующая область приложения психологии – медицинская диагностика. Конечно, современная диагностика все более и более технологизируется и превращается в сугубо объективную диагностику. В этом направлении стремится развиваться и психодиагностика в медицине (Вассерман, Шелкова, 2003; Шелкова, 2010). И все же существует ряд диагностических методик и диагностических материалов, которые опираются на самоотчет пациента, на анализ его жалоб, телесных ощущений и психологических переживаний. Это область, непосредственно соотносящаяся с психологией, которая в медицину, так или иначе, давно инкорпорирована и давно разрабатывается в медицинской диагностике. Но, вместе с тем, это – все же предметная область психологии. И ту психологию, которая в медицине существует с давних пор, современная психология может последовательно, шаг за шагом рефлексировать и в разных направлениях оптимизировать. Она может заново исследовать в качестве психологических средств и методов такие психологические и семиотические реальности, как сбор анализа, характер и способы задаваемых пациенту вопросов и т.п., и оце-

В конечном счете (и сегодня это все больше и больше осознается), врач имеет дело не просто с физическим телом, как объектом исследования, а с реальным человеком, осознающим, понимающим, переживающим. Это утверждает и биопсихосоциальная модель современной медицины

тического значения слова, адресованного пациентам. Если мы говорим о прикладных исследованиях в этой области, то это значит, что надо иметь готовность и возможность разработать соответствующий язык, подходы к организации врачебного диалога с пациентами, имеющими определенные диагнозы, предболезненные состояния и пр. Наряду с этим, можно по-

нить их с точки зрения эффективности. Ни один врач не станет отрицать, что в диагностике используются организация самонаблюдения пациента, сбора данных об этом самонаблюдении, анализ истории его жизни, и что большое значение при этом имеет искусство врача при общении с пациентом, его мастерство в задавании вопросов, интерпретации ответов и пр.

Ведь, в конечном счете (и сегодня это все больше и больше осознается), врач имеет дело не просто с физическим телом, как объектом исследования, а с реальным человеком, осознающим, понимающим, переживающим. Это утверждает и биопсихосоциальная модель современной медицины. Задача глубокого всестороннего осознания сугубо психологических феноменов в диагностической работе врача, значения коммуникации врача и пациента и превращение этой психологической составляющей в часть прикладных разработок может стать важной областью современной прикладной клинической психологии². Это означает, что здесь возможны реальные прикладные разработки, которые могут быть внедрены непосредственно обратно в медицину и способны, в конечном счете, увеличить ее эффективность (Кудря, Давтян, 2018).

действующая и действенная реальность, различные способы понимания и рефлексии которой могут иметь как позитивное, так и негативное значение для терапевтического процесса. Это, в свою очередь, предполагает понимание того, что за изучаемой картиной болезни стоит некая внутренняя психотехника самосознания пациента, внутри которой можно реконструировать как психотехнику болезни, так и психотехнику выздоровления. Это также означает, что в исследованиях функционирования и развития внутренней психотехники протекания болезни можно ориентироваться и на поиск возможностей разрушения негативных психотехник, стимулирующих развитие болезни, и на исследование скрытых внутренних как органических, так и психологических и психотехнических ресурсов пациента, которые можно активно использовать

доведем их до конца, а затем превратим в определенную психологическую технологию то это в итоге, может означать то, что мы дадим реальные инструменты диагностики и терапии непосредственно в руки участвующего в лечении персонала. Здесь нужно иметь в виду, что многие типы психологических работ сегодня достаточно легко технологизировать. Это означает, например, что врачу не нужно разбираться в каких-то тонкостях психологической работы. Это может выполнить компьютерная программа, та же программа подскажет ему и то, как нужно с этим пациентом психологически выверенно обращаться и пр. Хотелось бы подчеркнуть, что современная психология достаточно разработана для того, чтобы создать точный, почти что автоматизированный инструмент как диагностики, так и терапии. Другими словами, задача прикладной психологии в медицине может состоять, в конечном счете, в создании соответствующих психологических «орудий» для более эффективной и качественной работы медицинского персонала. И это задача соответствует общей тенденции технологизации медицины, как и других областей науки, но особенность ее в том, что технологизируется именно психологическая работа, которая обычно считается неподвластной этим процессам. Проблема состоит в точных исследованиях и последующих точных описаниях этой работы.

С точки зрения биопсихосоциальной природы болезни и соответствующей парадигмы медицины, перед прикладной психологией может встать особая задача разработки психотехнически эффективного сообщения диагноза различным группам пациентов. Характер сообщения диагноза имеет непосредственное, а нередко и глубокое влияние на терапевтический процесс. Сегодня в рамках развития специализаций и технологизации в медицине распространен чисто технический подход к сообщению диагноза, который

В исследованиях функционирования и развития внутренней психотехники протекания болезни можно ориентироваться и на поиск возможностей разрушения негативных психотехник, стимулирующих развитие болезни, и на исследование скрытых внутренних как органических, так и психологических и психотехнических ресурсов пациента, которые можно активно использовать в организации терапевтического процесса

Нельзя сказать, что в рамках психосоматической модели не ведутся соответствующие психологические исследования. Например, широко представлены исследования, центром которых является внутренняя картина болезни (ВКБ) (Николаева, 1987, 1995; Тхостов, 2002; Тхостов, Арина, 1990; Психология телесности ..., 2010 и др.). В В перспективе, по нашему мнению, необходима систематизация таких исследований как по содержанию, так и по методологии, а также анализ возможностей внедрения полученных в них данных и разработанных методов их получения в широкую медицинскую практику. Если мы психосоматически посмотрим на структуру болезни, то это уже не просто внутренняя картина болезни (ВКБ), а некоторая психосоматическая сущность,

в организации терапевтического процесса.

Таким образом, появляется возможность осмыслить дальнейшее изучение ВКБ в контексте понимания внутренней психотехники переживания пациентом болезни и здоровья³ (Олешкевич, 2017). Психотехника переживания в этом случае – это сложная структура внутреннего диалога пациента, которая, в конечном счете, функционирует механически и слабо осознается. На так проанализированную картину болезни можно не только непосредственно повлиять, ее можно также и трансформировать в рамках организации специфического внутреннего лечебного процесса. Если мы осуществим прикладные исследования такого типа в рамках отдельной области медицины,

² Нужно иметь в виду, что в контексте обсуждения возможностей технологизации медицинской помощи в психосоматической парадигме медицины важно не столько то, кто это будет делать (врач, психолог, дефектолог и пр., поскольку какие-то их функции в перспективе может выполнять и автоматическое устройство), а именно описание функций и операций соответствующей работы в системе медицинской помощи.

³ В этом утверждении делаются следующие шаги в понимании ВКБ. Первый шаг состоит в углублении понимания смысла, когда мы следуем концепции М.М. Бахтина, для которого смысл – есть всегда ответ на некоторый вопрос, что означает диалогическую структуру всякого смысла. Второй шаг состоит в дальнейшей разработке этой идеи, представляет собой реализацию этого диалога в определенную структуру мыслительного действия самосознания, т.е. в некоторую динамику и механику работы личности со своим опытом (способы самоосознания, саморегуляции, самоовладения, психологической защиты и пр.). Все это в рамках нашей концепции составляет внутреннюю психотехнику работы самосознания (но не самоосознания) человека.

часто является не просто терапевтически неэффективным, но и часто вредящим пациенту. Разработка психотехнически эффективного сообщения диагноза может быть в полном объеме реализована в рамках правильно поставленных задач со стороны самой медицины. Продуктом таких исследований может быть также и определенная технологизация процессов сообщения диагноза пациентам в разных областях медицины.

Вышесказанное относится и к организации лечения, в частности, к знаково-символическому оформлению лечебного процесса: объяснению болезни, диагноза пациенту, пояснению механизмов происхождения, протекания и прогноза заболевания. При этом необходимо учитывать психологический смысл этих объяснений и их психологической конструкции для пациентов, их возможное участие в организации и реорганизации терапевтического процесса. Важно также уделять внимание актуализации внутренних психосоматических ресурсов пациентов и максимальному использованию личных усилий больного в процессе собственного исцеления. Большое значение имеет активное сотрудничество больного и медицинского персонала при организации психологического влияния на изменение образа жизни пациента, следование лечебным режимам, необходимости приема лекарств, культивирования необходимого самочувствия и пр.

Такой подход требует активного исследования и задействования внутренней точки зрения пациента, понимания им внутренней психотехнической осмысленности сложившегося образа жизни и механизмов развития его расстройств здоровья. При таком подходе к лечению психических расстройств требуется понимание внутренних механизмов, порождающих соответствующее психическое состояние, структуру переживаний пациента (Бурлакова, Олешкевич, 2017). В психосоматической клинике ориентация на понимание самой внутренней механики расстройства является непосредственным ключом к организации лечения и т.д. Результаты систематических исследований явлений такого рода, которые могут быть непосредственно использованы в медицинской практике, превращаются в непосредственное рабочее орудие. Именно та-

кими могут быть результаты разработок прикладной клинической (медицинской) психологии.

Еще одна область исследований прикладной психологии – это отношения врача и пациента. Это традиционная область психологии, которая обычно изучалась в медицине. Но сегодня и медицина, и психология стали существенно другими. С одной стороны, теперь уже явно недостаточно просто признания роли лечебного воздействия слова и т.п. С другой стороны, технологизация и специализация медицины естественно способствуют формированию из врачей настоящих технократов. Но проблема человеческих отношений в медицине все же сохраняется и требует своего исследования, рефлексии и даже некоторой собственной технологизации. Здесь большой потенциал имеют материалы по истории психотерапии

Наконец, важной структурной особенностью современной медицины является и ее организационная сложность. В организации лечебного процесса одного пациента сегодня участвуют много специалистов. Одним из примеров является широко обсуждаемая проблема работы бригады специалистов при осуществлении реабилитационной программы (Исаева, Мухитова, 2016; Микадзе, Скворцова, 2007). Обобщенно можно сказать, что в современной медицине все более актуальной становится проблема организации медицинской помощи. В этом отношении важны не столько отношения врача и пациента, сколько отношения организации и больного. В конечном счете оказывается, что лечит именно организация. Отсюда вытекает задача исследования структурно-психологических особенностей лечебной организации,

Разработка психотехнически эффективного сообщения диагноза может быть в полном объеме реализована в рамках правильно поставленных задач со стороны самой медицины. Продуктом таких исследований может быть также и определенная технологизация процессов сообщения диагноза пациентам в разных областях медицины

и накопленный опыт построения различных типов терапевтических отношений, а также других практик, где важны именно человеческие отношения. Соответствующие исследования в этой области могут дать конечные практически значимые продукты, которые можно превратить в психологические технологии. Например, если мы описали терапевтически значимые структуры отношений врача и пациента, то можно ставить задачу массового обучения искусству таких отношений медицинского персонала в целом. Таким образом, с одной стороны, технологизация медицины активно происходит в рамках развития медицинской техники, использования роботов в медицине, ведь, если удастся точно описать некоторые технологические процедуры и точно их запрограммировать, то многие технические вещи робот может делать лучше и тоньше, чем человек. С другой стороны, технологизированы могут быть и специфические отношения лечебного персонала и пациента. Но в начале нужно открыть и описать наиболее оптимальные и эффективные типы таких отношений.

характера лечебного действия организации, а также изучения и проектирования специфической организационной психологии персонала лечебной организации.

Заключение

Такова общая картина прикладной клинической психологии, ее методологической проблематики и перспективы ее развития. Необходимо уточнить еще раз, что речь шла о прикладной клинической психологии в понимании этого термина Г. Мюнстербергом и о возможностях развития этой концепции. Мы также говорили о развитии прикладной клинической психологии в постиндустриальном и информационном обществе со всеми его технологическими возможностями и экзистенциальными вызовами. Практическая разработка методологии современной прикладной клинической психологии требует установления более глубокой и систематически организованной коммуникации между клиническими психологами и врачами на новом

Практическая разработка методологии современной прикладной клинической психологии требует установления более глубокой и систематической организованной коммуникации между клиническими психологами и врачами на новом технологическом уровне, а также более глубокого осознания проблематики современной медицины всем врачебным сообществом

технологическом уровне, а также более глубокого осознания проблематики современной медицины всем врачебным сообществом. Необходимо выделение тех проблемных ситуаций, с которыми встречается современная медицина, определение точек роста в медицинской практике, связанных с возможностями использования психологического анализа проблемных ситуаций. Нужны соответствующие психологические исследования и разработки на их основе новых технологий и технологизированных практик. Здесь, как уже говорилось, важны отношения не «врач – психолог», а отношения «медицинская организация – прикладная психология». Все это может привести к существенному улучшению медицинской помощи в нашей стране, к

ее рефлексии, повышению уровня технологизации и ориентации на конкретного пациента, обращающегося за медицинской помощью.

Отметим, что имеется в виду не то направление технологизации и развития медицины, которое широко обсуждается сегодня, а именно, – модернизация медицины, связанная с внедрением новой медицинской техники, разработками нового оборудования и пр. В этом направлении наша страна пока преимущественно занимается ликвидацией технологических пробелов, двигаясь по пути создания новых и освоения существующих в мировой медицине высокоточных методов исследования и оборудования. Мы же говорим о технологизации медицины посредством использования

возможностей анализа психологической составляющей, ее информационной обработки и активного включения в уже существующие информационные системы. Такая технологизация и модернизация медицины не требует существенных материальных затрат и ресурсов. Это, в сущности, технологический резерв, который может быть реализован на основе использования, прежде всего, прикладной клинической психологии.

Несмотря на значительную новизну и эвристичность такой методологии прикладной клинической психологии она, с нашей точки зрения, не является завершённой. Предварительные исследования показывают, что еще более глубокие разработки прикладной клинической психологии могут быть осуществлены на основе методологии культурно-исторической психологии (Бурлакова, 2018). Следующим уровнем прикладной психологии в медицине может стать именно культурно-историческая прикладная клиническая психология. Но это уже тема, требующая отдельного обсуждения.

Литература:

- Алфимова М.В. Современные тенденции развития зарубежной клинической психологии // Методологические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии : монография / под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рожиной. – Москва : Сам полиграфист, 2018. – С. 28–41.
- Беребин М.А. Экспертный метод, математические методы обработки экспертных оценок и технологии извлечения знаний как методы разработки новых методик медицинской психодиагностики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». – 2009. – Вып. 4. – № 5 (138). – С. 10–14.
- Бурлакова Н.С. Психическое развитие детей, переживших массовые бедствия: от изучения последствий к проектированию развития на основе культурно-исторического анализа // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 1(29). – С. 17–29. doi: 10.11621/npj.2018.0102
- Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Объективная и феноменологическая позиции в патопсихологическом исследовании пациента // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 46–54. DOI: 10.14529/psy170105
- Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Развитие психотерапии как объекта целостного понимания и системного исследования // Культурно-историческая психология. – 2010. – № 2. – С. 88–97.
- Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Уровни культурно-исторического анализа в клинической психологии // Вопросы психологии. – 2012. – № 6. – С. 36–45.
- Вассерман Л.И., Щелкова О.Ю. Медицинская психодиагностика: теория, практика, обучение. – Санкт-Петербург; Москва : Академия, 2003. – 736 с.
- Гурович И.Я., Шмуклер А.Б., Сторожакова Я.А. Психосоциальная терапия и психосоциальная реабилитация в психиатрии. – Москва : Мед-практика-М, 2004. – 492 с.
- Зинченко Ю.П., Меньшикова Г.Я., Баяковский Ю.М., Черноризов А.М., Войскунский А.Е. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 1(3). – С. 54–62.
- Исаева Е.Р., Мухитова Ю.В. Выбор стратегий и оценка эффективности в системе психосоциальной реабилитации: современное состояние проблемы // Диагностика в медицинской (клинической) психологии: современное состояние и перспективы : монография / под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рожиной. – Москва, 2016. – С. 222–240.
- Ковязина М.С., Варако Н.А., Расказова Е.И. Психологические аспекты проблемы реабилитации // Вопросы психологии. – 2017. – № 3. – С. 40–50.
- Кудря С.В., Давтян Е.Н. Значение слова в устной и письменной коммуникации психиатр – больной // Методологические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии : монография / под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рожиной. – Москва : Сам полиграфист, 2018. – С. 133–153.
- Микадзе Ю.В., Скворцова В.Б. Задачи нейропсихолога в реабилитационной междисциплинарной бригаде (МДБ) // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Спецвыпуск «Инсульт» : материалы II Международного конгресса «Цереброваскулярная патология и инсульт». – 2007. – С. 288.

- Мюнстерберг Г. Основы психотехники. В 2 т. Т. 1. – Санкт-Петербург : Алетея, 1996. – 352 с.
- Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. – Москва : МГУ, 1987. – 166 с.
- Олешкевич В.И. Психология как психотехника. – Москва : Юрайт, 2017.
- Поляков Ю.Ф. Клиническая психология: состояние и проблемы // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1996. – № 2. – С. 3.
- Психосоматика: телесность и культура / В.В. Николаева, А.Ш. Тхостов, Ю.П. Зинченко, Г.А. Арина и др. – Москва : Академический проект, 2009.
- Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. – Москва : Аргус, 1995. – 359 с.
- Тхостов А.Ш. Психология телесности. – Москва : Смысл, 2002. – 287 с.
- Тхостов А.Ш., Арина Г.А. Теоретические проблемы исследования внутренней картины болезни // Психологическая диагностика отношения к болезни при нервно-психической и соматической патологии : сб. науч. тр. – Ленинград : Ленингр. науч.-исслед. психоневрол. ин-т, 1990. – С. 32–38.
- Холмогорова А.Б. Две конфликтующие методологии в исследованиях психотерапии и ее эффективности: поиск третьего пути // Консультативная психология и психотерапия. – 2009. – № 4. – С. 5–25.
- Червинская К.Р. Психологическая концепция извлечения экспертных знаний на моделях медицинской психодиагностики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». – 2008. – Вып. 2. – № 32 (132). – С. 68–80.
- Щелкова О.Ю. Психологическая диагностика в медицине: современные задачи и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. – 2010. – Вып. 3. – С. 31–40.
- Andersson G. (2016). Internet-Delivered Psychological Treatments. *Annu. Rev. Clin. Psychol.* 12, 157–179. doi: 10.1146/annurev-clinpsy-021815-093006
- Barak A., Hen L., Boniel-Nissim R., & Shapira, N. (2008) A comprehensive review and meta-analysis of the effectiveness of Internet-based psychotherapeutic interventions. *Journal of Technology in Human Services*, 26, 109–160. doi: 10.1080/15228830802094429
- Barlow D. H. (Ed.) (2014). *The Oxford Handbook of Clinical Psychology* (2 ed.) N.Y.: Oxford University Press.
- Carey, T. A., & Spratt, M. B. (2008) When is enough? Structuring the organization of treatment to maximise patient choice and control. *Cognitive Behaviour Therapist*, 2, 211–226. doi: 10.1017/S1754470X09000208
- Engel G.L. (1980). The clinical application of the biopsychosocial model. *Am.J. Psychiat*, 37(5), 535–544.
- Forand N.R., deRubeis R.J. & Amsterdam J.D. (2013). Combining Medication and Psychotherapy in the Treatment of Major Mental Disorders. In *Bergin and Garfield's Handbook of Psychotherapy and Behavior Change*, Sixth Edition (Ed. Lambert M.). Wiley, 735–774.
- Horwitz A.V. & Scheid T.L. (eds.) (2006). *A handbook for the study of mental health; Social contexts, theories, and systems*. Cambridge; Cambridge Univ. Press.
- Lambert M. (Ed.). (2013). *Bergin and Garfield's Handbook of Psychotherapy and Behavior Change*. Sixth Edition Wiley, 864.
- Maat de S., Dekker J., Schoevers R., van Aalst G., Gijbbers-van Wijk S., Hendriksen M. & Kool S. (2008). Short Psychodynamic Supportive Psychotherapy, antidepressants, and their combination in the treatment of major depression: a mega-analysis based on three Randomized Clinical Trials. *Depression & Anxiety*, 25, 565–574. doi: 10.1002/da.20305
- Riva G. (2005) Virtual reality in psychotherapy: review. *Cyberpsychology & Behavior*, 8(3), 220–240. doi: 10.1089/cpb.2005.8.220
- Orlinsky D.E. & Rønnestad M.H. (2005). How psychotherapists develop: a study of therapeutic work and professional growths, American Psychological Association, Washington DC. doi: 10.1037/11157-000
- Schultheis M.T., & Rizzo A.A. (2001) The application of virtual reality technology in rehabilitation. *Rehabilitation Psychology*, 46(3), 296–311. doi: 10.1037/0090-5550.46.3.296

References:

- Alfimova M.V. (2018). Modern trends in the development of foreign clinical psychology. [*Metodologicheskie i prikladnye problemy meditsinskoj (klinicheskoy) psihologii, monografiya*]. Moscow, Sam poligrafist, 28–41.
- Andersson G. (2016). Internet-Delivered Psychological Treatments. *Annu. Rev. Clin. Psychol.* 12, 157–179. doi: 10.1146/annurev-clinpsy-021815-093006
- Barak A., Hen L., Boniel-Nissim R., & Shapira, N. (2008) A comprehensive review and meta-analysis of the effectiveness of Internet-based psychotherapeutic interventions. *Journal of Technology in Human Services*, 26, 109–160. doi: 10.1080/15228830802094429
- Barlow D. H. (Ed.) (2014). *The Oxford Handbook of Clinical Psychology* (2 ed.) N.Y.: Oxford University Press.
- Berebin M.A. (2009). Expert method, mathematical methods for processing expert assessments and knowledge extraction technologies as methods for developing new methods of medical psychodiagnostics. [*Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*]. Series «Psychology», 4, 5 (138), 10–14.
- Burlakova N.S. (2018). Mental development of children who have experienced mass disasters: from studying the consequences to designing development based on cultural and historical analysis. *National Psychological Journal*. 1, 17–29. doi: 10.11621 / npj.2018.0102
- Burlakova N.S. & Oleshkevich V.I. (2017). Objective and phenomenological position in the pathopsychological study of the patient. [*Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*]. Series «Psychology», 10(1), 46–54. doi: 10.14529 / psy170105.
- Burlakova N.S. & Oleshkevich V.I. (2010). The development of psychotherapy as an object of holistic understanding and systemic research. [*Cultural historical psychology*], 2, 88–97.
- Burlakova N.S. & Oleshkevich V.I. (2012). Levels of cultural historical analysis in clinical psychology. [*Voprosy psikhologii*], 6, 36–45.

- Carey, T. A., & Spratt, M. B. (2008) When is enough? Structuring the organization of treatment to maximise patient choice and control. *Cognitive Behaviour Therapist*, 2, 211–226. doi: 10.1017/S1754470X09000208
- Chervinskaya K.R. (2008). Psychological concept of extracting expert knowledge on models of medical psychodiagnostics. [*Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*]. Series «Psychology». 2, 32 (132), 68–80.
- Engel G.L. (1980). The clinical application of the biopsychosocial model. *Am.J. Psychiat*, 37(5), 535–544.
- Forand N.R., deRubeis R.J. & Amsterdam J.D. (2013). Combining Medication and Psychotherapy in the Treatment of Major Mental Disorders. In *Bergin and Garfield's Handbook of Psychotherapy and Behavior Change*, Sixth Edition (Ed. Lambert M.). Wiley, 735–774.
- Gurovich I.Ya., Shmukler A.B. & Storozhakova Y.A. (2004). Psychosocial therapy and psychosocial rehabilitation in psychiatry. Moscow, Med-praktika-M, 492.
- Horwitz A.V. & Scheid T.L. (eds.) (2006). A handbook for the study of mental health; Social contexts, theories, and systems. Cambridge; Cambridge Univ. Press.
- Isaeva E.R. & Mukhitova Yu.V. (2016). The choice of strategies and assessment of effectiveness in the system of psychosocial rehabilitation: the current state of the problem [*Diagnostika v meditsinskoj (klinicheskoj) psikhologii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy monografiya*]. Moscow, 222–240.
- Kovyazina M.S., Varako N.A. & Rasskazova E.I. (2017). Psychological aspects of the problem of rehabilitation. [*Voprosy psikhologii*], 3, 40–50.
- Kudrya S.V. & Davtyan E.N. (2018). The meaning of the word in oral and written communication psychiatrist-patient. [*Metodologicheskie i prikladnye problemy meditsinskoj (klinicheskoj) psikhologii: monografiya*]. Moscow, Sam poligrafist, 133–153.
- Lambert M. (Ed.). (2013). *Bergin and Garfield's Handbook of Psychotherapy and Behavior Change*. Sixth Edition Wiley, 864.
- Maat de S., Dekker J., Schoevers R., van Aalst G., Gijbbers-van Wijk S., Hendriksen M. & Kool S. (2008). Short Psychodynamic Supportive Psychotherapy, antidepressants, and their combination in the treatment of major depression: a mega-analysis based on three Randomized Clinical Trials. *Depression & Anxiety*, 25, 565–574. doi: 10.1002/da.20305
- Mikadze Yu.V. & Skvortsova V.B. (2007). Tasks of a neuropsychologist in a rehabilitation interdisciplinary team (DSB). [*Zhurnal Nevrologii i Psikhiiatrii im. S.S. Korsakova*]. Special issue «Insul't»: Proceedings of the 2nd International Congress «Cerebrovascular pathology and stroke», 288.
- Munsterberg G. (1996). Osnovy psikhotehniki. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg, Aletya, 352.
- Nikolaev V.V. (1987). The impact of chronic illness on the psyche. Moscow, MGU, 166.
- Oleshkevich V.I. (2017). Psychology as psychotechnics. Moscow: Yurayt.
- Polyakov Yu.F. (1996). Clinical psychology: state and problems. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series 14. Psychology, 2, 3.
- Nikolaev V.V., Tkhostov A.Sh., Zinchenko Yu.P., & Arina G.A. et al. (2009). Psychosomatics: corporality and culture. Moscow, Akademicheskij Proekt.
- Sokolova E.T. & Nikolaev V.V. (1995). Personality features in borderline disorders and somatic diseases. Moscow, Argus, 359.
- Tkhostov A.Sh. (2002). Psychology of physicality. Moscow, Smysl, 287.
- Tkhostov A.Sh. & Arina G.A. (1990). Theoretical problems of studying the internal picture of the disease. Psychological diagnosis of the relationship to the disease in neuro-psychological and somatic pathology: collected papers. Leningrad, Leningradskiy Nauchno-issledovatel'skiy psichonevrologicheskij Institut, 32–38.
- Kholmogorova A.B. (2009). Two conflicting methodologies in studies of psychotherapy and its effectiveness: the search for a third way. [*Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*], 4, 5–25.
- Riva G. (2005) Virtual reality in psychotherapy: review. *Cyberpsychology & Behavior*, 8(3), 220–240. doi: 10.1089/cpb.2005.8.220
- Schelkova O. Yu. (2010). Psychological diagnostics in medicine: current challenges and development prospects. *Vestnik St. Petersburgskogo Universiteta*. Series 12, 3, 31–40.
- Orlinsky D.E. & Ronnestad M.H. (2005). How psychotherapists develop: a study of therapeutic work and professional grows, American Psychological Association, Washington DC. doi: 10.1037/11157-000
- Schultheis M.T., & Rizzo A.A. (2001) The application of virtual reality technology in rehabilitation. *Rehabilitation Psychology*, 46(3), 296–311. doi: 10.1037/0090-5550.46.3.296
- Wasserman L.I. & Schelkova O.Yu. (2003). Medical psychodiagnostics: theory, practice, training. St. Petersburg; Moscow, Akademiya, 736.
- Zinchenko Yu.P., Menshikova G.Ya., Bayakovskiy Yu.M., Chernorizov A.M. & Voyskunskiy A.E. (2010). Virtual reality technologies: methodological aspects, achievements and prospects. *National Psychological Journal*, 1(3), 54–62.

Кросскультурный анализ особенностей регуляции эмоций у больных с алкогольной зависимостью

П.Д. Игнатьев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

А.В. Трусова, С.Г. Климанова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия

Ю.И. Балашова, Н.Н. Замятина, М.В. Шестакова

Якутский республиканский наркологический диспансер, Якутск, Россия

Поступила 27 ноября 2018/ Принята к публикации: 15 января 2019

Cross-cultural analysis of regulating emotions in patients with alcohol addiction

Pavel D. Ignatev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Anna V. Trusova*, Svetlana G. Klimanova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

V.M. Bekhterev National Research Medical Center for Psychiatry and Neurology, Saint Petersburg, Russia

Yuliya I. Balashova, Nadezhda N. Zamyatina, Matrena V. Shestakova

Yakutian Republican Narcological Dispensary, Yakutsk, Russia

* Corresponding author E-mail: anna.v.trusova@gmail.com

Received November 27, 2018 / Accepted for publication: January 15, 2019

Актуальность (контекст) тематики статьи. Нарушение способности к регуляции эмоционального состояния значимо как в возникновении алкогольной зависимости, так и в ее течении. Несмотря на то, что общепринятым является рассмотрение алкоголизма с точки зрения биопсихосоциальной парадигмы, кросскультурные исследования индивидуально-психологических свойств больных алкоголизмом крайне немногочисленны.

Цель. Целью данного исследования являлся анализ стратегий и способов эмоциональной регуляции при алкоголизме у жителей г. Санкт-Петербург (группа 1) и Республики Саха (Якутия) (группа 2). Гипотезы исследования: существование региональные, а также национальные различия в используемых стратегиях эмоциональной регуляции; стратегии эмоциональной регуляции могут быть обусловлены социокультурными факторами.

Описание хода исследования. В исследовании приняли участие пациенты, находившиеся на лечении в наркологических клиниках при Санкт-Петербургском научно-исследовательском психоневрологическом институте имени В.М. Бехтерева (СПб НИПНИ им. Бехтерева) и ГБУ РС (Я) «Якутский республиканский наркологический диспансер». Критерии включения в выборку: лица в возрасте от 18 до 70 лет, установленный диагноз «Синдром зависимости от алкоголя» (F10.2) в соответствии МКБ-10, свободное владение русским языком. Всего в исследовании приняли участие 60 человек, 30 из которых являлись жителями г. Санкт-Петербург и Ленинградской области (группа 1), 30 – проживали на территории Республики Саха (Якутия) (группа 2).

Результаты исследования. Обнаружены значимые региональные различия в использовании когнитивной стратегии регуляции эмоций «позитивная переоценка» ($p=0,01$) жителями г. Санкт-Петербург и Ленинградской области и жителями Якутии. Базовая стратегия эмоциональной регуляции «подавление экспрессии» ($p=0,02$), а также такие трудности эмоционального регулирования, как «непринятие эмоциональных реакций» ($p=0,002$), «трудности сдерживания импульсивных реакций» ($p=0,007$), «ограниченность спектра стратегий эмоциональной регуляции» ($p=0,003$) характерны для жителей Республики Саха (Якутия). Они отражают культурно-специфические особенности северных народов, выражающиеся в эмоциональной сдержанности, склонности к подавлению эмоций, чувств.

Выводы. Полученные данные подтверждают исходные гипотезы данного исследования о наличии региональных различий в эмоциональном регулировании, отражающие культурно-специфические особенности центральных районов, выражающиеся в склонности снижению негативных эмоций за счет обращения к когнитивным средствам, в то время как северные народы отличаются эмоциональной сдержанностью, склонностью к подавлению эмоций, чувств. Результаты исследования углубляют и дополняют оценку роли социально-психологических факторов в течении алкоголизма.

Ключевые слова: эмоциональная регуляция, когнитивная регуляция эмоций, алкогольная зависимость, кросскультурное исследование, этническая психология.

Background. Impaired ability to regulate the emotional state is significant both in the onset of alcohol addiction and in its course. Despite the fact that it is generally accepted to consider alcoholism from the point of view of the biopsychosocial paradigm, cross-cultural studies of the individual psychological properties of patients with alcoholism are extremely few.

The Objective of the research was to analyze strategies and methods of emotional regulation within alcoholism in the residents of St. Petersburg (Group 1) and the Republic of Sakha (Yakutia) (Group 2). Research hypotheses: there are regional and national differences in the emotional regulation strategies; emotional regulation strategies may occur due to socio-cultural factors.

Design. The research involved patients who were treated with drug at St. Petersburg Bekhterev Research Psycho-Neurological Institute (St. Petersburg Bekhterev NIPNI) and Yakutsk Republican Drug Dispensary. The sample included persons aged 18 to 70 years old diagnosed with alcohol addiction syndrome (F10.2) in accordance with ICD-10 and fluent in Russian. In total, 60 people took part in the study, 30 of them were residents of St. Petersburg and the Leningrad Region (Group 1), 30 people are residents of the Republic of Sakha (Yakutia) (Group 2).

Results. Significant regional differences were found in the use of the cognitive strategy of emotion regulation "positive reevaluation" ($p = 0.01$) in the residents of St. Petersburg and the Leningrad Region and residents of Yakutia. The basic strategy of emotional regulation is "suppression of expression" ($p = 0.02$), and also such difficulties of emotional regulation as "aversion of emotional reactions" ($p = 0.002$), "difficulties in showing impulsive reactions" ($p = 0.007$), "limited array of strategies emotional regulation" ($p = 0.003$) are characteristic of residents of the Republic of Sakha (Yakutia). They reflect the cultural-based features of the northern peoples that are expressed in emotional restraint, propensity to suppress emotions and feelings.

Conclusion. The study of emotional regulation in alcohol pathology in reference to national and regional affiliation of individuals is of fundamental importance for solving problems in the field of ethnic psychology and psychiatry. In order to effectively provide medical, psychological and psychotherapeutic care to patients with alcohol addiction and other forms of addictive disorders it is necessary to take into account national and regional characteristics that can be an internal resource for the success of the assistance provided.

Keywords: emotional regulation, cognitive emotional regulation, alcohol addiction, cross-cultural research, ethnic psychology.

Введение

Аддиктивное поведение, в частности алкогольная зависимость, по-прежнему является одной из основных проблем, изучаемых разными науками. Оно выступает в качестве объекта междисциплинарных исследований. Обсуждаются вопросы, касающиеся механизмов ста-

психиатрии, наркологии, клинической психологии является исследование кросс-культурных аспектов алкогольной зависимости. Основной вопрос заключается в оценке роли этнокультурных и национальных факторов в этиологии и патогенезе алкоголизма (Дмитриева, Положий, 2003; Руководство по аддиктологии, 2007; Семке, Бохан, 2008).

С точки зрения принятой современной наукой биопсихосоциальной парадигмы, алкогольная зависимость является системным заболеванием, которое рассматривается через призму различных факторов и их динамики: биологических, психологических, социальных, при котором каждый из них претерпевает взаимовлияние и взаимно дополняется

новления и развития зависимого поведения, а также его перехода в болезнь. Остро стоят проблемы профилактики, ранней диагностики и превенции зависимости от психотропных веществ, а также ее лечения, в том числе с помощью психотерапии. Актуальным для современной

С точки зрения принятой современной наукой биопсихосоциальной парадигмы, алкогольная зависимость является системным заболеванием, которое рассматривается через призму различных факторов и их динамики: биологических, психологических, социальных,

при котором каждый из них претерпевает взаимовлияние и взаимно дополняется. Комплекс данных факторов, являющихся основными детерминантами возникновения зависимости, включает в себя медико-биологические аспекты, климатогеографические условия, социокультурные, психологические особенности личности.

При изучении медико-биологических механизмов формирования алкогольной зависимости экспериментальное обоснование получили положения о генетической предрасположенности и наследственности (Анохина, 2007) алкогольной зависимости, ферментативной недостаточности, о церебрально-органических поражениях различного генезиса, врожденной и приобретенной патологии нервной системы, сопутствующих ей (Шабанов, 2002).

Социальный контекст алкоголизма предполагает наличие неблагоприятных внешних условий среды и окружения. В макросоциальных масштабах отмечается роль аккультурационных процессов, миграции, распространенности и доступности алкогольных веществ и т.д. Микросоциальный уровень включает в себя непосредственное семейное и ближайшее окружение, включая социально-психологический климат, типы внутрисемейных и групповых интерперсональных взаимоотношений и общения (Москаленко, 2002).

Отдельно следует подчеркнуть значение фактора культуры. С учетом этого фактора возникновение алкогольной аддикции рассматривается через призму традиций и норм поведения, принятых в тех или иных социальных общностях, включая историю этноса, в частности, опыт контакта и потребления алкоголя, язык, конфессиональные убеждения, системы ценностей, особенности отношений, обычаи и ритуалы (Дмитриева, Положий, 2003).

Под психологическими особенностями зависимых от алкоголя понимают достаточно широкий спектр индивидуально-психологических характеристик, выступающих в качестве факторов риска, повышающих вероятность развития аддиктивного поведения и способствующих рецидиву и возобновлению алкоголизации. К их числу можно отнести

Павел Дмитриевич Игнатьев –

аспирант факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: ig_pvl@mail.ru

Анна Владимировна Трусова –

кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии СПбГУ, научный сотрудник отделения лечения больных алкоголизмом Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева (Санкт-Петербург)
E-mail: anna.v.trusova@gmail.com
<http://www.psy.spbu.ru/department/teachers/31-2013-05-27-14-16-12/2013-05-27-14-54-55/623-trusova-av>

Светлана Георгиевна Климанова –

научный сотрудник отделения лечения больных алкоголизмом Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева (Санкт-Петербург), аспирант факультета психологии СПбГУ
E-mail: svetlanagk@mail.ru

Для цитирования: Игнатьев П.Д., Трусова А.В., Климанова С.Г., Балашова Ю.И., Замятина Н.Н., Шестакова М.В. Кросс-культурный анализ особенностей регуляции эмоций у больных с алкогольной зависимостью // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1(33). – С. 78–87. doi: 10.11621/npj.2019.0108

For citation: Ignatev P.D., Trusova A.V., Klimanova S.G., Balashova Yu.I., Zamyatina N.N., Shestakova M.V. (2019). Cross-cultural analysis of regulating emotions in patients with alcohol addiction. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 12(1), 78–87. doi: 10.11621/npj.2019.0108

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

набор патохарактерологических черт, мотивы любопытства, подражания, нарушения эмоционально-волевой сферы, личностную тревожность, уровень психотравматизации, социальную дезадаптацию и т.д. (Личко, 1983).

Особый интерес представляет изучение кросскультурных наркологических аспектов алкогольной зависимости. Ряд исследований в области наркологии позволили выделить и охарактеризовать особенности алкоголизма коренного населения Арктики (Кершенгольц, 2000, Кершенгольц и др., 2012; Семке, Бохан, 2008; Бохан и др., 2012).

Согласно данным Б.М. Кершенгольца с коллегами о генно-молекулярных причинах алкоголизации, особенностях метаболизма этанола среди населения Республики Саха (Якутия), имеет место рост «деструктивной адаптации», фенотипическая структура которой представлена как активизация изофермента

АДГ (алкогольдегидрогеназа) и подавление АльДГ (альдегиддегидрогеназа) (Кершенгольц, 2000). Данный тип адаптации, в основном, характерен для тюрко-монголоидов, в том числе, для этнических групп арктического крута: якутов, эвенов. Высокая и продолжительная концентрация этанола, замедление процессов окисления и расщепления ацетальдеги-

венной прогредентности (Кершенгольц и др., 2012).

Результаты исследования нейромедиаторных систем, а также различных вариантов серотониновых рецепторов у коренных жителей Республики Саха (Якутия), страдающих алкогольной зависимостью, показали, что у жителей субарктического пояса наблюдается снижен-

Результаты исследования нейромедиаторных систем, а также различных вариантов серотониновых рецепторов у коренных жителей Республики Саха (Якутия), страдающих алкогольной зависимостью, показали, что у жителей субарктического пояса наблюдается сниженный уровень концентрации серотонина в зимний период, по сравнению с жителями, населяющими арктический пояс

да значительно снижают толерантность и переносимость алкоголя, что приводит к острой нейрофизиологической интоксикации. Данная группа фенотипов является наиболее уязвимой, с точки зрения развития алкоголизма и его злокачест-

венный уровень концентрации серотонина в зимний период, по сравнению с жителями, населяющими арктический пояс. Кроме того, обнаруживаются некоторые биохимические изменения состава крови, более интенсивный процесс гликолиза при алкогольной зависимости (Хоютанова и др., 2015).

При дополнительной оценке уровня тревоги и агрессии у жителей субарктического района была установлена выраженность личностной тревожности, а также наличие враждебности с совокупными показателями реакций обиды и подозрительности в группе с генотипом А/С гена TDO2 (Попова и др., 2017). Данные исследования демонстрируют роль сезонности и климатогеографических условий Арктического региона при развитии алкоголизма.

Надо отметить, что проблемы клинико-психологических факторов алкоголизма на территории Республики Саха (Якутия) недостаточно изучены. Основные исследовательские работы сконцентрированы на рассмотрении девиантного поведения подрастающего поколения, включающего различные формы химических и нехимических аддикций, поскольку подростковый возраст характеризуется высокой сензитивностью и уязвимостью к внешним воздействиям в силу интенсивного физиологического развития и психологических изменений (Алексеева, Прокопьева, 2016).

По данным сравнительного исследования (Ignatyev, Prokopyeva, 2014), посвященного изучению атрибутивного стиля личности и совладающего поведения

Юлия Ивановна Балашова –
клинический психолог, Якутский республиканский
наркологический диспансер
E-mail: yulyabalashova1563@gmail.ru

Надежда Николаевна Замятина –
клинический психолог, Якутский республиканский
наркологический диспансер
E-mail: NZam.83@mail.ru

Матрена Валерьевна Шестакова –
клинический психолог, Якутский республиканский
наркологический диспансер
E-mail: shestakova.matrena@mail.ru

больных алкоголизмом и жителей г. Якутска, не состоящих на учете в наркологическом диспансере, было выявлено, что в группе лиц, страдающих алкогольной зависимостью, преобладает пессимистичный стиль атрибуции. Он проявляется в негативном восприятии и интерпретации жизненных событий, других и себя в различных временных континуумах. Доминирующими стратегиями совладания являлись «бегство-избегание», «дистанцирование». Среди защитных механизмов выделяются «регрессия», «проекция», «отрицание», отражающие пониженный уровень адаптационного потенциала, фрустрационной интолерантности, недостаточное развитие личностных и средовых ресурсов. Была установлена отрицательная взаимосвязь между атрибутивным стилем личности и такой копинг-стратегией как «принятие ответственности». Выраженный «пессимизм» в сочетании с низкой самооценкой, отрицательным отношением к себе, отражается на избегании принятия и

сопровождается поглощающим обсессивным влечением и компульсивным стремлением к действиям, направленным на алкоголизацию. Во-вторых, наряду с выделением личностных детерминант саморегуляции и оценкой вклада данных механизмов в алкогольную патологию, особый интерес представляет определение места и роли социокультурных факторов в регуляторной деятельности человека.

Социоэтнопсихологический контекст алкоголизма предполагает наличие комплекса индивидуально-психологических особенностей, провоцирующих возникновение зависимости и отражающихся на ее клинической картине и динамическом течении, которые обусловлены традициями, нормами поведения и этническими стереотипами национальных групп. Вместе с тем, возникает вопрос о значении фактора культуры как регулятора эмоций и поведения, в том числе, связанного с употреблением алкоголя.

Социоэтнопсихологический контекст алкоголизма предполагает наличие комплекса индивидуально-психологических особенностей, провоцирующих возникновение зависимости и отражающихся на ее клинической картине и динамическом течении, которые обусловлены традициями, нормами поведения и этническими стереотипами национальных групп. Вместе с тем, возникает вопрос о значении фактора культуры как регулятора эмоций и поведения, в том числе, связанного с употреблением алкоголя

признания собственной роли в событиях в рамках жизненного пространства. Внутригрупповое сравнение национальных особенностей измеряемых параметров обнаруживает исключительно тенденциозные различия в использовании якутами таких защитных механизмов, как «вытеснение», «отрицание», по сравнению с русскими, что требует проведения более тщательных исследований.

Таким образом, немногочисленные исследования не позволяют сформировать целостное представление о роли социально-психологических процессов в возникновении и течении данной формы патологии у представителей якутской национальности.

Существенными моментами при анализа алкогольной зависимости являются следующие. Во-первых, необходимо изучение процессов саморегуляции и эмоциональной регуляции, т.к. рассматриваемая форма аддиктивного поведения

J.J. Gross и R.A. Thomson определяют эмоциональную регуляцию как целенаправленный процесс функционирования, влияющий на интенсивность, продолжительность и тип эмоционального переживания (Gross, Thomson, 2007). Регуляция эмоций проявляется на этапе генерации эмоций и изменении ответной эмоциональной реакции, эффективность которой зависит от сознательных усилий по инициации, наблюдения в процессе контроля и регулирования, связанных с уровнем понимания и осознанности. В рамках процессуальной модели регуляции эмоций J.J. Gross выделяет две базовые стратегии управления эмоционально-заряженными состояниями: сконцентрированные на непосредственных условиях и причинах возникновения эмоциональной реакции – «когнитивная переоценка» и или – на возникшем эмоциональном отклике – «подавление экспрессии». Данные стратегии являются

компонентами операционально-технической стороны регуляторной деятельности (Первичко, 2016).

Наряду с изучением внутриличностных особенностей, в настоящее время исследуется роль культуры и этнической принадлежности в процессе регуляции эмоций в качестве средового фактора регуляторной деятельности в контексте социально-когнитивной парадигмы (Болотова, Пурецкий, 2015). Исследования D. Matsumoto, S.H. Yoo, S. Nakagawa показали, что имеет место наличие связей между господствующими культурными ценностями, требованиями, предъявляемыми к эмоциям, и процессами регуляции эмоций: «когнитивной переоценкой» и «подавлением экспрессии» (Matsumoto, Yoo, Nakagawa, 2008). Культуры, ценящие сохранение социального порядка, то есть, ориентированные на долгосрочные цели, имеющие свою иерархию, демонстрировали большую склонность к подавлению экспрессии. Напротив, культуры, в которых отсутствует стремление к сохранению социального порядка, признающие ценность индивидуальной аффективной автономии, эгалитаризма, не проявляют склонность к подавлению экспрессии. Полученные результаты подтверждают предположение о том, что одной из функций культуры является создание и поддержание социального порядка посредством разработки системы ценностей, способствующих эмоциональной регуляции.

По данным сравнительных исследований стратегий эмоциональной регуляции (Mesquita, Albert, 2007; Haga et al., 2009) в западной культуре, в частности, в американской, по сравнению с европейской, преобладает установка на переживание и яркое проявление положительных эмоций, что закономерно отражается на использовании подавления экспрессии как основной стратегии эмоциональной регуляции. Вместе с этим, у представителей американской культуры обнаруживаются высокие показатели депрессивной симптоматики, наличие сдерживаемых негативных аффектов.

Другое исследование (Soto et al., 2011), на примере западных и восточных культур, показало наличие существующих различий между стратегиями эмоционального регулирования. Использование подавления экспрессии не коррелирует

с психологическим неблагополучием в культурах, имеющих азиатские традиции и ценности, для которых тенденция к подавлению, сдерживанию и торможению эмоций является нормой, в отличие от американской культуры. При этом в большинстве культур способность к управлению эмоциями и поведением считается ценным значимым индикатором зрелости личности и формируется с раннего детства в процессе воспитания (Гордеева и др., 2016).

Данные различия свидетельствуют об определенной внутрикультурной и межкультурной вариативности стратегий регуляции эмоций, опосредованных ведущими нормами и традициями, разделяемыми всеми членами конкретной национальной группы. Поэтому возникает необходимость определения этнопатогенетических аспектов культуры, влияющих на возникновение различных девиаций и эмоциональных расстройств. Табуированная блокировка переживаний, выражений отрицательных эмоций, связанная с культивируемым обществом образом силы, рациональности, непринятием негативных эмоций, приводит к росту тревожных, депрессивных, психосоматических расстройств (Падун, 2015), в том числе, к различным формам аддиктивного поведения.

Проведение исследования

Цель, гипотезы, выборка

Целью данного исследования являлся анализ стратегий и способов эмоциональной регуляции при алкоголизме у жителей г. Санкт-Петербург (группа 1) и Республики Саха (Якутия) (группа 2).

Гипотезы исследования:

1. Существуют региональные, а также национальные различия в используемых стратегиях эмоциональной регуляции;
2. Стратегии эмоциональной регуляции могут быть обусловлены социокультурными факторами.

В исследовании приняли участие пациенты, находившиеся на лечении в наркологических клиниках при Санкт-Петербургском научно-исследовательском психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева (СПб НИПНИ им. Бехтерева) и ГБУ РС (Я) «Якутский республи-

канский наркологический диспансер». Критерии включения в выборку: лица, в возрасте от 18 до 70 лет, установленный лечащим врачом психиатром-наркологом диагноз «Синдром зависимости от алкоголя» (F10.2) в соответствии МКБ-10, свободное владение русским языком. Критериями исключения являлись: проявления алкогольного абстинентного синдрома, выраженные когнитивные дисфункции, соматические и психические коморбидные расстройства, прохождение курса интенсивной фармаколо-

возникает необходимость определения этиопатогенетических аспектов культуры, влияющих на возникновение различных девиаций и эмоциональных расстройств. Табуированная блокировка переживаний, выражений отрицательных эмоций, связанная с культивируемым обществом образом силы, рациональности, непринятием негативных эмоций, приводит к росту тревожных, депрессивных, психосоматических расстройств (Падун, 2015), в том числе, к различным формам аддиктивного поведения

гической терапии, изменяющий течение и характер психических процессов и состояний.

Всего в исследовании приняли участие 60 человек, 30 из которых являлись жителями г. Санкт-Петербург и Ленинградской области (группа 1), 30 – проживали на территории Республики Саха (Якутия) (группа 2).

Гендерный состав всей выборки: 42 мужчины (70%), 18 женщин (30%), средний возраст которых составляет $40,2 \pm 9,5$ (M \pm SD).

При этом у 35 испытуемых (58,3%) наблюдалась постоянная форма употребления алкоголя, у 20 (33%) – периодическая, у 5 (8,3%) – перемежающая. 36 человек (60%) были госпитализированы первично, 24 (40%) поступили повторно, из них амбулаторное лечение проходили 8 человек (13,3%), стационарное – 20 (33,3%), амбулаторное и стационарное – 6 человек (10%), не обращались за медицинской помощью 26 человек (43,3%). Возраст формирования алкогольного абстинентного синдрома (AAC) – Me-27, Q3-Q1=9,75, давность заболевания – Me-10, Q3-Q1=11,5, средняя продолжительность ремиссии $8,9 \pm 12,8$, максимальная продолжительность ремиссии $11,48 \pm 17,15$. В группу 1 (n=30) вошли 24 мужчины (80%) и 6 женщин (20%), средний возраст членов группы $40,8 \pm 9,3$ (M \pm SD), этнический состав – русские 100%.

В группу 2 (n=30) вошли 18 мужчин (60%) и 12 женщин (40%), средний возраст членов группы $39,5 \pm 9,8$ (M \pm SD), этнический состав – 23 якута (76,7%), 3 эвены (10%), 4 русских (13,3%).

Внутригрупповых различий по клиническим характеристикам не было обнаружено.

Методики исследования

Для оценки способов и стратегий эмоциональной регуляции поведения использовались:

- 1) Опросник когнитивной регуляции эмоций N. Garnefski, V. Kraaij в адаптации О.Л. Писаревой, А. Гриценко (Писарева, Гриценко, 2011);
- 2) Опросник эмоциональной регуляции J. Gross, O. John в русскоязычной адаптации А.А. Панкратовой, Д.С. Корниенко (Панкратова, Корниенко, 2017);
- 3) Шкала трудностей эмоциональной регуляции K.L. Gratz, L. Roemer, в переводе Д.В. Московченко (2004).

Дополнительно рассматривалась толерантность к неопределенности с помощью опросника толерантности и интолерантности к неопределенности С. Баднера в модификации Т.В. Корниловой (Корнилова, Чумакова, 2014). По мнению Hofstede, Bond, Stephan и Stephan (цит. по Стефаненко, 2009), степень избегания неопределенности, динамических изменений является одним из критериев оценки и измерения уровня культурного развития личности. Кроме того, толерантность и принятие неопределенности являются факторами развития интеллектуально-личностного потенциала, условиями успешной саморегуляции.

При исследовании учитывались такие клинические характеристики испытуемых, как возраст, в котором произошло формирование алкогольного абстинентного синдрома, длительность употребления алкоголя, средняя продолжительность ремиссии.

Табл. 1. Средние значения стратегий эмоциональной регуляции (M±SD)

	Шкалы	Группа 1	Группа 2
Опросник когнитивной регуляции эмоций CERQ	Самообвинение	12,9±2,8	13,1±4,1
	Принятие	13,0±3,0	13,3±3,2
	Руминация	12,9±3,6	13,4±3,6
	Положительная перефокусировка	12,0±4,4	13,4±3,3
	Перефокусировка и планирование	16,1±3,4	15,2±3,4
	Позитивная переоценка	15,5±3,7**	13,2±2,9
	Помещение в перспективу	14,0±4,2	13,2±2,6
	Катастрофизация	9,9±3,3	11,4±3,8
Опросник эмоциональной регуляции ERQ	Обвинение	9,9±3,6	9,5±2,8
	Когнитивная переоценка	4,7±1,0	5,1±1,3
	Подавление экспрессии	4,1±1,4	4,9±1,2*

Примечание: уровень статистической значимости – $p < 0,01$ **, $p < 0,05$ * (критерий Т-тест Стьюдента).

Table 1. Average values of emotional regulation strategies (M ± SD)

	Scales	Group 1	Group 2
Questionnaire of Cognitive Emotional Regulation CERQ	Self-reproach	12.9±2.8	13.1±4.1
	Recipience	13.0±3.0	13.3±3.2
	Rumination	12.9±3.6	13.4±3.6
	Positive Reframing	12.0±4.4	13.4±3.3
	Reframing and Planning	16.1±3.4	15.2±3.4
	Positive Reevaluation	15.5±3.7**	13.2±2.9
	Prospecting	14.0±4.2	13.2±2.6
	Catastrophising	9.9±3.3	11.4±3.8
Questionnaire of Emotional Regulation ERQ	Accusation	9.9±3.6	9.5±2.8
	Cognitive Reevaluation	4.7±1.0	5.1±1.3
	Suppressing Expression	4.1±1.4	4.9±1.2*

NB: level of statistical significance – $p < 0.01$ **, $p < 0.05$ * (T-test Student).

Табл. 2. Средние значения показателей шкал трудностей эмоциональной регуляции (M±SD)

Шкалы опросника	Группа 1	Группа 2
Непринятие эмоциональных реакций	15,3±6,4	20,0±4,8**
Трудности поддержания целенаправленного поведения	15,7±3,7	16,3±3,4
Трудности сдерживания импульсивных реакций	14,1±5,2	17,6±4,3**
Отсутствие осознания эмоциональных реакций	13,4±3,7	14,8±4,6
Ограниченность спектра стратегий эмоциональной регуляции	19,5±5,8	23,8±4,6**
Отсутствие ясности и понимания эмоциональных реакций	9,6±2,8	12,2±4,5**

Примечание: уровень статистической значимости – $p < 0,01$ **, $p < 0,05$ * (критерий Т-тест Стьюдента).

Table 2. Average values of difficulties of emotional regulation scales (M ± SD)

Questionnaire Scales	Group 1	Group 2
Aversion of emotional reactions	15.3±6.4	20.0±4.8**
Difficulties in maintaining targeted behavior	15.7±3.7	16.3±3.4
Difficulties in showing impulsive reactions	14.1±5.2	17.6±4.3**
Lack of awareness of emotional reactions	13.4±3.7	14.8±4.6
Limited array of emotional regulation strategies	19.5±5.8	23.8±4.6**
Lack of clarity and awareness of emotional reactions	9.6±2.8	12.2±4.5**

NB: level of statistical significance – $p < 0.01$ **, $p < 0.05$ * (T-test Student).

Статистическая обработка полученных результатов проводилась с помощью пакета статистических программ для персональных компьютеров SPSS на основе проверки выборки на нормальность рас-

пределения по λ -критерию Колмогорова-Смирнова, расчета средних значений и стандартного отклонения (при нормальном распределении данных), медианы и межквартильного размаха (при не-

нормальном распределении данных). Коэффициент корреляции рассчитывался по критерию Спирмена. Анализ значимости различий осуществлялся с помощью Т-критерия Стьюдента для независимых выборок.

Результаты исследования

Показатели эмоциональной регуляции

При изучении когнитивных стратегий эмоциональной регуляции (табл. 1) во всей выборке обнаружены высокие показатели по таким шкалам, как «перефокусировка и планирование», «позитивная переоценка», «помещение в перспективу», «руминация». Низкие значения обнаруживаются по шкале «обвинение». При сравнении двух выделенных групп испытуемых выявилось, что стратегия «позитивная переоценка» ($p=0,01$) статистически значимо характерна для группы 1.

При оценке выраженности двух глобальных стратегий регуляции эмоций, в группе 2 обнаруживаются различия, количественно превышающие значения группы 1 по стратегиям «когнитивная переоценка» и «подавление экспрессии». Последняя стратегия имеет статистическую значимость на уровне $p=0,02$.

Исследуя трудности эмоциональной регуляции (табл. 2) мы выяснили, что наибольшие значения во всей группе испытуемых имеются по шкалам «ограниченность спектра стратегий эмоциональной регуляции» ($p=0,003$), «непринятие эмоциональных реакций» ($p=0,002$), «трудности поддержания целенаправленного поведения», «трудности сдерживания импульсивных реакций» ($p=0,007$). Низкие значения имеются по показателю «отсутствие ясности понимания эмоциональных реакций» ($p=0,009$). При этом нарушения процесса сознательного регулирования эмоций статистически значимо характерны для группы 2.

Показатели толерантности к неопределенности

Было установлено (таб. 3), что в обеих группах испытуемых наблюдается средний уровень переносимости неопреде-

ленности. Значение интолерантности к неопределенности в группе 2 соответствует высокому уровню. В группе 1 эти значения находятся в пределах незначительно выше среднего. По данному параметру существенных различий как региональных, так и гендерных, не было обнаружено.

Корреляционный анализ

С помощью с использования критерия Спирмена обнаружено наличие взаимосвязей различных стратегий эмоциональной регуляции, трудностей эмоционального регулирования и показателей толерантности и интолерантности к неопределенности, а также клинических показателей внутри каждой из групп. Приняты к рассмотрению корреляционные связи на уровне статистической значимости $p < 0,05^*$ и более.

В результате анализа интеркорреляций в группе 1 были обнаружены отрицательные связи между показателем «отсутствие ясности понимания эмоциональных реакций» и возрастом формирования алкогольного абстинентного синдрома (ААС) ($r = -0,376$, $p = 0,040$), а также между «ограниченностью спектра стратегий эмоциональной регуляции» и максимальной продолжительностью ремиссии ($r = -0,417$, $p = 0,022$). Положительные взаимосвязи наблюдаются между возрастом формирования ААС и такими стратегиями, как «перефокусировка и планирование» ($r = 0,396$, $p = 0,030$) и «помещение в перспективу» ($r = 0,372$, $p = 0,043$), а также между максимальной продолжительностью ремиссии и стратегией «когнитивной переоценки» ($r = 0,404$, $p = 0,027$). Также выявлена положительная корреляция между давностью заболевания и такими нарушениями эмоциональной регуляции, как «трудности поддержания целенаправленного поведения» ($r = 0,373$, $p = 0,042$), «отсутствие ясности понимания эмоциональных реакций» ($r = 0,589$, $p = 0,001$).

Анализ интеркорреляций в группе 2 обнаружил следующие взаимосвязи. Отрицательные корреляции наблюдаются между средней продолжительностью ремиссии и «трудностью сдерживания импульсивных реакций» ($r = -0,428$, $p = 0,018$) и стратегией «положительная перефокусировка» ($r = -0,363$, $p = 0,049$). Максималь-

Табл. 3. Анализ результатов по показателям толерантности к неопределенности (Me [Q3-Q1])

Шкалы опросника	Группа 1	Группа 2
Толерантность к неопределенности	5,0 [4,0]	5,0 [4,0]
Интолерантность к неопределенности	7,0 [4,0]	8,5 [2,0]

Table 3. Analysis of uncertainty tolerance indicators (Me [Q3-Q1])

Questionnaire Scales	Group 1	Group 2
Tolerance of uncertainty	5.0 [4.0]	5.0 [4.0]
Intolerance of uncertainty	7.0 [4.0]	8.5 [2.0]

ная продолжительность ремиссии отрицательно коррелирует с «трудностью сдерживания импульсивных реакций» ($r = -0,372$, $p = 0,043$) и когнитивной стратегией «обвинение» ($r = -0,449$, $p = 0,013$). Положительные корреляционные связи, по аналогии с группой 1, наблюдаются между длительностью заболевания и «трудностью сдерживания импульсивных реакций» ($r = 0,367$, $p = 0,046$) и когнитивной стратегией «руминация» ($r = -0,382$, $p = 0,037$).

Обсуждение результатов

Результаты исследования показали, что для лиц, страдающих алкогольной зависимостью, в ситуациях требующих управления собственным эмоциональным состоянием характерно использование стратегий «перефокусировка и планирование», «позитивная переоценка», «помещение в перспективу». Данные стратегии предполагают мысленный поиск выхода из проблемной ситуации, на-

ного управления ими, их подавления, поддержания целенаправленного поведения, а также со склонностью к импульсивности. Вероятно, при возникновении стрессогенных ситуаций узость репертуара способов регуляции эмоций, а также прессинг эмоций приводят к нарушению управления и координации собственного поведения, что может проявляться в тяге к использованию алкоголя.

Вместе с этим, в обеих группах наблюдается повышенная непереносимость ситуаций неопределенности в виде отсутствия терпимости и готовности воспринимать многозначные и динамические ситуации, в их избегании. Это свидетельствует об отсутствии устойчивых когнитивных, эмоциональных, поведенческих, ценностных ориентиров в неоднозначных и противоречивых ситуациях, внутреннему стремлению к устранению дискомфорта, вызванного новизной обстоятельство.

Анализ связей компонентов эмоциональной регуляции с клиническими данными показал незначительные вну-

Наибольшие трудности в сознательной регуляции эмоций связаны с дефицитом стратегий и навыков произвольного управления ими, их подавления, поддержания целенаправленного поведения, а также со склонностью к импульсивности

хождение положительного смысла в ней и последующее извлечение опыта. Обращение к рефлексивным способам управления своими эмоциями может свидетельствовать об определенной адаптивности обследуемого контингента. Однако постоянная руминация и сосредоточение на размышлениях и чувствах по поводу негативных событий способно приводить таких испытуемых к различным тревожным, депрессивным состояниям.

Наибольшие трудности в сознательной регуляции эмоций связаны с дефицитом стратегий и навыков произволь-

тригрупповые различия. Обнаружено, что в группе жителей города Санкт-Петербург длительность заболевания и продолжительность ремиссии, выбор стратегий регулирования эмоций и различные нарушения эмоциональной регуляции находятся в зависимости от возраста формирования алкогольного абстинентного синдрома. Более раннее развитие сомато-неврологических расстройств при зависимости вызывает ослабление мотивационно-потребностных систем, при котором поведение подчинено удовлетворению потребности в алкоголе. Как

Личностные деформации вследствие раннего приобщения к употреблению алкоголя, формирования зависимости и ее длительной манифестации существенно отражаются на выборе способов эмоционального регулирования и на возникновении различных трудностей управления эмоциями

следствие, в негативных жизненных ситуациях могут наблюдаться пассивные попытки выхода из данных обстоятельств, а также реакции их обесценивания и злоупотребления алкоголем (аналогично психологической защите «оглушение»).

В целом, можно говорить о том, что личностные деформации вследствие раннего приобщения к употреблению алкоголя, формирования зависимости и ее длительной манифестации существенно отражаются на выборе способов эмоционального регулирования и на возникновении различных трудностей управления эмоциями. При этом период относительного покоя и воздержания от употребления алкоголя положительно сказывается на сознательной оценке и контроле собственных аффектов.

Кроме того, полученные результаты подтвердили нашу гипотезу о существовании региональных различий используемых стратегий регуляции эмоций

тегии подавления экспрессии, а также наличием различных трудностей эмоционального регулирования. Это может быть обусловлено культурным влиянием. Стратегия «подавление экспрессии» в виде сдерживания субъективных переживаний и выражения актуальных эмоций во внешнем поведении зачастую проявляется в гиперболизированном торможении эмоционального отклика на основе ряда установок, убеждений, систем ценностей, свойственных данному народу. В ситуации решения задач социального взаимодействия и общения использование данной стратегии особенно ярко отражается на росте внутреннего эмоционального напряжения, что также проявляется во внешне наблюдаемом поведении (Первичко, 2015). Национальные особенности и традиции жителей северных регионов, в частности, народа саха, воспитание, направленное на формирование сдержанности, скромности,

Группа жителей Республики Саха (Якутия) значимо отличается от группы жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области использованием стратегии подавления экспрессии, а также наличием различных трудностей эмоционального регулирования. Это может быть обусловлено культурным влиянием

и трудностей эмоциональной регуляции у членов исследуемых групп.

Группа жителей Республики Саха (Якутия) значимо отличается от группы жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области использованием стра-

сопровождаются элементами запретов на обсуждение собственных проблем с другими людьми. Подобные культурные нормы могут формировать установку на то, что при условии не оглашения проблем, трудности девальвируются или вовсе от-

рицаются. Закрепление подобного отношения способно отражаться на способах, стратегиях эмоциональной регуляции и закономерно порождать различные трудности ее осуществления.

Несмотря на этническую разнородность данной подвыборки (жители Якутии), имеет место действие общего для всех ее членов механизма аккомодации в виде изменения готовых когнитивных схем, моделей поведения в результате нахождения в специфической культурной среде, адаптации к ней и эффективного взаимодействия с представителями данной культуры, протекающего в форме разделения и принятия системы ценностей, социальных установок, а также различных каузальных атрибуций (Piaget, 1971). Таким образом, полученные данные возможно экстраполировать на представителей иных этнических групп проживающих в данном регионе.

Заключение

Изучение эмоциональной регуляции при алкогольной патологии с учетом национальной и региональной принадлежности индивидов имеет принципиально важное значение для решения вопросов в области этнической психологии и психиатрии. Для эффективного оказания медицинской, психологической и психотерапевтической помощи пациентам с алкогольной зависимостью, а также с другими формами аддиктивных расстройств, необходим учет национальных и региональных особенностей, способных выступить в качестве внутреннего ресурса успешности оказываемой помощи.

Литература:

- Алексеева П.С., Прокопьева Н.Ю. Подростковые девиации как замещающий вид поведения // Прикладная юридическая психология. – 2016. – №4 (37) – С. 61–68.
- Анохина И.П. Биологические механизмы предрасположенности к зависимости от психоактивных веществ // Психиатрия и психофармакотерапия. – 2007. – Т. 9. – № 1. – С. 4–10.
- Болотова А.К., Пурецкий М.М. Развитие идей саморегуляции в исторической ретроспективе // Культурно-историческая психология. – 2015. – Т. 11. – № 3. – С. 64–74. doi: 10.17759/chrp.2015110306
- Бохан Н.А. Клинико-патобиологические закономерности формирования алкоголизма у коренного населения Республики Саха (Якутия): результаты и перспективы междисциплинарных исследований / Н.А. Бохан, Н.П. Матвеева, Н.В. Хоютанова, М.И. Томский, Н.Р. Максимова, В.А. Степанов, А.В. Марусин, Л.Д. Олесова, З.Н. Кривошапкина // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2012. – № 3 (72). – С. 21–28.
- Гордеева Т.О. Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связи с успешностью, настойчивостью и благополучием / Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин, Д.Д. Сучков, Т.Ю. Иванова, О.А. Сычев, В.В. Бобров // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12. – № 2. – С. 46–58. doi:10.17759/chrp.2016120205
- Дмитриева Т.Б., Положий Б.С. Этнокультуральная психиатрия. – Москва : Медицина, 2003. – 448 с.

- Кершенгольц Б.М. Физиолого-биохимические механизмы формирования этно-генетических и экологических особенностей алкогольных патологий в условиях Севера и их влияние на общую заболеваемость / Б.М. Кершенгольц, О.Н. Колосова, Е.А. Кривоногорицына // Вестник РУДН. – 2000. – № 2. – С. 106–115.
- Кершенгольц Б.М., Черновобровка Т.В., Колосова О.Н. Этногенетические особенности устойчивости к алкоголю в популяциях народов Севера : материалы Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием «Экология и здоровье человека на Севере», посвященной 55-летию высшего образования в Якутии. 10–11 ноября, 2012. – Якутск, 2012. – С. 172–180.
- Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. – 2014. – № 1. – С. 92–110.
- Личко А.Е., Битенский В.С. Подростковая наркология : руководство для врачей. – Ленинград : Медицина, 1991. – 304 с.
- Москаленко В.Д. Психическая предрасположенность к развитию зависимости от ПАВ (личностные, социальные, семейные факторы риска) // руководство по наркологии / под ред. Н.Н. Иванца. Т. 1. – Москва : Медпрактика, 2002. – С. 182–188.
- Падун М.А. Регуляция эмоций и ее нарушения. [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2015. – 8(39) : [сайт]. URL: http://psystudy.ru
- Панкратова А.А., Корниенко Д.С. Русскоязычная адаптация опросника erq (emotion regulation questionnaire) Дж. Гросса // Вопросы психологии. – 2017. – № 5. – С. 139–149.
- Первичко Е.И. Стратегии регуляции эмоций: процессуальная модель Дж. Гросса и культурно-деятельностный подход // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17). – С. 39–51. doi: 10.11621/npj.2015.0105
- Первичко Е.И. Культурно-деятельностный подход к проблеме регуляции эмоций: теоретическое обоснование и эмпирическая верификация концептуальной модели // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 2(22). – С. 3–17. doi: 10.11621/npj.2016.0201
- Писарева О.Л., Грищенко А. Когнитивная регуляция эмоций // Философия и социальные науки. – 2011. – № 2. – С. 64–69.
- Попова Н.П. Полиморфизмы генов серотонинового рецептора HTR2A, триптофанпирролазы TDO2, уровень серотонина и психологические особенности при алкоголизме у коренных жителей Республики Саха (Якутия) / Н.П. Попова, В.Е. Егорова, М.П. Дуткин, Е.Г. Полтавская, И.В. Пожидаев, Н.В. Хоютанова, Д.З. Османова // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2017. – № 4 (97). – С. 15–21.
- Руководство по аддиктологии / под ред. проф. В.Д. Менделевича. – Санкт-Петербург : Речь, 2007. – 768 с.
- Семке В.Я., Бохан Н.А. Транскультуральная аддиктология. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2008. – 588 с.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : учебник. – Москва : Аспект Пресс, 2009. – 369 с.
- Хоютанова Н.В., Матвеева Н.П., Бохан Н.А., Иванова С.А., Кривошопкина З.Н., Игotti Е.А. Клинико-динамические особенности формирования и течения алкоголизма у женщин в зависимости от климатогеографических условий проживания на территории РС (Я) // Якутский медицинский журнал. – 2015. – № 1(49). – С. 14–18.
- Шабанов П.Д. Основы наркологии. – Санкт-Петербург : Лань, 2002. – 555 с.
- Шайгерова Л.А., Шилко Р.С., Зинченко Ю.П., Долгих А.Г., Ваханцева О.В. Культурная детерминация психического здоровья и психологического благополучия: методологические вопросы. // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2018. – №2 – с.3-23.
- Butler E.A., Lee T.L., & Gross J.J. (2009). Does expressing your emotions raise or lower your blood pressure? The answer depends on cultural context. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 40, 510–517. doi: 10.1177/0022022109332845
- Gratz K.L., Roemer L. (2004). Multidimensional assessment of emotion regulation and dysregulation: Development, factor structure, and initial validation of the difficulties in emotion regulation scale. *Journal of psychopathology and behavioral assessment*, 26(1), 41–54. doi: 10.1023/A:0000007455.08539.94.
- Gross J.J. & Thomson R.A. (2007). Emotion Regulation: Conceptual foundations. In: J.J. Gross (Ed.), *Handbook of Emotion Regulation*. New York: Guilford Press, 3–24.
- Haga S.M., Kraft P., Corby E.K. (2009). Emotion regulation: Antecedents and well-being outcomes of cognitive reappraisal and expressive suppression in cross-cultural samples. *Journal of Happiness Studies*, 10(3), 271–291. doi: 10.1007/s10902-007-9080-3
- Ignatyev P.D. & Prokopyeva N.Y. (2014). Attributional style and coping strategies of personality in different social groups. European Conference on Education and Applied Psychology Proceedings of the 3rd European Conference on Education and Applied Psychology. Mazilescu V. (Ed.), 188–192.
- Khoyutanova N.V., Matveyeva N.P., Bokhan N.A., Ivanova S.A., Krivoshapkina Z.N. & Igotti Ye.A. (2015). Clinical and dynamic features of the formation and course of alcoholism in women depending on climatic and geographical living conditions in the territory of the RS (Y). In N.V. Khoyutanova, N.P. Matveyeva, N.A. Bokhan, S.A. Ivanova, Z.N. Krivoshapkina & Ye.A. Igotti. [*Yakutskiy meditsinskiy zhurnal*], 1(49), 14–18.
- Mesquita B. & Albert D. (2007). The cultural regulation of emotions. In: J.J. Gross (Ed.) *The handbook of emotion regulation*. New York: Guilford Press, 486–503.
- Piaget J. (1971). *Biology and Knowledge*. Chicago, XII. 384.
- Matsumoto D., Yoo S.H. & Nakagawa S. (2008). Culture, emotion regulation, and adjustment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 94, 925–937. doi: 10.1037/0022-3514.94.6.925
- Soto J.A., Perez C.R., Kim Y.-H., Lee E.A. & Minnick M.R. (2011). Is expressive suppression always associated with poorer psychological functioning? A cross-cultural comparison between European Americans and Hong Kong Chinese. *Emotion*, 11, 1450–1455. doi: 10.1037/a0023340

References:

- Alekseyeva P.S., & Prokopyeva N.Yu. (2016). Teenage deviations as a substitute type of behaviour. [*Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*], 4 (37), 61–68.
- Anokhina I.P. (2007). Biological mechanisms of susceptibility to dependence on psychoactive substances [*Psikhiatriya i sikhofarmakoterapiya*], 9(1), 4–3.
- Bolotova A.K. & Puretskiy M.M. (2015). The development of ideas of self-regulation in the historical retrospective. [*Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*], 11(3), 64–74. doi: 10.17759/chp.2015110306
- Bokhan N.A. (2012). Clinical and pathobiological patterns in the formation of alcoholism among the indigenous population of the Sakha Republic (Yakutia): results and prospects for interdisciplinary research. In N.A. Bokhan, N.P. Matveyeva, N.V. Khoyutanova, M.I. Tomskiy, N.R. Maksimova, V.A.

- Stepanov, A.V. Marusin, L.D. Olesova & Z.N. Krivoschapkina [*Sibirskiy vestnik psikiatrii i narkologii*], 3 (72), 21–28.
- Butler E.A., Lee T.L., & Gross J.J. (2009). Does expressing your emotions raise or lower your blood pressure? The answer depends on cultural context. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 40, 510–517. doi: 10.1177/0022022109332845
- Dmitriyeva T.B. & Polozhiy B.S. (2003). Ethnocultural psychiatry. Moskva, Meditsina, 448.
- Gordeyeva T.O. (2016). Self-control as a resource of a person: diagnostics and connections with success, perseverance and well-being. In T.O. Gordeyeva, Ye.N. Osin, D.D. Suchkov, T.YU. Ivanova, O.A. Sychev, V.V. Bobrov [*Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*], 12(2), 46–58. doi:10.17759/chp.2016120205 6.
- Gratz K.L., Roemer L. (2004). Multidimensional assessment of emotion regulation and dysregulation: Development, factor structure, and initial validation of the difficulties in emotion regulation scale. *Journal of psychopathology and behavioral assessment*, 26(1), 41–54. doi: 10.1023/A.0000007455.08539.94.
- Gross J.J. & Thomson R.A. (2007). Emotion Regulation: Conceptual foundations. In: J.J. Gross (Ed.), *Handbook of Emotion Regulation*. New York: Guilford Press, 3–24.
- Haga S.M., Kraft P., Corby E.K. (2009). Emotion regulation: Antecedents and well-being outcomes of cognitive reappraisal and expressive suppression in cross-cultural samples. *Journal of Happiness Studies*, 10(3), 271–291. doi: 10.1007/s10902-007-9080-3
- Ignatyev P.D. & Prokopyeva N.Y. (2014). Attributional style and coping strategies of personality in different social groups. European Conference on Education and Applied Psychology Proceedings of the 3rd European Conference on Education and Applied Psychology. Mazilescu V. (Ed.), 188–192.
- Kershengol'ts B.M. (2000). Physiological and biochemical mechanisms of the formation of ethno-genetic and environmental features of alcoholic pathologies in the North and their impact on overall morbidity. In B.M. Kershengol'ts, O.N. Kolosova & Ye.A. Krivogornitsyna [*Vestnik RUDN*], 2, 106–115.
- Kershengol'ts B.M., Chernobrovkina T.V., Kolosova O.N. (2012). Ethnogenetic features of alcohol resistance in the populations of the peoples of the North: proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference with international participation "Ecology and human health in the North", dedicated to the 55th anniversary of higher education in Yakutia. November 10–11, 2012. Yakutsk, 172–180.
- Khoyutanova N.V., Matveyeva N.P., Bokhan N.A., Ivanova S.A., Krivoschapkina Z.N. & Igotti Ye.A. (2015). Clinical and dynamic features of the formation and course of alcoholism in women depending on climatic and geographical living conditions in the territory of the RS (Y). In N.V. Khoyutanova, N.P. Matveyeva, N.A. Bokhan, S.A. Ivanova, Z.N. Krivoschapkina & Ye.A. Igotti. [*Yakutskiy meditsinskiy zhurnal*], 1(49), 14–18.
- Kornilova T.V. & Chumakova M.A. (2014). Scales of tolerance and intolerance to uncertainty in the modification of S. Badner's questionnaire. [*Ekspperimental'naya psikhologiya*], 1, 92–110.
- Khoyutanova N.V., Matveyeva N.P., Bokhan N.A., Ivanova S.A., Krivoschapkina Z.N. & Igotti Ye.A. (2015). Clinical and dynamic features of the formation and course of alcoholism in women depending on climatic and geographical living conditions in the territory of the RS (Y). In N.V. Khoyutanova, N.P. Matveyeva, N.A. Bokhan, S.A. Ivanova, Z.N. Krivoschapkina & Ye.A. Igotti. [*Yakutskiy meditsinskiy zhurnal*], 1(49), 14–18.
- Lichko A.Ye. & Bitenskiy V.S. (1991). Adolescent Addiction Medicine: a guide for doctors. Leningrad, Meditsina, 304.
- Mendelevich V.D. (Ed.) (2007). Guide to addictology. Sankt-Peterburg, Rech', 768.
- Mesquita B. & Albert D. (2007). The cultural regulation of emotions. In: J.J. Gross (Ed.) *The handbook of emotion regulation*. New York: Guilford Press, 486–503.
- Moskalenko V.D. (2002). Mental predisposition to the development of addiction to surfactants (personal, social, family risk factors): a guide to narcology. Vol. 1. Moscow, Medpraktika, 182–188.
- Padun M.A. (2015). Regulation of emotions and its violations, 8(39) Retrieved from: <http://psystudy.ru>.
- Pankratova A.A. & Korniyenko D.S. (2017). Russian-language adaptation of J. Gross erq questionnaire (emotion regulation questionnaire). [*Voprosy psikhologii*], 5, 139–149.
- Pervichko Ye.I. (2015). Strategies for the regulation of emotions: the procedural model of J. Gross and the cultural activity approach. *National Psychological Journal*, 1(17), 39–51. doi: 10.11621/npj.2015.0105
- Pervichko Ye.I. (2016). Cultural activity approach to the problem of regulation of emotions: theoretical substantiation and empirical verification of the conceptual model. *National Psychological Journal*, 2(22), 3–17. doi: 10.11621/npj.2016.0201
- Piaget J. (1971). *Biology and Knowledge*. Chicago, XII. 384.
- Pisareva O.L. & Gritsenko A. (2011). Cognitive regulation of emotions. [*Filosofiya i sotsial'nyye nauki*], 2, 64–69.
- Popova N.P. (2017). Polymorphisms of serotonin receptor genes HTR2A, tryptophan pyrolyase TDO2, serotonin level and psychological characteristics of alcoholism in the indigenous people of the Republic of Sakha (Yakutia). In N.P. Popova, V.Ye. Yegorova, M.P. Dutkin, Ye.G. Poltavskaya, I.V. Pozhidayev, N.V. Khoyutanova, D.Z. Osmanova [*Sibirskiy vestnik psikiatrii i narkologii*], 4 (97), 15–21.
- Matsumoto D., Yoo S.H. & Nakagawa S. (2008). Culture, emotion regulation, and adjustment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 94, 925–937. doi: 10.1037/0022-3514.94.6.925
- Semke V.Ya. & Bokhan N.A. (2008). Transcultural addictology. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 588.
- Shabanov P.D. (2002). Foundations of narcology. Sankt-Peterburg, Lan', 555.
- Shaigerova L.A., Shilko R.S., Zinchenko Yu.P., Dolgikh A.G., Vakhantseva O.V. (2018) Cultural determination of mental health and psychological well-being: methodological issues. *Moscow University Psychology Bulletin*. Series 14. Psychology, 2, 3–23.
- Soto J.A., Perez C.R., Kim Y.-H., Lee E.A. & Minnick M.R. (2011). Is expressive suppression always associated with poorer psychological functioning? A cross-cultural comparison between European Americans and Hong Kong Chinese. *Emotion*, 11, 1450–1455. doi: 10.1037/a0023340
- Stefanenko T.G. (2009). Ethnopsychology: textbook. Moskva, Aspekt Press, 369.

Количественные оценки выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора» детьми 4–17 лет

Н.А. Хохлов

Центр тестирования и развития «Гуманитарные технологии», Москва, Россия

А.Е. Сердюк

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 27 января 2018/ Принята к публикации: 17 апреля 2018

Quantitative estimates of performance on the Taylor Complex Figure (TCF) by children aged 4–17 years

Nikita A. Khokhlov*

Centre for Testing and Development "Gumanitarnye Tekhnologii" [Humanitarian Technologies], Moscow, Russia

Alexandra E. Serdyuk

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: nkhhkhlov@psychmsu.ru

Received January 27, 2018 / Accepted for publication: April 17, 2018

Актуальность (контекст) тематики статьи. Методика «Комплексная фигура Тейлора» традиционно входит в арсенал нейропсихологов и применяется в диагностике взрослых людей и детей старше 4 лет для оценки зрительно-пространственных функций, зрительно-конструктивных навыков и зрительной памяти. Однако отсутствие количественных нормативов выполнения методики Тейлора, полученных на российской выборке, затрудняет ее применение как в научно-исследовательской, так и в практической работе.

Цель. Мы задались целью получить возрастные нормативы выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора» детьми 4–17 лет, а также провести ее валидизацию по результатам нейропсихологического обследования.

Описание хода исследования. Исследование было посвящено количественному подходу к оценке выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора» детьми 4–17 лет. Каждый из 18 элементов фигуры оценивался по качеству рисунка и правильности размещения (локализации) в пространстве. Отдельно оценивалась фигура, полученная при копировании исходного изображения, и фигура, воспроизведенная по памяти через 20 минут после копирования. Дополнительно проводилась качественная оценка рисунков по уровню развития метрических и структурно-топологических представлений. В исследовании были задействованы 377 детей, из них 243 мальчика и 134 девочки в возрасте от 52 до 214 месяцев (средний возраст – 117 ± 42 мес.).

Результаты исследования. Обнаружена нелинейная зависимость оцениваемых показателей от возраста. Вычислены возрастные нормативы выполнения методики для 5 возрастных групп (4–5, 6–7, 8–9, 10–12, 13–17 лет). Получены показатели сложности работы с каждым элементом фигуры. На основании анализа соотношения успешности выполнения самых простых и самых сложных элементов фигуры предложен математически обоснованный порог принятия решения о наличии аггравации. Проведена оценка валидности методики по результатам нейропсихологического обследования. Показано, что методика в наибольшей степени измеряет уровень развития конструктивно-пространственных функций и зрительной памяти, однако при исследовании детей младше 13 лет обладает низкой дискриминантной валидностью по отношению к другим нейропсихологическим характеристикам. Содержательная валидность качественных оценок и количественных показателей во многом совпадает, при этом количественные показатели примерно в 1,5 раза сильнее связаны с результатами нейропсихологической диагностики.

Выводы. Анализ предсказательной способности моделей логистической регрессии указывает на возможность применения методики для проведения скрининговой диагностики в школе. Методика позволяет отделить детей без нейрокогнитивного дефицита от тех, кому необходимо пройти полное нейропсихологическое обследование.

Ключевые слова: возрастные нормативы, нейропсихологическая диагностика детей, конструктивно-пространственные функции, зрительная память, пространственные представления, нейропсихологическая валидность.

Introduction. The Taylor Complex Figure (TCF) technique is one of the neuropsychologist's tools and is used to diagnose children after 4 y.o. and adults for assessing visual spatial characteristics, visual constructive skills and visual memory. However, the lack of quantitative standards for using the Taylor method obtained within the Russian sample makes it difficult to apply it both in research and in practical work.

The Objective is to obtain age standards of the "Taylor Complex Figure" technique on children 4–17 years old, and also to validate it according to the results of a neuropsychological examination.

Procedure. The study used the quantitative approach to assess the "Taylor Complex Figure" children of 4–17 years. Each of the 18 elements of the figure was evaluated by the quality of the pattern and the correctness of the placement in space. The figure obtained by copying the original image and the figure reproduced by memory 20 minutes after copying were separately evaluated. Additionally, a qualitative assessment of the figures was carried out according to the level of development of metric and structural topological representations. The study involved 377 children, of which 243 boys and 134 girls aged from 52 to 214 months (average age – 117 ± 42 months).

Results. The nonlinear dependence of the estimated indicators on age was found. Age standards for the implementation of the technique for 5 age groups (4–5, 6–7, 8–9, 10–12, 13–17 years) were calculated. Indicators of the complexity of working with each element of the figure were obtained. Based on the analysis of the success ratio of the simplest and most difficult elements of the figure, a mathematically grounded threshold for making a decision on the presence of aggravation has been proposed. The validity of the technique was assessed based on the results of a neuropsychological examination. It is shown that the technique to the greatest extent measures structural and spatial functions and visual memory, however in children under 13 years, it has low discriminant validity with respect to other neuropsychological characteristics. The substantive validity of qualitative assessments and quantitative indicators is in many respects the same, while quantitative indicators are about 1.5 times more strongly associated with the results of neuropsychological diagnostics.

Conclusion. Analysis of the predictive ability of logistic regression models indicates the possibility of applying the technique for screening diagnostics at school. The method allows separating children without neurocognitive deficiency from those who need to undergo a full neuropsychological examination.

Keywords: age-stratified scores, neuropsychological assessment in children, constructive-spatial functions, visual memory, spatial representations, neuropsychological validity.

Актуальность тематики статьи

Методика «Комплексная фигура Тейлора» традиционно входит в арсенал нейропсихологов и применяется в диагностике взрослых людей и детей старше 4 лет для оценки зрительно-пространственных функций, зрительно-конструктивных навыков и зрительной памяти.

Использование комплексной фигуры впервые было предложено А. Реем (Rey, 1941), в дальнейшем этот метод усовершенствовал П.-А. Остеррит (Osterreith, 1944). Он выделил стили копирования фигуры, соответствующие семи уровням возрастного развития респондентов, и впервые ввел количественные оценки для измерения точности копирования и воспроизведения фигуры по памяти.

Впоследствии система оценки была модифицирована детским психологом Э. Тейлор (Taylor, 1959). Позднее Л.Б. Тейлор (Taylor, 1969, 1979) создал вторую фигуру, которую можно использовать при проведении повторной диагностики. Данные методики могут считаться эквивалентными психодиагностическими инструментами, хотя в отдельных исследовательских ситуациях между ними проявляются некоторые различия (Casey et al., 1991; Tombaugh, Hubley, 1991; Gagnon et al., 2003; Yamashita, 2006). Показано, что методика Тейлора легче для выполнения, чем методика Рея-Остеррита, особенно

это касается запоминания (Strauss, Spreen, 1990; Kuehn, Snow, 1992; Duley et al., 1993; Vingerhoets, Lannoo, Wolters, 1998).

Методики обладают широкой областью валидности и, в зависимости от задачи, могут использоваться для оценки разных психических функций. Наиболее обоснованным является их применение для оценки зрительно-пространственных функций и зрительно-пространственной памяти, однако вопрос валидности фигур Рея-Остеррита и Тейлора остается дискуссионным (Strauss, Sherman, Spreen, 2006). Обсуждая фигуру Рея-Остеррита, Л.И. Вассерман и Т.В. Чередникова пишут, что «наибольшее применение тест находит в оценивании зрительно-пространственных, зрительно-конструктивных способностей, зрительной памяти, перцептивных, моторных, управляющих функций: стратегий решения проблем, планирования, интеграции и др.» (Вассерман, Чередникова, 2013, С. 15–16). В исследовании с использованием позитронно-эмиссионной томографии показано, что выполнение методики Рея-Остеррита сопровождается двусторонней активацией височно-теменной коры, затылочной доли и правой лобной доли мозга, причем, структуры правого полушария активируются сильнее, чем структуры левого (Melrose et al., 2013).

Имеется множество вариантов методики, различающихся как по самой фигуре, так и по процедуре проведения.

Обычно процедура проведения методики предполагает копирование фигуры и воспроизведение ее по памяти после короткой или длительной отсрочки (в зависимости от диагностической задачи). Иногда вводят еще задание на узнавание (Meeyers, Meyers, 1995). Эти варианты не всегда являются эквивалентными и обладают разной надежностью и валидностью. Также существуют разные системы количественной оценки показателей выполнения методик Рея-Остеррита и Тейлора (Duley et al., 1993; Awad et al., 2004; Strauss, Sherman, Spreen, 2006; Психологическая диагностика ..., 2011).

Использование методик Рея-Остеррита и Тейлора в нейропсихологическом обследовании традиционно сопровождается качественным анализом ошибок, позволяющим учитывать особенности их выполнения при проведении синдромного анализа. Имеется множество исследований, в которых отдельные параметры выполнения методики сопоставляются с латерализацией и топикой мозгового поражения. Л.И. Вассерман и Т.В. Чередникова в методических рекомендациях по использованию методики Рея-Остеррита отмечают, что «для предсказания стороны поражения тест не является совершенным инструментом, в силу его большой гетерогенности ...» (Психологическая диагностика ..., 2011, С. 9). Вместе с тем, выделенные в их исследовании факторы «согласуются с теоретическими представлениями о нейропсихологической направленности теста, который охватывает измерение зрительно-пространственных компонентов перцепции, памяти и конструктивных способностей, моторных и фронтальных функций, а также их некоторых латеральных и динамических (астенических) эффектов» (там же, С. 16). Вообще, нейропсихологическая интерпретация результатов выполнения этих методик зависит от выделенных категорий анализа. Правильнее говорить не о нейропсихологическом значении методики в целом, а о нейропсихологическом значении определенных ее показателей (или ошибок определенного типа), зависящем как от процедуры проведения, так и от применяемой системы оценки. Эффективность выполнения в целом позволяет судить об общем уровне нейрокогнитивного дефицита

Никита Александрович Хохлов –

кандидат психологических наук, руководитель сектора нейропсихологии, психолог-разработчик научно-методического отдела Центра тестирования и развития «Гуманитарные технологии».

E-mail: nkhokhlov@psychmsu.ru

<https://istina.msu.ru/profile/nkhokhlov/>

Александра Евгеньевна Сердюк –

клинический психолог, нейропсихолог Психологического центра «Гальтон»

E-mail: sae8994@yandex.ru

https://istina.msu.ru/profile/Serdyuk_Alexandra/

Для цитирования: Хохлов Н.А., Сердюк А.Е. Количественные оценки выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора» детьми 4–17 лет // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1(33). – С. 88–108. doi: 10.11621/npj.2019.0109

For citation: Khokhlov N. A., Serdyuk A. E. (2018). Quantitative estimates of performance on the Taylor Complex Figure (TCF) by children aged 4–17 years. National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal], 12(1), 88–108. doi: 10.11621/npj.2019.0109

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

с преобладанием правополушарных компонентов.

Методика Тейлора не так распространена, как методика Рез-Остерритта, но она более чувствительна к индивидуальным различиям в дошкольном возрасте, т.к. является менее сложной. В зарубежных работах представлена стандартизация количественных оценок применения методики Тейлора, выполненная для определенных социально-демографических групп (Pino del et al., 2015; Tremblay, 2015), но мы не встречали аналогичных исследований в России. Примеры выполнения методики Тейлора детьми разного возраста приводит А.В. Семенович. При этом обсуждаемые оценки носят исключительно качественный характер (Семенович, 2013). Отмечается, что полноценное выполнение методики в норме наблюдается к 9–10 годам. Встречаемость ошибок разного типа приводится в статье Н.Г. Манелис, однако в этой работе также не представлены количественные оценки успешности выполнения методики (Манелис, 1997).

Отсутствие количественных нормативов выполнения методики Тейлора, полученных на российской выборке, затрудняет ее применение как в научно-исследовательской, так и в практической работе. В связи с этим мы задались целью получить возрастные нормативы выполнения методики «Комплексная фигура

Отсутствие количественных нормативов выполнения методики Тейлора, полученных на российской выборке, затрудняет ее применение как в научно-исследовательской, так и в практической работе. В связи с этим мы задались целью получить возрастные нормативы выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора» детьми 4–17 лет, а также провести ее валидизацию по результатам нейропсихологического обследования

Тейлора» детьми 4–17 лет, а также провести ее валидизацию по результатам нейропсихологического обследования.

Материалы и методы исследования

В исследовании были задействованы 377 условно здоровых человек, из них 243 мальчика и 134 девочки в возрасте от 52 до 214 месяцев (средний возраст – 117 ± 42 мес.). Дошкольники – 113 человек, 1 класс – 52 человека, 2 класс – 27 человек, 3 класс – 29 человек, 4 класс – 32 человека, 5 класс – 27 человек, 6 класс – 16 человек, 7 класс – 17 человек, 8 класс – 26 человек, 9 класс – 18 человек, 10 класс – 16 человек, 11 класс – 4 человека.

Все участники исследования в 2014–2017 гг. проходили нейропсихологическую диагностику в Центре тестирования и развития «Гуманитарные технологии» и Психологическом центре «Гальтон» с целью оценки уровня развития высших психических функций и получения ре-

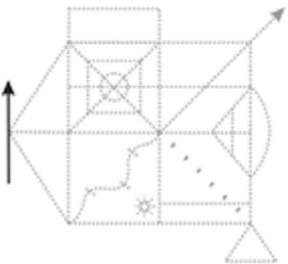
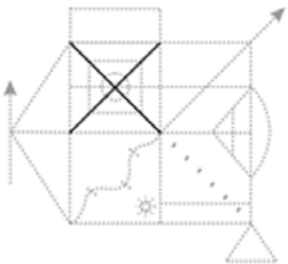
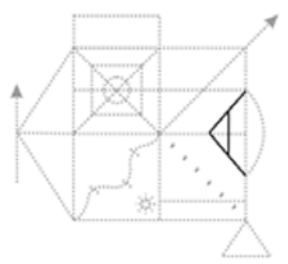
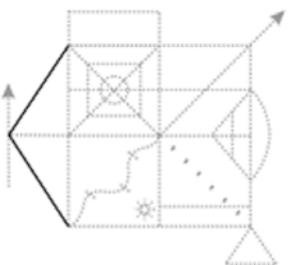
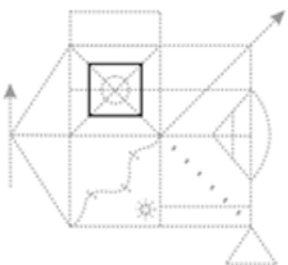
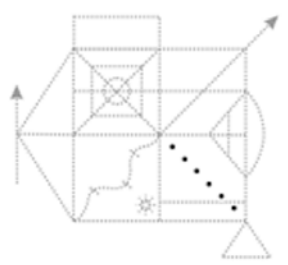
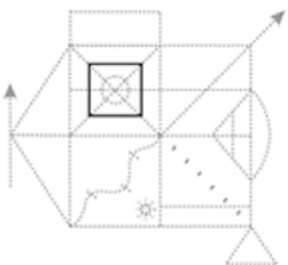
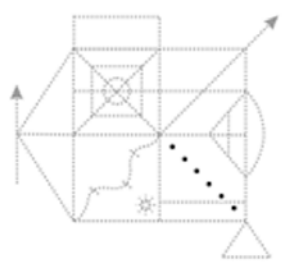
комендаций по развитию. Диагностика проводилась по желанию родителей. Все школьники обучались по стандартным (не коррекционным) учебным программам, однако многие из них испытывали отдельные трудности при обучении.

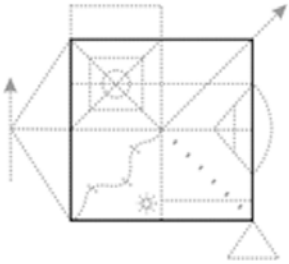
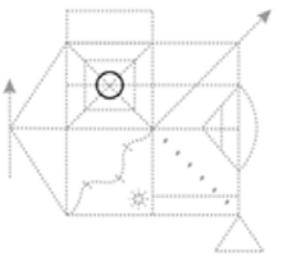
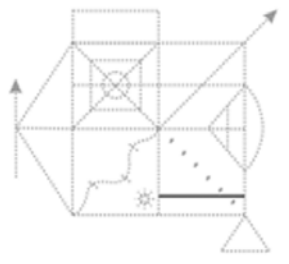
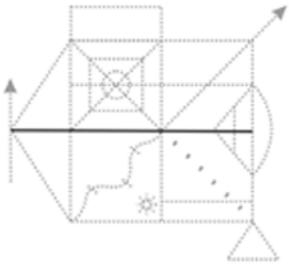
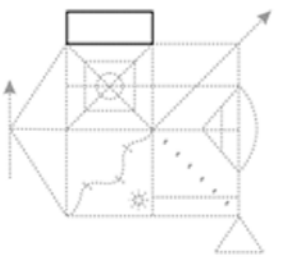
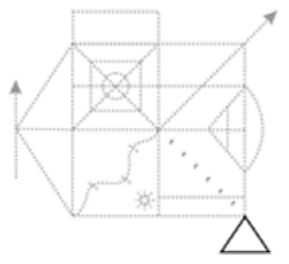
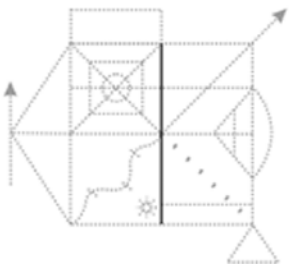
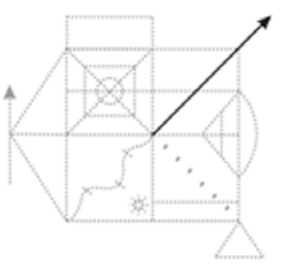
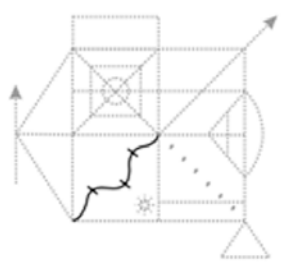

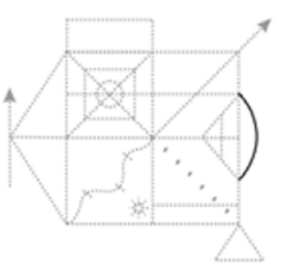
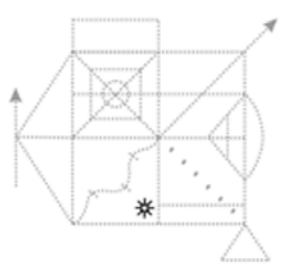
В нашей работе мы опирались на оригинальную систему оценки выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора», предложенную Л.Б. Тейлором в 1989–1991 гг. (Strauss, Sherman, Spreen, 2006, P. 820–823). Каждый из 18 элементов фигуры оценивался по качеству рисунка и правильности размещения (локализации) в пространстве. Использовалась следующая градация оценок: 0 – элемент отсутствует или его невозможно определить, 0,5 – неточно нарисовано (неточно размещено), 1 – правильно нарисовано (правильно размещено). Отдельно оценивалась фигура, полученная при копировании исходного изображения, и фигура, воспроизведенная по памяти через 20 минут после копирования.

Элементы фигуры Тейлора представлены в табл. 1: 1) стрела слева, 2) треу-

Табл. 1. Элементы комплексной фигуры Тейлора

Table 1. Elements of the Taylor Complex Figure

№	Изображение / Figure	№	Изображение / Figure	№	Изображение / Figure
1		3		5	
2		7		13	
		8		14	

1	2	3	4	5	6
3		9		15	
4		10		16	
5		11		17	
6		12		18	

гольник слева, 3) квадрат, 4) горизонталь, 5) вертикаль, 6) горизонталь в верхней половине, 7) диагонали в верхнем левом квадрате, 8) квадрат в верхнем левом квадрате, 9) круг, 10) прямоугольник, 11) стрела в верхнем правом квадрате, 12) полукруг, 13) треугольники, 14) точки, 15) горизонталь между точками, 16) треугольник внизу, 17) волна со штрихами, 18) звезда.

Методика выполнялась в процессе нейропсихологического обследования. Обычно копированию изображения предшествовало выполнение проб на зрительный предметный и буквенный гнозис. Фигура предъявлялась на листе формата А4 из диагностического альбома, составленного Е.Ю. Балашовой

и М.С. Ковязиной (Нейропсихологическая диагностика ..., 2014, Л. 14). Обследуемому выдавался чистый лист бумаги формата А4, простой карандаш без ластика и давалась инструкция: «Вот эту фигуру тебе нужно перерисовать, т.е. нарисовать максимально похоже». Некоторые дети уточняли, нужно ли рисовать всю фигуру, в этих случаях исследователь подтверждал это словами: «Да, всю фигуру целиком». После копирования фигуры Тейлора обследуемые выполняли задания с обычными и «немыми» часами, рисовали стол с четырьмя ножками, работали с кубиками Кооса, перечисляли месяцы в прямом и обратном порядке, заучивали 10 слов (до 5 попыток), оценивали число запоминаемых и запомненных

слов, выполняли пробы на восприятие простых, серийных и акцентированных ритмов, воспроизводили заученные 10 слов после гетерогенной интерференции, выполняли пробы на тактильный гнозис и латерализацию тактильных стимулов (пробу Тойбера). Выполнение этих проб в среднем занимало около 20 минут. Непосредственно после выполнения пробы Тойбера давалась инструкция воспроизвести скопированную ранее фигуру: «А сейчас тебе нужно вспомнить ту фигуру, которую мы рисовали, и нарисовать ее по памяти». В период выполнения пробы исследователь воздерживался от каких-либо замечаний или подсказок.

Особо отметим, что нейропсихологическую диагностику проводил Н.А. Хох-

лов, незнакомый в то время с количественной системой оценки методики Тейлора. Оценку нарисованных фигур проводила А.Е. Сердюк, получавшая рисунки после диагностики. На листах с рисунками было указано, является ли это результатом копирования или воспроизведения по памяти, и условный номер обследуемого. Во время оценки А.Е. Сердюк не имела информации об обследуемом (пол, возраст, результаты нейропсихологической диагностики и т.п.).

Рассматривая оценки работы с каждым элементом фигуры как пункты теста, мы выделили 4 первичные шкалы по 18 пунктов каждая: «Копирование – рисунок» (КР), «Копирование – локализация» (КЛ), «Воспроизведение – рисунок» (ВР), «Воспроизведение – локализация» (ВЛ); 4 вторичные шкалы: «Копирование» (К), «Воспроизведение» (В), «Рисунок» (Р), «Локализация» (Л), каждая из которых состоит из 36 пунктов и включает в себя по 2 первичные шкалы, и суммарную шкалу из 72 пунктов, отражающую общую эффективность выполнения методики (общий балл). Синхронная надежность шкал (альфа Кронбаха) находится в диапазоне от 0,88 до 0,97, что указывает на хорошую согласованность пунктов.

Дополнительно проводилась качественная оценка рисунков, полученных при копировании и воспроизведении фигуры, по уровню развития метрических и структурно-топологических представлений. Нарушения координатных представлений встречались достаточно редко, поэтому их мы не оценивали. Под метрическими представлениями понималась способность правильно передать соответствие размеров отдельных элементов рисунка, под структурно-топологическими представлениями – способность правильно передать схему пространственного строения рисунка, расположение его частей относительно друг друга. Использовалась градация оценок от 0 до 5 баллов, где 0 соответствует наибольшей выраженности соответствующих ошибок, 5 – их отсутствию. В дальнейшем эти оценки подвергались процентильной стандартизации. Здесь и далее под процентилем понимается сумма процента испытуемых, имеющих значение меньше заданного, и половины процента испытуемых, имеющих заданное значение.

Процентильная стандартизация позволяет переводить исходные данные в шкалу интервалов, к которой применим аппарат параметрической статистики. Были получены следующие переменные: «Копирование – метрические представления» (КМ), «Копирование – структурно-топологические представления» (КСТ), «Воспроизведение – метрические представления» (ВМ), «Воспроизведение – структурно-топологические представления» (ВСТ).

Валидизация по результатам нейропсихологического обследования проводилась на материале 340 человек из ранее описанной выборки (результаты нейропсихологической диагностики 37 детей были неполными или в протоколах не содержалась вся необходимая информация). При проведении нейропсихологической диагностики использовались диагностические альбомы, составленные Е.Ю. Балашовой, М.С. Ковязиной (Нейропсихологическая диагностика ..., 2014) и Ж.М. Глозман, А.Е. Соболевой (Глозман, Соболева, 2013), а также методики, входящие в диагностический комплект психолога, разработанный Н.Я. Семаго, М.М. Семаго (Семаго, Семаго, 2007). После проведения качественной интерпретации полученных результатов оценивался уровень развития следующих высших психических функций и психологических характеристик: темп работы, внимание, энергетическое обеспечение психической деятельности, зрительное восприятие, зрительная память, конструктивно-пространственные функции (зрительно-пространственное восприятие и конструктивный праксис), тактильное восприятие, слуховое неречевое восприятие, речь, слухоречевая память, динамический праксис, мышление, регуляторные функции, эмоциональная сфера. Использовалась пятибалльная система оценок: 1 – низкий уровень развития функции, выраженное отставание от возрастной нормы более чем на 1,5 года; 2 – уровень развития функции ниже среднего, легкое отставание от возрастной нормы менее чем на 1,5 года; 3 – средний уровень развития функции, норма; 4 – уровень развития функции выше среднего, легкое опережение возрастной нормы менее чем на 1,5 года; 5 – высокий уровень развития функции, выраженное опережение возрастной нормы более чем на 1,5 года. Эта система оценок исходно имела

относительный характер, т.к. оценка была привязана к представлениям диагноста о возрастной норме, опирающимся на собственный опыт проведения нейропсихологической диагностики и имеющиеся опубликованные научные данные (Цветкова, 2000; Полонская, 2007; Глозман, 2009, 2017; Ахутина, Камардина, Пылаева, 2012; Микадзе, 2013; Ахутина, Пылаева, 2015; Методы нейропсихологического ..., 2016; Практическая нейропсихология ..., 2016; Корсакова, Микадзе, Балашова, 2017). Полученные оценки подвергались процентильной стандартизации, что позволило проводить их математико-статистическую обработку с помощью параметрических методов.

При интерпретации результатов нейропсихологической диагностики особенности выполнения методики Тейлора учитывались наряду с другими пробами (всего в процессе обследования использовались от 20 до 35 нейропсихологических проб). Осуществлялся только качественный анализ, ни количественная оценка успешности работы с элементами фигуры, ни балльная оценка уровня развития метрических и структурно-топологических представлений не проводились.

Заметим, что интерпретация результатов нейропсихологического обследования детей во многом отличается от интерпретации результатов диагностики взрослых людей (Симерницкая, 1982). Как отмечает Н.Н. Полонская, «нейропсихологический метод исследования детской нормы, учитывающий динамическую организацию и локализацию высших психических функций, позволяет дать качественную квалификацию развития высших психических функций (ВПФ) и выявить индивидуальные особенности, связанные с их неравномерным развитием у детей» (Полонская, 2007, С. 5). При работе с условно здоровыми детьми, не имеющими мозговых поражений, было бы неправильно ориентироваться на топическую локализацию как на конечную цель нейропсихологической диагностики. По мнению Ю.В. Микадзе, «следует различать симптомы, связанные с повреждением, и симптомы, связанные с недостаточной функциональной зрелостью того или иного участка мозга» (Микадзе, 2013, С. 31). Синдромы, которые включают в себя симптомы несформи-

рованности целого ряда разных звеньев психических функций, «отличаются от локальных синдромов, традиционно ис-

пользуемых в нейропсихологии, своей многофакторностью и поэтому не могут рассматриваться в понятиях традицион-

ной локализации» (там же, С. 32). В нашем исследовании мы ограничивались оценкой степени развития (возрастной

Копирование – рисунок, z-оценки
 Copy – drawing, Z-scores

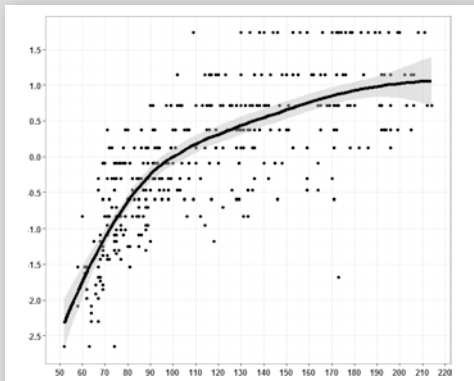

Рис. 1
 Fig. 1
 Возраст, месяцы
 Age, months

Копирование – локализация, z-оценки
 Copy – placement, Z-scores

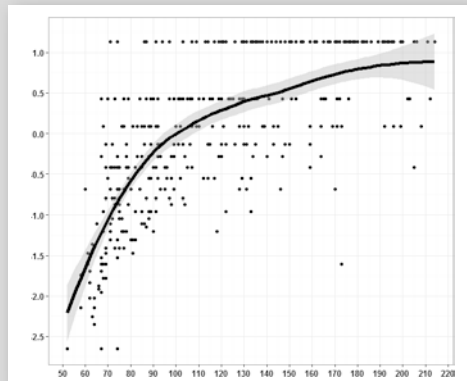

Рис. 2
 Fig. 2
 Возраст, месяцы
 Age, months

Воспроизведение – рисунок, z-оценки
 Reproduction – drawing, Z-scores

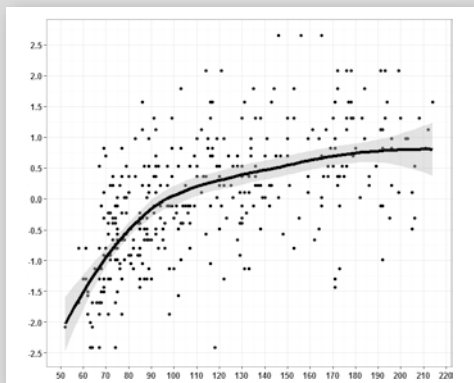

Рис. 3
 Fig. 3
 Возраст, месяцы
 Age, months

Воспроизведение – локализация, z-оценки
 Reproduction – placement, Z-scores

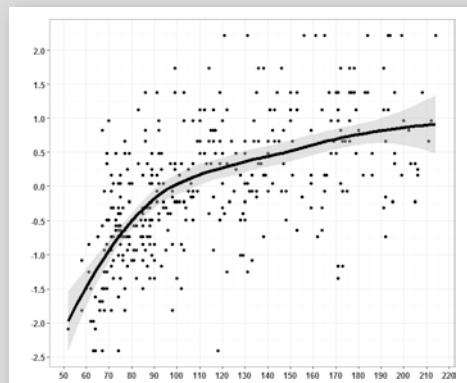

Рис. 4
 Fig. 4
 Возраст, месяцы
 Age, months

Копирование – метрические представления, z-оценки
 Copy – metric representations, Z-scores

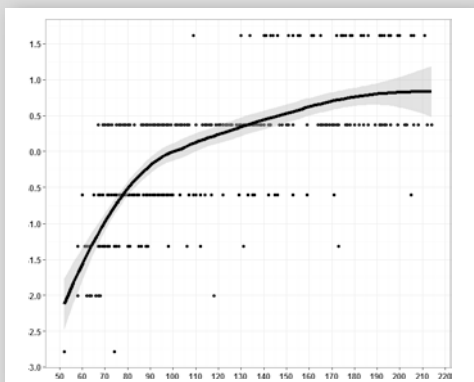

Рис. 5
 Fig. 5
 Возраст, месяцы
 Age, months

Копирование – структурно-топологические представления, z-оценки
 Copy – structural topological representations, Z-scores

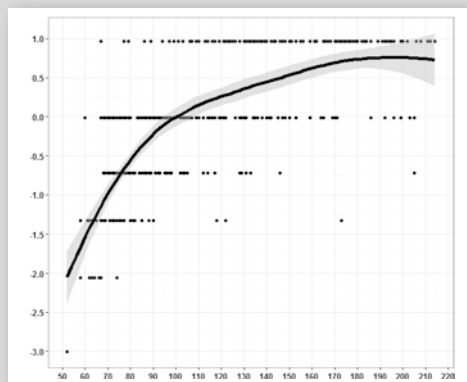

Рис. 6
 Fig. 6
 Возраст, месяцы
 Age, months

Воспроизведение – метрические представления, z-оценки
Reproduction – metric representations, Z-scores

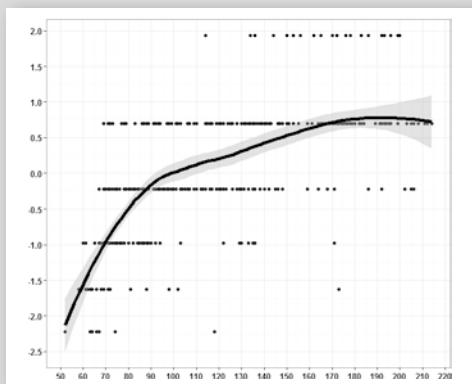

Рис. 7
Fig. 7

Возраст, месяцы
Age, months

Воспроизведение – структурно-топологические представления, z-оценки
Reproduction – structural and topological representations, Z-scores

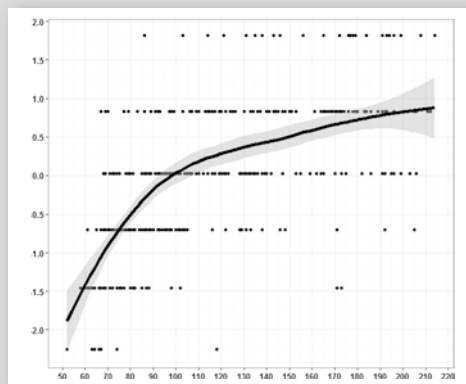

Рис. 8
Fig. 8

Возраст, месяцы
Age, months

Общий балл, z-оценки
Total score, Z-scores

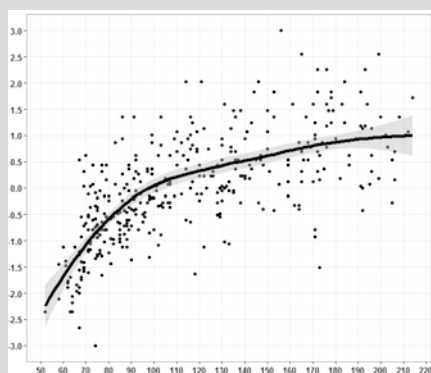

Рис. 9
Fig. 9

Возраст, месяцы
Age, months

Рис. 1–9. Связь стандартизованных показателей выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора» с возрастом

Fig. 1–9. Relationship of standardized performance indicators of the “Taylor Complex Figure” technique with age

Например, для нестандартизованного общего балла такого рода функция будет иметь вид: $-0,00000072X^4 + 0,0004326X^3 - 0,09531X^2 + 9,228X - 274,5$, где X – возраст ребенка в месяцах. Корреляция предсказанных значений с реальными составляет 0,76 ($p < 0,001$). На практике полезнее иметь возрастные нормативы, представленные в виде среднего и стандартного отклонения (табл. 2). Нормативы приводятся для 5 возрастных групп: 4–5 лет ($66,2 \pm 4,2$ мес.) – 45 человек, 6–7 лет ($82,6 \pm 7$ мес.) – 113 человек, 8–9 лет ($107,1 \pm 7,3$ мес.) – 63 человека, 10–12 лет – 74 ($135,5 \pm 9,7$ мес.) – 74 человека, 13–17 лет ($181,2 \pm 14,9$ мес.) – 82 человека.

Выраженная, но при этом неодинаковая в разные возрастные периоды, связь измеряемых переменных с возрастом накладывает ограничения на дальнейший математико-статистический анализ. Один и тот же сырой балл, полученный детьми разного возраста, соответствует разной степени развития исследуемых функций. Поэтому для дальнейших расчетов мы разделили всю выборку на 5 возрастных групп (4–5, 6–7, 8–9, 10–12, 13–17 лет), и внутри каждой группы провели процентильную стандартизацию. Это дало возможность обрабатывать результаты по всей выборке с учетом поправки на возраст.

сформированности) высших психических функций, понимая, что разные отделы и зоны мозга в разные возрастные периоды вносят свой специфический вклад в обеспечение соответствующих функциональных систем.

Математико-статистическая обработка полученных данных проводилась с помощью программ RStudio 1.0.143 и JASP 0.8.5.

Количественные показатели выполнения методики

Корреляция возраста с показателями выполнения методики составляет 0,729 для КР, 0,689 для КЛ, 0,58 для ВР, 0,592 для ВЛ, 0,659 для КМ, 0,674 для КСТ, 0,635 для ВМ, 0,609 для ВСТ, 0,67 – для общего балла ($p < 0,001$). Хотя эффективность вы-

полнения методики в целом существенно зависит от возраста, эта связь имеет нелинейный характер и наиболее полно описывается Г-образной функцией. Примерно с 8 лет связь начинает слабеть (в этом возрасте достигается средний уровень развития по всем показателям), а с 12 лет корреляция эффективности выполнения методики с возрастом перестает быть значимой. Диаграммы рассеивания с аппроксимирующей кривой и 95%-м доверительным интервалом, иллюстрирующие связь показателей выполнения методики с возрастом, представлены на рис. 1–9. Для обеспечения возможности визуального сравнения всех диаграмм показатели выполнения методики были подвергнуты процентильной стандартизации с переводом в z-шкалу (0 ± 1).

Можно подобрать функции, алгебраически описывающие эти закономерности.

Табл. 2. Возрастные нормативы выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора»

Возраст (годы)	4-5	6-7	8-9	10-12	13-17
Количественная оценка					
Копирование – рисунок (КР)	8,6 ± 4,2	13,8 ± 2,3	15,7 ± 1,4	16,4 ± 1,2	17 ± 1,4
Копирование – локализация (КЛ)	9,4 ± 5	14,5 ± 2,7	16,5 ± 1,4	17,1 ± 1,1	17,5 ± 1,3
Воспроизведение – рисунок (ВР)	5,3 ± 4	9,4 ± 3,2	11,7 ± 3,6	12,5 ± 2,9	13,8 ± 3
Воспроизведение – локализация (ВЛ)	5,7 ± 4,5	9,7 ± 3,5	12,4 ± 3,8	13,3 ± 3,2	14,6 ± 3,1
Копирование (К)	18 ± 9,1	28,3 ± 4,8	32,3 ± 2,5	33,5 ± 2,2	34,5 ± 2,6
Воспроизведение (В)	11 ± 8,4	19,1 ± 6,6	24,1 ± 7,3	25,8 ± 6	28,4 ± 6
Рисунок (Р)	13,8 ± 7,7	23,1 ± 5	27,4 ± 4,5	28,9 ± 3,7	30,7 ± 3,9
Локализация (Л)	15,1 ± 8,9	24,3 ± 5,5	29 ± 4,8	30,4 ± 3,8	32,1 ± 3,8
Общий балл	29 ± 16,4	47,4 ± 10,3	56,3 ± 9,1	59,2 ± 7,3	62,8 ± 7,6
Качественная оценка					
Копирование – метрические представления (КМ)	2,1 ± 1	3,2 ± 0,7	3,6 ± 0,7	4 ± 0,6	4,3 ± 0,6
Копирование – структурно-топологические представления (КСТ)	2,3 ± 1,2	3,3 ± 0,9	4,1 ± 0,7	4,4 ± 0,7	4,7 ± 0,5
Воспроизведение – метрические представления (ВМ)	1,5 ± 1	2,7 ± 0,8	3,3 ± 0,8	3,6 ± 0,7	4 ± 0,7
Воспроизведение – структурно-топологические представления (ВСТ)	1,5 ± 1,1	2,4 ± 0,9	3,1 ± 1	3,4 ± 0,8	3,8 ± 0,9

Table 2. Age standards of using "Taylor complex figure" technique

Age (years)	4-5	6-7	8-9	10-12	13-17
Quantitative Evaluation					
Copy – drawing (CD)	8.6 ± 4.2	13.8 ± 2.3	15.7 ± 1.4	16.4 ± 1.2	17 ± 1.4
Copy – placement (CP)	9.4 ± 5	14.5 ± 2.7	16.5 ± 1.4	17.1 ± 1.1	17.5 ± 1.3
Reproduction – drawing (RD)	5.3 ± 4	9.4 ± 3.2	11.7 ± 3.6	12.5 ± 2.9	13.8 ± 3
Reproduction – placement (RP)	5.7 ± 4.5	9.7 ± 3.5	12.4 ± 3.8	13.3 ± 3.2	14.6 ± 3.1
Copy (C)	18 ± 9.1	28.3 ± 4.8	32.3 ± 2.5	33.5 ± 2.2	34.5 ± 2.6
Reproduction (R)	11 ± 8.4	19.1 ± 6.6	24.1 ± 7.3	25.8 ± 6	28.4 ± 6
Drawing (D)	13.8 ± 7.7	23.1 ± 5	27.4 ± 4.5	28.9 ± 3.7	30.7 ± 3.9
Placement (P)	15.1 ± 8.9	24.3 ± 5.5	29 ± 4.8	30.4 ± 3.8	32.1 ± 3.8
Total Score	29 ± 16.4	47.4 ± 10.3	56.3 ± 9.1	59.2 ± 7.3	62.8 ± 7.6
Qualitative Evaluation					
Copy – metric representations (CM)	2.1 ± 1	3.2 ± 0.7	3.6 ± 0.7	4 ± 0.6	4.3 ± 0.6
Copy – structural topological representations (CST)	2.3 ± 1.2	3.3 ± 0.9	4.1 ± 0.7	4.4 ± 0.7	4.7 ± 0.5
Reproduction – metric representations (RM)	1.5 ± 1	2.7 ± 0.8	3.3 ± 0.8	3.6 ± 0.7	4 ± 0.7
Reproduction – structural and topological representations (RST)	1.5 ± 1.1	2.4 ± 0.9	3.1 ± 1	3.4 ± 0.8	3.8 ± 0.9

Корреляции между показателями выполнения методики находятся на уровне 0,5–0,9. Анализ связей не позволяет говорить о выраженном различии между качеством рисунка и правильностью локализации. Различие между метрическими и структурно-топологическими представлениями выражено в большей степени, но также является неполным. Более существенным является разделение на показатели копирования и воспроизведения фигуры. При проведении эксплораторного факторного анализа с использованием метода минимальных остатков, определением оптимального числа факторов с помощью параллельного анализа и ортогональным вращением варимакс выделяются три фактора ($\chi^2 = 32,871$, $df = 7$, $p < 0,001$). Факторная структура объясняет примерно 80% исходных данных. В пер-

вый фактор входят ВЛ (0,918), ВР (0,899), ВСТ (0,775) и ВМ (0,51). Этот фактор отражает эффективность воспроизведения фигуры по памяти. Во второй фактор входят КСТ (0,824), КЛ (0,618) и КР (0,487). В третий фактор входят КМ (0,737), КР (0,655) и ВМ (0,567). Последние два фактора отражают эффективность копирования, при этом второй фактор скорее связан с эффективностью копирования структуры фигуры, а третий – с эффективностью копирования отдельных элементов. Однако это разделение не вполне однозначно, т.к. переменная КР нагружена обоими факторами, а третий фактор также нагружает переменную ВМ, которая, помимо этого, нагружена первым фактором. Результаты факторного анализа согласуются с тем обстоятельством, что некоторое различие между эффективно-

стью работы с отдельными элементами и с их пространственным расположением имеет место на этапе копирования фигуры, но практически исчезает на этапе воспроизведения. Это хорошо видно при сравнении коэффициентов корреляции: $r(KP, KЛ) = 0,668$ ($p < 0,001$), $r(ВР, ВЛ) = 0,938$ ($p < 0,001$). При этом степень связи между метрическими и структурно-топологическими представлениями остается практически неизменной: $r(КМ, КСТ) = 0,621$ ($p < 0,001$), $r(ВМ, ВСТ) = 0,682$ ($p < 0,001$).

По всем переменным девочки демонстрируют лучшие результаты, чем мальчики. Например, по суммарной шкале среднее стандартизованное значение у девочек составляет $0,1398 \pm 0,974$, а у мальчиков $-0,0781 \pm 0,9919$ ($t = 2,054$, $df = 375$, $p = 0,041$). Аналогичные результаты получают и другие исследователи,

Табл. 3. Сложность элементов комплексной фигуры Тейлора

№	Элементы фигуры Тейлора	Первичные шкалы				Среднее по шкалам
		КР	КЛ	ВР	ВЛ	
1	Стрела слева	-2,5621	-2,4849	-1,2341	-1,1965	-1,8694
2	Треугольник слева	-1,9612	-2,1595	-1,1524	-1,3038	-1,6442
3	Квадрат	-0,5549	-2,4481	-0,3757	-1,7047	-1,2709
4	Горизонталь	-1,5873	-1,8105	-1,0601	-1,0951	-1,3883
5	Вертикаль	-1,5779	-1,3276	-0,9717	-0,836	-1,1783
6	Горизонталь в верхней половине	-1,219	-1,4181	0,6419	0,6185	-0,3442
7	Диагонали в верхнем левом квадрате	-2,1312	-1,7253	-0,7011	-0,6477	-1,3013
8	Квадрат в верхнем левом квадрате	-1,4609	-1,6254	-0,4756	-0,5607	-1,0307
9	Круг	-2,7338	-2,2795	-1,088	-0,9717	-1,7683
10	Прямоугольник	-1,8105	-1,9368	-0,3757	-0,3867	-1,1274
11	Стрела в верхнем правом квадрате	-2,0499	-1,3117	-1,067	-0,5952	-1,256
12	Полукруг	-1,7779	-1,204	-0,2722	0,0318	-0,8056
13	Треугольники	-1,5593	-1,4351	0,3374	0,0637	-0,6483
14	Точки	-1,0053	-1,6254	-0,1488	-0,4532	-0,8082
15	Горизонталь между точками	-2,0765	-2,0499	-0,1328	-0,0956	-1,0887
16	Треугольник внизу	-2,0112	-2,2031	-0,2668	-0,2722	-1,1883
17	Волна со штрихами	-0,4365	-1,9249	0,1051	-0,9321	-0,7971
18	Звезда	-0,5607	-2,1595	0,2237	-0,47	-0,7416

Table 3. Difficulty of Taylor Complex Figure elements

№	Taylor Complex Figure elements	Primary Scales				Mean(of the columns)
		CD	CP	RD	RP	
1	Arrow at left	-2.5621	-2.4849	-1.2341	-1.1965	-1.8694
2	Triangle at left	-1.9612	-2.1595	-1.1524	-1.3038	-1.6442
3	Square	-0.5549	-2.4481	-0.3757	-1.7047	-1.2709
4	Horizontal line	-1.5873	-1.8105	-1.0601	-1.0951	-1.3883
5	Vertical line	-1.5779	-1.3276	-0.9717	-0.836	-1.1783
6	Horizontal line in top half	-1.219	-1.4181	0.6419	0.6185	-0.3442
7	Diagonals in top left quadrant	-2.1312	-1.7253	-0.7011	-0.6477	-1.3013
8	Square in top left quadrant	-1.4609	-1.6254	-0.4756	-0.5607	-1.0307
9	Circle	-2.7338	-2.2795	-1.088	-0.9717	-1.7683
10	Rectangle	-1.8105	-1.9368	-0.3757	-0.3867	-1.1274
11	Arrow at top right quadrant	-2.0499	-1.3117	-1.067	-0.5952	-1.256
12	Semicircle	-1.7779	-1.204	-0.2722	0.0318	-0.8056
13	Triangles	-1.5593	-1.4351	0.3374	0.0637	-0.6483
14	Row of dots	-1.0053	-1.6254	-0.1488	-0.4532	-0.8082
15	Horizontal line between dots	-2.0765	-2.0499	-0.1328	-0.0956	-1.0887
16	Triangle at bottom	-2.0112	-2.2031	-0.2668	-0.2722	-1.1883
17	Streaky wave	-0.4365	-1.9249	0.1051	-0.9321	-0.7971
18	Star	-0.5607	-2.1595	0.2237	-0.47	-0.7416

при этом отмечается, что различия достаточно малы, и ими можно пренебречь при вычислении нормативов (Strauss, Sherman, Spreen, 2006). Ни по одной из шкал не обнаружено значимых различий между эффективностью выполнения методики праворуками и леворуками детьми (в исследованной выборке было 28 леворуких детей).

В процессе обработки полученных результатов мы придерживались классической теории тестовых заданий, основан-

ной на допущении того, что каждый пункт теста вносит одинаковый вклад в суммарный балл по шкале. В реальности пункты теста различаются по сложности, которая в современной психометрике обычно оценивается с помощью шкалы логитов (Шмелев, 2013). В приведенных выше расчетах мы не учитывали неодинаковую сложность отдельных элементов фигуры, однако считаем важным представить эти результаты, поскольку они могут быть использованы для отслеживания аттракции

(диагноста должно насторожиться, что обследуемый легко справился со сложными элементами, но допустил ошибки в простых). Для расчета сложности элементов использовалась формула $\ln((N-S)/S)$, где S – сумма баллов по всем испытуемым, N – максимально возможная сумма баллов по всем испытуемым, в данном случае равная объему выборки ($N = 377$). Чем выше значение, тем сложнее работа с соответствующим элементом фигуры (табл. 3). Самым сложным элементом при копирова-

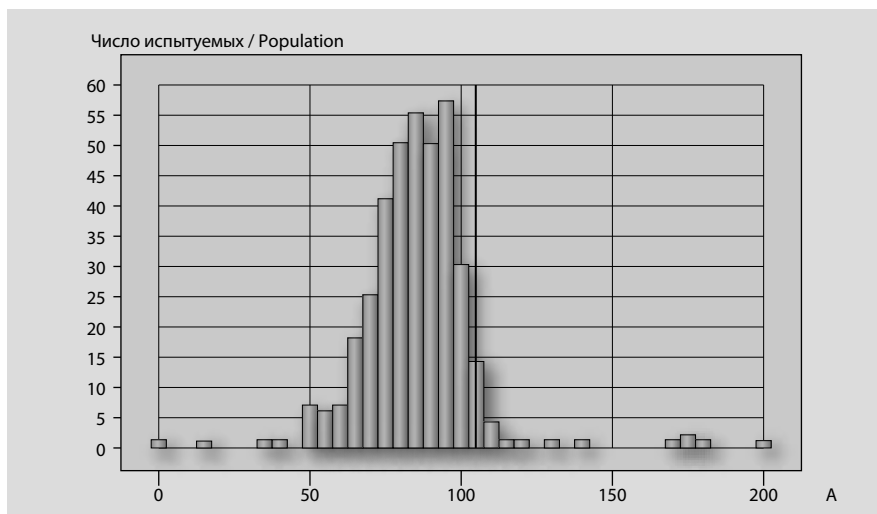

Рис. 10. Распределение переменной A, вертикальной линией указана граница принятия решения о наличии аггравации

Fig. 10. Variable A, by the vertical line indicates the boundary of the decision on the presence of aggravation

нии является волна со штрихами, самым легким – стрела слева. Самым сложным элементом при воспроизведении является горизонталь в верхней половине, самым легким – треугольник слева.

Средний суммарный балл по 9 самым простым элементам (1, 9, 2, 4, 7, 3, 11, 16, 5) составляет $28,3 \pm 7,4$, а по 9 самым сложным элементам (10, 15, 8, 14, 12, 17, 18, 13, 6) – $24,1 \pm 7,5$ ($t = 22,861$, $df = 376$, $p < 0,001$). Для определения математически обоснованного порога принятия решения о наличии аггравации мы построили распределение переменной $A = 100(S2/S1)$, где $S1$ – сумма баллов по 9 самым простым элементам, $S2$ – сумма баллов по 9 самым сложным элементам. Очевидно, что при $A > 100$ сложные элементы выполняются лучше, чем простые. Эмпирическое значение границы принятия решения, вычисленное по формуле $M(A) + \sigma(A)$, где $M(A)$ – среднее значение переменной A, (A) – стандартное отклонение переменной A, оказалось равным 103,6. При использовании этого порога среднее стандартизованное значение общего балла у испытуемых без аггравации ($n = 355$) составило $0,0195 \pm 0,9771$, а у испытуемых с аггравацией ($n = 22$) – $-0,3256 \pm 1,1542$, однако различия между группами оказались статистически незначимыми. Изменение порога до 105,9 позволило достигнуть различий между группами. В этом случае среднее стандартизованное значение общего балла

у испытуемых без аггравации ($n = 360$) составило $0,0217 \pm 0,9773$, а у испытуемых с аггравацией ($n = 17$) – $-0,4736 \pm 1,1599$ ($t = 2,025$, $df = 375$, $p = 0,044$). На основании этих расчетов мы предлагаем ориентироваться на $A = 105,9$ как на границу принятия решения. Правомочность использования такого порога продемонстрирована на рис. 10.

Валидность методики по результатам нейропсихологического обследования

Эффективность выполнения методики (по общему баллу) коррелирует с уровнем развития многих нейропсихологических характеристик: темп работы ($r = 0,127$, $p = 0,019$), внимание ($r = 0,292$, $p < 0,001$), энергетическое обеспечение психической деятельности ($r = 0,247$, $p < 0,001$), зрительное восприятие ($r = 0,351$, $p < 0,001$), зрительная память ($r = 0,652$, $p < 0,001$), конструктивно-пространственные функции ($r = 0,405$, $p < 0,001$), тактильное восприятие ($r = 0,116$, $p = 0,032$), слуховое неречевое восприятие ($r = 0,119$, $p = 0,028$), речь ($r = 0,192$, $p < 0,001$), слухоречевая память ($r = 0,338$, $p < 0,001$), динамический праксис ($r = 0,254$, $p < 0,001$), мышление ($r = 0,29$, $p < 0,001$), регуляторные функции ($r = 0,239$, $p < 0,001$). Это указывает

на широкую область валидности методики Тейлора. Специфичность в отношении зрительно-пространственных функций является неполной, методика также оценивает общий уровень нейрокогнитивного дефицита. Максимальную корреляцию с суммарным показателем по всем нейропсихологическим характеристикам, отражающим выраженность нейрокогнитивного дефицита, демонстрируют шкалы BP ($r = 0,521$, $p < 0,001$), B ($r = 0,513$, $p < 0,001$), P ($r = 0,527$, $p < 0,001$) и общий балл ($r = 0,523$, $p < 0,001$). Что касается качественных оценок, то они связаны с выраженностью нейрокогнитивного дефицита несколько слабее: KM ($r = 0,284$, $p < 0,001$), KCT ($r = 0,339$, $p < 0,001$), BM ($r = 0,43$, $p < 0,001$), BCT ($r = 0,465$, $p < 0,001$).

Для детальной оценки валидности вторичных шкал были построены регрессионные модели с множественными предикторами, где зависимой переменной выступал показатель выполнения методики Тейлора, а независимыми – нейропсихологические характеристики. При построении моделей число предикторов сокращалось с помощью метода пошагового отбора (stepwise), что позволило включить в итоговые модели наиболее значимые из них. Регрессионные модели были рассчитаны как для всей выборки (4–17 лет), так и для каждой из 5 возрастных групп (табл. 4–8).

Рассмотрим валидность каждой вторичной шкалы подробнее. Шкала «Копирование» сильнее всего нагружена конструктивно-пространственными функциями. Между тем, эти функции занимают первое место по доле объясняемой дисперсии только в 3-х возрастных группах из 5. В 6–7 лет данная шкала в большей степени измеряет зрительное восприятие и динамический праксис, а в 8–9 лет – регуляторные функции. В этих возрастных группах конструктивно-пространственные функции также играют определенную роль, однако вариативность их развития объясняет несколько меньшую долю дисперсии значений по шкале «Копирование». В целом эта шкала нагружена конструктивно-пространственными функциями, регуляторными функциями, динамическим праксисом и зрительной памятью. Последнее, очевидно, нельзя трактовать как влияние зрительной памяти

Табл. 4. Регрессионные модели нейропсихологической валидности методики «Комплексная фигура Тейлора» (по общему баллу)

Нейропсихологические характеристики	Стандартизированный коэффициент	R ²	Скорректированный R ²
4–17 лет (все вместе)			
Зрительная память	0,536	0,426	0,425
Конструктивно-пространственные функции	0,115	0,454	0,451
Мышление	0,113	0,469	0,464
Динамический праксис	0,092	0,478	0,472
Зрительное восприятие	0,091	0,484	0,477
4–5 лет			
Конструктивно-пространственные функции	0,429	0,28	0,26
Мышление	0,301	0,413	0,379
Слухоречевая память	0,295	0,491	0,445
6–7 лет			
Зрительная память	0,432	0,279	0,272
Зрительное восприятие	0,229	0,327	0,313
Динамический праксис	0,184	0,361	0,341
8–9 лет			
Зрительная память	0,585	0,582	0,574
Зрительное восприятие	0,253	0,64	0,626
Динамический праксис	0,23	0,698	0,68
Конструктивно-пространственные функции	0,174	0,724	0,701
10–12 лет			
Зрительная память	0,663	0,503	0,495
Динамический праксис	0,289	0,584	0,572
13–17 лет			
Зрительная память	0,641	0,611	0,606
Конструктивно-пространственные функции	0,269	0,664	0,655

Table 4. Neuropsychological validity regression models of "Taylor Complex Figure" technique (total score)

Neuropsychological characteristics	Standardized coefficient	R ²	Adjusted R ²
4–17 years (together)			
Visual memory	0.536	0.426	0.425
Constructive-spatial functions	0.115	0.454	0.451
Thinking	0.113	0.469	0.464
Dynamic Praxis	0.092	0.478	0.472
Visual perception	0.091	0.484	0.477
4–5 years			
Constructive-spatial functions	0.429	0.28	0.26
Thinking	0.301	0.413	0.379
Audio-verbal memory	0.295	0.491	0.445
6–7 years			
Visual memory	0.432	0.279	0.272
Visual perception	0.229	0.327	0.313
Dynamic praxis	0.184	0.361	0.341
8–9 years			
Visual memory	0.585	0.582	0.574
Visual perception	0.253	0.64	0.626
Dynamic Praxis	0.23	0.698	0.68
Constructive-spatial functions	0.174	0.724	0.701
10–12 years			
Visual memory	0.663	0.503	0.495
Dynamic Praxis	0.289	0.584	0.572
13–17 years			
Visual memory	0.641	0.611	0.606
Constructive-spatial functions	0.269	0.664	0.655

Табл. 5. Регрессионные модели нейропсихологической валидности методики «Комплексная фигура Тейлора» (по вторичной шкале «Копирование»)

Нейропсихологические характеристики	Стандартизированный коэффициент	R ²	Скорректированный R ²
4–17 лет (все вместе)			
Конструктивно-пространственные функции	0,276	0,153	0,150
Регуляторные функции	0,164	0,196	0,191
Динамический праксис	0,134	0,212	0,205
Зрительная память	0,129	0,226	0,217
4–5 лет			
Конструктивно-пространственные функции	0,509	0,287	0,266
Внимание	0,323	0,39	0,354
6–7 лет			
Зрительное восприятие	0,196	0,109	0,1
Динамический праксис	0,204	0,166	0,148
Конструктивно-пространственные функции	0,248	0,217	0,192
Регуляторные функции	0,198	0,253	0,222
8–9 лет			
Регуляторные функции	0,301	0,254	0,239
Конструктивно-пространственные функции	0,292	0,36	0,335
Динамический праксис	0,282	0,426	0,392
Зрительное восприятие	0,229	0,476	0,434
10–12 лет			
Конструктивно-пространственные функции	0,337	0,256	0,245
Динамический праксис	0,311	0,366	0,347
Внимание	0,25	0,424	0,398
13–17 лет			
Конструктивно-пространственные функции	0,415	0,173	0,161

Table 5. Regression models of neuropsychological validity of the “Taylor Complex Figure” technique (on the secondary scale “Copy”)

Neuropsychological characteristics	Standardized coefficient	R ²	скорректированный R ²
4–17 years (together)			
Constructive-spatial functions	0.276	0.153	0.150
Regulatory functions	0.164	0.196	0.191
Dynamic praxis	0.134	0.212	0.205
Visual memory	0.129	0.226	0.217
4–5 years			
Constructive-spatial functions	0.509	0.287	0.266
Attention	0.323	0.39	0.354
6–7 years			
Visual perception	0.196	0.109	0.1
Dynamic Praxis	0.204	0.166	0.148
Constructive-spatial functions	0.248	0.217	0.192
Regulatory functions	0.198	0.253	0.222
8–9 years			
Regulatory functions	0.301	0.254	0.239
Constructive-spatial functions	0.292	0.36	0.335
Dynamic Praxis	0.282	0.426	0.392
Visual perception	0.229	0.476	0.434
10–12 years			
Constructive-spatial functions	0.337	0.256	0.245
Dynamic Praxis	0.311	0.366	0.347
Attention	0.25	0.424	0.398
13–17 years			
Constructive-spatial functions	0.415	0.173	0.161

Для цитирования: Хохлов Н.А., Сердюк А.Е. Количественные оценки выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора» детьми 4–17 лет // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1(33). – С. 88–108. doi: 10.11621/npj.2019.0109

For citation: Khokhlov N. A., Serdyuk A. E. (2018). Quantitative estimates of performance on the Taylor Complex Figure (TCF) by children aged 4–17 years. National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal], 12(1), 88–108. doi: 10.11621/npj.2019.0109

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
 © Lomonosov Moscow State University, 2019
 © Russian Psychological Society, 2019

Табл. 6. Регрессионные модели нейропсихологической валидности методики «Комплексная фигура Тейлора» (по вторичной шкале «Воспроизведение»)

Нейропсихологические характеристики	Стандартизированный коэффициент	R ²	Скорректированный R ²
4–17 лет (все вместе)			
Зрительная память	0,605	0,494	0,493
Слухоречевая память	0,125	0,514	0,511
Зрительное восприятие	0,107	0,525	0,521
Регуляторные функции	0,084	0,532	0,526
4–5 лет			
Зрительная память	0,357	0,364	0,346
Слухоречевая память	0,331	0,476	0,445
Конструктивно-пространственные функции	0,314	0,56	0,52
6–7 лет			
Зрительная память	0,495	0,358	0,351
Речь	0,201	0,41	0,398
Зрительное восприятие	0,175	0,435	0,417
8–9 лет			
Зрительная память	0,662	0,598	0,591
Зрительное восприятие	0,279	0,663	0,65
Динамический праксис	0,177	0,693	0,675
10–12 лет			
Зрительная память	0,729	0,573	0,567
Динамический праксис	0,180	0,605	0,593
13–17 лет			
Зрительная память	0,719	0,684	0,68
Конструктивно-пространственные функции	0,206	0,715	0,707

Table 6. Regression models of neuropsychological validity of the "Taylor Complex Figure" technique (on the secondary scale "Reproduction")

Neuropsychological characteristics	Standardized coefficient	R ²	Adjusted R ²
4–17 years (together)			
Visual memory	0.605	0.494	0.493
Oral-verbal memory	0.125	0.514	0.511
Visual perception	0.107	0.525	0.521
Regulatory functions	0.084	0.532	0.526
4–5 years			
Visual memory	0.357	0.364	0.346
Oral-verbal memory	0.331	0.476	0.445
Constructive-spatial functions	0.314	0.56	0.52
6–7 years			
Visual memory	0.495	0.358	0.351
Speech	0.201	0.41	0.398
Visual perception	0.175	0.435	0.417
8–9 years			
Visual memory	0.662	0.598	0.591
Visual perception	0.279	0.663	0.65
Dynamic praxis	0.177	0.693	0.675
10–12 years			
Visual memory	0.729	0.573	0.567
Dynamic Praxis	0.180	0.605	0.593
13–17 years			
Visual memory	0.719	0.684	0.68
Constructive-spatial functions	0.206	0.715	0.707

на копирование фигуры. Скорее наоборот, это влияние успешности копирования на дальнейшее воспроизведение.

Шкала «Воспроизведение», прежде всего, измеряет зрительную память. Эта психическая функция занимает первое

место по доле объясняемой дисперсии во всех возрастных группах. При этом, в разном возрасте шкала дополнительно

Табл. 7. Регрессионные модели нейропсихологической валидности методики «Комплексная фигура Тейлора» (по вторичной шкале «Рисунок»)

Нейропсихологические характеристики	Стандартизированный коэффициент	R ²	Скорректированный R ²
4–17 лет (все вместе)			
Зрительная память	0,452	0,379	0,377
Конструктивно-пространственные функции	0,134	0,411	0,407
Мышление	0,105	0,427	0,422
Слухоречевая память	0,101	0,439	0,432
Зрительное восприятие	0,102	0,448	0,440
Регуляторные функции	0,091	0,456	0,446
4–5 лет			
Конструктивно-пространственные функции	0,41	0,266	0,245
Слухоречевая память	0,334	0,415	0,381
Мышление	0,268	0,482	0,435
6–7 лет			
Зрительная память	0,361	0,269	0,262
Зрительное восприятие	0,256	0,34	0,326
Слухоречевая память	0,217	0,388	0,369
Динамический праксис	0,17	0,417	0,392
8–9 лет			
Зрительная память	0,586	0,506	0,497
Зрительное восприятие	0,284	0,57	0,554
Динамический праксис	0,243	0,627	0,605
10–12 лет			
Зрительная память	0,614	0,429	0,421
Динамический праксис	0,262	0,496	0,482
13–17 лет			
Зрительная память	0,56	0,526	0,519
Конструктивно-пространственные функции	0,314	0,597	0,586

Table 7. Regression models of neuropsychological validity of the "Taylor Complex Figure" technique (on the secondary scale "Drawing")

Neuropsychological characteristics	Standardized coefficient	R ²	Adjusted R ²
4–17 years (together)			
Visual memory	0.452	0.379	0.377
Constructive-spatial functions	0.134	0.411	0.407
Thinking	0.105	0.427	0.422
Audio-verbal memory	0.101	0.439	0.432
Visual perception	0.102	0.448	0.440
Regulatory functions	0.091	0.456	0.446
4–5 years			
Constructive-spatial functions	0.41	0.266	0.245
Oral-verbal memory	0.334	0.415	0.381
Thinking	0.268	0.482	0.435
6–7 years			
Visual memory	0.361	0.269	0.262
Visual perception	0.256	0.34	0.326
Oral-verbal memory	0.217	0.388	0.369
Dynamic praxis	0.17	0.417	0.392
8–9 years			
Visual memory	0.586	0.506	0.497
Visual perception	0.284	0.57	0.554
Dynamic Praxis	0.243	0.627	0.605
10–12 years			
Visual memory	0.614	0.429	0.421
Dynamic Praxis	0.262	0.496	0.482
13–17 years			
Visual memory	0.56	0.526	0.519
Constructive-spatial functions	0.314	0.597	0.586

Для цитирования: Хохлов Н.А., Сердюк А.Е. Количественные оценки выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора» детьми 4–17 лет // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1(33). – С. 88–108. doi: 10.11621/npj.2019.0109

For citation: Khokhlov N. A., Serdyuk A. E. (2018). Quantitative estimates of performance on the Taylor Complex Figure (TCF) by children aged 4–17 years. National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal], 12(1), 88–108. doi: 10.11621/npj.2019.0109

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
 © Lomonosov Moscow State University, 2019
 © Russian Psychological Society, 2019

Табл. 8. Регрессионные модели нейропсихологической валидности методики «Комплексная фигура Тейлора» (по вторичной шкале «Локализация»)

Нейропсихологические характеристики	Стандартизированный коэффициент	R ²	Скорректированный R ²
4–17 лет (все вместе)			
Зрительная память	0,571	0,43	0,429
Конструктивно-пространственные функции	0,119	0,452	0,448
Мышление	0,104	0,463	0,458
Динамический праксис	0,088	0,47	0,464
4–5 лет			
Конструктивно-пространственные функции	0,453	0,299	0,279
Мышление	0,301	0,428	0,394
Слухоречевая память	0,269	0,492	0,446
6–7 лет			
Зрительная память	0,431	0,262	0,254
Динамический праксис	0,193	0,302	0,287
Зрительное восприятие	0,188	0,332	0,311
8–9 лет			
Зрительная память	0,601	0,61	0,603
Зрительное восприятие	0,266	0,678	0,666
Конструктивно-пространственные функции	0,205	0,72	0,704
Динамический праксис	0,161	0,745	0,725
10–12 лет			
Зрительная память	0,664	0,503	0,496
Динамический праксис	0,271	0,582	0,57
Темп работы	0,169	0,611	0,593
13–17 лет			
Зрительная память	0,723	0,662	0,658
Конструктивно-пространственные функции	0,173	0,684	0,675

Table 8. Regression models of neuropsychological validity of the "Taylor Complex Figure" technique (on the secondary scale "Placement")

Neuropsychological characteristics	Standardized coefficient	R ²	Adjusted R ²
4–17 years (together)			
Visual memory	0.571	0.43	0.429
Constructive-spatial functions	0.119	0.452	0.448
Thinking	0.104	0.463	0.458
Dynamic praxis	0.088	0.47	0.464
4–5 years			
Constructive-spatial functions	0.453	0.299	0.279
Thinking	0.301	0.428	0.394
Audio-verbal memory	0.269	0.492	0.446
6–7 years			
Visual memory	0.431	0.262	0.254
Dynamic Praxis	0.193	0.302	0.287
Visual perception	0.188	0.332	0.311
8–9 years			
Visual memory	0.601	0.61	0.603
Visual perception	0.266	0.678	0.666
Constructive-spatial functions	0.205	0.72	0.704
Dynamic Praxis	0.161	0.745	0.725
10–12 years			
Visual memory	0.664	0.503	0.496
Dynamic Praxis	0.271	0.582	0.57
Progress rate	0.169	0.611	0.593
13–17 years			
Visual memory	0.723	0.662	0.658
Constructive-spatial functions	0.173	0.684	0.675

нагружается слухоречевой памятью, зрительным восприятием, регуляторными функциями, конструктивно-пространственными функциями, речью и динамическим праксисом. Особенно интересно наличие связи со слухоречевой памятью, т.к. ни сама концепция, ни процедура проведения методики Тейлора не предполагают ее измерения. Мы полагаем, что здесь проявляется влияние модально-неспецифических компонентов памяти. С учетом того, что запоминание фигуры является произвольным, мы можем предполагать, что за этим стоит работа подкорковых структур мозга, обеспечивающих общие изменения активации.

Шкала «Рисунок» в наибольшей степени нагружена зрительной памятью. Только в возрасте 4–5 лет эта функция оказывается вообще не связанной с данной шкалой, а на первый план выходят конструктивно-пространственные функции. Шкала «Рисунок» также нагружена мышлением, слухоречевой памятью, зрительным восприятием, регуляторными функциями и динамическим праксисом. Интересно, что эта шкала во многом совпадает по валидности со шкалой «Воспроизведение» поскольку качество рисунка сильнее варьирует при воспроизведении, чем при копировании.

Шкала «Локализация» также в наибольшей степени связана со зрительной памятью. Как и в предыдущем случае, в возрасте 4–5 лет она измеряет не зрительную память, а скорее конструктивно-пространственные функции. Кроме этого, шкала «Локализация» нагружена мышлением, динамическим праксисом, слухоречевой памятью, зрительным восприятием, темпом работы.

В данной статье мы приводим подробные результаты анализа валидности вторичных шкал. Первичные шкалы также можно учитывать в процессе нейропсихологической оценки выполнения методики Тейлора. Шкала КР в наибольшей степени нагружена конструктивно-пространственными функциями, но также связана с уровнем развития регуляторных функций, энергетического обеспечения психической деятельности и мышления. Шкала КЛ, прежде всего, измеряет конструктивно-пространственные функции, но также связана с регуляторными функциями, зрительной памятью и динамическим пра-

ксисом. Шкала ВР сильнее всего связана с уровнем развития зрительной памяти, но также связана со слухоречевой памятью, зрительным восприятием и мышлением. Шкала ВЛ по валидности практически не отличается от шкалы ВР. Таким образом, количественные показатели выполнения методики дают возможность оценить уровень развития конструктивно-пространственных функций и зрительной памяти. Сопоставление значений по шкалам с учетом возраста ребенка позволяет получать дополнительную информацию об уровне развития других психических функций, однако она может носить только вспомогательный характер при анализе результатов выполнения более специфических нейропсихологических методик.

Обращает на себя внимание тот факт, что дискриминантная валидность обсуждаемых шкал заметно возрастает в старшей возрастной группе (13–17 лет). Шкала «Копирование» с 13 лет начинает измерять только конструктивно-пространственные функции и характеризуется дискриминантной валидностью по отношению к другим психическим функциям. Шкалы «Воспроизведение», «Рисунок» и «Локализация» в этом возрасте измеряют зрительную память и дополнительно нагружаются только конструктивно-пространственными функциями. Мы полагаем, что такое изменение валидности отражает постепенную дифференциацию работы мозговых механизмов, приобретающих в ходе развития более выраженную специализацию. Как отмечает Ю.В. Микадзе, «каждая из мозговых структур, включенных в систему, по мере увеличения ее функциональной активности (инициируемой соответствующими средовыми воздействиями) начинает все более избирательно выполнять свойственную ей функцию. Происходит становление специализированных нервных механизмов, обеспечивающих адекватное отражение конкретных, определенных аспектов окружающей среды и действия в ней» (Микадзе, 2013, С. 85).

Шкалы качественной оценки обладают схожей валидностью, при этом средний процент объясненной дисперсии оказывается примерно в 1,5 раза меньше, чем при анализе шкал количественной оценки. Шкала КМ в наибольшей степени связана с конструктивно-пространст-

венными функциями и нагружена регуляторными функциями и зрительной памятью. Шкала КСТ также в наибольшей степени связана с конструктивно-пространственными функциями, но дополнительно нагружена мышлением, регуляторными функциями и зрительной памятью. Как и в случае шкалы «Копирование», связь этих переменных со зрительной памятью следует трактовать как влияние успешности срисовывания на дальнейшее воспроизведение. Шкала ВМ, прежде всего, измеряет зрительную память, но при этом дополнительно связана с конструктивно-пространственными функциями, регуляторными функциями, слухоречевой памятью и мышлением. Шкала ВСТ также в основном измеряет зрительную память, но еще связана с конструктивно-пространственными функциями и мышлением. Наблюдается основное деление на шкалы копирования и шкалы воспроизведения. Основным измеряемым конструктом не зависит от того, оценивались ли метрические или структурно-топологические представления. Небольшие различия имеют место только в отношении нейропсихологических характеристик, связанных с этими шкалами дополнительно к конструктивно-пространственным функциям и зрительной памяти. Фактически это означает, что применение качественного анализа, по крайней мере, в отношении метрических и структурно-топологических представлений, не даёт принципиально новой информации по сравнению с количественным анализом. Более того, объяснительная способность количественных шкал выше, чем качественных.

Оговоримся, что все это не исключает диагностической ценности качественной оценки метрических и структурно-топологических представлений в клинической нейропсихологии при оценке поврежденного мозга. Однако в нейропсихологии нормы эти категории анализа, по-видимому, имеют меньшую диагностическую ценность. Очевидно, что для оценки особенностей выполнения методики Тейлора можно использовать и другие категории. Например, Бостонская система оценки фигуры Рея-Остеррита (Stem et al., 1994) включает 6 суммарных оценок разных когнитивных функций и 17 параметров оценки качественных особенностей рисунка фигуры. В отечественной

нейропсихологии при использовании фигур Рея-Остеррита и Тейлора обычно оцениваются не только проявления дефицита пространственных представлений, но и стратегия копирования (от целого к частям, поэлементно или хаотично), гиперкинезы и гипокинезы, ошибки внимания и другие параметры (Манелис, 1997; Балашова, Ковязина, 2013; Семенович, 2013). Основная проблема заключается в том, что качественные оценки крайне сложно стандартизировать, особенно, если речь идет о получении возрастных нормативов. На точность оценок сильно влияет опыт и уровень квалификации диагноста, причем, индивидуальную логику принятия диагностического решения зачастую нельзя эксплицитно. Количественные оценки практически не зависят от индивидуальных особенностей диагноста и могут быть с высокой точностью воспроизведены другими исследователями по известному алгоритму.

Еще один метод анализа валидности предполагает предсказание вероятности попадания в одну или другую группу по известной переменной путем подгонки данных к логистической кривой. Построенный таким образом линейный классификатор позволяет оценивать апостериорные вероятности принадлежности людей к интересующим исследователя группам, что имеет широкое прикладное применение. При построении первой модели логистической регрессии в качестве предиктора использовался общий балл. В качестве зависимой переменной использовалась бинарная оценка наличия или отсутствия нейрокогнитивного дефицита, измеренного с помощью суммарного показателя по всем нейропсихологическим характеристикам. Наличие нейрокогнитивного дефицита фиксировалось, если значение этого показателя было ниже среднего более чем на одно стандартное отклонение. Далее строились графики зависимости специфичности, чувствительности и общей эффективности классификатора от пороговой вероятности принятия решения. В окрестности точки пересечения графиков выбиралось оптимальное значение вероятности, принимаемое в качестве порога принятия бинарного решения. После этого оценивалось, с какой вероятностью предсказываемые значения совпадают с реальными (табл. 9).

Табл. 9. Результаты предсказания наличия нейрокогнитивного дефицита по результатам выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора» (общий балл)

Предсказанные значения	Реальные значения	
	Нейрокогнитивный дефицит есть	Нейрокогнитивного дефицита нет
Нейрокогнитивный дефицит есть	36	63
Нейрокогнитивного дефицита нет	19	222

Table 9. Predicted data of neurocognitive deficiency "Taylor Complex Figure" technique (total score)

Predicted data	Obtained data	
	Without neurocognitive deficiency	With neurocognitive deficiency
With neurocognitive deficiency	36	63
Without neurocognitive deficiency	19	222

Табл. 10. Результаты предсказания наличия нейрокогнитивного дефицита по результатам выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора» (шкала «Копирование»)

Предсказанные значения	Реальные значения	
	Нейрокогнитивный дефицит есть	Нейрокогнитивного дефицита нет
Нейрокогнитивный дефицит есть	27	55
Нейрокогнитивного дефицита нет	28	230

Table 10. Predicted data of neurocognitive deficiency "Taylor Complex Figure" technique ("Copy" scale)

Predicted data	Obtained data	
	With neurocognitive deficiency	Without neurocognitive deficiency
With neurocognitive deficiency	27	55
Without neurocognitive deficiency	28	230

В группу с нейрокогнитивным дефицитом вошли 55 человек из 340. Граница принятия решения составила $-0,5042$ (значение стандартизованного общего балла в z-оценках). Сензитивность методики составила 65,5%, специфичность – 78%, положительная предсказательная способность – 36%, отрицательная предсказательная способность – 92%. Общая эффективность предсказания составила 76% ($\chi^2 = 39,902$, $df = 1$, $p < 0,001$). Такое соотношение сензитивности и специфичности методики допускает ее использование для проведения скринингового обследования в целях отделения детей без нейрокогнитивного дефицита от тех, с кем следует провести более углубленную диагностику. Иными словами, дети, получившие общий балл не более чем на половину стандартного отклонения ниже среднего, могут с вероятностью 92% считаться не имеющими нейрокогнитивный дефицит, а дети, получившие общий балл более чем на половину стандартного отклонения ниже среднего, должны быть исследованы дополнительно.

Проведение методики Тейлора вполне осуществимо в групповом формате на уроке в школе, причем, для этого не обязательно непосредственное участие психолога. Однако возникает вопрос, можно ли упростить процедуру диагностики, избежав необходимости организовывать отсроченное воспроизведение фигуры. Для проверки этой возможности мы провели аналогичный анализ только результатов срисовывания фигуры. Во второй модели логистической регрессии в качестве независимой переменной использовался балл по шкале «Копирование», в качестве зависимой переменной – бинарная оценка наличия или отсутствия нейрокогнитивного дефицита (табл. 10).

Граница принятия решения составила $-0,6772$ (значение стандартизованного балла по шкале «Копирование» в z-оценках). Сензитивность методики составила 49%, специфичность – 81%, положительная предсказательная способность – 33%, отрицательная предсказательная способность – 89%. Общая эффективность предсказания составила 76% ($\chi^2 = 20,762$,

Широкая область валидности методики позволяет использовать ее для оценки общего уровня нейрокогнитивного дефицита

$df = 1, p < 0,001$). Здесь специфичность методики даже выше, чем в предыдущем случае. Таким образом, анализ результатов копирования без воспроизведения фигуры по памяти является эвристическим способом выделения группы детей, требующих дополнительного обследования. Остальные (получившие балл по шкале «Копирование» не более чем на 0,6772 стандартного отклонения ниже среднего) могут с вероятностью 89% считаться не имеющими нейрокогнитивный дефицит.

Считаем важным предостеречь поль-

Методика-дискриминатор может применяться для проведения скрининговой диагностики в школе, позволяя отделить детей без нейрокогнитивного дефицита от тех, кому необходимо пройти дальнейшее полное нейропсихологическое обследование

зователей методики от принятия решения о распределении учащихся по классам с разной учебной нагрузкой (например, при отборе в классы с углубленным изучением отдельных предметов) только основании результатов ее проведения. Низкий результат может быть обусловлен целым рядом побочных переменных, избежать существенного влияния которых можно только при проведении полной индивидуальной диагностики или при прохождении детьми нескольких психодиагностических методик под контролем квалифицированного психолога. При обнаружении у ребенка низкого результата по методике Тейлора следует рекомендовать ему и его родителям пройти полное нейропсихологическое обследование.

Выводы

На материале исследования 377 детей в возрасте от 4 до 17 лет нами получе-

ны возрастные нормативы выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора», которые могут быть использованы как при проведении исследований, так и в практической деятельности нейропсихологов.

Нормативы вычислены на основе количественных оценок эффективности копирования фигуры и ее воспроизведения по памяти через 20 минут. Полученные изображения оценивались по качеству рисунка и правильности размещения его частей в пространстве на ос-

нове анализа каждого из 18 элементов фигуры. В дополнение к количественным показателям использовались качественные оценки метрических и структурно-топологических представлений по всему изображению в целом.

Наряду с возрастными нормативами, мы получили показатели сложности работы с каждым элементом фигуры, которые могут быть полезны для отслеживания склонности обследуемого к преувеличению тяжести своего состояния. На основании анализа соотношения успешности выполнения самых простых и самых сложных элементов фигуры выявлен тематически обоснованный порог принятия решения о наличии аггравации.

Валидность методики была измерена путем сопоставления выделенных показателей с результатами нейропсихологической диагностики. Показано, что методика в наибольшей степени измеряет уровень развития конструктивно-пространственных функций и зрительной памяти, однако обладает низкой дискри-

минантной валидностью по отношению к другим нейропсихологическим характеристикам. При этом, в разном возрасте нейропсихологическое значение параметров выполнения методики неодинаково. Особенно это касается нейропсихологических характеристик, связанных с эффективностью выполнения методики дополнительно к конструктивно-пространственным функциям и зрительной памяти. В старшей возрастной группе (13–17 лет) дискриминантная валидность методики существенно возрастает. Содержательная валидность качественных оценок и количественных показателей во многом совпадает, но степень связи количественных показателей с результатами нейропсихологической диагностики примерно в 1,5 раза выше.

Широкая область валидности методики позволяет использовать ее для оценки общего уровня нейрокогнитивного дефицита. Анализ предсказательной способности моделей логистической регрессии показывает, что специфичность методики выше ее сензитивности. Иными словами, методика скорее позволяет сделать вывод о том, что нейрокогнитивного дефицита нет, чем о том, что он есть. Методика-дискриминатор может применяться для проведения скрининговой диагностики в школе, позволяя отделить детей без нейрокогнитивного дефицита от тех, кому необходимо пройти дальнейшее полное нейропсихологическое обследование.

В перспективе возможно проведение дополнительных исследований, направленных на выявление новых категорий количественной оценки особенностей выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора», обладающих самостоятельной областью валидности и позволяющих принимать более точные диагностические решения на основе сравнения полученных результатов с возрастными нормативами.

Литература:

- Ахутина Т.В., Камардина И.О., Пылаева Н.М. Нейропсихолог в школе : пособие для педагогов, школьных психологов и родителей. – Москва : В. Секачев, 2012. – 48 с.
- Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход : учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования. – Москва : Академия, 2015. – 288 с.
- Ахутина Т.В., Корнеев А.А., Матвеева Е.Ю. Развитие функций программирования и контроля у детей 7–9 лет // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2016. – № 1. – С. 42–63.
- Балашова Е.Ю., Ковязина М.С. Нейропсихологическая диагностика в вопросах и ответах. – Москва : Генезис, 2013. – 240 с.

Для цитирования: Хохлов Н.А., Сердюк А.Е. Количественные оценки выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора» детьми 4–17 лет // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1(33). – С. 88–108. doi: 10.11621/npj.2019.0109

For citation: Khokhlov N. A., Serdyuk A. E. (2018). Quantitative estimates of performance on the Taylor Complex Figure (TCF) by children aged 4–17 years. National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal], 12(1), 88–108. doi: 10.11621/npj.2019.0109

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

- Вассерман Л.И., Чередникова Т.В. Невербальная методика «Комплексная фигура» Рея-Остеррита и ее психодиагностическое значение для квалификации нейрокогнитивного дефицита // Сибирский психологический журнал. – 2013. – № 49. – С. 13–25.
- Глозман Ж.М. Нейропсихология детского возраста : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Москва : Академия, 2009. – 272 с.
- Глозман Ж.М. Нейропсихология детского возраста : учебник для академического бакалавриата. – Москва : Юрайт, 2017. – 258 с.
- Глозман Ж.М., Соболева А.Е. Нейропсихологическая диагностика детей школьного возраста. – Москва : Смысл, 2013. – 166 с.
- Корсакова Н.К., Микадзе Ю.В., Балашова Е.Ю. Неуспевающие дети: нейропсихологическая диагностика младших школьников : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. – Москва : Юрайт, 2017. – 156 с.
- Манелис Н.Г. Развитие оптико-пространственных функций в онтогенезе // Школа здоровья. – 1997. – Т. 4. – № 3. – С. 25–37.
- Методы нейропсихологического обследования детей 6–9 лет / под общ. ред. Т.В. Ахутиной. – Москва : В. Секачев, 2016. – 280 с.
- Микадзе Ю.В. Нейропсихология детского возраста : учебное пособие. – Санкт-Петербург : Питер, 2013. – 288 с.
- Нейропсихологическая диагностика. Классические стимульные материалы / сост. Е.Ю. Балашова, М.С. Ковязина. – Москва : Генезис, 2014. – 12 с. (+ 72 л.)
- Полонская Н.Н. Нейропсихологическая диагностика детей младшего школьного возраста : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Москва : Академия, 2007. – 192 с.
- Практическая нейропсихология. Опыт работы с детьми, испытывающими трудности в обучении / под ред. Ж.М. Глозман. – Москва : Генезис, 2016. – 336 с.
- Психологическая диагностика нейрокогнитивного дефицита: рестандартизация и апробация методики «Комплексная фигура» Рея-Остеррита : методические рекомендации / разработ.: Л.И. Вассерман, Т.В. Чередникова. – Санкт-Петербург, 2011. – 68 с.
- Семаго Н.Я., Семаго М.М. Диагностический комплект психолога : методическое руководство. – Москва : АПКИПРО РФ, 2007. – 128 с.
- Семенович А.В. Введение в нейропсихологию детского возраста : учебное пособие. – Москва : Генезис, 2013. – 319 с.
- Симерницкая Э.Г. О предмете и специфике детской нейропсихологии // А.Р. Лурия и современная психология : сборник статей памяти А.Р. Лурии / под ред. Е.Д. Хомской, Л.С. Цветковой, Б.В. Зейгарник. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – С. 110–118.
- Цветкова Л.С. Методика нейропсихологической диагностики детей. – Москва : Педагогическое общество России, 2000. – 128 с.
- Шмелев А.Г. Практическая тестология. Тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом. – Москва : Маска, 2013. – 688 с.
- Awad N., Tsiakas M., Gagnon M., Mertens V.B., Hill E., & Messier C. (2004). Explicit and objective scoring criteria for the Taylor complex figure test. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 26(3), 405–415. doi: 10.1080/13803390490510112
- Casey M.B., Winner E., Hurwitz I., & DaSilva D. (1991). Does processing style affect recall of the Rey-Osterrieth or Taylor complex figures? *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 13(4), 600–606. doi: 10.1080/01688639108401074
- Del Pino R., Peña J., Ibarretxe-Bilbao N., Schretlen D.J., & Ojeda N. (2015). Test de la figura compleja de Taylor: administración y corrección según un proceso de normalización y estandarización en población española. *Revista De Neurologia*, 61(9), 395–404.
- Duley J.F., Wilkins J.W., Hamby S.L., Hopkins D.G., Burwell R.D., & Barry N.S. (1993). Explicit scoring criteria for the Rey-Osterrieth and Taylor complex figures. *The Clinical Neuropsychologist*, 7(1), 29–38. doi: 10.1080/13854049308401885
- Gagnon M., Awad N., Mertens V.B., & Messier C. (2003). Comparing the Rey and Taylor Complex Figures: A Test-Retest Study in Young and Older Adults. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 25(6), 878–890. doi: 10.1076/jcen.25.6.878.16480
- Kuehn S.M., & Snow W.G. (1992). Are the Rey and Taylor figures equivalent? *Archives of Clinical Neuropsychology*, 7(5), 445–448.
- Melrose R.J., Harwood D., Khoo T., Mandelkern M., & Sultzer D.L. (2013). Association between cerebral metabolism and Rey-Osterrieth Complex Figure Test performance in Alzheimer's disease. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 35(3), 246–258. doi: 0.1080/13803395.2012.763113
- Meyers J.E., & Meyers K.R. (1995). Rey complex figure test under four different administration procedures. *The Clinical Neuropsychologist*, 9(1), 63–67. doi: 10.1080/13854049508402059
- Osterrieth P.A. (1944). La test de copie d'une figure complexe. *Archives de Psychologie*, 30, 206–356.
- Rey A. (1941). L'examen psychologie dan les cas d'encéphalopathie traumatique (Les problèmes). *Archives de Psychologie*, 28, 215–285.
- Stern R.A., Singer E.A., Duke L.M., Singer N.G., Morey C.E., Daughtrey E.W., & Kaplan E. (1994.) The Boston qualitative scoring system for the Rey-Osterrieth complex figure: Description and interrater reliability. *Clinical Neuropsychologist*, 8(3), 309–322. doi: 10.1080/13854049408404137
- Strauss E., & Spreen O. (1990). A comparison of the Rey and Taylor figures. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 5(4), 417–420. doi: 10.1093/arclin/5.4.417
- Strauss E., Sherman E.M.S., & Spreen O. (2006). A Compendium of Neuropsychological Tests: Administration, Norms, and Commentary. 3rd ed. New York: Oxford University Press, 1240.
- Taylor E.M. (1959). Psychological Appraisal of Children with Cerebral Defects. Cambridge: Harvard University Press, 499. doi: 10.4159/harvard.9780674367494
- Taylor L.B. (1969). Localisation of cerebral lesions by psychological testing. *Clinical Neurosurgery*, 16, 269–287. doi: 10.1093/neurosurgery/16.CN_suppl_1.269
- Taylor L.B. (1979). Psychological assessment of neurosurgical patients. (Eds.) T. Rasmussen, & R. Marino. *Functional Neurosurgery*. New York: Raven Press, 165–180.
- Tombaugh T.N., & Hubley A.M. (1991). Four studies comparing the Rey-Osterrieth and Taylor complex figures. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 13(4), 589–599. doi: 10.1080/01688639108401073
- Tremblay M.P., Potvin O., Callahan B.L., Belleville S., Gagnon J.F., Caza N., Ferland G., Hudon C., & Macoir J. (2015). Normative data for the Rey-Osterrieth and the Taylor complex figure tests in Quebec-French people. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 30(1), 78–87. doi: 10.1093/arclin/acu069

Vingerhoets G., Lannoo E., & Wolters M. (1998). Comparing the Rey-Osterrieth and Taylor Complex Figures: Empirical data and meta-analysis. *Psychologica Belgica*, 38(2), 109–119.

Yamashita H. (2006). Comparability of the Rey-Osterrieth Complex Figure, the Taylor Complex Figure, and the Modified Taylor Complex Figure in a normal sample of Japanese speakers. *Psychological Reports*, 99(2), 531–534. doi: 10.2466/pr0.99.2.531-534

References:

- Akhutina T.V. (ed.) (2016). Methods of neuropsychological examination of 6–9 year old children. Moscow, V. Sekachev, 280.
- Akhutina T.V., & Pylaeva N.M. (2015). Overcoming the difficulties of learning: Neuropsychological approach: studies. allowance for stud. institutions higher. education. Moscow, Akademiya, 288.
- Akhutina T.V., Kamardina I.O., & Pylaeva N.M. (2012). Neuropsychologist at school: a manual for teachers, school psychologists and parents. Moscow, V. Sekachev, 48.
- Akhutina T.V., Korneev A.A., & Matveeva E.Yu. (2016). Development of programming and control functions in children aged 7–9 years. [Vestnik Moskovskogo Universiteta]. Series 14. Psychology, 1, 42–63.
- Awad N., Tsiakas M., Gagnon M., Mertens V.B., Hill E., & Messier C. (2004). Explicit and objective scoring criteria for the Taylor complex figure test. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 26(3), 405–415. doi: 10.1080/13803390490510112
- Balashova E.Yu., & Kovyazina M.S. (2014). Neuropsychological diagnosis. Classic stimulus materials. Moscow, Genesis, 12 (+ 72)
- Balashova E.Yu., & Kovyazina M.S. (2013). Neuropsychological diagnostics in questions and answers. Moscow, Genesis, 240.
- Casey M.B., Winner E., Hurwitz I., & DaSilva D. (1991). Does processing style affect recall of the Rey-Osterrieth or Taylor complex figures? *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 13(4), 600–606. doi: 10.1080/01688639108401074
- Del Pino R., Peña J., Ibarretxe-Bilbao N., Schretlen D.J., & Ojeda N. (2015). Test de la figura compleja de Taylor: administración y corrección según un proceso de normalización y estandarización en población española. *Revista De Neurologia*, 61(9), 395–404.
- Duley J.F., Wilkins J.W., Hamby S.L., Hopkins D.G., Burwell R.D., & Barry N.S. (1993). Explicit scoring criteria for the Rey-Osterrieth and Taylor complex figures. *The Clinical Neuropsychologist*, 7(1), 29–38. doi: 10.1080/13854049308401885
- Gagnon M., Awad N., Mertens V.B., & Messier C. (2003). Comparing the Rey and Taylor Complex Figures: A Test-Retest Study in Young and Older Adults. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 25(6), 878–890. doi: 10.1076/jcen.25.6.878.16480
- Glozman J.M. (2009). Neuropsychology of childhood: manual. Moscow, Akademiya, 272.
- Glozman J.M. (2017). Neuropsychology of childhood: textbook. Moscow, Yurayt, 258.
- Glozman J.M., & Soboleva A.E. (2013). Neuropsychological diagnosis of school-age children. Moscow: Smysl, 166.
- Glozman Zh.M. (ed.) (2016). Practical neuropsychology. Experience of working with children learning with difficulties. Moscow, Genesis, 336.
- Korsakova N.K., Mikadze Yu.V., & Balashova E.Yu. (2017). Non-achiever children: neuropsychological diagnosis of younger students: manual. Moscow, Yurayt, 156.
- Kuehn S.M., & Snow W.G. (1992). Are the Rey and Taylor figures equivalent? *Archives of Clinical Neuropsychology*, 7(5), 445–448.
- Manelis N.G. (1997). Development of optical-spatial functions in ontogenesis. [Shola zdorov'ya], 4(3), 25–37.
- Melrose R.J., Harwood D., Khoo T., Mandelkern M., & Sultzer D.L. (2013). Association between cerebral metabolism and Rey-Osterrieth Complex Figure Test performance in Alzheimer's disease. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 35(3), 246–258. doi: 10.1080/13803395.2012.763113
- Meyers J.E., & Meyers K.R. (1995). Rey complex figure test under four different administration procedures. *The Clinical Neuropsychologist*, 9(1), 63–67. doi: 10.1080/13854049508402059
- Mikadze Yu.V. (2013). Neuropsychology of childhood: study guide. St. Petersburg, Piter, 288.
- Osterrieth P.A. (1944). La test de copie d'une figure complexe. *Archives de Psychologie*, 30, 206–356.
- Polonskaya N.N. (2007). Neuropsychological diagnosis of children of primary school age: manual for higher school. Moscow, Akademiya, 192.
- Rey A. (1941). L'examen psychologie dan les cas d'encéphalopathie traumatique (Les problèmes). *Archives de Psychologie*, 28, 215–285.
- Semago N.Ya., & Semago M.M. (2007). The diagnostic kit of the psychologist: manual. Moscow, APKiPRO RF, 128.
- Semenovich A.V. (2013). Introduction to the neuropsychology of childhood: study guide. Moscow, Genesis, 319.
- Shmelev A.G. (2013). Practical testing. Testing in education, applied psychology and personnel management. Moscow, Maska, 688.
- Simernitskaya E.G. (1982). On the subject and specifics of child neuropsychology. A.R. E.D. Chomskoy, L.S. Tsvetkova, & B.V. Zeigarnik (eds.) [Luriya i sovremennaya psikhologiya: sbornik statey pamyati A.R. Lurii]. Moscow, Izdatelstvo Moskovskovskogo Universiteta, 110–118.
- Stern R.A., Singer E.A., Duke L.M., Singer N.G., Morey C.E., Daughtrey E.W., & Kaplan E. (1994). The Boston qualitative scoring system for the Rey-Osterrieth complex figure: Description and interrater reliability. *Clinical Neuropsychologist*, 8(3), 309–322. doi: 10.1080/13854049408404137
- Strauss E., & Spreen O. (1990). A comparison of the Rey and Taylor figures. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 5(4), 417–420. doi: 10.1093/arclin/5.4.417
- Strauss E., Sherman E.M.S., & Spreen O. (2006). A Compendium of Neuropsychological Tests: Administration, Norms, and Commentary. 3rd ed. New York: Oxford University Press, 1240.
- Taylor E.M. (1959). Psychological Appraisal of Children with Cerebral Defects. Cambridge: Harvard University Press, 499. doi: 10.4159/harvard.9780674367494
- Taylor L.B. (1969). Localisation of cerebral lesions by psychological testing. *Clinical Neurosurgery*, 16, 269–287. doi: 10.1093/neurosurgery/16.CN_suppl_1.269
- Taylor L.B. (1979). Psychological assessment of neurosurgical patients. (Eds.) T. Rasmussen, & R. Marino. Functional Neurosurgery. New York: Raven

Press, 165–180.

Tombaugh T.N., & Hubley A.M. (1991). Four studies comparing the Rey-Osterrieth and Taylor complex figures. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 13(4), 589–599. doi: 10.1080/01688639108401073

Tremblay M.P., Potvin O., Callahan B.L., Belleville S., Gagnon J.F., Caza N., Ferland G., Hudon C., & Macoir J. (2015). Normative data for the Rey-Osterrieth and the Taylor complex figure tests in Quebec-French people. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 30(1), 78–87. doi: 10.1093/arclin/acu069

Tsvetkova L.S. (2000). Methods of neuropsychological diagnosis of children. Moscow, Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 128.

Vingerhoets G., Lannoo E., & Wolters M. (1998). Comparing the Rey-Osterrieth and Taylor Complex Figures: Empirical data and meta-analysis. *Psychologica Belgica*, 38(2), 109–119.

Wasserman L.I., & Cherednikova T.V. (2013). The non-verbal technique “The complex figure” of Ray-Osterrit and its psychodiagnostic value for the qualification of the neurocognitive deficiency. [*Sibirskiy Psikhologicheskii zhurnal*], 49, 13–25.

Wasserman L.I., & T.V. Cherednikova (2011). Psychological diagnostics of neurocognitive deficiency: Restructuring and approbation of the Ray-Osterrit technique “Complex figure”: methodical recommendations. St. Petersburg, 68.

Yamashita H. (2006). Comparability of the Rey-Osterrieth Complex Figure, the Taylor Complex Figure, and the Modified Taylor Complex Figure in a normal sample of Japanese speakers. *Psychological Reports*, 99(2), 531–534. doi: 10.2466/pr0.99.2.531-534

Фелицитарная vs дистимная картина мира в современном англоязычном медиадискурсе

Е.В. Темнова

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Поступила 24 октября 2018/ Принята к публикации: 18 марта 2019

Felicitous vs dismal worldview in modern English media discourse

Elena V. Temnova
MGIMO Russia, Moscow, Russia

Received October 24, 2018 / Accepted for publication: March 18, 2019

Актуальность. Развитие медийно-информационных технологий, происходящее в последние десятилетия, неизбежно приводит к смене парадигмы научного знания. При этом интерес ученых фокусируется на изучении хранения, обработки и использования информации когнитивными структурами сознания человека. Гипермедийные средства коммуникации манипулируют сознанием своих реципиентов – синтезируют достоверные научные знания и «развлекают» их мифологемами. Пытаясь расширить когнитивный потенциал своих публикаций, они изменяют представления о сформировавшейся картине мира.

Целью данной работы является исследование представлений англоговорящих реципиентов медиадискурса о футуристическом будущем, представленном в выделенных автором концептосферах (КС): автоматизация труда (Automated Labour), технология Облако (the Cloud), киборгизация (Cyborgs), умный город (Smart City), искусственный интеллект (Artificial Intelligence), 3D-печать (3D Printing), иммерсивная и дополненная реальность (Immersive and Augmented reality), криптовалютная финансовая система (Cryptocurrency Finance).

Описание хода исследования. Проанализированы ведущие рубрики англоязычных медиа, которые включают новостные текстовые материалы и видеосюжеты онлайн-изданий современной качественной прессы (The Daily Telegraph, The Independent, The Economist, The Times, The Financial Times и др.), сетевых новостных порталов (Reuters, BBC, Euronews, CNN), новостных сайтов и блогов (Huffington Post), видеохостинговых сайтов (YouTube), кабельных и спутниковых теле- и радиоканалов (CNBC, Fortune и др.). Среди них: «World» (Мир), «Lifestyle» (Образ жизни), «Science and Technology» (Наука и технологии), «Culture» (Культура), «Sport» (Спорт), «Medicine and Health» (Медицина и здоровый образ жизни), «Business and Finance» (Бизнес и финансы). Методом сплошной выборки выделено 866 лексических единиц, характеризующих фелицитарное/дистимное восприятие картины мира в упомянутых выше концептосферах (КС). Отобранные примеры лексического выражения концептосфер иллюстрируют определенное отношение к модели мира будущего, что позволяет разделить их на две категории. Первая категория содержит лексические единицы, отражающие позитивные или «светлые» ассоциации с теми технологическими достижениями, которые могут иметь место в человеческом обществе будущего. Лексические выражения второй категории формируют у реципиента материалов медиадискурса негативное отношение к реальности будущего.

Результаты исследования. Футуристическая картина мира, отражающая функционирование концептов дискурсивного пространства, предлагаемых средствами гипермедиа, представляется автором в двух аспектах, указывающих либо на позитивное восприятие технологий будущего, либо на негативное – как имеющее отрицательное воздействие на антропоцентрические ценности человека. Соответственно, футуристические представления могут быть представлены в двух категориях: фелицитарная (позитивные представления о мире будущего) и дистимная (негативные представления о мире будущего).

Выводы. Моделирование реальности потенциальных миров будущего в англоязычном медиадискурсе является произведением с открытым финалом, которое ставит реципиента перед дуальным выбором добра и зла, что не является чем-то новым. Разграничение фелицитарной и дистимной картин мира помогает обществу наилучшим образом осознать свою сущность в потоке потенциальных технологических и культурных изменений, чтобы устранить общественную психопатию, связанную с возникновением новых технологий. Сдвиг парадигмы мышления критической массы населения от религиозно-философской к научно-футуристической меняет отношение людей к преобразованиям в социально-общественной жизни. Ментальные структуры с подчеркнутой национально-культурной спецификой в потоке гипермедиа, возникающие во взаимодействии реального мира и футуристических переживаний будущего, служат построению новых путей исследования сущности и разума человека, что является неопределимым вкладом в развитие науки и потенциала дальнейших исследований по заявленной тематике.

Ключевые слова: фелицитарная картина мира, дистимная картина мира, медиадискурс, гипермедиа, футуризм, футуристическая картина мира, антропоцентрическое знание.

Background. The development of media and information structures in the recent decades has changed the scientific paradigm of knowledge. The scientists get focused on studying how the information is stored, processed and decoded using certain cognitive structures of the human architecture. Hypermedia as a means of manipulating the minds of their recipients combine scientific knowledge and ancient and modern myths. The cognitive potential of media sources is expanded via replacing previous anthropocentric concepts presented in the philosophical, religious and scientific approaches to culture.

The Objective of the study is to look into the futuristic ideas implied in the media discourse and presented in the following conceptual spheres: Automated Labor, Cloud Technology, Cyborgs, Smart City, Artificial Intelligence, 3D Printing, Immersive and Augmented reality, Cryptocurrency Finance.

Design. The following sections of English media are analyzed: World, Lifestyle, Science and Technology, Culture, Sport, Medicine and Health, Business and Finance. They include news, features, editorials, columns, etc., videos and even memes. The online quality papers such as The Daily Telegraph, The Independent, The Economist, The Times, The Financial Times, etc. Network news portals (Reuters, BBC, Euronews, CNN), news websites and blogs (Huffington Post), video hosting sites (YouTube), cable and satellite television and radio channels (CNBC, Fortune, etc.) are in the focus of the research. The sample includes 866 lexical units that shape either felicitous or dismal perception of the conceptual spheres identified within the media discourse. The lexical expression of the concept spheres allow to shape the world of the future, which makes it possible to divide them into two categories. The first category contains lexical units that reflect positive associations with the technological advances that may occur in the human society of the future. The lexical expressions of the second category form a negative attitude towards the reality of the future in the recipient of media discourse materials.

Results. The futurist worldview as a reflection of discursive concepts suggested and perceived via hypermedia is presented in two aspects either a positive perception of the advent of technologies and technological advance at a fast pace in the future, or a negative impact on humans and their values.

Conclusion. Shaping the view of potential worlds of the future in the English media discourse is a work with an open ending, which makes the recipient choose between good and evil. The split of the felicitous and dismal worldview helps the recipients to better understand its essence in the stream of potential technological and cultural changes in order to eliminate the social psychopathy associated with the emergence of new technologies. The shift from the religious and philosophical paradigm to the scientific and futurist worldview the attitude of people towards changes in social and public life. Mental structures in the flow of hypermedia perceived through the futurist concepts are to bring about new ways to explore the human nature and human intelligence, which contributes a lot to the development of science and are liable for further research.

Keywords: felicitous worldview, dismal worldview, media discourse, hyper media, futurism, futurist worldview, anthropocentric-based concepts.

Введение

В последние десятилетия на фоне развития медийно-информационных структур происходит смена научной парадигмы знания. При этом интерес исследователей фокусируется на области изучения кластеров хранения, обработки и использования информации когнитивными структурами человека. Когнитивистика как новое явление второй половины XX века позволяет, отринув лингводидактику, морализаторство и софистику, сосредоточиться на антропоцентрическом знании в системе медиа. Возможности когнитивного подхода приблизили разрешение одной из самых невероятных задач науки – постижении человеческого сознания.

В последние десятилетия на фоне развития медийно-информационных структур происходит смена научной парадигмы знания. При этом интерес исследователей фокусируется на области изучения кластеров хранения, обработки и использования информации когнитивными структурами человека

На основании категоризации, которая заложена в концепции когнитивного моделирования (cognitive architecture) человеческого разума (Fodor, Zenon, 1988), при соотношении предметов или явлений окружающей действительности с той или иной категорией ориентиром выступает так называемый прототип или «концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержание» (Болдырев, 2004, С. 32). При этом в качестве прототипа/концепта выступает некая идеализированная когнитивная модель,

посредством которой возможна концептуализация окружающей действительности (Темнова, 2004б, С. 40).

В культурологическом понимании, концепт – это «основная ячейка культуры» в познании человека (Аругюнова, 1987; Степанов, 2007), а культура представляет собой «совокупность концептов и отношений» между ними (Маслова, 2008, С. 46). Согласно социокультурной модели В.В. Красных, «концепт» – это «максимально абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально образные ассоциации, с ним связанные» (Красных, 2003, С. 272).

Слияние онлайн информационных источников, медиаресурсов, компьютерных технологий и телекоммуникаций

в единое коммуникативное пространство, именуемое гипермедиа (Барбрук, Камерон, URL: <http://programming-lang.com/ru/computers/ladlou/0/j51.html>), позволяет выделять в качестве инструментов манипулирования общественным сознанием не только тексты, но и размещаемые в сетевом пространстве интернета видеоматериалы и, даже, мемы.

Дискурс как «процессуальное, динамичное явление, посредством которого осуществляется процесс синхронизированного порождения текста и его вос-

*Не лгать о будущем невозможно,
и поэтому каждый волен лгать о нем так,
как ему заблагорассудится.*

Наум Габо

приятия» может способствовать влиянию на «мыслительные процессы, постоянно изменяя и обновляя уже имеющуюся базу ментальных репрезентаций» (Темнова, 2004, С. 32). Таким образом, можно предположить, что медиадискурс как отдельный вид дискурса отражает окружающую действительность с учетом идеологических и культурно-детерминированных установок, принятых в обществе, что выражается в «маркерах дискурса». Под маркерами дискурса понимается отбор информации для конкретного издания, что оказывает влияние на формирование характера заголовков, определенным образом структурирует контент статьи, что создает своего рода дискурсоферу, предполагающую охват всего комплекса дискурсообразующих факторов, маркеров дискурса, текстов и всю совокупность условий осуществления коммуникации, в данном случае в массмедийной сфере (Менджеричкая, 2017, С. 48).

Согласно Т. ван Дейку, дискурс представляет собой «трансдисциплинарное» явление (Dijk, 2007) и включает точки зрения социологов (Х. Закс, Э. Шеглофф, Гейл Джефферсон), этнографов (Д. Хаймс), психологов (У. Кинтц, М. Гернсбакер), литературоведов, лингвистов (А.А. Кибрик, В.А. Плунгян). Если в лингвистике дискурс понимается как совокупность текстов с учетом их экстралингвистических параметров, то в других областях знания его понимают как вид речевой коммуникации, при которой необходимо рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни (Habermas, 1986), (Миронова 1997, С. 42, 47), либо делают акцент на общении как способе реализации определенных дискурсивных практик (Foucault, 1972).

Принимая во внимание все вышеупомянутые аспекты понимания дискурса, в настоящем исследовании будут использованы знания лингвистики, психологии, философии и логики.

Дискурсивные стратегии затрагивают, прежде всего, представителей так назы-

Елена Владимировна Темнова –

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка №2 Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России)
E-mail: elena.temnova@gmail.com
<https://mgimo.ru/people/temnova/>

ваемого поколения Y (родившиеся между 1981 и 2000 гг.), которое получило статус Digital Natives или «цифровое поколение». Их способ мышления и процессы обработки информации принципиально отличаются от тех, которые использовали предыдущие поколения. Формализующими концептами современной медийной культуры этих людей являются такие способы передачи информации, которые содержат минимальное количество текста и большое количество видео, в большинстве случаев воплощенное в мемах (термин Ричарда Докинза) (Dawkins, URL: <http://www.rubinghscience.org/memetics/dawkinsmemes.html>).

Анализ медийного пространства современных источников информации, в числе которых онлайн издания англоязычной качественной прессы (The Daily Telegraph, The Independent, The Economist, The Times, The Financial Times, The New York Times, The Wall Street Journal, The Washington Post, The Times, The New Yorker и других), сетевых новостных порталов (Reuters, BBC, Euronews, CNN, Bloomberg), новостных сайтов и блогов (Huffington Post), видеохостинговых сайтов (YouTube), кабельных и спутниковых теле- и радиоканалов (CNBC, Fortune и др.), позволяет сделать вывод о том, что данный материал широко использует образы научно-фантастической реальности. Формированию этих образов способствуют несколько факторов.

Во-первых, цитирование авторами медийных материалов произведений научной фантастики, основополагающие концепты которой были сформулированы представителями зарубежной классики Реем Бредбери, Робертом Шекли, Айзеком Азимовым, Станиславом Лемом, Аркадием и Борисом Стругацкими и др. Многие онлайн издания англоязычных газет размещают материал о пророчествах писателей научной фантастики, которые уже сбылись. Например, широко цитируются предсказания Рэя Бредбери: наушники («ракушки»), телевизоры с плоским экраном, банкоматы, социальная сеть, автомобили с искусственным интеллектом и многие другие ('Ray Bradbury: 10 of his most prescient predictions', The Washington Post, 2017).

Во-вторых, использование журналистами и колумнистами различных рубрик (News, Technology, Business, Entertainment,

и другими) онлайн изданий зарубежной прессы образов фантастических произведений кинематографа, таких как «Я робот» (2004) ('What Isaac Asimov Taught Us About Predicting the Future', The New York Times, 2018), трилогия «Матрица» (1999, 2003) ('How Our Capitalist Society Is Like 'The Matrix'', Huffington Post, 2017; 'From red pills to red, white and blue Brexit: how The Matrix shaped our reality', Guardian, 2019), «Ex Machina» (2014) ('Robots will never rise up against humans because they will be part of the family, AI expert says', The Telegraph/News, 2018; 'Deus ex machina: former Google engineer is developing an AI god', The Guardian/Technology, 2017) «Амелия 2.0» (2017) ('Intelligent machines: Meet Watson and Amelia', BBC, 2017), «Сфера» (2018) ('In 'The Circle,' Click Here if You Think You're Being Watched', NY Times, 2017) и многих других, изображающих искусственный интеллект в интерактивном общении с человеком либо в сингулярном единстве с ним.

Футуристическая модель восприятия будущего подобна образу жизни того, кто мучительно ищет новые пути, побуждаемый внутренней потребностью движения вперед. При этом движение вперед отнюдь не подкреплено устоявшимися нормами социального поведения как отдельного индивида, так и общности людей в целом, что ведет к отрицанию культурно-исторических ценностей.

В-третьих, активное цитирование авторами медийных материалов предсказаний философов, футурологов, технических гениев XX века, таких как Маршалл Маклюэн ('MacLuhan: Now the medium is the Massage', NY Times, 2018), Рэймонд Курцвейль ('Human 2.0 Is Coming Faster Than You Think. Will You Evolve With The Times?' Forbes, 2018), Герд Леонгард ('Futurist Gerd Leonhard talks to Business Insider about cryptocurrency, the professions that will disappear over the next 20 years, and why he quit Facebook', Business Insider, 2018), Илон Маск (интервью с Илоном Маском: Elon Musk and the frontier of Technology – interview, 2018. <https://www.pbs.org/thinktank/transcript1292.htm>; Elon Musk interview transcript – How to Build the Future, 2018. <https://ruscribd.com/document/324130713/Elon-Musk-interview-transcript-How-to-Build-the-Future>).

Таким образом, вышеозначенные факторы влияют на сознание реципиента медийных материалов в определенном ключе, формируя определенно социаль-

но-исторический контекст, в котором этот реципиент себя ощущает и воспринимает.

Футуристическая картина современных медиа

Если рассматривать дискурс как единое внешнее пространство, в котором размещается сеть различных (временных и пространственных) характеристик (Темнова, 2004), то наполненность ментального пространства гипермедиа концептами научной фантастики можно воспринимать как эволюционное восхождение социально-психологического знания, т.к. используются все новые механизмы воздействия на социально-психологические качества личности современными средствами гипермедиа. Обсуждение достижений научно-технического прогресса в ключе потока нарождающихся квантовых технологий,

так активно обсуждаемых в гипермедиа (не только в текстовой виде, но и в форме видео материалов), явно отсылает к образам футуристической модели будущего. Илон Маск именует такое использование модальности будущего «играми с футуристическим огнем» (Matyszczuk, URL: <https://www.cnet.com/news/elon-musk-im-afraid-of-the-terminator/>).

Футуристическая модель восприятия будущего подобна образу жизни того, кто мучительно ищет новые пути, побуждаемый внутренней потребностью движения вперед (Тойнби, 1991). При этом движение вперед отнюдь не подкреплено устоявшимися нормами социального поведения как отдельного индивида, так и общности людей в целом, что ведет к отрицанию культурно-исторических ценностей. Так, в манифесте Т.Ф. Маринетти (Manifesto du Futurisme, URL:<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2883730/f1.image>) подобное отрицание опыта прошлого выражается в его критике. Он пишет, что «у

нас нет жизни, есть только одни воспоминания о более славном прошлом ... Мы живем в великолепном саркофаге, в котором плотно привинчена крышка, чтобы не проник свежий воздух». Современные медиа приоткрывают крышку саркофага Маринетти и ставят под сомнение высказанную им более 100 лет назад идею.

Анализ современных медийных онлайн изданий (тексты статей, видеосюжеты, заголовки, мемы) говорит о том, что прошлое забыто, и человечество

Анализ современных медийных онлайн изданий (тексты статей, видеосюжеты, заголовки, мемы) говорит о том, что прошлое забыто, и человечество устремлено в будущее. Авторами онлайн публикаций активно используются цифры 2030 и 2050 как обозначение рубежных лет техногенных и научных достижений

устремлено в будущее. Авторами онлайн публикаций активно используются цифры 2030 и 2050 как обозначение рубежных лет техногенных и научных достижений. Принимая во внимание то, что медиадискурс, будучи динамичным явлением, вносит изменения в ментальную базу человека и способствует ее постоянному обновлению (Темнова, 2004, С. 32), постоянно напитывается понятиями не только существующей окружающей действительности, но также возможных потенциальных миров и становится вместилищем футуристических образов.

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что медиадискурс является вместилищем репрезентаций не только существующей окружающей

Гипермедиа манипулируют сознанием своих реципиентов: синтезируют научные данные и разбавляют их мифологемами. Пытаясь расширить когнитивный потенциал своих публикаций, они на самом деле подменяют ими понятия уже сложившего антропоцентрического знания, представленного в других картинах мира

действительности, но также возможных потенциальных миров. Таким образом, вывод о том, что медиакартинка мира формируется сквозь призму футуристического мировосприятия и служит формированию футуристической картины мира (Темнова, 2018), уже не кажется столь притянутым.

В картине мира как неотъемлемом явлении языковой личности (Виноградов, 1980) выражено национально-специфическое видение мира. Картина мира по-

нимается как «отображение в психике человека предметной окружающей действительности» (Леонтьев, 1993, С. 18; Красных, 2003, С. 61). При этом научная картина мира призвана отражать объективное знание человечества и является результатом познавательной деятельности человека как ученого, в отличие от так называемой наивной картины мира, порожденной обыденным сознанием. (Любимова, Бузальская, 2011).

Становление и развитие человеческого

знания о мире формируют определенный подход к извлечению и существованию этого знания, что позволяет сформулировать основные этапы развития представления человека о себе и мире в философской, религиозной и научной картине мира (Арутюнова, 1987).

Антропоцентрическое знание в рамках подхода, изучающего картину мира как систему представлений человека о самом себе в окружающем его мире, обычно формулируется в следующих категориях: знания о происхождении вселенной, принципах функционирования окружающей действительности, поступках о человека о существовании социального общества, роли познания и когнитивной деятельности человека,

противопоставлении человека высшему разуму и др. Философская картина мира складывается на основе представления философов от Гераклита до наших дней. Знания философов обусловлены метафизическими характеристиками окружающей действительности, здесь важную роль играет представление о материи и идее, которые находятся в дуальной противоположности.

Футуристическая картина мира, наряду с мифологической, религиозной, фило-

софской, научной формами мировоззрения как один из способов представления человека о развитии жизни и потенциала человека и сообщества людей в целом, представляет синкретическую совокупность научных теорий, предсказаний научных фантастов, а также различных мифологий, где теория струн смешана с легендами о ясные Игдрассиль, технические достижения, экранизированные в фантастической эпопее «Звездные войны», сосуществуют с предсказаниями Рея Брэдбери с примесью эсхатологических последствий существования человека в сингулярном единстве с машиной и т.п. Так, в пространстве медиадискурса реципиент ощущает себя в плавильном котле постмодернистского пространства. Гипермедиа манипулируют сознанием своих реципиентов: синтезируют научные данные и разбавляют их мифологемами. Пытаясь расширить когнитивный потенциал своих публикаций, они на самом деле подменяют ими понятия уже сложившего антропоцентрического знания, представленного в других картинах мира.

Важно то, что футуристическая картина мира как отражение функционирования концептов дискурсивного пространства, предлагаемых средствами гипермедиа, представлена в дихотомии положительного («+») и отрицательного («-»), указывающих либо на позитивное восприятие технологий будущего, либо как на имеющие негативное воздействие на развитие антропоцентрических ценностей человека.

На основе функционирования дискурса современных медиа можно выделить следующие особенности футуристической картины мира в сравнении с представлениями человека о себе и окружающем мире на предыдущих этапах социально-исторического прогресса в философской, религиозной и научной картинах мира, которые могут быть представлены с учетом указанных характеристик в сводной таблице 1.

Фелицитарность vs дистимность восприятия будущего современными медиа

Характеристики антропоцентрического знания, представленные в положи-

Табл. 1. Антропоцентрическое знание в картинах мира (КМ).

Антропоцентрическое знание	КМ			
	Философская	Религиозная	Научная	Футуристическая
Вселенная	происхождение вселенной, понятие атома, материализм	окружающий мир и вселенная созданы Богом	научные теории происхождения вселенной (большой взрыв и т.п.), космогония, физические основы материального мира (механика, физическая, химическая и биологическая субстанция существования тел)	человек – создатель технического прогресса
Происхождение сущего	материализм (пространство, время) vs идеализм (сознание, мышление, бессознательное)	человек создан по «образу и подобию Божьему»	научный прогресс; существование биологического тела регулируется законами физики, химии и других естественных наук	«+» мир, в котором правит искусственный интеллект, является творением человека; замещение человеческого труда автоматизированным для выполнения монотонных операций или на вредном производстве; «-» искусственный интеллект эволюционирует и начинает управлять человеком, не исключено порабощение человека машинами
Познание	познание как проявление диалектического взаимодействия материального и духовного; самопознание (nosce te ipsum)	высший промысел непостижим и не подвергается сомнению; знание «нисходит» на человека свыше	познавательная когнитивная деятельность и некоторые аспекты человеческой психики	«+» расширение когнитивного потенциала людей за счет сращения мозга человека с компьютером, интеграция человека и машины (сингулярность); «-» чипизация, тотальный контроль власти над индивидом, зомбирование; нежелание и невозможность что-то изменить, чувство опустошенности и апатия
Поступки человека и социальное существование	судьба определяется поступками человека (кармическое исцеление либо воздаяние как частный случай обретения судьбы)	человек греховен по своей сути, наказание следует за содеянный поступок	человек сам управляет своей жизнью с помощью современного знания о мире	«+» технические изобретения (3D печать органов и т.п.) избавят людей от страданий; иммерсивная реальность поможет избежать психологических проблем посредством погружения в иную реальность; переход к неорганическим формам жизни; расширение физических способностей людей (имплантаты, микрочипы, наноботы); «-» киборгизация требует финансовых затрат; усугубление социального неравенства и имущественного расслоения общества; социальные, юридические, человеческие права и свободы киборгов не определены, их положение в обществе маргинально
Представления о завершении существования	не исключена возможность переселения душ (метемпсихоз как частный случай продления существования)	будущее видится как избавление от греховного существования и победа над злом	частичное корректирование с помощью собственных сил и использованием технологий и научных достижений (например, в области медицины)	«+» человек будем жить вечно (трансгуманизм); освоение жизненного потенциала других планет; переход человека к неорганическим формам жизни «-» существование человека в информационном потоке квантовых технологий не избавит человечество от страданий; элиминирование человеческой самоидентичности; социальная тревожность и депрессия усугубятся; духовное развитие будет приостановлено

тельным и негативном влиянии на адресата, могут быть классифицированы как дискурсообразующие элементы в системе картины мира. Подобное противопоставление концептов положительного и негативного восприятия будущего через призму гипермедиа формирует концептообразующие понятия, направленные на формирование фелицитарной картины мира (способствующей светлому восприятию будущего) и дистимной картины мира (способствующей мрачному восприятию будущего) у адресатов гипермедиа.

Фелицитарность (лат. Felicitas – счастье) как понятие психического здоровья индивида выступает для измерения показателей благополучия и качества жизни. Феномен счастья в аксиологической системе ценностей находит отражение в антропоцентрическом познании культурной среды, в которой существует индивид. (Гаврилова 2003).

Термин «дистимный», заимствованный из сферы психологии, где он применяется к акцентуированным личностям (Leonhard, 1968) и означает сосредоточен-

ность на темной, мрачной стороне жизни, а также склонность к депрессии (Большой психологический словарь, URL:(http://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/index?id=2790), в данной работе используется как характеристика мрачного будущего, несущего утрату идеалов, физическое разрушение и ожидания конца света.

Суттественное восприятие будущего, представленное дуальными противоположностями установившихся в религиозном сознании и перенесенных в другие виды дискурса понятий рая и ада, прелом-

Table 1. Philosophical, religious, scientific and futuristic worldview on basic concepts of human knowledge

Concepts of human knowledge	Worldview			
	Philosophical	Religious	Scientific	Futuristic
Universe	Origin of the Universe, atom, materialistic issues	The Universe and the surrounding world were created by God	Scientific theories of the origin of the Universe (e.g. Big Bang) cosmogony, physical bases of the material world (mechanics, physical, chemical, biological living of things)	Man is a founder of the technological advance
Origin of Things	Material issues (space and time) vs ideal issues (consciousness, thinking, unconsciousness)	Man was created in the "image and likeness of God"	Technical advance; biological body living is regulated by the principles of physics, chemistry, etc.	"+"The world flooded with artificial intelligence is the creation of man; leaving jobs for automated labour to avoid monotonous work or hazardous production; "- artificial intelligence evolves and begins to control a person, the enslavement of man by machines is quite probable
Cognition	Cognition as a dialectic combination of the material and spiritual issues; Self-perception (nosce te ipsum)	God works in mysterious ways, but these works are beyond doubting; knowledge descend from God if he wishes	cognitive structures and some aspects of the human psyche are involved	"+" Expansion of human cognitive potential due to melding the human brain with a computer; human is merged with a machine (singularity); "- chiping, total control of over the human individual, zombies; unwillingness and impossibility to make changes, feeling of emptiness and apathy, frustration
Human Behaviour and Social Living	fate is determined by the person's behaviour (karma as salvation)	man is sinful in nature, punishment follows act committed	people are free to control their lives using knowledge of modern the world that are available	"+"Technical inventions (3D printing of organs, etc.) will relieve people from suffering; immersive and augmented reality will help avoid psychological problems in immersive reality; transition to inorganic life forms; technologically enhanced humans (body implants, microchips, nanobots); "- being a cyborg is costly; aggravation of social and property inequality; social, legal, human rights and freedoms of cyborgs are not identified, cyborgs are marginal citizens
Notions of the End of Living	soul relocation is optional (metempsychosis as a kind of prolonging life)	the future is seen as deliverance from sinful existence and victory over evil	adjustment using own strength and using technology and scientific advances (e.g. using achievements in medicine)	"+"Eternal living of humans (trans-humanism); relocating to other planets; transition to inorganic life forms; "- human finding themselves within the information flow of quantum technologies will not save humanity from suffering; elimination of human self-identity; social anxiety and depression; low motivation; spiritual development will be blocked

ляется в парадигме перехода состояния человека от земного существования за его пределы. Таким образом, религиозная концепция Рая/Царства Божьего представлена в медийной картине мира фелицитарным понятием сингулярности (англ. Singularity – объединение человека и машины с позитивным мироощущением, преломленным

лярностью, но с негативным оттенком, т.е. превращением человека в киборга без человеческих свобод и сомнительными юридическими правами.

Трансгуманизм понимается как качественно улучшенное в технологическом понимании человеческое тело (англ. technologically enhanced human), что не-

ление и массовое использование квантовых компьютеров, посредством которых человек сможет находиться в пространстве квантовых информационных технологий (Квантовые информационные технологии, 2018 URL: https://education.nsu.ru/quantum_informatics/), что знаменует собой вступление в информационно-квантовую эпоху существования человека. Трансгуманизм – это то самое состояние, которое сможет избавить человека от страданий и поможет преодолеть смерть. Одной из целей и важнейших черт трансгуманизма является «научный иммортализм» (то есть стремление максимально отсрочить смерть при помощи достижений науки). (Трансгуманизм: светлое будущее ..., URL: <https://robo-sapiens.ru/stati/transgumanizm-svetloe-budushhee-ili-mrchnaya-antiutopiya/>).

Использование принципов квантовой физики сделает возможным долгожданное появление и массовое использование квантовых компьютеров, посредством которых человек сможет находиться в пространстве квантовых информационных технологий, что знаменует собой вступление в информационно-квантовую эпоху существования человека

в парадигме трансгуманизма (вечного существования человека) (Kurzweil, 2017). При этом концепция Ада/инфернального существования также представлена сингу-

изменно послужит развитием нового витка эволюции человечества. Использование принципов квантовой физики сделает возможным долгожданное появ-

Перед лицом трансчеловеческих преобразований ученые современной эпохи вынуждены принимать дуальное функционирование аксиологических ценностей, т.е. прогнозировать оборотную сторону жизни в будущем, несущую разрушительное воздействие духовной составляющей человеческой жизни, что может быть выражено в дистимной картине мира.

Анализ медиа показывает, что одним из активных сторонников данной позиции выступает Илон Маск, инженер, предприниматель, изобретатель, новатор, прославившийся своей инвесторской деятельностью в области искусственного интеллекта. Медиа все чаще цитируют отрывки из интервью с ним (Elon Musk and ..., URL: <https://www.pbs.org/thinktank/transcript1292.htm>), в котором Маск делится своими сомнениями относительно выдающейся роли искусственного интеллекта в системе антропософских ценностей будущего, что выражаются в дискурсивном значении мрачности/дистимности его высказываний относительно будущего (grim predictions, grim warning, wild predictions – индекс дискурсивных элементов мрачности достаточно высок – см. таблицу 2). При этом указание на то, что робототехника представляет собой нечто зловещее и опасное для человечества, прослеживается в заявлениях других медийных личностей, журналистов, ученых и т.д. Демонизация образа искусственного интеллекта (ИИ) и всего, что с ним связано, прослеживается в поп-культуре, в рамках которой негативный сценарий развития ИИ является почти нормой, по сравнению с предсказаниями фелицитарности и всеобщего счастья трансгуманизма.

В данной работе проанализированы источники англоязычных медиа, которые включают текстовые материалы и видеосюжеты онлайн-изданий современной качественной прессы, а также мемы (The Daily Telegraph, The Independent, The Economist, The Times, The Financial Times, The New York Times, The Wall Street Journal, The Washington Post, The Times, The New Yorker и других), сетевых новостных порталов (Reuters, BBC, Euronews, CNN, Bloomberg), новостных сайтов и блогов (Huffington Post), видеохостинговых сайтов (YouTube), кабельных и спутниковых теле- и радиоканалов (CNBC, Fortune и др.).

В фокусе исследования оказались рубрики “World” (Мир), “Lifestyle” (Образ жизни), “Science and Technology” (Наука и технологии), “Culture” (Культура), “Sport” (Спорт), “Medicine and Health” (Медицина и здоровый образ жизни), “Business and Finance” (Бизнес и финансы).

Методом сплошной выборки выделено 866 лексических единиц, характеризующих фелицитарное/дистимное восприятие картины мира. Проведен анализ лексических единиц материала вышеперечисленных рубрик, включающих текстовые статьи (в том числе заголовки), блоги, видеоматериалы, мемы. Отобранный лексический материал позволил выделить следующие концептообразующие категории: потеря рабочих мест из-за автоматизации труда (leaving jobs for automated labour), технология «Облако» в сфере образования (Cloud technology and E-learning), сингулярность как переход к трансгуманизму (singularity and transhumanism), урбанистический дизайн (forward-thinking urban design), искусственный интеллект и робототехника (AI and robots), 3D-печать человеческих органов и оружия (3D printing of human organs and weapons), иммерсивная и дополненная реальность (immersive and augmented reality), функционирование криптовалют становится нормой жизни (cryptocurrencies go mainstream).

На основе вышеобозначенных концептообразующих категорий выделены следующие концептосферы (КС): автома-

тизация труда (Automated Labour), технология Облако (the Cloud), киборгизация (Cyborgs), умный город (Smart City), искусственный интеллект (Artificial Intelligence), 3D-печать (3D Printing), иммерсивная и дополненная реальность (Immersive and Augmented reality), криптовалютная финансовая система (Cryptocurrency Finance). Концептосферы медиадискурса в лингвистическом выражении имеют определенное количественное выражение.

Отобранные примеры лексического выражения концептосфер иллюстрируют определенное отношение к модели мира будущего, что позволяет разделить их на две категории. Первая категория содержит лексические единицы, отражающие позитивные или «светлые» ассоциации с теми технологическими достижениями, которые могут иметь место в человеческом обществе будущего. Лексические выражения второй категории формируют у реципиента материалов медиадискурса негативное отношение к реальности будущего. Таблица 2 иллюстрирует количественные характеристики выделенных концептосфер и то, как они преломляются в количественных характеристиках фелицитарной и дистимной картин мира.

Из таблицы следует, что самые высокие фелицитарные ожидания в концептосферах «3D-печать» (89,4%), «Автоматизации труда» (87,3%), «Умный» город» (82,8%), за ними по мере снижения следуют «Киборгизация» (79,6%) «Технология «Обла-

Табл. 2. Лингвистическое выражение фелицитарной и дистимной картин мира (КМ) в выделенных концептосферах.

№ пп	Концептосфера	Лингвистическое выражение		Футуристическая КМ, % от количества ссылок по данной концептосфере	
		N	% от общего количества лингвистических выражений	Фелицитарная	Дистимная
1	Автоматизация труда	98	11,3	87,3	15,4
2	Технология «Облако»	91	10,5	64,7	22,4
3	Киборгизация	173	20,0	79,6	31,8
4	«Умный» город	101	11,7	82,8	12,6
5	Искусственный интеллект	83	9,6	58,8	16,8
6	3D-печать	146	16,8	89,4	10,7
7	Иммерсивная и дополненная реальность	59	6,8	38,1	36,8
8	Криптовалютная финансовая система	115	13,3	18,8	14,7
		866			

Table 2. Linguistic units that manifest the felicitous worldview and the dismal worldview within the conceptual spheres of the media discourse.

#	Conceptual Sphere	N	Linguistic Expressions		
			Felicitous Worldview, %	Futuristic Worldview	
			Dismal Worldview, %	Дистимная	
			% of the total N		
1	Automated Labour	98	11,3	87,3	15,4
2	Cloud Technology	91	10,5	64,7	22,4
3	Cyborgisation	173	20,0	79,6	31,8
4	"Smart" City	101	11,7	82,8	12,6
5	Artificial Intelligence	83	9,6	58,8	16,8
6	3D Printing	146	16,8	89,4	10,7
7	Immersive and Augmented Reality	59	6,8	38,1	36,8
8	Cryptocurrencies	115	13,3	18,8	14,7
		866			

ко» (64,7%), «Искусственный интеллект» (58,8%), «Иммерсивная и дополненная реальность» (38,1%). Соответственно, можно сделать вывод, что основные чаяния журналистов, экспертов и профессионалов в этой области могут быть связаны с тран-

сценарию. Концептосфера «Криптовалютная финансовая система» (менее 20%) занимает аутсайдерскую позицию, что может говорить о недостаточной изученности и понимании данной темы англоязычными реципиентами дискурса гипермедиа.

Можно сделать вывод, что основные чаяния журналистов, экспертов и профессионалов в этой области могут быть связаны с трансчеловеческими характеристиками 3D печати органов для замещения травмированных или утраченных органов, тканей, костей, частей человеческого тела

счеловеческими характеристиками 3D печати органов для замещения травмированных или утраченных органов, тканей, костей, частей человеческого тела. Также с 3D печатью может ассоциироваться устранение психологических проблем в межличностных отношениях в семье, когда печать самого человека может спасти от одиночества и помочь обрести се-

С другой стороны, функционирование данной системы на настоящем уровне развития компьютерных технологий (компьютерные майнинговые фермы требуют огромных затрат энергии) может отрицательно сказываться на том, что понимание данной области еще на весьма низком уровне. Возможно, с приходом квантовых компьютеров крипто-

Дистимная картина мира выражена достаточно низким процентным соотношением в вышеперечисленных концептосферах англоязычных гипермедиа, что может свидетельствовать об игнорировании «темной» стороны событий в будущем, вытеснении негативных потоков в бессознательные структуры человеческой психики (Freud, 1915), что требует дальнейших многоуровневых исследований.

мью. Например, в будущем станет возможным с помощью 3D принтера распечатать новые органы и даже человека, который заменит погибшего ребенка или супруга.

Концепты «Автоматизации труда» и «Умный» город» имеют схожую природу и могут трактоваться как поиск лучшей жизни в лоне автоматизированного благоустроенного локуса (Seager, 2016), где лень одно из основных свойств чело-

валютные операции и майнинг криптовалют станут привычными ежедневными процессами.

Удивительно, что «Иммерсивная и дополненная реальность» имеет менее всего ссылок и упоминаний в современных медиа и, соответственно, самую низкую процентную выраженность как филицитарных (38,1%), так и дистимных оценок (36,8%) – почти поровну. Однако, по

сравнению с другими концептосферами, дистимная характеристика (36,8%) концептосферы «Иммерсивная и дополненная реальность» самая высокая среди остальных, что говорит о том, что данная сфера очень волнует авторов медийных произведений. По своим дистимным оценкам с отставанием на 6 десятых следует область «Киборгизация» (31,8%), что также позволяет сделать выводы о наличии у авторов определенных опасений в этой предметной области, свидетельствующих о неприятии данного явления.

В целом, дистимная картина мира выражена достаточно низким процентным соотношением в вышеперечисленных концептосферах англоязычных гипермедиа, что может свидетельствовать об игнорировании «темной» стороны событий в будущем, вытеснении негативных потоков в бессознательные структуры человеческой психики (Freud, 1915), что требует дальнейших многоуровневых исследований.

Заключение

Моделирование реальности потенциальных миров будущего в гипермедиа является производением с открытым финалом, которое ставит реципиента перед дуальным выбором добра и зла, что не является чем-то новым. Однако нельзя отрицать, что футуристическая картина мира ставит под сомнение сложившиеся понятия антропоцентрического знания и антиципаций будущего. Так, техногенный эсхатологизм научных фантастов вполне может замещаться филицитарными представлениями философии трансгуманизма – понятие уязвимости и изнашиваемости биологического тела вымещается ожиданиями лучшего существования в сингулярном единстве машины и человека (Chan, 2017). Согласно Емелину В.А., «освоение любой новой технологической формы так или иначе приводит к ее интериоризации и, как следствие, к видоизменению восприятия человеком реальности сквозь призму новых возможностей». (Емелин, 2013, С. 64) Однако, есть опасения, что человечество может из инвариантной сущности превратиться в вариантный набор популяций (MacLeod, URL: <https://>

aeon.co/essays/communism-failed-what-about-the-ideal-of-global-humanity).

Как утверждалось ранее, футуристический медиадискурс определенным образом воздействуют на адресата и принимают активное участие в формировании картины мира человека (Темнова, 2018). Сегодня гипермедиа в триединстве медиаресурсов, компьютерных технологий и телекоммуникаций оказывают неизбежное влияние на ментальные процессы критической массы населения земного шара, имеющих доступ к сети Интернет. «Интернет всегда будет отражением человека», — считает герой Тома Хэнкса в фильме «Сфера» (Смысл фильма «Сфера», URL: <https://mnogo-smysla.ru/smysl-filma/sfera/>). При этом смысл интернета совсем не в том, что он является эсхатологическим злом, а в том, как будет изменен топос субъекта и как технологии послужат добру и злу.

Разграничение фелицитарной и дистимной картин мира помогает обществу наилучшим образом осознать свою сущность в потоке потенциальных технологических и культурных изменений, чтобы устранить общественную психопатию, связанную с возникновением новых технологий. Например, криптовалютные финансовые транзакции едва ли вызывают понимание у обывателя, что формирует иррациональное неприятие нововведений, которые могут еще более усугубить общественную депрессию, будут способствовать опустошенности и апатии, социальному расслоению среди людей.

Согласно З. Фрейду, эпистемологическая сущность построения общества с фелицитарными антиципациями отходит на второй план: «человек стал, так сказать, богом на протезах, величественным, когда употребляет все свои вспомогательные органы, но они с ним не срослись и доставляют ему порой еще

немало хлопот. Грядущие времена принесут новые, непредставимые сегодня плоды прогресса в этой области культуры, они сделают еще большим его богоподобие. Однако ... мы не должны забывать,

Разграничение фелицитарной и дистимной картин мира помогает обществу наилучшим образом осознать свою сущность в потоке потенциальных технологических и культурных изменений, чтобы устранить общественную психопатию, связанную с возникновением новых технологий

что при всем своем богоподобии современный человек не чувствует себя счастливым» (Фрейд, 1992).

Сдвиг парадигмы мышления критической массы населения от религиозной к научно-футуристической отнюдь не отменяет ее совсем, меняется лишь отношение людей к новым преобразованиям

Семиотико-ментальные структуры с подчеркнутой национально-культурной спецификой в потоке гипермедиа, возникающие во взаимодействии реального мира и футуристических переживаний будущего, служат построению новых путей исследования сущности и разума человека, что является неоценимым вкладом в развитие науки и потенциала дальнейших исследований по заявленной тематике

в социально-общественной жизни. Архетип Эдема как вечного процветания и вечной жизни не отменяли, он предстает в новом альтернативно-терапевтическом ключе ожиданий квантового будущего, трансгуманизма и безбрежной жизни в Облаке. Архетипический образ всепожирающего пламени Инферно, ранее ассоциировавшийся с эсхатологическим концом и завершением существования жизни человека, преломляется в плеяде метафор пунитивных (лат. *punio* – наказывать, карать) образов: апокалиптического влияния искусственного интеллекта и влияния его на все сферы жизни в такой степени, что свобода людей будет ограничена, проявление эмоций будет под запре-

том, в распространении техногенного тоталитаризма (Ланир, 2011, С. 45) как тотального контроля машин над людьми, при котором человек будет лишь мелкой пешкой без прав и свобод. Так, согласно

Д. Ланиру, «скоро компьютеры станут такими большими и быстрыми, а сама Сеть – настолько информационно насыщенной, что люди превратятся в нечто устаревшее, либо в оставленных, как в апокалиптических романах, либо будут поглощены киберсверхчеловеческим нечто» (Ланир, 2011, С. 50).

Что касается фелицитарных признаков будущего, то они позволяют лучше осознать влияние техногенного оптимизма и направить антиципации людей в русло конструктивного построения общества.

Семиотико-ментальные структуры с подчеркнутой национально-культурной спецификой в потоке гипермедиа, возникающие во взаимодействии реального мира и футуристических переживаний будущего, служат построению новых путей исследования сущности и разума человека, что является неоценимым вкладом в развитие науки и потенциала дальнейших исследований по заявленной тематике.

Литература:

- Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // «Вопросы языкознания». – 1987. – № 3. – С. 3–19.
- Барбрук Р., Камерон Э. Калифорнийская идеология [Электронный ресурс] // [programming-lang.com](http://programming-lang.com/ru/computers/ladlou/0/j51.html) : [сайт]. URL: <http://programming-lang.com/ru/computers/ladlou/0/j51.html>
- Барлоу Дж.П. Декларация независимости Киберпространства. [Электронный ресурс] // Net Sago. : [сайт]. URL: <http://www.telecomlaw.ru/articles/declaration.html> – (дата обращения 7.04.2019).
- Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
- Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – Москва, 2003. – 672 с.
- Большой психологический словарь онлайн. [Электронный ресурс] // Психологический центр «Мир вашего Я» : [сайт] URL: http://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/index?id=2790 – (дата обращения 7.04.2019).
- Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва, 1996.

- Виноградов В.В. О языке художественной прозы // В.В. Виноградов Избранные труды. Т. 5. – Москва : Наука, 1980. – 360 с. : ил.
- Гаврилова И.С. Аксиологический смысл концепта «счастье» в лингвокультуре : дис. ... канд. филос. наук. – Волгоград, 2003. – 132 с.
- Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – Москва, 1985.
- Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика. Системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь : учебное пособие. – Москва : Флинта; Наука, 2008. – 264 с.
- Емелин В.А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал. – 2013. – №1(9). – С. 62–70.
- Квантовые информационные технологии [Электронный ресурс] // Новосибирский государственный университет : [сайт]. URL: https://education.nsu.ru/quantum_informatics/ – (дата обращения 24.10.2018).
- Королева М.Н. Счастье как социокультурный феномен : дис. ... канд. социолог. наук. – Москва, 2012. – 164 с.
- Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – Москва : Гнозис, 2003. – 375 с.
- Ланир Д. Вы не гаджет. Манифест. – Москва, 2011.
- Леонтьев А.Н. Образ мира // А.Н. Леонтьев Избранные психологические произведения. – Москва, 1983. – С. 251–261.
- Любимова Н.А., Бузальская Е.В. «Картина мира»: содержание, терминологический статус и общая иерархия ее составляющих // Мир русского языка. – №4. – 2011. – С. 3–20.
- Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – Москва, 2003.
- Маслова В.А. Когнитивная лингвистика : учебное пособие. — Минск : ТетраСистемс, 2008 – 272 с.
- Менджеричкая Е.О. Дискурсофера печатных СМИ. Игра на выживание: монография. – Москва : МАКС Пресс, 2017. – 310 с.
- Миронова Н.Н. Политический дискурс vs. оценочный дискурс // Политический дискурс в России. Материалы рабочего совещания, 30 марта 1997 г. : сборник – Москва : Ин-т языкознания, 1997. – С. 41–50.
- Смысл фильма «Сфера». [Электронный ресурс] // Много смысла : [сайт]. URL: <https://mnogo-smysla.ru/smysl-filma/sfera/> – (дата обращения 24.10.2018)
- Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 601 с.
- Темнова Е.В. Функционально-прагматическая роль метафоры в публицистическом дискурсе: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2004а.
- Темнова Е.В. Современные подходы к изучению дискурса // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 26. – Москва : МАКС Пресс, 2004б. – 168 с.
- Темнова Е.В. The Guardian и футуризм: медиадискурс как средство формирования футуристической картины мира// Cognitive studies of language. Vol XXXIV. Cognition and communication in today's globalized world. Papers of the 8th International Congress on Cognitive Linguistics, October 10–12, 2018. Moscow, Tambov, 2–18. – 322–324.
- Тойнби А.Дж. Постижение истории. – Москва : Прогресс. – 1991. – 736 с.
- Трансгуманизм: светлое будущее или мрачная антиутопия? [Электронный ресурс] // robo-sapiens : [сайт]. URL: <https://robo-sapiens.ru/stati/transgumanizm-svetloe-budushhee-ili-mrachnaya-antiutopiya/> – (дата обращения 24.10.2018)
- Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – Москва : Ренессанс, 1992. – С. 65–134.
- Футуризм [Электронный ресурс] // Энциклопедия кругосвет : [сайт]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino/FUTURIZM.html – (дата обращения 24.10.2018).
- Vaudrillard J. La simulaciyn en el arte. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.analitica.com> (дата обращения 24.10.2018)
- Vaudrillard J. Simulacra and Simulations. Stanford: Stanford University Press, 1988.-184 pp.
- BBC 2016-2018. Электронный ресурс. Режим доступа: www.bbc.com/ (дата обращения 24.10.2018)
- Bloomberg 2016-2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/> (дата обращения 24.10.2018)
- CNBC 2016-2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.cnbc.com/> (дата обращения 24.10.2018)
- Chan L. Elon Musk Wants To Link Brain And Computers: How This Can Give Humans Superpowers. 2017. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.techtimes.com/articles/210238/20170618/elon-musk-wants-to-link-brain-and-computers-how-this-can-give-humans-superpowers.htm> (дата обращения 28.10.2018)
- CNN 2016-2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.cnn.com/> (дата обращения 24.10.2018)
- The Daily Telegraph 2016-2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/> (дата обращения 24.10.2018)
- Dijk T.A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse. – The Hague, 1981. — 271. doi: 10.1515/9783110826142
- Dijk T.A. van. Editor's Introduction: The Study of Discourse: An Introduction. Discourse Studies. 5 vols. Sage Benchmarks in Discourse Studies. London: Sage, 2007. — P. 19-42.
- Dawkins R. The Selfish Gene. Chapter 11. Memes: the new replicators. First published 1976; 1989 edition: Oxford University Press. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.rubinghsience.org/memetics/dawkinsmemes.html> (дата обращения 24.10.2018)
- Dutta S., & Mia I. (2011).The Global Information Technology Report 2010–2011 Transformations 2.0. World Economic Forum. URL: Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.ictliteracy.info/rf.pdf/Global-ITReport-2010-2011.pdf> (дата обращения 24.10.2018)
- The Economist 2016-2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.economist.com/> (дата обращения 24.10.2018) (дата обращения 24.10.2018)
- Elon Musk and the frontier of Technology – interview. 2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.pbs.org/thinktank/transcript1292.htm> (дата обращения 24.10.2018)

- Elon Musk interview transcript – How to Build the Future. 2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ru.scribd.com/document/324130713/Elon-Musk-interview-transcript-How-to-Build-the-Future> (дата обращения 24.10.2018)
- Euronews 2016-2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ru.euronews.com/> (дата обращения 24.10.2018)
- The Financial Times 2016-2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.ft.com/> (дата обращения 24.10.2018). doi: 10.1016/j.ptdy.2018.09.006
- Fodor, Jerry A., and W. Pylyshyn, Zenon «Connectionism and cognitive architecture: A critical analysis.» *Cognition* 28.1–2, (1988), 3–71. doi: 10.1016/0010-0277(88)90031-5
- Foucault M. *The Archaeology of Knowledge*. London & N.Y.: Routledge Classics, 1972. -239 p.
- Freud, Sigmund (1915d): *Die Verdrängung*. GW X, 248-261.
- The Guardian, 2016-2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.theguardian.com> (дата обращения 24.10.2018)
- Gett, E. DeepMind's new research plan to make sure AI is safe. Октябрь 2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://singularityhub.com/2018/10/15/deepminds-new-research-plan-to-make-sure-ai-is-safe/#sm.0000cjnzeu9wpeftl01tlieuhswd> (дата обращения 24.10.2018)
- Habermas J. *Hannah Arendt's Communications Concept of Power // Power / ed. by Steven Lukes*. Oxford: Blackwell, 1986.
- Huffington Post 2016-2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.huffingtonpost.com/> (дата обращения 24.10.2018)
- Hymes D. *The Ethnography of Speaking // Anthropology and Human Behavior*. Washington D.C.: Anthropological Society of Washington, 1962. doi: 10.1037/e596342011-002.
- The Independent 2016-2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/> (дата обращения 24.10.2018)
- Is the mind modular? Tag: Architecture of the human mind. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://inside-the-brain.com/tag/architecture-of-the-human-mind/> (дата обращения 24.10.2018)
- Katz I. J., Fodor J.A. *The structure of a semantic theory*. Language. Baltimore, 1963. doi: 10.2307/411200
- Kurzweil R. *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. – Penguin, 2006.
- Leonhard K. *Akzentuierte Persönlichkeiten*. Berlin: Volk und Gesundheit. – 1968.
- Manifesto du Futurisme, *Le Figaro* 1909/02/20 (Numéro 51). Gallica, Bibliothèque nationale de France.
- Matyszczuk, Chris. Elon Musk: I'm afraid of the Terminator. June 18, 2014. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.cnet.com/news/elon-musk-im-afraid-of-the-terminator/> (дата обращения 24.10.2018)
- MacLeod K. (2015). *The ends of humanity*. «Aeon Magazine», Great Britain. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://aeon.co/essays/communism-failed-what-about-the-ideal-of-global-humanity> (дата обращения 24.10.2018)
- Mendzheritskaya E.O., Temnova E.V. *Metaphors We Read by // Язык и коммуникация – Вып. 9. – Орел, 2002 – С. 31-35.*
- The Newyorker 2016-2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.newyorker.com/> (дата обращения 24.10.2018)
- The New York Times 2016-2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения 24.10.2018)
- Reinventing Film Studies / Ed.by C.Gledhill and L.Williams*. L.: Oxford Univ.Press, 2000.
- Reuters 2016-2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ru.reuters.com/> (дата обращения 24.10.2018)
- Robot automation will 'take 800 million jobs by 2030' – report. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-42170100> (дата обращения 24.10.2018)
- Seager, Ch. Will jobs exist in 2050? Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/careers/2016/oct/13/will-jobs-exist-in-2050> (дата обращения 24.10.2018)
- The Times 2016 – 2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk/> (дата обращения 24.10.2018)
- Tsukayama, H. *Dreams of Ray Bradbury: predictions that came true // Washington Post*. June 6, 2012. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/business/technology/dreams-of-ray-bradbury-ten-predictions-that-came-true/2012/06/06/gJQAqbs9IV_story.html?utm_term=.f907e0cde9d7 (дата обращения 24.10.2018)
- Urban Dictionary. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения 24.10.2018)
- The Wall Street Journal 2016-2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.wsj.com/europe> (Дата обращения 24.10.2018г.)
- 17 ways technology will change our lives by 2050. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.businessinsider.com/ian-pearson-predictions-about-the-world-in-2050-2016-7/> (дата обращения 24.10.2018)
- What will technology look like in 2050? – 2017. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://medium.economist.com/what-will-technology-look-like-in-2050-75b4fee196f2> (дата обращения 24.10.2018)

Видео материалы:

- Ray Kurzweil: Our Brain Is a Blueprint for the Master Algorithm. Jun 30, 2017. Электронный ресурс. Режим доступа <https://singularityhub.com/2017/06/30/ray-kurzweil-our-brain-is-a-blueprint-for-the-master-algorithm/#sm.0000cjnzeu9wpeftl01tlieuhswd> (дата обращения 24.10.2018)
- Ray Kurzweil. Cloud. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=KUkoGCRmCd4&app=desktop> (дата обращения 24.10.2018)

References:

- Arutyunova N.D. (1987). Anomalies and language (On the problem of the linguistic picture of the world). [*Voprosy yazykoznaniiya*], 3, 3–19.
- Barbrook R., & Cameron E. (1999). California Ideology. Retrieved from: <http://programming-lang.com/en/computers/ladlou/0/j51.html> (accessed 24.10. 2018)
- Barlow J.P. (2008). Declaration of Cyberspace Independence. Retrieved from: <http://www.telecomlaw.ru/articles/declaration.html> (accessed 17.04.2019)

- Baudrillard J. La simulaciyn en el arte. Retrieved from: <http://www.analitica.com> (accessed 24.10.2018)
- Baudrillard J. (1988). *Simulacra and Simulations*. Stanford: Stanford University Press, 184.
- BBC 2016-2018. Retrieved from: www.bbc.com/ (accessed 24.10.2018)
- Big psychological dictionary online. Retrieved from: http://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/index?id=2790 (accessed 28.10.2018)
8. Bloomberg 2016-2018. Retrieved from:
- Boldyrev N.N. (2004). Conceptual space of cognitive linguistics. [*Voprosy kognitivnoy lingvistiki*], 1, 18–36.
- Chan L. Elon Musk Wants To Link Brain And Computers: How This Can Give Humans Superpowers. 2017. Retrieved from: <https://www.techtimes.com/articles/210238/20170618/elon-musk-wants-to-link-brain-and-computers-how-this-can-give-humans-superpowers.htm> (accessed 28.10.2018)
- CNBC 2016-2018. Retrieved from: <https://www.cnn.com/> (accessed 24.10.2018)
- CNN 2016-2018. Retrieved from: <https://www.cnn.com/> (accessed 24.10.2018)
- The Daily Telegraph 2016-2018. Retrieved from: <https://www.telegraph.co.uk/> (accessed 24.10.2018)
- Dijk T.A. van. (1981). *Studies in the Pragmatics of Discourse*. The Hague, 71. doi: 10.1515/9783110826142
- Dijk T.A. van. (2007). Editor's Introduction: The Study of Discourse: An Introduction. *Discourse Studies*. 5 vols. Sage Benchmarks in Discourse Studies. London: Sage, 19–42.
- Dawkins R. *The Selfish Gene*. Chapter 11. Memes: the new replicators. First published 1976; 1989 edition: Oxford University Press. Retrieved from: <http://www.rubinghscience.org/memetics/dawkinsmemes.html> (accessed 24.10.2018)
- Dobrosklonskaya T.G. (2008). *Medialinguistics; A systematic approach to learning the language of the media; modern English media*. Tutorial. Moscow, Flint, Nauka, 264.
- Dutta, S., & Mia, I. (2011). *The Global Information Technology Report 2010–2011. Transformations 2.0*. World Economic Forum. Retrieved from: <http://www.icliteracy.info/rf.pdf/Global-ITReport-2010-2011.pdf> (accessed 24.10.2018)
19. *The Economist* 2016–2018. Retrieved from: <https://www.economist.com/> (дата обращения 24.10.2018) (accessed 24.10.2018)
- Elon Musk and the frontier of Technology – interview. 2018. Retrieved from: <https://www.pbs.org/thinktank/transcript1292.htm> (accessed 24.10.2018)
- Elon Musk interview transcript – How to Build the Future. 2018. Retrieved from: <https://ru.scribd.com/document/324130713/Elon-Musk-interview-transcript-How-to-Build-the-Future> (accessed 24.10.2018)
- Emelin V.A. (2013). Cyborgization and disability of a technologically enhanced human. *National Psychological Journal*. 1 (9), 62–70.
- Euronews 2016–2018. Retrieved from: <https://ru.euronews.com/> (accessed 24.10.2018)
- The Financial Times 2016-2018. Retrieved from: <https://www.ft.com/> (дата обращения 24.10.2018) (accessed 24.10.2018). doi: 10.1016/j.ptdy.2018.09.006
- Fodor, Jerry A., & W. Pylyshyn, Zenon (1988). «Connectionism and cognitive architecture: A critical analysis.» *Cognition* 28.1–2, 3–71. doi: 10.1016/0010-0277(88)90031-5
- Foucault M. (1972). *The Archaeology of Knowledge*. London & N.Y.: Routledge Classics, 239.
- Freud, S. (1915d): *Die Verdrängung*. GW X, 248–261.
- Freud S. (1992). Dissatisfaction with culture. *Psychoanalysis. Religion. Culture*, Moscow.
- Futurism. [Enciklopediya Krugosvet]. Retrieved from: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino/FUTURIZM.html (accessed 24.10.2018)
- Gavrilova I.S. (2003). *Axiological meaning of «happiness» in linguoculture*. Ph.D in Philosophy Thesis. Volgograd, 132.
- The Guardian, 2016–2018. Retrieved from: <https://www.theguardian.com> (accessed 24.10.2018)
- Gett, E. DeepMind's new research plan to make sure AI is safe. Октябрь 2018 Retrieved from: <https://singularityhub.com/2018/10/15/deepminds-new-research-plan-to-make-sure-ai-is-safe/#sm.0000cjnzeu9wpeftq101tieuhsd> (accessed 24.10.2018)
- Gledhill C. & Williams L. (Eds.) (2000). *Reinventing Film Studies*. Oxford Univ.Press.
- Habermas J. (1986). *Hannah Arendt's Communications Concept of Power // Power / ed. by Steven Lukes*. Oxford: Blackwell.
- Huffington Post 2016-2018. Retrieved from: <https://www.huffingtonpost.com/> (accessed 24.10.2018)
- Humboldt V. von. (1985). *Language and philosophy of culture*. Moscow.
- Hymes D. (1962). *The Ethnography of Speaking. Anthropology and Human Behavior*. Washington D.C.: Anthropological Society of Washington. doi: 10.1037/e596342011-002
- The Independent 2016-2018. Retrieved from: <https://www.independent.co.uk/> (accessed 24.10.2018)
- Is the mind modular? Tag: Architecture of the human mind. Retrieved from: <https://inside-the-brain.com/tag/architecture-of-the-human-mind/> (accessed 24.10.2018)
- Katz I. J., & Fodor J.A. (1963). *The structure of a semantic theory*. Language. Baltimore. doi: 10.2307/411200
- Koroleva M.N. (2012). *Happiness as a sociocultural phenomenon*. Ph.D in Sociology Thesis. Moscow, 164.
- Krasnykh, V.V. (2003). «Own» among «alien»: myth or reality? Moscow, Gnosis, 375.
- Kurzweil R. (2006). *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. Penguin.
- Lanir D. (2011). *You are not a Manifesto gadget*. Moscow.
- Leonhard K. (1968) *Akzentuierte Persönlichkeiten*. Berlin: Volk und Gesundheit.
- Leont'ev A.N. (1983). *The Image of the World. [Izbranny psikhologicheskie proizvedeniya]*. Moscow, 251–261.
- Lyubimova, N.A., & Buzalskaya, E.V. (2011). «The Worldview»: content, terminological status and general hierarchy of components. [*Mir russkogo*

yazyka], 4, 3–20.

MacLeod K. (2015). The ends of humanity. «Aeon Magazine», Great Britain. Retrieved from: <https://aeon.co/essays/communism-failed-what-about-the-ideal-of-global-humanity> (дата обращения 24.10.2018)

Manifesto du Futurisme, Le Figaro 1909/02/20 (Numéro 51). Gallica, Bibliothèque nationale de France.

Maslova V.A. (2008). Cognitive linguistics: Textbook. Minsk: TetraSystems, 272.

Matyszczuk, Chris (2014). Elon Musk: I'm afraid of the Terminator. June 18, 2014. Retrieved from: <https://www.cnet.com/news/elon-musk-im-afraid-of-the-terminator/> (accessed 24.10.2018)

McLuhan, M. (2003). Understanding Media: External Human Extensions. Moscow.

Mendzheritskaya E.O. (2017). Discourse sphere of print media. A survival game, monograph. Moscow, MAX Press, 310.

Mendzheritskaya E.O., & Temnova E.V. (2002). Metaphors We Read by. [*Yazyk i kommunikatsiya*], 9, Oryol, 31–35.

Meshcheryakova B.G., & Zinchenko V.P. (Eds.) (2003). Big psychological dictionary. Moscow, 672.

Mironova N.N. (1997). Political discourse vs. evaluative discourse. [*Politicheskiy diskurs v Rossii*], Moscow, 41–50.

The Newyorker 2016-2018. Retrieved from: <https://www.newyorker.com/> (accessed 24.10.2018)

The New York Times 2016-2018. Retrieved from: <https://www.nytimes.com/> (accessed 24.10.2018)

Reuters 2016–2018. Retrieved from: <https://ru.reuters.com/> (accessed 24.10.2018)

Robot automation will 'take 800 million jobs by 2030' – report. Retrieved from: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-42170100> (accessed 24.10.2018)

Quantum information – wave information. Retrieved from: <http://monada-edinenie.ru/110-kvantovaya-informaciya-volnovaya-informaciya> (accessed 24.10.2018).

Quantum information technology. Novosibirsk State University. Retrieved from: https://education.nsu.ru/quantum_informatics/ (accessed Oct 24, 2018)

Seager, Ch. (2016). Will jobs exist in 2050? Retrieved from: <https://www.theguardian.com/careers/2016/oct/13/will-jobs-exist-in-2050> (accessed 24.10.2018)

Stepanov, Yu.S. (2007). Concepts. Thin film of civilization. Moscow, Languages of Slavic cultures, 601.

Temnova E.V. (2004a). The functional and pragmatic role of metaphor in journalistic discourse: Ph.D. in Linguistics Moscow.

Temnova E.V. (2004b). Modern approaches to the study of discourse. [*Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya*]. Moscow, MAKS Press, Vol. 26, 168.

Temnova E.V. (2018). The Guardian and Futurism: Media Discourse as a Means of shaping the Futuristic Worldview. *Cognitive studies of language. Vol XXXIV. Globalized world. Papers of the 8th International Congress on Cognitive Linguistics*, October 10–12, 2018. Moscow, Tambov, 2–18, 322–324.

The meaning of the film «The Circle» (2018). Retrieved from: <https://mnogo-smysla.ru/smysl-filma/sfera/> (accessed 24.10.2018)

Toynbee A.J. (1991). «Comprehension of history.» Moscow, Progress, 36.

Transhumanism: a bright future or a grim dystopia? 2018. Retrieved from: <https://robo-sapiens.ru/stati/transgumanizm-svetloe-budushhee-ili-mrachnaya-antiutopiya/> (accessed 24.10.2018).

The Times 2016 – 2018. Retrieved from: <https://www.thetimes.co.uk/> (accessed 24.10.2018).

Tsukayama, H. (2012). Dreams of Ray Bradbury: predictions that came true // Washington Post. June 6, 2012. Retrieved from: https://www.washingtonpost.com/business/technology/dreams-of-ray-bradbury-ten-predictions-that-came-true/2012/06/06/gJQAqbs9IV_story.html?utm_term=.f907e0cde9d7 (accessed 24.10.2018)

Urban Dictionary. Retrieved from: <http://www.urbandictionary.com/> (accessed 24.10.2018).

Vinogradov, V.V. (1980). On the language of artistic prose. [*Izbrannye trudy*]. Moscow.

Wierzbicka A. (1996). Language. Culture. Cognition Moscow.

The Wall Street Journal 2016-2018. Retrieved from: <https://www.wsj.com/europe> (accessed 24.10.2018r.)

17 ways technology will change our lives by 2050. 2016. Retrieved from: <http://www.businessinsider.com/ian-pearson-predictions-about-the-world-in-2050-2016-7/> (accessed 24.10.2018)

What will technology look like in 2050? 2017. Retrieved from: <https://medium.economist.com/what-will-technology-look-like-in-2050-75b4fee196f2> (accessed 24.10.2018)

Videos:

Ray Kurzweil (2017). Our Brain Is a Blueprint for the Master Algorithm. Jun 30, 2017. Retrieved from: <https://singularityhub.com/2017/06/30/ray-kurzweil-our-brain-is-a-blueprint-for-the-master-algorithm/#sm.0000cjnzeu9wpefqtl01tlieuhswd> (accessed 24.10.2018)

Ray Kurzweil (2017). Connecting our brains to the cloud.

Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=KUkoGCRmCd4&app=desktop> (accessed 24.10.2018)

Геймификация телевизионного промодискурса: проблема манипуляции массовым сознанием аудитории

Л.Е. Малыгина

МГУ имени М.В. Ломоносова Москва, Россия

Поступила 18 октября 2018 / Принята к публикации: 5 марта 2019

Gamification of promotional discourse practices on TV: the problem of influencing mass consciousness of the audience

Lidia E. Malygina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received October 18, 2018 / Accepted for publication: March 5, 2019

Актуальность (контекст) тематики статьи. В статье поднимается актуальная проблема манипуляции массовым сознанием аудитории. Традиционно эта проблема рассматривалась как попытка представить рекламирование телевизионного продукта под видом информирования, но в век цифровых технологий наблюдается стремление представить продвижение (рекламирование) телевизионного контента как игру. Однако «неигровые» цели институций, которые стоят за видеоиграми и играми в альтернативной реальности, могут быть скрытыми от игроков и иметь корыстный характер.

Цель. Исследование посвящено выявлению и описанию преимуществ и недостатков использования геймификации в телевизионном промодискурсе. Автор рассматривает примеры использования игр в альтернативной реальности, а также многопользовательских онлайн-игр в реальном времени в целях привлечения внимания зрителей к фильмам и телевизионным сериалам, анализирует причины успехов и неудач подобных проектов в смежных областях, а также в науке и бизнесе.

Описание хода исследования. Исследование носит междисциплинарный характер, поскольку, анализируя использование приемов геймификации в телевизионном промодискурсе, автор затрагивает актуальные проблемы медиапсихологии, психологии восприятия, философии видеоигр, этики, коммуникативной стилистики и медиастилистики.

В зависимости от решаемых задач в работе использован комплекс филологических методов: методы коммуникативно-дискурсивного анализа, синхронно-описательного и синхронно-сопоставительного. Описание условий и форм убеждающей коммуникации в применении к телевизионному промодискурсу включает элементы логико-смыслового (аргументативного), интенционального, этического и психологического анализа. Данный подход помогает дать адекватное описание «механизма» воздействия приемов геймификации в телевизионном промодискурсе.

Результаты исследования. Автор приходит к выводу о том, что способность игровых механик мотивировать массового адресата телевизионного промодискурса к просмотру телевизионных программ, огромна, однако представителям массовой аудитории телевизионных каналов необходимо относиться к проектам геймификации критически. Осознавать, в каких целях они могут быть использованы, и принимать личное участие в проектах, неигровые цели которых являются действительно общегражданскими и не предполагают наличия в игре оппозиции эксплуатируемого и эксплуататора. При условии соблюдения этических норм, использование геймификации в телевизионном промодискурсе способно стать не только эффективным инструментом продвижения телевизионного контента, но и способом изменения социального порядка к лучшему.

Выводы. Теоретические выводы, сделанные в ходе исследования проблемы манипуляции массовым сознанием за счет использования геймификации в телевизионном промодискурсе могут найти широкое применение в курсах преподавания таких дисциплин, как медиалингвистика, культура речи, язык телевидения, философия видеоигр, гуманитарные исследования видеоигр и других.

Ключевые слова: геймификация, телевизионный промодискурс, проблема манипуляции, онлайн-игры, игры в альтернативной реальности

Background. The paper focuses on manipulating the mass consciousness of the audience. Traditionally, this issue has been considered as an attempt to present the advertising of a TV product as information, but within the digital age, there is a desire to present promotion of TV content as a game. However, the “non-gaming” goals of the institutions that stand behind video games and games in alternate reality may be hidden from the players and serve commercial goals.

Objective. The study focuses on identifying and describing the advantages and disadvantages of using gamification in the TV promo-discourse. The author examines examples of using games in alternative reality and also multiplayer online games in real time in order to attract the attention of films and TV series viewers, analyzes the causes of success and failure of similar projects in related fields, and also in science and business.

Design. The study is valuable for interdisciplinary approach. Analyzing the use of gamification techniques in the TV promo-discourse the author raises topical issues of media psychology, perception psychology, philosophy of video games, ethics, communicative stylistics and media stylistics.

The paper highlights philological methods designed according to the tasks of the research: communicative discursive analysis, synchronic descriptive and synchronic comparative methods. The description of the provisions and forms of persuasive communication as applied to TV promotions includes elements of logical meaning-specific analysis (i.e. argumentative analysis), and also intentional, ethical and psychological analysis. This approach helps to give an adequate description of gamification effects in TV promodiscourse.

Results. The author comes to the conclusion that the ability of game mechanics to motivate mass recipients of the TV promo discourse to watch television programs is enormous, but the viewers of the TV channels need to be critical of gamification projects: they have to understand the purposes they are framed to, and take part in projects whose non-gamer goals are merely civil without implying exploitation of the gamer. Framed to the ethical norms gamification in the TV promotion can be both an effective tool for promoting TV content, and also a way to change the social order for the better.

Conclusion. Theoretical conclusions of the study of the mass consciousness manipulation through using gamification in TV promotions can be widely used in teaching medialinguistics, speech culture, TV, philosophy of video games, humanitarian research of video game, etc. The results of this study seem to be useful to media professionals.

Keywords: gamification, TV promo discourse, mass consciousness of the audience, manipulation, alternate reality games, ARG games, video games.

Введение

Геймификация в современном телевизионном промодискурсе может рассматриваться как модный тренд. В то же время, технология геймификации способна носить явно манипулятивный характер. Если традиционно манипуляция сознанием массовой аудитории в телевизионном промодискурсе рассматривалась как

Технология геймификации способна носить явно манипулятивный характер. Если традиционно манипуляция сознанием массовой аудитории в телевизионном промодискурсе рассматривалась как попытка представить рекламирование телевизионного продукта под видом информирования, то в век цифровых технологий наблюдается стремление представить продвижение (рекламирование) телевизионного контента в качестве игры

попытка представить рекламирование телевизионного продукта под видом информирования, то в век цифровых технологий наблюдается стремление представить продвижение (рекламирование) телевизионного контента в качестве игры.

Геймификация понимается как использование игр в неигровых целях или как использование игровых элементов и игровых механик в неигровом контексте. Об этом пишет профессор права и бизнес-этики Пенсильванского университета

Игры в альтернативной реальности находятся на стыке виртуального и реального мира. В основе сюжета игры – повседневная жизнь, но границы между реальным и виртуальным для геймеров порой стираются, что приводит к тому, что они теряют способность отличать фэйковые новости от настоящих и воспринимают события окружающей действительности как игру

Кевин Вербах (Werbach, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e79Iw6Q8pTY>). В последние два десятилетия феномен геймификации массмедиа, образования и бизнеса неоднозначно оценивается отечественными и зарубежными исследователями (Бирюкова, Попова, 2015; Виграйзер, 2016; Волкова, 2015; Малыгина, 2011;

Осиповская, 2016; Салин, 2015; Aarseth 2001 a, Aarseth, URL: <http://gamestudies.org/0101/editorial.html>; Demjankov, 2013; Ostrikova et al., 2018; Zheltukhina et al., 2017), поскольку «неигровые» цели институций, которые стоят за игрой, могут быть скрытыми и часто корыстными.

Первые ARG появились в 1996 году, но самой массовой игрой стала The Beast, созданная для продвижения фильма Стивена

Спилберга «Искусственный разум» (2001). Действие игры разворачивалось в реальности, созданной воображением создателей телевизионного сериала. В процессе игры геймерам раскрывались многие тайны его героев. Внешние приметы игры в альтернативной реальности: интерактивность, общение с игроком с помощью нестандартных средств коммуникации. Но главное в этих играх – иллюзия отсутствия границы между игрой и реальностью.

После успешного использования ARG для продвижения фильмов и телевизионных сериалов коммерческие игры в альтернативной реальности оказались на пике популярности. Вслед за игрой «The Beast» появилось множество ее клонов.

Как негативный, так и позитивный опыт использования игр в альтернатив-

ной реальности в коммерческих целях был учтен не только специалистами в области продвижения кинофильмов, телесериалов и компьютерных игр, но и маркетологами автоконцернов. Телевизионный промодискурс, который часто наследует эффективные приемы продвижения, опробованные киноиндустрией, в очередной раз подтвердил свое значительное влияние на другие индустрии и свой статус своеобразной «тестовой площадки» для маркетологов.

Основные принципы организации игр в альтернативной реальности

Игры в альтернативной реальности находятся на стыке виртуального и реального мира. В основе сюжета игры – повседневная жизнь, но границы между реальным и виртуальным для геймеров порой стираются, что приводит к тому, что они теряют способность отличать фэйковые новости от настоящих и воспринимают события окружающей действительности как игру.

В чем же заключаются характерные особенности самых увлекательных и масштабных игр в альтернативной реальности? Базовый принцип всех игр в жанре альтернативной реальности (ARG), который является ключом к пониманию того, что на самом деле представляют собой подобные развлечения, формулируется следующим образом: «Это не игра!». Модераторов и создателей подобных игр называют на сленге кукловодами. Для них чрезвычайно важно, чтобы геймеры относились к действию игры серьезно, чем к обычному компьютерному шутеру (игра-«стрелялка»). Части головоломок, ключи и точки входа в игру разбросаны в окружающей нас реальности. Подсказки, дополняющие сюжет, и новые детали сюжета можно обнаружить в самых необычных местах: на флешках, которые разбрасывают музыканты на концертах, на заброшенных складах, на интернет-сайтах с объявлениями, по телефону «горячей» линии, в телевизионной рекламе, на пресс-конференции или на постерах фильмов.

Для ARG характерно полное отсутствие саморекламы. Принцип гейм-ди-

Лидия Евгеньевна Малыгина –

кандидат филологических наук,
доцент кафедры стилистики русского языка
факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: admlikbez@gmail.com
<https://istina.msu.ru/profile/MalyginaLE/>

Для цитирования: Малыгина Л.Е. Геймификация телевизионного промодискурса: проблема манипуляции массовым сознанием аудитории // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1(33). – С. 122–132. doi: 10.11621/npj.2019.0111

For citation: Malygina L.E. (2019). Gamification of promotional discourse practices on TV: the problem of influencing mass consciousness of the audience. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], 12(1), 122–132. doi: 10.11621/npj.2019.0111

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

зайна игр в альтернативной реальности – «шепот громче крика». Модераторы подталкивают геймера к игре, провоцируя его к действию подсказками. При этом они никогда не навязывают участие в игре, неназойливо показывают подсказки. Это приводит к тому, что ARG невозможно коммерциализировать на уровне оплаты за игру. Очарование ARG заключается в выском равновесии между реальностью и виртуальностью. Оплатив участие в игре, геймер ясно осознает, что все происходящее – игра, придуманная специально для него, и очарование подобного действия пропадает.

Вступая в игру геймеры часто не осознают, что неигровые цели модераторов игр в альтернативной реальности могут быть неблагоприятными. Избыточное применение ARG в целях рекламы и продвижения товаров, услуг, в том числе кинофильмов и телевизионных сериалов, а также иные скрытые от геймеров мотивы организаторов игр поставили под сомнение основную манифестируемую цель данного развлечения – использование коллективного разума для решения головоломок, которые находятся за пределами возможностей одного человека.

Игры в альтернативной реальности всегда рассчитаны на большое количество участников, поскольку многие головоломки можно решить только сообща. В отличие от многопользовательских онлайн-игр, например, «World of Warcraft» («Вселенная Warcraft»), для игр ARG интернет-сеть не является основной средой, а выступает только как связующий элемент для коммуникации или формат, в который вписаны головоломки.

Видеоигры, в том числе многопользовательские онлайн-игры и всевозможные мобильные приложения (например, использование технологии Second Screen в шоу «Голос» – «Первый канал», шоу «Главная сцена» – «Россия 1»), также активно используются в целях продвижения телевизионного продукта. Представители молодого поколения (0–17 лет) в России с раннего детства знакомы с телевизионными мультипликационными фильмами «Смешарики», «Маша и Медведь», «Фиксики», «Барбоскины», «Мимимишки», которые ежедневно смотрят в эфире телеканалов «Карусель» и «Мульти», просматривают на планшете с доступом в интернет, а так-

же изучают алфавит с помощью видеоигр с одноименными названиями и персонажами. То есть, знакомство с видеоиграми начинается с раннего детского возраста.

В ряде случаев возникает вопрос, что является целью, а что средством: видеоигра продвигает мультфильм или мультипликационный фильм транслируется на телевидении как реклама видеоигры, или они выступают как части единого целого?

В отличие от более старшего поколения (45–65 лет), которое привыкло пользоваться научными достижениями прошлого века и с трудом осваивает гаджеты, постоянно «догоняя» технологические новинки, молодая аудитория (0–17 лет) свободно ориентируется в технологиях, взаимодействует с телевизионным брендом во всех возможных средах (в интернете, в социальных сетях, в программах дистанционного обучения, в мобильных приложениях, в компьютерных играх и, даже, в реальном мире, например, играя с игрушечными героями анимационных телесериалов), и потребляет телевизионный контент на любых устройствах (телевизор, компьютер, планшет, смартфон), активно использует электронную коммерцию, технологию виртуальной реальности, онлайн-игры. Потребности людей данного

активно применяющиеся дизайнерами видеоигр, могут быть также учтены и использованы разработчиками телевизионных промокампаний.

Причины и особенности увлечения подростков онлайн-играми

В статье представлены итоги исследования, проведенного в ноябре 2016 – январе 2017 года. Основные задачи исследования: описание характерных черт современных подростков, особенностей их поведения, отношений, отдельных потребительских предпочтений в области электронных средств массовой информации и компьютерных игр.

В ходе исследования рассматривались дети в возрасте 9–10 лет – предпододростки, младшие подростки 11–13 лет и старшие подростки 14–17 лет. Проведены фокус-группы с представителями целевой аудитории в возрасте 9–17 лет в Москве, проанализирована серия из 300 телефонных интервью с подростками 14–17 лет в городах-миллионниках, данные онлайн-ресурсов, интервью с практикующими подростковыми психологами. Города-

Вступая в игру геймеры часто не осознают, что неигровые цели модераторов игр в альтернативной реальности могут быть неблагоприятными. Избыточное применение ARG в целях рекламы и продвижения товаров, услуг, в том числе кинофильмов и телевизионных сериалов, а также иные скрытые от геймеров мотивы организаторов игр поставили под сомнение основную манифестируемую цель данного развлечения – использование коллективного разума для решения головоломок, которые находятся за пределами возможностей одного человека

возраста, удовлетворяемые посредством игр, характеризуются возможностью переключить внимание, попробовать себя в различных социальных и поведенческих ролях, достичь результата.

Специфические отличительные черты геймеров (ощущение собственных сверхспособностей, приносящая удовольствие результативность в игре, оптимизм, умение создавать крепкую социальную структуру, интерес к решению сложных задач в виртуальном мире) должны быть приняты во внимание создателями эффективных промотекстов, рассчитанных на данную аудиторию. Механизмы воздействия на массовую аудиторию,

миллионники и Москва были выбраны как населенные пункты, позволяющие увидеть типичные и наиболее яркие особенности портрета, поведения подростков, а также выявить значимые для подростков тренды. В результате исследования был выявлен ряд особенностей, характеризующих отношение российских подростков к компьютерным и мобильным играм.

Свое увлечение компьютерными играми российские подростки объясняют возможностью «приятно провести время, когда себя нечем занять», «убить время». Другими словами, они считают игру способом переключить внимание с какого-либо основного занятия, например, с

Родители редко знают, с кем и во что играет их ребенок. Они не понимают сути игры, не вникают, могут прервать игру в не подходящий момент. Подростки как активные потребители готовы тратить деньги, лично заработанные или сэкономленные, на действительно стоящие, по их мнению, игры

процесса обучения. Другая функция компьютерных игр касается эмоциональной сферы детей данного возраста. В этих играх подростки реализуют потребность в достижении результатов, в них они стремятся чувствовать себя успешными. И, наконец, третье, – компьютерные игры позволяют ребятам попробовать себя в различных социальных, поведенческих ролях, побыть другим: хорошим, плохим, жестоким, непобедимым.

Пик увлечения компьютерными и мобильными играми приходится на подростковый возраст. В 10–12 лет играют 68 % детей и подростков. В 14–17 лет играют 55 % подростков.

Разделились мнения по поводу устройств, на которых удобнее играть в компьютерные игры. Часть респондентов считает, что – на смартфонах («Они компактные»), другая – на планшетах, компьютерах, ноутбуках («Удобнее, экран больше») и приставках, объясняя свой выбор лучшей эргономикой этих устройств («Там пульт удобнее, выкаешь к нему»). Отмечают и существенный минус приставок – ограниченное количество игр. Таким образом, вне дома подростки чаще используют для игр смартфоны, а в домашних условиях – планшеты и ноутбуки/компьютеры.

В будни подростки играют преимущественно вечером, ночью, приблизительно 1–2 часа. В выходные младшие подростки тратят до 3–4 часов в совокупности на мобильные игры. Каждый второй старший подросток-мальчик и каждая третья девочка тратят на это занятие 3 часа в день и более. Начиная с 10 лет, многие дети ложатся спать в 23–24 часа, старшие подростки могут ложиться и в 2 часа ночи, когда «много уроков на следующий день», когда хотят поиграть, пообщаться онлайн. Есть подростки, которые играют по ночам, если нет четкого ясного запрета, который установлен с самого раннего возраста. Родители стараются ограничивать время игры, но часто не знают, сколько фактически играет ребенок. Родители редко знают, с кем

и во что играет их ребенок. Они не понимают сути игры, не вникают, могут прервать игру в не подходящий момент. Подростки как активные потребители готовы тратить деньги, лично заработанные или сэкономленные, на действительно стоящие, по их мнению, игры.

Источниками информации об играх для подростков выступают в первую очередь одноклассники, друзья, второй по значимости источник – онлайн-приложения Play Market или App Store, на третьем месте – старшие братья, сестры и родители. Влияние на выбор оказывают гендерные различия, а также увлечения и интересы подростков. Мальчики чаще предпочитают более динамичный характер игр – action, многочисленные варианты «стрелялок», симуляторы (гонки, футбол и прочее), ролевые игры, различные стратегии и т.п. Если геймер увлекается спортом, то он отдает предпочтение играм-симуляторам (например, FIFA), любителей скорости выбирают гонки. Среди девочек 10–15 лет наиболее популярна игра «Minecraft», дающая своего рода «могущество» – возможность создания и управления собственным миром, решения тактических и стратегических задач, а также игры-пазлы, головоломки.

Младшие подростки могут играть без выхода в интернет, для старших это становится принципиально важным, поскольку они ценят возможность общения. В связи с этим, среди старших подростков также популярны онлайн-игры, например, «DOTA 2», LOL (League of Legends). Младшие девочки-подростки отмечают периодические трудности с поиском интересующих игр в браузере, говорят о том, что некоторые доступны лишь в Play market и App Store.

Приведем несколько примеров высказываний самих детей (младшие подростки) и их родителей, показывающих какие игры они предпочитают. «Все играют только в то, во что играют все одноклассники. На игры есть мода, и что модно, в то и играют. А если ты будешь в немодные игры играть, то над тобой будут сме-

яться все одноклассники» (папа девочки 12-ти лет). «На планшете у нее – Minecraft и Sims – на компьютере, а на смартфоне вечно у нее там бегают мальчик и катаются на скейте» (папа девочки 12-ти лет лет). «Counter-strike» – это стрелялка, стратегия, ей очень нравится, что это интернет-игра, и она там с кем-то еще может играть. Они в наушниках сидят, она говорит, говорит. Я спрашиваю: ты с кем говоришь? – С подружкой, сейчас проходим. Ой, мама, зачем ты пришла, меня убили» (мама девочки 12-ти лет). «В «Clash Royale», в «DEAD TRIGGER». (Миша, 12 лет). «А я только в «Minecraft» играю потому, что там действительно можно проявить творчество, а во всех стрелялках этого нельзя делать» (Марат, 11 лет). «Знаете, есть такая игра «Silly Ways to Die». Это как-то странно переводится, если эту игру переводить, то она называется «Много нелепых способов, чтобы умереть». Это такая странная игра, но я в нее играла... Там просто надо проходить уровни, чтобы спасать людей» (Маша, 12 лет).

Механизмы воздействия на игроков

Какие механизмы воздействия могут быть взяты на вооружение создателями эффективных промотекстов? Классическая эмоция игры – «грандиозная победа» (впечатляющий результат, который был за порогом воображения человека до тех пор, пока тот его не достиг). Почему же геймеры справляются со сложностями в играх лучше, чем в реальной жизни? В играх люди высоко мотивированы, они хотят трудиться на общее благо, в игре люди готовы прийти на помощь друг другу, решать задачи «не покладая рук», не отчаиваться после неудачи и пробовать снова, а в реальной жизни, столкнувшись с неудачей, они чувствуют себя побежденными, разбитыми, она испытывают страх, разочарование, впадают в депрессию. Геймеры никогда не испытывают этих чувств во время игры. Что есть в играх особенно, что позволяет геймеру испытывать положительные эмоции?

Вселенная Warcraft представляет собой идеальную среду для коллективного решения проблем. Ощущение грандиозной победы в виртуальном мире возможно,

поскольку, когда геймер появляется в онлайн-игре, тут же появляется масса персонажей, готовых доверить тебе миссию по спасению мира. Но эта миссия на 100% соответствует уровню подготовки игрока. Перед геймером никогда не ставится задача, которую он не в силах решить, но она находится буквально на грани его возможностей. Во «Вселенной Warcraft» всегда есть конкретные важные задачи, которые нужно немедленно выполнять. При этом у игрока есть масса соратников, готовых помочь ему осуществить его грандиозную миссию. Геймеры постоянно слышат вдохновляющие истории о том, почему они находятся в игре, и какова их миссия. Геймеры постоянно получают одобрительные отзывы (например, технология «+1 за силу», «+1 за интеллектуальные способности», переходы на новый уровень). В реальной жизни люди не получают положительных отзывов за каждый сделанный верно шаг. Проблема игры «Вселенная Warcraft» заключается в том, что геймеры получают мощное удовлетворение от того, что постоянно находятся на грани грандиозной победы. Им хочется все свободное время проводить в этом мире, потому что он лучше реальности. Суммарно все игроки «Вселенной Warcraft» потратили более 6 миллионов лет, решая виртуальные проблемы Азерота – мира, в котором происходят события большинства игр серии Warcraft.

Исследователи из частного Университета Карнеги-Меллон (США) обнародовали статистику: в настоящее время среднестатистический молодой человек с развитой игровой культурой к моменту достижения им 21 года проводит 10 000 часов, играя в онлайн-игры. В США 10 080 часов проводят школьники за школьной партой с 5 класса до выпускного экзамена, если не прогуливают занятия. Эти процессы синхронизированы. Молодые люди узнают о том, что значит быть хорошим геймером, параллельно с освоением школьной программы. В книге «Гении и аутсайдеры: почему одним все, а другим ничего?» Гладуэлл Малкольм представляет свою теорию успеха – теорию 10 000 часов, согласно которой, человек добросовестно изучавший какой-либо предмет, и потративший на это занятия 10 000 часов до достижения им 21 года, становится виртуозом в выбранном деле.

Человек начинает доверять людям, которые готовы проводить с ним время, играть по тем же самым правилам, ценить те же цели, оставаться в игре до конца. Поэтому совместная игра способствует возникновению доверия, укрепляет отношения, формирует крепкие социальные связи

В настоящий момент выросло целое поколение молодых людей, которые виртуозно играют в игры. Возникает вопрос: что именно геймеры умеют делать мастерски? Нахождение ответа на это вопрос позволяет иметь возможность использовать данный человеческий ресурс.

Более 500 миллионов людей в мире проводят минимум 1 час в день за онлайн-играми. В следующее десятилетие в мире появится еще 1 миллиард геймеров. Производители видеоигр занимаются разработкой консолей, которые потребляют мало энергии и работают на основе беспроводных телефонных сетей, вместо широкополосного доступа, чтобы геймеры по всему миру, особенно в Индии, Китае и Бразилии, играли в онлайн-игры. Ожидается, что в ближайшее десятилетие в мире появится еще около миллиарда геймеров и всего в мире будет 1,5 миллиарда геймеров.

Какие навыки геймеры приобретают в игре?

Неиссякаемый оптимизм (предельная самомотивация, желание немедленно действовать, чтобы преодолеть препятствие, а также вера в то, что надежды на успех обоснованы). Геймеры – виртуозы в области создания социальной структуры. Психологический феномен – люди становятся друг другу симпатичнее, если вместе сыграют в какую-либо игру, даже

Геймеры ощущают себя полными надежд личностями, обладающими сверхспособностями. Это люди, которые верят, что они в индивидуальном порядке способны изменить мир. Единственная проблема заключается в том, что геймеры готовы изменить виртуальный мир, а не реальный.

если один обыграл другого. Причина заключается в том, что для совместного достижения успеха необходим большой кредит доверия. Человек начинает доверять людям, которые готовы проводить с ним время, играть по тем же самым правилам, ценить те же цели, оставаться в игре до конца. Поэтому совместная игра способствует возникновению дове-

рия, укрепляет отношения, формирует крепкие социальные связи.

Кроме того, геймеры получают в игре результат, приносящий им удовольствие. Есть объяснение, почему средний геймер играет во «Вселенной Warcraft» 22 часа в неделю, как будто это работа на полставки. Людям доставляет большую радость шанс упорно трудиться, чем возможность слоняться без дела. Человеческие особи заточены под упорный и целенаправленный труд. Геймеры готовы работать не покладая рук, если им дают правильные задания.

Геймеров также привлекает в игре наличие грандиозного замысла. Участники онлайн-игры всегда имеют дело с целями и задачами планетарного масштаба. Например, «Википедия» (Wikipedia) – свободная энциклопедия, которую может редактировать любой желающий, – самое большое в мире хранилище гипертекста. Второе по величине хранилище текстов, в котором есть 80 тысяч статей – это страница, посвященная «Вселенной Warcraft». Ежемесячно ее пользуют 5 миллионов человек. Они собрали онлайн-информацию о «Вселенной Warcraft» больше, чем на любую другую тему, в любом другом хранилище. Они создают грандиозную историю – огромный ресурс информации о «Вселенной Warcraft».

Геймеры ощущают себя полными надежд личностями, обладающими сверхспособностями. Это люди, которые верят, что они в индивидуальном порядке способны

изменить мир. Единственная проблема заключается в том, что геймеры готовы изменить виртуальный мир, а не реальный.

Экономист Эдвард Кастронова выяснял причины, из-за которых люди инвестируют свое время, энергию и деньги в виртуальные миры: «Мы являемся свидетелями настоящего массового исхода в виртуальный мир и среду онлайн-игр.

Это логично, поскольку геймеры могут добиться большего в виртуальном мире, нежели в реальной жизни. В игре они могут установить более крепкие социальные отношения, получить более внятные отзывы и почувствовать себя более вознагражденными, чем в реальной жизни. Вот почему геймеры проводят в виртуальном мире больше времени, чем в реальном».

Дизайнер видеоигр Джейн МакГонигал считает, что необходимо превращать реальный мир в пространство, похожее на игровое. На лекциях она демонстрирует изображения первого игрового оборудования, придуманного человеком, – кости, сделанные из овечьих суставов 2,5 тысячи лет назад. Древнегреческий историк Геродот описывал историю о том, как появились игры. Геродот пишет, что игры в кости были изобретены в Лидии в голодные времена. Голод был настолько суровым, что правитель Лидии решил сделать неожиданный ход. Люди страдали, воевали, ситуация была критической, требовалось найти необычное решение. В этой экстремальной ситуации люди изобрели игры в кости и установили правила, действующие на всей территории Лидии. В один день все жители принимали пищу, в другой – играли в кости. Увлеченные игрой, люди игнорировали тот факт, что им нечего было есть. Один день они играли в игры, а на следующий принимали пищу. Таким образом жители Лидии провели 18 лет, пережив голод. Но голод продолжался, и правитель Лидии решил сыграть последнюю партию в кости. Он разделил территорию государства на две части, на каждой из них жители играли в кости и победители имели возможность отправиться в грандиозное путешествие. Им было позволено покинуть Лидию и отправиться на поиски нового местожительства, чтобы строить цивилизацию на других землях, полные надежд, что там их ждет процветание. Они оставили в Лидии такое количество людей, на которое хватало имеющихся ресурсов. Недавно анализ ДНК показал, что этруски (древняя цивилизация, населявшая в I тысячелетии до нашей эры северо-запад Апеннинского полуострова и создавшая развитую культуру, предшествовавшую римской и оказавшей на нее значительное влияние), имели ту же ДНК, что и древние лидийцы. То есть современ-

ные ученые предположили, что история, описанная Геродотом, правдива. А геологи обнаружили свидетельства глобального похолодания, которое продолжалось примерно 20 лет и могло служить причиной голода. Возможно, лидийцы спасли свою культуру, играя в игры и таким образом отторживаясь от реальности в течение 18 лет, а потом испытали прилив вдохновения для новых свершений. Кроме того, посредством игры они приобрели умение действовать сообща.

Можно ли в современном обществе сделать нечто подобное? Именно в этих целях оптимисты предлагают использовать игры. Современные люди играют в игры, чтобы избежать страданий в окружающем мире, то есть используют игры как средство ухода от реальных проблем. Люди получают то, чего им не хватает, посредством игры. С 1994 года наши современники играют в Warcraft (это была первая игра-стратегия в реальном времени из серии «Вселенная Warcraft»). Лидийцы играли в кости 18 лет, современные люди играют во «Вселенную Warcraft» уже более 23 лет. У лидийцев половина представителей их цивилизации отправилась на поиски нового мира. Готовы ли современные люди к собственной грандиозной игре?

Геймеры и реальный мир

Почему на онлайн-игры, по мнению оптимистов, нужно тратить 21 миллиард часов? Представители Института Будущего (США) приводят следующие доводы: «Пусть половина из нас тратит 1 час в день, играя в игры, пока мы не решим проблемы в реальном мире. Но каким образом мы сможем решить проблемы в реальном мире, играя в игры? Мы хотим представить себе грандиозную победу, а потом предоставить людям средства, чтобы добиться ее».

Джейн МакГонигал описывает три игры, задача которых добиваться грандиозных побед в реальном будущем. В онлайн-игре «Мир без нефти» (2007) геймеры пытаются пережить вымышленную нехватку нефти. Разработчики вложили в игру массу онлайн-контента, чтобы геймеры поверили, что нехватка нефти реальная, и в повседневной жизни вели себя так, словно недостаток нефти существует. Ко-

гда геймер начинает игру, он регистрируется и сообщает модераторам о том, где он живет. Модераторы предоставляют геймерам новостные ролики в реальном времени: котировки, чтобы игроки знали, сколько стоит нефть, каких товаров нет в наличии, как это влияет на продовольственные ресурсы, транспорт, закрываются ли школы, идут ли забастовки. Геймеры должны понять, как бы они вели себя в реальной жизни, если бы все это было правдой. Затем модераторы просят геймеров вести блоги, размещать в сети свои видео и фотографии. Игра была запущена в 2007 году, в ней приняли участие 1 700 игроков. Организаторы игры три года следили за их жизнью. Опыт данной игры изменил геймеров. Большинство игроков сохранили в реальной жизни привычки, которые они приобрели за время игры. Модераторы онлайн-игры пришли к выводу о том, что люди не хотят менять привычный образ жизни только потому, что от этого мир изменится в лучшую сторону. Но если увлечь людей грандиозной историей и сказать, что закончилась нефть, то они воспринимают это как удивительное приключение, в которое можно отправиться, чтобы посмотреть сможет ли каждый из игроков выжить и каким именно образом.

В другой игре разработчики решили обратиться к проблемам более серьезного уровня, чем пик нефтедобычи. В Институте Будущего (США) создали игру под названием «Надстройка». «Суперкомпьютер под названием "Система оповещения о глобальном уничтожении" вычислил, что людям осталось жить на планете всего 23 года». Модераторы просили геймеров зарегистрироваться онлайн. Затем объявили всех участников игры членами команды, перед которыми стояла задача придумать будущее энергии, будущее еды, будущее здравоохранения, будущее безопасности и социальной защиты. В течение 8 недель в игру играли 8 тысяч человек. Они предложили 500 невероятных творческих решений, продемонстрировав в действии африканскую поговорку: «Если не можешь решить проблему сам – обсуждай ее». Игра была создана совместно с Институтом Всемирного банка. По окончании игры геймерам был выдан сертификат общественного новатора выпуска 2010 года.

Институт будущего (США) работает с институтами по всей Африке к югу от Сахары, с помощью новой онлайн-игры сотрудники института приглашают студентов формировать инновационные навыки в социальной сфере. В основе этой игры лежит графическая новелла. В игре есть несколько уровней оценки таких навыков, как понимание локальной ситуации, обмен знаниями, жизнеспособность, дальновидность, изобретательность. Дизайнер данной компьютерной игры Джейн МакФонигл просила поделиться знанием об этой компьютерной игре с молодыми людьми в любой точке мира, особенно в развивающихся регионах, которые «могут только выиграть от объединения и сочинения собственных общественных инициатив для спасения мира».

Исследователи Института Будущего (США) считают, что геймеры – это человеческий ресурс, который может быть эффективно использован для решения задач в реальном мире. Любители игр ощущают собственные сверхспособности, результативность, которая приносит им удовольствие, умеют создавать крепкую социальную структуру, обладают неиссякаемым оптимизмом, испытывают интерес к грандиозным замыслам. Игры, по мнению исследователей, могут стать мощной платформой для социальных перемен.

Такова позиция дизайнеров видеоигр и ученых, рассматривающих игры и геймификацию в целом оптимистично, но существует и критический взгляд на геймификацию, с точки зрения социальных отношений, основанных на манипуляции.

Поскольку феномен геймификации становится чрезвычайно популярным явлением не только на телевидении, но и в бизнесе и науке, целесообразно рассмотреть примеры манипулирования общественным сознанием с помощью видеоигр в данных областях.

Использование потенциала игры в науке и бизнесе

Игра «Foldit» – наглядный пример использования геймификации даже в сфере науки. Центр науки об играх Вашингтонского университета и факультет биохимии того же университета совместно

Любители игр ощущают собственные сверхспособности, результативность, которая приносит им удовольствие, умеют создавать крепкую социальную структуру, обладают неиссякаемым оптимизмом, испытывают интерес к грандиозным замыслам. Игры, по мнению исследователей, могут стать мощной платформой для социальных перемен

ми усилиями смоделировали процесс сворачивания белка при его переходе в функциональное состояние, в котором он встречается в природе (процесс фолдинга белка). Разработчики предложили игрокам взять модель белка и начать сворачивать ее, создавая всевозможные пространственные конфигурации. Большое количество очков игроки получают, если в результате сворачивания молекулы белка они получают максимально сложные структуры. Ученых факультета биохимии Вашингтонского университета как раз и интересовали самые высокие результаты. Они проверяли полученные данные, изучали их и приходили к выводам о том, каким образом можно использовать полученные модели в научных исследованиях. В 2011 году с помощью игроков «Foldit» биохимии смогли разгадать структуру обезьяньего ретровируса, вызывающего СПИД у приматов. Примечательно, что игроки «Foldit» справились с квестом, который моделировал поиск искомой структуры, за десять дней. Сами же биофизики ломали голову над проблемой фолдинга этого белка пятнадцать лет. Оптимисты воспримут выдающийся результат, полученный методом геймификации, как способ качественно улучшить повседневную жизнь с помощью геймеров, а именно как возможность использовать коллективный разум для решения сложных задач, которые не под силу решить одному человеку.

С этой точки зрения, игроков «Foldit» можно представить как «гражданских ученых». К сожалению, это не так. Геймеры в данном случае выступили всего лишь как средство достижения учеными своей цели, они представляли собой особого рода рефлексивное оборудование, способное самостоятельно заявлять о собственной неисправности. История «Foldit» подтверждает этот тезис. Доказательством тому служит предшественница игры «Foldit» – компьютерная программа «Rosetta@home». Как и «Foldit», она скачивалась пользователями персональных компьютеров бесплатно. При

этом программа моделировала фолдинг белков самостоятельно и самостоятельно же отправляла результаты ученым. Пользователь персонального компьютера мог лишь наблюдать за красочной визуальной моделью фолдинга, однако при этом сам с ней не взаимодействовал. Технически «Rosetta@home» была не игрой, а компьютерной программой, которая распространялась на персональных компьютерах за пределами научных лабораторий, поскольку ученым из Вашингтонского университета просто не хватало лабораторных мощностей. Сделать из «Rosetta@home» игру биохимии Вашингтонского университета решили потому, что геймеры могли бы сообщать им о сбоях в работе программы, а также о недочетах и ошибках в составлении моделей фолдинга. Биохимикам просто понадобились чужие компьютеры. Геймеры же выступили в качестве удачного дополнения к программному обеспечению, разработанному сугубо для решения собственных задач ученых.

Рассмотрим известный случай использования мобильной видеоигры в сфере бизнеса. Игра «Ingress» была создана «Niantic Labs» – подразделением компании «Google». Это любопытный пример краудсорсинга. Легенда данной игры заключалась в том, что в мир вторгается некоторая «экзотическая материя». Она распространяется через порталы, роль которых играют реально существующие объекты. Игроки делятся на две команды. Одна стремится не позволить материи проникнуть на Землю. Вторая команда, напротив, выступает за коренные изменения за счет использования этой «экзотической материи». Геймеры присоединяются к одной из команд и сражаются за контроль над порталами. Манипуляция заключалась в том, что для того, чтобы портал появился на карте игры как портал, игрок должен сфотографировать его на свое мобильное устройство и отправить в команду «Google». Именно там принималось решение, является это место порталом или нет. Игроки

Цель использования игровых механик в неигровых контекстах – привлечь внимание потенциальных покупателей к товару, для продвижения которого используются примитивные казуальные игры. С другой стороны, видеоигры позволяют бизнесменам и управленцам выстраивать новые способы контроля, которые уже не могут быть основаны на классическом бюрократическом способе организации

испытывали радость от игры, а «Google» получил великолепную возможность не нанимать большой штат фотографов, делающих снимки для «Google Maps». Все фотографии совершенно безвозмездно подготовили участники мобильной видеоигры, испытывающие удовольствие просто от самого процесса игры.

В обеих играх возникает оппозиция эксплуатируемых и эксплуататора. В случае с игрой «Foldit» эксплуататором выступает факультет биохимии Вашингтонского университета, ученым которого было необходимо представить руководству свой отчет о проделанной работе. В случае с игрой «Ingress» очевидный выгодополучатель – компания «Google», которая должна была собственными силами снимать фото для «Google Maps». В приведенных примерах мы фактически имеем дело с эксплуатацией геймеров в интересах разработчиков компьютерных игр.

В качестве контраргумента в данной ситуации может выступать утверждение оптимистов о том, что геймеры вступали в игру добровольно. Они соглашались на то, что получают только удовольствие в обмен на свою деятельность. Но являются ли эмоции, испытываемые ими, эквивалентом денежного и символического капитала, который аккумулируют эксплуатирующие их институции? Именно так, с точки зрения социальной теории, ставят вопрос критики геймификации, на

пример, исследователь видеоигр Ян Богост. Он рассматривает геймификацию как прием маркетологов и управленцев. Цель использования игровых механик в неигровых контекстах – привлечь внимание потенциальных покупателей к товару, для продвижения которого используются примитивные казуальные игры. С другой стороны, видеоигры позволяют бизнесменам и управленцам выстраивать новые способы контроля, которые уже не могут быть основаны на классическом бюрократическом способе организации.

Заключение

Среди особенностей современной детской и молодежной телевизионной аудитории (возраст от 0 до 17 лет) можно назвать свободную ориентацию в технологиях, потребление телевизионного контента во всех средах (в том числе, в интернете, в программах дистанционного обучения, в мобильных приложениях, в компьютерных играх), на любых устройствах (телевизор, компьютер, ноутбук, планшет, смартфон), активное использование электронной коммерции, технологии виртуальной реальности, онлайн-игр, а также потребности людей данного возраста, удовлетворяемые посредством игры (возможность переключить внимание, попробовать себя

в различных социальных и поведенческих ролях, потребность в достижении результатов).

Выявляются отличительные черты геймеров (ощущение собственных сверхспособностей, приносящая удовольствие результативность в игре, оптимизм, умение создавать в игре крепкую социальную структуру, интерес к решению сложных задач в виртуальном мире), которые должны быть учтены создателями эффективных промотекстов, рассчитанных на данную аудиторию. Описаны механизмы воздействия на массовую аудиторию, активно применяющиеся дизайнерами видеоигр. Данные механизмы могут быть учтены и использованы разработчиками телевизионных промокампаний.

На наш взгляд, способность видеоигровых механик мотивировать массового адресата телевизионного промодискурса к просмотру телевизионных программ, огромна, и отказываться от нее маркетологам телевизионных каналов не следует. Однако представителям массовой аудитории телевизионных каналов необходимо относиться к проектам геймификации критически, то есть осознавать, в каких целях они могут быть использованы, и принимать личное участие в проектах, неигровые цели которых являются действительно общегражданскими и не предполагают наличия в игре оппозиции эксплуатируемого и эксплуататора. Возможно, при условии строгого соблюдения этических норм, использование геймификации в телевизионном промодискурсе могло бы стать не только эффективным инструментом продвижения телевизионного контента, но и способом изменения общественного порядка к лучшему.

Литература:

- Бирюкова Е.В., Попова Л.Г. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания // Филологические науки. – Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11–3(53). – С. 40–43.
- Виграйзер А. «Я хочу сыграть с тобой в игру». Как Спилберг и любители мистики стирают грань между интернетом и реальностью [Электронный ресурс] // Lenta.ru. Интернет и СМИ : [сайт]. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/06/27/argplay>
- Волкова И.И. Игра как системообразующий феномен экранных коммуникаций : дис. ... доктора филол. наук. – Москва, 2015.
- Мальгина Л.Е. Современный телевизионный анонс: информирование или манипулирование? // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2 (4). – С. 60–64.
- Осиповская Е.А. Игровое медиапространство мультимедийных англоязычных СМИ: новые тенденции в жанрообразовании : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2016.
- Салин А. Геймификация: как это работает? [Электронный ресурс] // Православное образование : [сайт]. URL: <https://pravobraz.ru/gejmifikaciya-kak-eto-rabotaet/>
- Aarseth E.J. (1997). *Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press.
- Aarseth E.J. (2001). *Allegories of Space. The Question of Spatiality in Computer Games. Cybertext Yearbook 2000 (ed. R.Koskimaa)*. Saarijärvi: Research

Centre for Contemporary Culture, 152–171.

Aarseth E.J. (2001). Computer Game Studies, Year One. *Game Studies*, 1(1). Retrieved from: <http://gamestudies.org/0101/editorial.html>. (accessed 10.12.2018).

Arjoranta J. (2011). Do We Need Real-Time Hermeneutics? Structures of Meaning in Games. *DiGRA '11—Proceedings of the 2011DiGRA International Conference: Think Design Play*, vol. 6. URL: <http://digra.org/wp-content/uploads/digital-library/11310.17396.pdf>. (accessed 10.12.2018).

Bogost I. (2011). How to Do Things with Videogames. Minneapolis: University of Minnesota Press. doi: 10.5749/minnesota/9780816676460.001.0001

Bolter D., & Gruzin R. A. (1999). Remediation: Understanding New Media. Cambridge, MA: The MIT Press.

Demjankov V. (2013) Implied reference to audience: on organizational rhetoric of mass media. *Mediensprache und Medienkommunikation im interdisziplinären und interkulturellen Vergleich: Mit einem einleitenden Beitrag von Ludwig M. Eichinger*. Mannheim, Institut für Deutsche Sprache, 73–84.

Dybovskii N. (2012) Enemy Behind My Back! The Importance of Time in the Gaming Experience. *GameStudies.ru*. Retrieved from: <http://gamestudies.ru/post/443>. (accessed 10.12.2018).

Frasca G. (2003). Simulation vs Narrative: Introduction to Ludology. *The Video Game Theory Reader*. London, New York, Routledge, 221–236. Retrieved from: http://ludology.org/articles/VGT_final.pdf.

Frasca G. (2014). Ludologists Love Stories, Too: Notes from a Debate that Never Took Place. *DiGRA '03—Proceedings of the 2003DiGRA International Conference: Level Up*, vol. 2. Retrieved from: <http://digra.org/digital-library/publications/ludologists-love-stories-toonotes-from-a-debate-that-never-tookplace/>. (accessed 10.12.2018).

Harvey A., & Samyn M. (2006). Realtime Art Manifesto. *Gaming Realities: the Challenge of Digital Culture* (ed. M. Santorineos). Athens: FOURNOS Centre for the Digital Culture. Retrieved from: <http://tale-of-fores.com/tales/RAM.html>. (accessed 10.12.2018).

Jones M. (2011). Ludology “Versus” Narratology. Procedural Creativity. Retrieved from: <http://proceduralcreativity.com/wp-content/uploads/2011/09/mcc232e1-ludology-versusnarratology-matthew-jones-31120536.pdf>. (accessed 10.12.2018).

Juul J. (2000). What Computer Games Can and Can't Do. *Paper presented at the Digital Arts and Culture Conference. JesperJuul.net*. Bergen. Retrieved from: <http://jesperjuul.net/text/wcgacd.html>. (accessed 10.12.2018).

Juul J. (2003). The Game, the Player, the World: Looking for a Heart of Gameness. *Level Up: Digital Games Research Conference Proceedings* (eds M. Copier, J. Raessens). Utrecht: Utrecht University, 30–45. Retrieved from: <http://jesperjuul.net/text/gameplayerworld/>. (accessed 10.12.2018).

Juul J. (2008). What Pac-Man really looks like. *JesperJuul.net*. Retrieved from: <http://jesperjuul.net/ludologist/what-pac-man-really-looks-like>. (accessed 10.12.2018).

Manovich L. (2001). The Language of New Media. Cambridge, MA: The MIT Press.

Mateas M., & Stern A. (2005). Build It to Understand It: Ludology Meets Narratology in Game Design Space. *DiGRA '05 — Proceedings of the 2005 DiGRA International Conference: Changing Views: Worlds in Play*, vol. 3. Retrieved from: <http://digra.org/digital-library/publications/build-it-to-understand-it-ludology-meets-narratology-in-gamedesign-space/>. (accessed 10.12.2018).

Mayra F. (2008). An Introduction to Game Studies: Games in Culture. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore: Sage Publications.

McManus A., & Feinstein A. (2006). Narratology and Ludology: Competing Paradigms or Complementary Theories in Simulation. *Developments in Business Simulation and Experiential Learning*, vol. 33. Retrieved from: <https://journals.tdl.org/absel/index.php/absel/article/view/546/515>. (accessed 10.12.2018).

Montfort N., Bogost I. (2009). Racing the Beam: the Atari Video Computer System. Cambridge, MA: MIT Press. doi: 10.7551/mitpress/7588.001.0001

Murray J. (1997). Hamlet on the Holodeck: the Future of Narrative in Cyberspace. New York: Free Press.

Ostrikova G.N., Zheltukhina M.R., Zyubina I.A., & Sidorova I.G. (2018). Learning Via Visualization at the Present Stage of Teaching a Foreign Language. *Astra Salvensis*, VI(1), 601–607.

Pearce C. (2005). Theory Wars: an Argument Against Argument in the So-Called Ludology. Narratology Debate. *DiGRA '05—Proceedings of the 2005 DiGRA International Conference: Changing Views: Worlds in Play*, Vol. 3. Retrieved from: <http://digra.org/digital-library/publications/theorywars-an-argument-againstarguments-in-the-so-calledludologynarratology-debate/>. (accessed 10.12.2018).

Pinchbeck D. (2010). I Build to Study: A Manifesto for Development Led research in Games. Under the Mask. University of Bedfordshire. URL: <https://yumpu.com/en/document/view/9024697/i-build-to-study-a-manifesto-for-development-led-the-chinese-room>.

Salin A. (2015). Gamification: how does it work? *Thezis.ru Gumanitarnye diskussii*. Retrieved from: <http://thezis.ru/author/aleksej-salin> (accessed 10.12.2018).

Samyn M. (2010) Not a Manifesto. NotGames.org. URL: <http://notgames.org/blog/2010/03/19/not-a-manifesto/>.

Trammell A., & Sinnreich A. (2014). Visualizing Game Studies: Materiality and Sociality from Chessboard to Circuit Board. *Journal of Games Criticism*, 1(1). Retrieved from: <http://gamescriticism.org/articles/trammellsinnreich-1-1>. (accessed 10.12.2018).

Werbach K. (2014). Gemification defined. Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=e79Iw6Q8pTY>. (accessed 10.12.2018).

Zheltukhina M.R., Klushina N.I., Ponomarenko E.B., Vasilkova N.N. & Dzyubenko A.I. (2017). *Modern Media Influence: Mass Culture – Mass Consciousness – Mass Communication*. *X Linguae Journal*, 10(4), 96–105. doi: 10.18355/XL.2017.10.04.09

References:

Aarseth E.J. (1997). *Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press.

Aarseth E.J. (2001). Allegories of Space. The Question of Spatiality in Computer Games. *Cybertext Yearbook 2000* (ed. R. Koskimaa). Saarijärvi: Research Centre for Contemporary Culture, 152–171.

Aarseth E.J. (2001). Computer Game Studies, Year One. *Game Studies*, 1(1). Retrieved from: <http://gamestudies.org/0101/editorial.html>. (accessed 10.12.2018).

- Arjoranta J. (2011). Do We Need Real-Time Hermeneutics? Structures of Meaning in Games. *DiGRA '11—Proceedings of the 2011DiGRA International Conference: Think Design Play*, vol. 6. URL: <http://digra.org/wp-content/uploads/digital-library/11310.17396.pdf>. (accessed 10.12.2018).
- Biryukova E.V., & Popova L.G. (2015). On the development trends of modern comparative historical, typological, comparative linguistics. [*Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*]. 11–3 (53), 40–43.
- Bogost I. (2011). *How to Do Things with Videogames*. Minneapolis: University of Minnesota Press. doi: 10.5749/minnesota/9780816676460.001.0001
- Bolter D., & Gruzin R. A. (1999). *Remediation: Understanding New Media*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Demjankov V. (2013) Implied reference to audience: on organizational rhetoric of mass media. *Mediensprache und Medienkommunikation im interdisziplinären und interkulturellen Vergleich: Mit einem einleitenden Beitrag von Ludwig M. Eichinger*. Mannheim, Institut für Deutsche Sprache, 73–84.
- Dybovskii N. (2012) Enemy Behind My Back! The Importance of Time in the Gaming Experience. *GameStudies.ru*. Retrieved from: <http://gamestudies.ru/post/443>. (accessed 10.12.2018).
- Frasca G. (2003). Simulation vs Narrative: Introduction to Ludology. *The Video Game Theory Reader*. London, New York, Routledge, 221–236. Retrieved from: http://ludology.org/articles/VGT_final.pdf.
- Frasca G. (2014). Ludologists Love Stories, Too: Notes from a Debate that Never Took Place. *DiGRA '03—Proceedings of the 2003DiGRA International Conference: Level Up*, vol. 2. Retrieved from: <http://digra.org/digital-library/publications/ludologists-love-stories-toonotes-from-a-debate-that-never-tookplace/>. (accessed 10.12.2018).
- Harvey A., & Samyn M. (2006). Realtime Art Manifesto. *Gaming Realities: the Challenge of Digital Culture* (ed. M. Santorineos). Athens: FOURNOS Centre for the Digital Culture. Retrieved from: <http://tale-of-fores.com/tales/RAM.html>. (accessed 10.12.2018).
- Jones M. (2011). Ludology “Versus” Narratology. Procedural Creativity. Retrieved from: <http://proceduralcreativity.com/wp-content/uploads/2011/09/mcc232e1-ludology-versusnarratology-matthew-jones-31120536.pdf>. (accessed 10.12.2018).
- Juul J. (2000). What Computer Games Can and Can't Do. *Paper presented at the Digital Arts and Culture Conference. JesperJuul.net*. Bergen. Retrieved from: <http://jesperjuul.net/text/wcgacd.html>. (accessed 10.12.2018).
- Juul J. (2003). The Game, the Player, the World: Looking for a Heart of Gameness. *Level Up: Digital Games Research Conference Proceedings* (eds M. Copier, J. Raessens). Utrecht: Utrecht University, 30–45. Retrieved from: <http://jesperjuul.net/text/gameplayerworld/>. (accessed 10.12.2018).
- Juul J. (2008). What Pac-Man really looks like. *JesperJuul.net*. Retrieved from: <http://jesperjuul.net/ludologist/what-pac-man-really-looks-like>. (accessed 10.12.2018).
- Malygina L.E. (2011). Modern TV announcement: information or manipulation? *National Psychological Journal*, 2, 60–64.
- Manovich L. (2001). *The Language of New Media*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Mateas M., & Stern A. (2005). Build It to Understand It: Ludology Meets Narratology in Game Design Space. *DiGRA '05 — Proceedings of the 2005 DiGRA International Conference: Changing Views: Worlds in Play*, vol. 3. Retrieved from: <http://digra.org/digital-library/publications/build-it-to-understand-itludology-meets-narratology-in-gamedesign-space/>. (accessed 10.12.2018).
- Mayra F. (2008). *An Introduction to Game Studies: Games in Culture*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore: Sage Publications.
- McManus A., & Feinstein A. (2006). Narratology and Ludology: Competing Paradigms or Complementary Theories in Simulation. *Developments in Business Simulation and Experiential Learning*, vol. 33. Retrieved from: <https://journals.tdl.org/absel/index.php/absel/article/view/546/515>. (accessed 10.12.2018).
- Montfort N., Bogost I. (2009). *Racing the Beam: the Atari Video Computer System*. Cambridge, MA: MIT Press. doi: 10.7551/mitpress/7588.001.0001
- Murray J. (1997). *Hamlet on the Holodeck: the Future of Narrative in Cyberspace*. New York: Free Press.
- Osipovskaya E.A. (2016). Game media space of English-language multimedia: new trends in genre education. Ph.D in Philology. M.
- Ostrikova G.N., Zheltukhina M.R., Zyubina I.A., & Sidorova I.G. (2018). Learning Via Visualization at the Present Stage of Teaching a Foreign Language. *Astra Salvensis*, VI, 1, 601–607.
- Pearce C. (2005). Theory Wars: an Argument Against Argument in the So-Called Ludology. *Narratology Debate. DiGRA '05—Proceedings of the 2005 DiGRA International Conference: Changing Views: Worlds in Play*, Vol. 3. Retrieved from: <http://digra.org/digital-library/publications/theorywars-an-argument-againstarguments-in-the-so-calledludologynarratology-debate/>. (accessed 10.12.2018).
- Pinchbeck D. (2010). I Build to Study: A Manifesto for Development Led research in Games. Under the Mask. University of Bedfordshire. URL: <https://yumpu.com/en/document/view/9024697/i-build-to-study-a-manifesto-for-development-led-the-chinese-room>.
- Salin A. (2015). Gamification: how does it work? *Thezis.ru Gumanitarnye diskussii*. Retrieved from: <http://thezis.ru/author/aleksej-salin> (accessed 10.12.2018).
- Samyn M. (2010) Not a Manifesto. *NotGames.org*. URL: <http://notgames.org/blog/2010/03/19/not-a-manifesto/>.
- Trammell A., & Sinnreich A. (2014). Visualizing Game Studies: Materiality and Sociality from Chessboard to Circuit Board. *Journal of Games Criticism*, 1(1). Retrieved from: <http://gamescriticism.org/articles/trammellsinnreich-1-1>. (accessed 10.12.2018).
- Vigrajzer A. (2016). “I want to play a game with you.” Like Spielberg and the mystic lovers blur the line between the Internet and reality. Retrieved from: <https://lenta.ru/articles/2016/06/27/argplay>. (accessed 10.12.2018).
- Volkova I.I. (2015). Game as a systemic screen phenomenon is communicative. Doctor of Philology Thesis. M.
- Werbach K. (2014). Gemification defined. Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=e79Iw6Q8pTY>. (accessed 10.12.2018).
- Zaitsev O. (2014). “If People Like to Attach Labels, Let's Talk About It”: Interview with Independent Developers. *IGN Russia*. Retrieved from: <http://ru.ign.com/vse/65871/feature/indi-iarlyk-marketingovyitriuk-ili-stil-zhizni>. (accessed 10.12.2018).
- Zheltukhina M.R., Klushina N.I., Ponomarenko E.B., Vasilkova N.N. & Dzyubenko A.I. (2017). *Modern Media Influence: Mass Culture – Mass Consciousness – Mass Communication*. *X Linguae Journal*, 10(4), 96–105. doi: 10.18355/XL.2017.10.04.09

Информация для авторов

«Национальный психологический журнал» – всероссийское научное информационно-аналитическое издание, на страницах которого отражаются достижения различных направлений современной психологической науки и практики.

Журнал публикует оригинальные научные и практико-ориентированные статьи по актуальным проблемам различных областей психологии, отличающиеся научной новизной и выраженной авторской позицией.

Подача рукописи

Рукописи представляются в редакцию «Национального психологического журнала» в pdf-формате в электронном виде. Они должны содержать оригинальный материал, не публиковавшийся ранее и не рассматриваемый для публикации в других изданиях. Для подтверждения этого ставится пометка «Оригинальная статья». Автор сообщает адрес электронной почты, по которому будет проводиться переписка, а также номер телефона и полный почтовый адрес.

Оформление рукописи

В начале статьи должны содержаться инициалы и фамилия автора (на русском и английском языках, ученое звание и степень, должность, полное название научного учреждения, в котором проведены исследования или разработки (на русском и английском языках), заголовок статьи (на русском и английском языках), аннотация на русском и английском языках (не менее 1700 знаков на русском языке и 250 слов на английском языке), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках, индекс УДК. Далее идет основной текст статьи и библиографический список.

Объем статей – не менее 25 тыс. знаков (с пробелами). Большие материалы могут быть опубликованы в нескольких номерах журнала.

Оформление текста статьи

Публикация материалов в журнале осуществляется на русском языке. Названия зарубежных учреждений приводятся в тексте без кавычек латинскими буквами. После упоминания в тексте фамилий зарубежных ученых, руководителей учреждений и т. д. на русском языке в полукруглых скобках приводится написание имени и фамилии латинскими буквами.

Все сокращения должны быть при первом употреблении полностью расшиф-

рованы, за исключением общепринятых сокращений математических величин и терминов.

Информация о грантах и благодарностях приводится в конце статьи перед списком литературы.

Не допускается использование:

- пробелов и табуляции для форматирования абзацного отступа («красной строки») и выравнивания иного, чем по левому краю или середине,
- расстановки переносов,
- концевых сносок.
- курсива, полужирного шрифта и подчеркиваний при оформлении текста статьи,
- выделение заголовков прописными буквами.

В тексте не должно быть двойных пробелов и двойных абзацев (пустых строк).

Ссылки и список литературы

Библиографический список должен включать не меньше 30 ссылок для статей и 50 ссылок для обзоров. 50% ссылок необходимо давать на иностранные источники.

Источники приводятся в алфавитном порядке. Сначала приводятся источники на русском языке, затем на других языках. Нумерация списка сквозная.

Должное внимание следует уделить правильному описанию и полноте библиографической информации. (Образцы библиографических описаний см. в Приложении «Оформление приставейных списков литературы (или ссылок)» по адресу: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>). Ссылки на электронные публикации в сети Интернет допускаются только на официальные ресурсы, имеющие регистрацию в Роскомнадзоре, с указанием всех данных. В тексте ссылки на литературные источники приводятся в виде указания фамилии автора и года издания, заключенных в скобки (например, (Выготский, 1982)). При цитировании добавляется номер страницы (Выготский, 1982, С. 47). Использование сносок в качестве ссылок на литературу не допускается.

Ссылки на иностранные источники оформляются по требованиям Американской психологической ассоциации (APA).

Таблицы, графики, рисунки

Таблицы, рисунки, схемы в тексте должны быть пронумерованы и озаглавлены.

Недопустимо дублирование текстом графиков, таблиц и рисунков. Графики, диаграммы могут быть построены в программе MS Excel. При наличии диаграмм, построенных с помощью MS Excel, обязательно предоставляется файл с исходными данными. Содержащиеся в таблицах и графиках данные должны быть тщательно проверены. За правильность приведенных данных ответственность несет автор.

Рисунки и схемы могут быть построены в графических редакторах и должны допускать редактирование. Рисунки должны быть представлены в форматах .jpeg (показатель качества не ниже 8) или .tiff (с разрешением не менее 300 dpi без сжатия).

Графики, таблицы и рисунки, а также фотографии, которые не отвечают качеству печати, будут возвращены авторам для замены.

Информация об авторах

Информация об авторах представляется в отдельном файле.

Пожалуйста, укажите фамилию, имя и отчество полностью, научные степени и ученые звания, должность, место работы, количество публикаций. Указывается адрес электронной почты, персонального web-сайта, а так же телефон и почтовый адрес (которые не будут печататься в журнале) и портретную фотографию. При наличии нескольких авторов обязательно указывайте ответственного автора (Corresponding author).

Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются.

Рукописи рецензируются для определения обоснованности предлагаемой тематики, ее новизны, а также научно-практической значимости содержания.

Все рецензенты остаются анонимными. После принятия положительного решения относительно публикации рукописи авторы информируются о нем. При возвращении статьи автору для доработки рецензия прилагается.

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, направленное на придание им лаконичности, ясности в изложении материала и соответствии текста стилю журнала. С точки зрения научного содержания авторский замысел полностью сохраняется.

Information For Authors

“National Psychological Journal” is All-Russian scientific and analytical issue which highlights achievements in different areas of modern psychological science and practice.

The Journal publishes original scientific and practice-oriented articles on topical issues of the various areas of psychology, which is distinguished by scientific novelty and distinctive author's viewpoint.

Submitting Manuscripts

Electronic version of manuscripts is submitted to the Editor of the “National Psychological Journal”. Manuscripts must contain original material, previously unpublished and not under consideration for publication elsewhere. The Author Information includes contact email address, phone number and full postal address.

Manuscript Submission Form

The beginning of the article should contain the author's Russian and English initials and surname, academic title and degree, job title, full name of the institution, where the study or experiment was carried out, Russian and English article title, Russian and English summary (up to 1700 Russian characters within 100-250 English word limit), 5-7 keywords in Russian and in English, UDC identifier, the body of the article and reference literature.

The paper is up to than 25 thousand characters (including spaces).

Large materials can be published in several issues of the Journal.

Article Layout

Publication is in the Russian language. The names of foreign institutions are given in Latin letters without inverted comas. Names of foreign scholars, names of heads of institutions, etc. in the Russian language are followed by transliterated Latin names in parentheses.

Acronyms and abbreviations should be fully deciphered when used for the first time, with the exception of common

abbreviations and terms of mathematical units.

Information about grants and acknowledgments are provided in a footnote at the foot of the first page.

Do not use:

- Spaces and tabs to format indents (new paragraph) and paragraph
- alignment other than left or middle margins;
- Hyphenation;
- Endnotes.

The text should not contain double spaces and double paragraphs (blank lines).

Links and References

The bibliographical list should include not less than 20 links but should not include more than 40 links.

Bibliography should include at least three sources. Sources are listed in alphabetical order. Russian sources are followed by the sources in other languages. List sequential numbering is used.

Due attention should be paid to the correct specification and completeness of reference information. (For samples of reference descriptions see Appendix “Making Article Reference Lists (or Links)” at: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>)

The citation of electronic publications on the Internet showing all data are allowed only to the official sources and registered with Roskomnadzor (Federal Supervision Agency for Information Technologies and Communications). In the article text references to literature sources are given in round brackets as surnames followed by the year of publication after the comma, e.g., (Vygotsky, 1982). Footnotes as reference sources are not allowed.

Tables, Graphs, Drawings Tables

Tables, Graphs, Drawings Tables, figures and diagrams in the text should be numbered and titled.

Duplication of text graphs, tables and figures is not allowed.

Charts and diagrams can be built in MS Excel. MS Excel diagrams shall be provided with the original data file. Tables and graphs data should be carefully checked. The author is responsible for the information provided in tables and graphs.

Drawings and diagrams can be built with the use of graphic editors, and should not allow editing. Figures should be submitted in the following formats: .Jpeg (quality score of at least 8), or .Tiff (resolution of 300 dpi with no compression).

Charts, tables and figures, and photos that do not meet the print quality will be returned to author and shall be submitted with better quality.

Information About Authors

Information about authors should be submitted in a separate file. Please enter your full last name, first name and patronymic name/middle name, degree and academic title, position, place of work, number of publications. Specify your contact email address, personal website, phone, and postal address (which will not appear in the printed version of the Journal).

Articles that do not meet these requirements are not published by the decision of the Editorial Board.

Manuscripts are reviewed to reveal the novelty, scientific and practical relevance of content. All reviewers remain anonymous. Author is contacted to be informed about a positive decision regarding the publication of the manuscript. If article is returned to the author for further improvement the revision review is attached.

The editors reserve the right to edit articles to give them brevity and clarity of the presentation form, and to correspond the text style of the Journal. The author's scientific content is preserved.

Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям)

Guidelines for Abstract Writing

Использованы материалы статьи О.В. Кирилловой (к.т.н., зав. отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) БД SCOPUS) «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии»

Аннотации (рефераты, авторские резюме) на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на неё ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация на английском языке на русскоязычную статью по объему может быть больше аннотации на русском языке, так как за русскоязычной аннотацией идет полный текст на этом же языке.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем до 250 слов).

В аннотациях, которые пишут наши авторы, допускаются самые элементарные ошибки. Чаще всего аннотации представляют прямой перевод русскоязычного варианта, избылируют общими ничего не значащими словами, увеличивающими объем, но не способствующими рас-

крытию содержания и сути статьи. А еще чаще объем аннотации составляет всего несколько строк (3-5). При переводе аннотаций не используется англоязычная специальная терминология, что затрудняет понимание текста зарубежными специалистами. В зарубежной БД такое представление содержания статьи совершенно неприемлемо.

Авторское резюме (аннотации) выполняют следующие функции:

- дают возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа;
- предоставляют информацию о документе и устраняют необходимость чтения
- полного текста документа в случае, если документ представляет для читателя
- второстепенный интерес;
- используются в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Авторское резюме ближе по своему содержанию, структуре, целям и задачам к реферату.

Это – краткое точное изложение содержания документа, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы. Текст авторского резюме (в дальнейшем – реферата) должен быть лаконичен и четок, свободен от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок.

Реферат включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;

- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность изложения содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Предмет, тема, цель работы указываются в том случае, если они не ясны из заглавия статьи.

Метод или методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы. В рефератах документов, описывающих экспериментальные работы, указывают источники данных и характер их обработки.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в реферате не приводятся.

В тексте реферата следует применять значимые слова из текста статьи.